

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Философский факультет

**INITIA:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(26–27 апреля 2019 г)**

**Материалы XXI Международной
конференции молодых ученых**

Томск
2019

УДК 30
ББК 60Я43
А43

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель – **И.В. Ивонин**, проректор по научной работе ТГУ
Ответственный секретарь конференции – **Ю.Н.Кириленко**, доцент, к.филол.н., ТГУ

Е.В. Сухушина, декан, доцент, ТГУ
В.А. Суровцев, профессор, д.филол.н., ТГУ
В.А. Суровцев, профессор, д.филол.н., ТГУ
В.Н. Сыров, профессор, д.филол.н., ТГУ

А.Ю. Рыкун, профессор, д.социол. н. ТГУ
В.В. Кашпур, доцент, к.соц.н. ТГУ
Г.В. Можяева, доцент, к.ист.н., ТГУ
В.И. Масловский, доцент, к.ф.-м. н. ТГУ

А43 Актуальные проблемы социальных наук (26–27 апреля 2019 г.) Материалы XXI Международной конференции молодых ученых / Под редакцией Ю.Н. Кириленко. – Томск, 2019. – М.: Издательство «Перо», 2019. – Мб. [Электронное издание]. – Систем. требования: процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; 512 Мб ОЗУ; Windows XP/7/8; видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit). – Загл. с экрана.

Представлены материалы XXI Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», прошедшей 26–27 апреля 2019 г. в Томском государственном университете.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 30
ББК 60я43

ISBN 978-5-00150-876-2

© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Булавкин Д.А.</i> Онтология дигитального объекта и феномен отчуждения....	7
<i>Головина Ю.А.</i> Смертная казнь и гуманизм в праве.....	10
<i>Гурский Н.М.</i> Эстетический режим властного	13
<i>Кокин Д.И.</i> Политический конструктивизм Джона Ролза и его роль в современной политической философии.....	18
<i>Кузнецова И.С.</i> К вопросу классификации современной детской игрушки в России.....	21
<i>Ламмерт Е.Ю.</i> «Поздний капитализм»: к вопросу о генезисе понятия.....	24
<i>Лосева К.Е.</i> Мода как социальный феномен.....	27
<i>Май Б.В.</i> Выбор направления подготовки в вузе как самоопределение дальнейшей стратегии своего существования.....	29
<i>Машковская А.В.</i> Деиндивидуализированный субъект как продукт капиталистического общества	32
<i>Носикова Я.В.</i> Теория комедии Аристотеля: проблема источников.....	35
<i>Огаркова Т.Д.</i> XXI век: жанр фэнтези и эскапизм.....	37
<i>Петрова Я.Е.</i> Сознание в феноменологии Э. Гуссерля.....	40
<i>Плюснин Л.В.</i> Коммуникативная рациональность, ориентированная на будущее: почему это необходимо и как это возможно?	42
<i>Русанов В.Ю.</i> Левый авангард: сочетание искусства и политики.....	45
<i>Синюкова Н.А.</i> Трансформации современной медицинской практики в диалектике редукционистского и холистического понимания человека.....	48

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Алексеев А.О.</i> Сциентофобия.....	51
<i>Алябьева Т.Б.</i> Философское осмысление влияния масштабных технологий на цифровое неравенство.....	53
<i>Бойко И.С.</i> Роль ритуального действия для формирования сознания человека	56
<i>Букина Е.Е.</i> Значение концепции естественного права в вопросе сохранения самоидентичности человека.....	59
<i>Воронов Н.В.</i> Процесс изменения взглядов человечества на искусственный интеллект в XX веке	62
<i>Зырянова Е.А.</i> Роль неосознаваемых процессов в научном познании	65
<i>Федорова И.М.</i> Смех как антропологическая характеристика современной субъективности.....	68
<i>Логиновская Ю.В.</i> Онтологический аспект сознания в современных философских концепциях	71
<i>Май Б.В.</i> Образы природы от античности до современности	74
<i>Минова И.А.</i> Возможен ли прогресс нравственности?	78
<i>Самойленко А.И.</i> Принцип дополнительности в решении современных экологических проблем	81
<i>Стрелева А.Е.</i> Теория социальной структуры М.Вебера	83
<i>Суханова Е.Н.</i> Компьютерная лингвистика и постнеклассическая наука...	87
<i>Тепсуркиева К.М.</i> Повседневное знание и наука в современных условиях	89

<i>Фаненишитель Т. В.</i> Концепт субъекта в свете лингвистического поворота	92
<i>Хритоненко Н.В.</i> Критика субъективного в редуктивном материализме	96
<i>Чибир Е.В.</i> Концепт «событие» в философии Ж. Делеза и А. Бадью.....	99
<i>Шихман М.В.</i> Этический вопрос в инновационных исследованиях робототехники	102

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

<i>Андрушкевич А.Г.</i> Онтологический аспект выражения «Преступление, которое совершил Билл».....	105
<i>Гавриков А.Р.</i> Кросс-мировое сравнение в расширенной логике сослагательного наклонения.....	108
<i>Климова А.С.</i> Философские предпосылки введения понятия «компетенция».....	113
<i>Мацевская А.Н.</i> Проблема соотношения общества и субъекта власти (Хосе Ортега-и-Гассет и Кристофер Лэш).....	116
<i>Мурзин М.А.</i> «Философский миф» Платона.....	118
<i>Романова Е.Д.</i> Связь абсурда и самоубийства в работе А. Камю «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде».....	121
<i>Самойленко А.И.</i> Геометрия – истинна или выгодна?.....	124
<i>Смердова К.С.</i> Киноязык Ларса фон Триера о положении женщины в современном обществе.....	127
<i>Сонич И.В.</i> Осмысление феномена бессознательного в средневековой и новоевропейской философии.....	129
<i>Тарасенко Э.В.</i> «Экран – это мозг»: память в философии кинематографа...	131
<i>Хромченко А.С.</i> Формализованные интерпретации существования.....	134
<i>Чечихина А.Н.</i> Смех Диониса и смех Заратустры.....	136
<i>Шишкин В.В.</i> Критика концепта свободы воли у Платинги.....	138

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

<i>Веткина А.В., Чернышова Е.Н.</i> Нравственные проблемы интернет-коммуникации.....	141
<i>Воронцова А.А.</i> Ремифилогизация в романе Нила Геймана «Американские боги».....	143
<i>Галиева Э.Р.</i> Система социального кредита в Китае: шаг к прогрессу или установление цифровой диктатуры?	145
<i>Лунгу К.Д.</i> Мода как предмет философского анализа	148
<i>Нильзен Е.С.</i> Трансформации сюрреализма в современной художественной культуре.....	150
<i>Соколовская Р.О.</i> Этико-философские аспекты медицинских сериалов...	152
<i>Станкеев П.Э., Кириллов С.В.</i> Нарушают ли корпорации свободы человека в интернете?	155
<i>Фокина Ю.Ю.</i> Опыт осмысления культурфилософской традиции на примере творчества Сальвадора Дали.....	157
<i>Штейнбах М.Э.</i> Влияние компьютерных игр на человека и культуру.....	159
<i>Холкина А.В., Карлина Д.П.</i> Проблемы технологий и коммуникаций как объект философского исследования.....	162
<i>Николина Н.В.</i> Современные философские исследования предпосылочного знания.....	164

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Бандеро Я.Е.</i> Особенности проявления childfree в России	167
<i>Басина П.А.</i> Полевые исследования или о том, как конструируется знание в поле.....	170
<i>Воронцова К.Б.</i> Маятниковая миграция: изменение пространственно-временных границ	173
<i>Еркина А.Е.</i> Практики самоорганизации в цифровую эпоху.....	177
<i>Добросоцкая А.В., Ефименко П.И., Замалдинова В.Р., Михайлова А.А.</i> Представление феномена коррупции в различных СМИ	180
<i>Замалдинова В.Р.</i> Садовые и огородные земельные участки: типология, причины существования, условия и механизмы воспроизводства	183
<i>Каткова А.М.</i> Функции публикаций корпоративных СМИ.....	186
<i>Китайчик Е.А.</i> Способы восприятия пространства ТРЦ через концептуальные метафоры	189
<i>Красноперова А.Ю.</i> Сетевая политическая мобилизация молодежи.....	192
<i>Кузнецова Е.А.</i> Коммуникативные особенности людей с нарушениями зрения	195
<i>Михайлова А.А.</i> Особенности профессиональной деятельности спортсменов	198
<i>Назарова Х. А.</i> Неформальные практики работников малого бизнеса.....	201
<i>Петухова Д.В.</i> Интернет-мемы как когнитивная модель реальности.....	204
<i>Пискунова А. Е.</i> Как трэвел-передачи конструируют пространство Сибири: опыт критического дискурс-анализа.....	207
<i>Погорилая К.А.</i> Мотивы выбора профессии студентов	210
<i>Портнягина А.А.</i> Портрет участника студенческих организаций ТГУ.....	213
<i>Почуев А.А.</i> Тело и секс в информационную эру.....	216
<i>Разин А.А.</i> Эскапизм и поведенческие аддикции в современном мире	218
<i>Таюкина Д.В.</i> Семья и карьера в жизни современной женщины	221
<i>Третьяков И.А.</i> «Кич» как элемент поведения современного человека....	223
<i>Чжан Цзясюань, Ву Тхи Хонг Нунг, Нгуен Тхи Минь Нгок, Нгуен Тхи Тхань Ван.</i> Применение технологий в воспитании эмпатии у детей.....	226

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

<i>Гилева З.В.</i> Основные проблемы инклюзивного образования в России....	228
<i>Жанабаева Н.Р.</i> Образ отца в представлениях подростков России и Казахстана (по материалам исследования в г. Томске и г. Есике).....	232
<i>Котова Д.В.</i> Реабилитация женщин, перенесших рак молочной железы...	235
<i>Манакowa К.Р.</i> Правовая компетентность родителей старших школьников г. Томска.....	237
<i>Синева Ю. Д.</i> Отношение школьников к людям с инвалидностью как основа формирования инклюзивной культуры в школе.....	240
<i>Фан Мэнлинь.</i> Социализация китайских студентов в Москве	244
<i>Шавшина Е.А.</i> Тайна усыновления как социально-психологическая и правовая проблема.....	247

ENGLISH-SPEAKING SESSION.

«SCHOLARLY WRITING AND PRESENTATION»

<i>Gavrikov A.R.</i> Varying domain first-order modal logic	249
<i>Giganova A.A.</i> Viral challenges as a new phenomenon of fundraising campaign	252
<i>Kiseleva A.A.</i> Explaining the nature of procrastination.....	254
<i>Gomez Ruiz M.C.</i> Femicide in Colombia: the case that changed the law.....	257
<i>Nguyen M.T.</i> The social welfare system in Vietnam: today and tomorrow.....	260
<i>Gurevich D.I.</i> Problems of parliamentarism and pension reform 2018 in Russia.....	263
<i>Klimova A.S.</i> Mythological dimension in cinema.....	265
<i>Nosikova Ya.V.</i> Aristotle on theory of comedy: the problem of sources.....	267
<i>Onischenko E.D.</i> Adaptation in the context of anthropology of education: different approaches.....	269
<i>Sonich I.V.</i> Understanding of the phenomenon of the unconscious in the philosophy of Plato.....	272
<i>Sonich I.V.</i> Frege's analysis of sentences of the form $a=b$	274

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАТИКИ

<i>Бирюкова Д. Н.</i> Интернет - индустрия развлечений XXI века	276
<i>Гасымов З.А., Немчанинов А.А., Лобода Е.Г., Лобода Ю.О.</i> Программно-аппаратный комплекс для детей с расстройством аутистического спектра.....	279
<i>Елесина Л.П.</i> Концепция игрового мобильного приложения для развития эмоционального интеллекта детей среднего дошкольного возраста	281
<i>Игнатов В.И.</i> Расширенные когнитивные процессы и метафизика разума.....	284
<i>Коваленко В.Д.</i> Специфика гиперказуальных игр и основные факторы, влияющие на их разработку.....	287
<i>Малькова Я.Ю.</i> Специфика восприятия информации на стыке парадигмального и допарадигмального знания	290
<i>Михайлушкин И.Ю.</i> Разработка UX/UI дизайна для веб-сервиса Mytoppet	293
<i>Седокова И.Ю.</i> UX-исследование: видеостриминговые сервисы и почему все не так просто.....	297
<i>Спирина И.А.</i> Зачем ученым и художникам сотрудничать?	300
<i>Тихомиров Н.В.</i> Трансформация личности в условиях информационного общества.....	303
<i>Федорович С.С.</i> Геймификация во внеурочной деятельности: веб-приложение по криптографии для 7-8 классов	306
<i>Шаронова А.А.</i> Привлечение внимания одаренных абитуриентов к образовательным услугам Томского государственного университета с помощью инструментов интернет-маркетинга в социальной сети «ВКонтакте»	308
<i>Шевчук А.А.</i> Автоматическое реферирование текста при помощи нейронных сетей на примере генерации новостных заголовков.....	311

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

ОНТОЛОГИЯ ДИГИТАЛЬНОГО ОБЪЕКТА И ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ

Д.А. Булавкин

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.С. Осаченко

Томский Государственный Университет

Сегодня перевод слова «digital» на русский язык имеет несколько вариантов: это непосредственно «цифра» и «цифровая среда», в этой статье нас будет интересовать второй вариант перевода. В свете исследований проблем digital humanities резко обнаруживается необходимость междисциплинарных подходов к этой сложной стороне человеческого бытия, а также необходимость вынесения дигитального объекта в особую онтологическую категорию.

Что представляет собой дигитальный объект? Каким образом взаимодействие с ним сказывается на человеке? Дигитальные объекты кажутся пользователям красочными и зримыми сущностями, – на уровне программирования они являются текстовыми файлами; далее в операционной системе они обращаются двоичным кодом; наконец, на уровне плат они не представляют ничего, кроме электрических сигналов. Интернет является интерфейсом между пользователями и дигитальными объектами, а также сферой, в которой эти объекты скрываются и раскрываются – как в физическом, так и в метафизическом смысле. То, что люди обычно распознают как объекты, – это явленное, но на самом деле в объектах в свернутом виде присутствует еще много того, что не явлено. Так исследование объектов постепенно превращается в изучение перераспределения свойств, которыми обмениваются люди и не-человеки [2. С.104].

Нужно понимать, что дигитальная среда – это не просто понятный функциональный инструментарий, но набор важнейших факторов, детерминирующий интимную жизнь, это новые условия существования, которые формируют новый тип человека. Когда человек становится не просто субъектом, но пользователем сети или компьютера, в сферу виртуальной жизни включаются новые феномены, кардинально меняющие самосознание и, таким образом, реальную жизнь. В первую очередь это онлайн-режим присутствия в сети, навязчивая тематическая контекстная реклама, основанная на массиве интернет-запросов, определенное ранжирование результатов в сервисах – поисковиках, моментальный обмен данными, трансляция ценностей посредством социальных сетей и т.д. Все это запускает процесс разрушения автономии желания: механизмы интернет-сферы заставляют задуматься над страхом эксплуатации каждого нашего слова и поискового запроса, – мы сами становимся в цифре, если наша машина желаний переносится и реализуется в цифровой форме. Возможности, которые предостав-

ляет нам цифровая среда – это настройка и регулирование своего персонального веб-бытия. Но всякий ли пользователь осознает важность этих процессов в условиях жизни, где цифровая среда стала главной культурной доминантой?

Центральной проблемой рассуждений Йука Хуэя в статье «What is a Digital Object» встает вопрос об умении или неумении рядового пользователя должным образом обращаться с цифровой средой. Под цифровыми объектами он понимает data-объекты; все мы создаем таковые каждый день: ваш профиль Вконтакте, статус Twitter, новая фотография в Instagram и т.д. По мнению Йука, пользователь потерял способность должным образом использовать цифровой объект, объект эксплуатируется лишь в интересах системы, но система ангажирована производственными процессами и дает пользователю лишь результаты, релевантные его потребительским вкусам. Сознание пользователя цифровой среды в некотором смысле подобно магической стадии человеческого сознания на заре его существования: субъект и объект, природа и техника неразличимы [4. С.385]. Сегодня происходит метаморфоза дисциплинарного общества Фуко в общество контроля, которое является обусловленным цифровизацией и информационными технологиями. В обществе контроля не существует определенного локализованного пространства заключения, а «механизмы контроля основаны на вариациях единой структуры, язык которой является сущностно цифровым» [1. С.204]. Понятие data совершило этимологический поворот от антропологического к техническому и цифровому, теперь это не данные органов чувств, а данные, подверженные обработке компьютером. Данность больше не может быть передана в качестве чувственных данных или способа отношения человека и природы. Значимость новой технологии обработки данных в том, что при работе с данными система может устанавливать отношения и формировать сеть, и мы часто не догадываемся о том, как происходят эти процессы.

Разобраться в том, какие последствия влечет за собой взаимодействие с объектами, о которых мы ничего не знаем на примере анализа отчуждения рабочего и технического объекта, нам поможет Жильбер Симондон – французский философ, создатель оригинальной философии техники и теории индивидуации. Его задача заключается в том, чтобы привлечь внимание к способу существования объектов. По его мнению, сначала мы должны понять, в каком модусе существует объект. «Техническая деятельность <...> включает в себя не только эксплуатацию машины, но также определенное внимание к её использованию, поддержание её в исправности, настройку и совершенствование, продолжающие собой изобретательство и конструирование» [3]. Утратив необходимость изобретательской деятельности, рабочий утрачивает свою индивидуальность и идентичность, приобретая чувство глубокой отстраненности от производственного процесса. Все эти процессы вызывают чувство отчуждения. Отчуждение происходит из-за разъединения процессов конструирования и использования.

Б. Стиглер замечает, что в настоящее время в роли «редуцированного винтика в системе» с легкостью можно представить пользователя цифровой среды. По аналогии с рабочим, пользователь становится жертвой искусственно навязанных желаний и стандартов, теряя свой стиль жизни, умение жить (*savoir-vivre*) [5. С.55]. Таким образом, невозможность современного человека отделить себя от среды, неспособность организовать свое виртуальное бытие подрывает метафизические основания существования. Симондон полагает, что причиной

отчуждения является то, что человек не знает, как техника работает. Обладать и знать, как устроено, – это разное. «Это отчуждение вызвано не машиной, а незнанием ее природы и сущности, ее отсутствием в мире значений, выпадением из ценностных и понятийных таблиц, составляющих культуру. Человек знает то, что входит в машину и что из нее выходит, но не то, что в ней происходит: даже в присутствии рабочего, когда он управляет машиной или обслуживает ее, совершается операция, в которой тот не участвует» [3]. То, что Стийглер и Симондон говорили об отношении техники и человека мы можем справедливо отнести и к сфере отношений человека и цифровой среды.

Если мы не достигнем осознания важности процессов, которые запускаются при взаимодействии с цифровыми объектами в подручной цифровой среде, мы упустим понимание человека как *Dasein*. Современная форма взаимодействия человека и цифрового объекта разрушает сферы значения, которые обеспечивают продуктивные процессы индивидуации человека как полноценного существа и приводят его к отчуждению. Выполняя повседневные действия по привычке, сознательно не размышляя о сути происходящего с нами (хрестоматийный пример «молотка» у Хайдеггера), мы допустим то, что наши повседневные занятия в сети будут погружены в цифровой хаос, допустим неаутентичное экзистирование (*Das Man*) позволяя определять собственное существование Другому, потеряем Я в совокупном Они.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж. Общество контроля // Опустошитель № 19. 2016. С. 202–209.
2. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? // Логос. 2017. Том 27 № 3. С. 104.
3. Симондон Ж. О способе существования технических объектов [Электронный ресурс] // URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10050-existence-of-technological-objects> (дата обращения: 24.12.2018).
4. Hui Y. What is a Digital Object? // *Metaphilosophy*. 2012. 43 (4). С. 380–395.
5. Stiegler B. Suffocated Desire, or How the Cultural Industry Destroys the Individual: Contribution to a Theory of Mass Consumption // *Parrhesia*. № 13:52–61. 2011. С. 52–61

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ГУМАНИЗМ В ПРАВЕ

Ю.А. Головина

Руководитель: д.ф.н. Оглезнев В.В.

Томский Государственный Университет

Долгое время за человеком признавалось естественное право лично отвечать на нанесенную ему обиду в рамках согласованного членами общества обычая (пусть в понимании нынешнем «варварского», но «обычая», а потому «согласованного» и «справедливого»). Далее, исходя, преимущественно, из рациональных соображений и часто в своих интересах, с использованием силы и с привлечением церкви, которая фактически длительное время эксплуатировала смертную казнь для утверждения своего влияния, уходя при этом, по сути, от ответственности за распространение смертной казни вообще и смертные приговоры в частности, передавая вопросы помилования и исполнения казни светской власти, государственная власть стала неким «посредником» в реализации права человека привлечь обидчика к ответу. Таков, в общих чертах, взгляд на историю уголовного наказания.

С точки зрения правовой науки и Конституции РФ, наказание преступника, а равно и защита жизни, – это обязанность государства. Результатом особо тяжкого преступления против жизни (единственный вид преступления, за которое в соответствии с Конституцией РФ допускается исключительная мера наказания) является безвозвратная потеря жертвы преступления, что глубочайшим образом меняет весь остаток жизни близких и, по большому счету, практически не затрагивает собственно интересов государства, во всяком случае, не несет государству непосредственной угрозы. Государственная власть в лице Конституционного Суда РФ, со ссылкой на свои международные обязательства утверждает, что отмена смертной казни соответствует принципам гуманизма, демократии и права (1999). Последняя на сегодняшний день с момента запрета смертная казнь была приведена в исполнение в 1996 году.

Вопрос о возвращении исключительной меры наказания в постсоветской России поднимался неоднократно. Результаты изучения общественного мнения, проводимые в разные годы разными исследователями, устойчиво показывают положительное отношение значительной части населения страны к вопросу о применении смертной казни: как правило, не менее двух третей респондентов, участвующих в таких исследованиях, не возражают против применения смертной казни. Важно понимать, что в России имеются достаточные правовые основания, включая конституционные, для применения смертной казни. Фактически данный вид уголовного наказания не назначается и не исполняется.

Таким образом, мы можем выделить ряд противоречий, связанных со смертной казнью вообще и смертной казнью именно в России.

В процессе становления уголовного наказания естественное право человека лично привлечь к ответственности обидчика превратилось в монопольную функцию государства устанавливать и применять наказание, однако интересы государства и человека отнюдь не всегда совпадают.

Сформированный государственной властью в лице Конституционного Суда РФ запрет на применение смертной казни не отвечает общественному мнению. Более того, этот запрет является прямо противоположным мнению населения.

Уголовное наказание есть форма уголовной ответственности, в соответствии с положениями правовой науки. Неотъемлемой чертой естественного права следует полагать справедливость. Государственная власть, апеллируя к «принципам гуманизма, демократии и права» запрещает смертную казнь. Безопасность и интересы государства от особо тяжких преступлений против жизни практически не страдают, в то время как жертва преступления становится безвозвратной потерей, а жизнь близких жертвы меняется бесповоротно. О каком «гуманизме» идет речь? Что такое, тогда, есть «право»? Где искать, в таком случае, справедливость как одно из общепризнанных в правовой науке и законодательно установленных требований к уголовному наказанию?

Принято считать, что истоки смертной казни связаны с историческим периодом, когда повсеместно существовал обычай кровной мести; «убийство в отмщение» было безразличным к тяжести преступления, вменяемости и другим важным для современного уголовного права и уголовного наказания факторам. Ограничение применения убийств в отмщение связывается с появлением государственной власти. Первым значимым выступлением против смертной казни считается работа Беккариа (1764). В результате постепенного уменьшения применения смертной казни во второй половине XIX века в законодательствах многих европейских стран и России смертная казнь предусматривалась, главным образом, за убийство и государственные преступления. В этот период, соответственно, идет активное обсуждение вопроса о смертной казни. Данным обстоятельством объясняется интерес к работам и выступлениям того периода: они, во многом, сохранили свою актуальность для России.

В 1867 году выходит «Исследование о смертной казни» А.Ф. Кистяковского. Автор обосновывает идею о том, что смертная казнь, ограничиваемая на протяжении длительного периода времени государством, будет им же отменена в силу ее бесполезности, исходя из самого развития человечества. В связи с социально-экономической и политической обстановкой (террор) на рубеже XIX–XX веков вопрос о смертной казни в России обостряется, поскольку значительно возрастает число смертных приговоров. В 1906-м году Первая Государственная Дума Российской Империи рассматривает и единогласно принимает законопроект об отмене смертной казни. Законопроект обсуждается в Государственном Совете, где его поддерживает другой авторитетный представитель правовой науки Н.С. Таганцев.

Изучение работ указанных авторов позволяет говорить, что их аргументы, главным образом, исходят из государственных интересов и рациональности (этот аспект неоднократно подчеркивают оба ученых, А.Ф. Кистяковский обращает внимание, что именно это, а не гуманизм есть главный фактор уменьшения применения смертной казни); оба также отмечают неспособность или невозможность обеспечить справедливое применение закона и избежать судебных и следственных ошибок.

Совершенно в «иной плоскости» находится аргументация в защиту смертной казни, предложенная в тот же приблизительно период (1868 год), но уже в другой стране, Дж. Ст. Миллем. Он говорит о священности человеческих чувств, о том, что есть более высокие ценности, чем собственно жизнь, а также о том, что именно замена смертной казни пожизненным заключением не соответствует соображениям гуманизма, поскольку всего этого лишается осужденный.

Таким образом, соображения, вытекающие из гуманизма, в дореволюционный период развития не были свойственны российской правовой науке и государственному управлению. Говорить о гуманизме в советский период представляется затруднительным. В этом смысле отсылка Конституционного Суда РФ к принципу гуманизма в качестве одного из аргументов для обоснования запрета смертной казни выглядит не убедительно, равно как и странная конструкция «право не быть подвергнутым смертной казни», поскольку Закон предусматривает за ряд преступлений ответственность именно в виде смертной казни. Все это может свидетельствовать, что устойчивая и значимая традиция гуманизма в российском праве не прослеживается, либо гуманизм понимается специфическим образом, либо отсутствует связь между теорией (философией) права и правом в его позитивном выражении.

Соответственно, с вопросом о гуманизме имеет смысл обратиться к зарубежным источникам. Например, для Ж.П. Сартра неперенной составляющей гуманизма является ответственность человека за себя и за всех людей, а от теории о том, что человек есть цель и высшая ценность он отказывается. Представляется, что такой подход был бы полезен для России в целом и как основа правопонимания в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кистяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни. СПб: Лань, 2013. 190 с.
2. *Милль Дж.Ст.* Речь в защиту смертной казни // *Этическая мысль*. 2009. Вып. 9. С.183–192.
3. *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм [Электронный ресурс] // URL: https://scepsis.net/library/id_545.html (дата обращения: 22.04.2019)
4. *Таганцев Н.С.* Смертная казнь. Сборник статей. СПб.: Государственная Типография, 1913. 335 с.

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ВЛАСТНОГО

Н.М. Гурский

Руководитель: д.ф.н. Ладов В.А.

Томский Государственный Университет

Эстетический вид ВЛАСТИ определяется балансом двух родов власти – АРХЕ и КРАТИИ. Один является принципом материнской матрицы и имеет характер экономический – здесь человек властвует согласно накопленной компетенции в каком-то своем умении согласно индивидуальному нраву. Второй выражает подлинно политический принцип – отцовскую программу воли разделенной меж разными индивидами. Недостаток кратии в индивиде обуславливает его желание власти НАД другими. Такими, не вполне самовластными индивидами, создается в обществе «вертикаль власти», подминающая под себя и закон и право, – искажающая их суть. Властвующее здесь дополняет себя силой с ее аппаратом принуждения. Недостаток архе проявляется в специализации умений и предельном разобщении людей как заложников этой специализации. Архетипный строй материнского целого приносится в жертву бесконечному множеству бессодержательных умений. Когда кратия в человеке заполняет его «от пяток до макушки», то такой человек становится вольным, – полновластным – и дорожит волей других, как и своей. Ему нет никакой нужды создавать «вертикаль власти». Он вполне авторитарен и тем властвует – дружелюбно и миролюбиво. Доказывать свою власть силой такому существу не придет даже в голову. Это в полном смысле харизматический властитель. По существу, это и есть «красота» которая спасет мир», красота (право, харизма – как эстетические понятия), воплощенная в суверенном индивиде.

Властное как архе, говорит о изначальности властного. Археология власти начинается с обнажения того «участка земли» – социально-культурных подтекстов – где необходимо совершить «вскрытие», где есть шанс найти особую архитектуру властного. Для людей привычно представлять властное как власть над кем-то и подчинение. Кажется, что «вертикаль власти» сопровождала человека с незапамятных времен. Но, более внимательный взгляд показывает, что подчиняющая власть и есть то, что производит осадок истории, засыпающий подлинную структуру властного как архе. Пробиться к такому архе весьма непростое дело, поскольку все инструменты, включая понятия языка, по преимуществу являются производными от действия второй ветви власти – кратии. Если взглянуть в жизнь первобытных общин, которые кое-где еще сохранились, то можно заметить необычную вещь – в них напрочь отсутствует «вертикаль власти». Старейшины уважаемы, но их возвышение уже есть вторичное действие со стороны тех, кто потерял свой взрослый статус равных (от страха), и пытается восполнить потерю через возвышение Другого. Поскольку другой соглашался с ролью господина, это вызвало быстрый рост подчиненных, безволие которых прикрывалось властным лицом с его инструментами воздействия. Вся история людей, в каком-то смысле, является борьбой за власть, борьбой которая похоронила сам принцип власти как архе. Архе выделяет взрослого индивида через процедуру инициации и каждый взрослый выражает собой архетип. Архетипы от типов отличаются своими суверенными полномочиями. Архетипичное лицо

предельно эстетично, оно властвует не через насилие, но через авторитет эстезиса личной воли.

Говоря об архетипах, мы совсем не имеем в виду некие абстрактные сущности, но вполне конкретные вещи. Например, архетипические личности – это не отвлеченные идеи, но конкретные лица, выражающие собой повелительное архе – в голосе, жесте, взгляде. Более того, мы полагаем, что абстрактного в принципе ничего нет, – все реальное предельно конкретно и выражает единую физическую реальность. Когда мы говорим о структуре реальности, то не вычленим и не гипостазуем ее как отвлеченную сущность – трансценденцию, абстрактное, метафизическое, – но говорим о способе разбивки реальности и детальном рассмотрении ее. Четырехсторонняя разбивка реальности, это не выделение абстрактного принципа, как у Канта, но РАЗЛИЧЕНИЕ внутри предельно РАЗЛИЧИМОГО. Отсюда – время как различение прошлого (Мы) и будущего (Ты) и властность того, кто способен к такому различению. Властность того, кто обращается к другому ТЫ. Тем открывая дверь в Будущее. И пространство – как различение внутреннего (Я) и внешнего (Они). Дважды двойное различение выявляет фокус – квинтэссенцию индивидуально воли.

Такая «метафизика» – это не запредельная область универсалий, но учение о предельном разграничении конкретного – своеобразная теория границы. Разграничение и есть трансцендентализация вещи относительно другой вещи. Каждая вещь, подобно радужному пятну «расплывается» своей «трансцендентностью» из собственной конкретной физической природы. Отсюда – метафорический язык трансцендентного – как обращение своей телесности ко взгляду со стороны другого. Архе выражается как абсолютно эстетическое явление. Эстетика как форма ЧУВСТВОВАНИЯ Другого. Здесь мы должны уточнить свое понимание «чувства» (которое, вообще-то, не понимается, но чувствует). Чувствуют всегда только ЧУЖОЕ, только в отношении к чужому мы проявляем чуткость и предельное внимание. Свое уже не чувствуют, свое – понимают. Освоенное понятно. Например, то что мы видим как свою пищу, мы уже не чувствуем, но преследуем, схватываем, поглощаем. По привычке мы пользуемся понятием «чувства» для определения освоенного – например, описывая красоты природы – но только для прикрытия своей бесчувственности. Реально чувствовать можно исключительно радикально чужое, оттого и возможно чудесное. Говоря о «чужом», мы говорим предельно конкретно – в завершенном радикальном смысле. Этот момент можно усилить через понятие «чуждости». Это тем более актуально, поскольку проблема отчуждения людей друг от друга достигла своей предельной остроты. Отчуждение порождает психозы и онкологию, инфаркты и инсульты. Как же выправить свою жизнь? Вернуть ее к реальному чувствованию, к эстезису чувственного. В сопряжении с собственной суверенной волей (кратией), архе предельного опыта чувствительности дает необходимый баланс существованию человека. Чем нас может интриговать чужое? Именно тем, что оно пробуждает нашу первобытную чувствительность. Звери показывают пример такой чувствительности, реагируя всем своим существом на что-то чуждое. Они еще не стали заложниками абстрактного пространства понимания – понимание еще не отделилось от чувствования.

Покидая мир отвлеченных абстракций и возвращая био–логическую чувствительность своему богатому и изощренному пониманию, мы способны продол-

жить свою историю предельных (о-пределенных) человеческих существ (тех, кто в форме, а не бесформенные и бестолковые идиоты). Либо коллапсировать, – проваливаясь в виртуальное пространство «искусственного интеллекта» – во вселенную Камня. Чуждое интригует тем, что оно опасно, но и любопытно одновременно. Опасно, поскольку заряжено неизвестной волей, любопытно, поскольку только вольное и привлекает здоровую индивидуальность. Если страх перед опасностью пересиливает, индивид делает откат к ментальным конструктам самосохранения, которые структурируют время, переводят его в режим экономики – то есть, подменяют реальную разбивку властвующей индивидуальности на прошлый опыт и будущее на вторичную разбивку, где прошлое и будущее расположены в непрерывности универсалии «времени». Тем аннулирую факт другого Ты. Если пересиливает любопытство, индивид из-обретает Речь – обращение к Другому. Большинство людей пользуются языком, но совершенно не владеют речью. Поскольку такое владение возможно только в опыте предельной чуткости к другому Ты. Иначе – речь превращается в «обороты речи», то есть, элементы языка при полном безмолвии в речи. Разбивка пространства на внутреннее и внешнее также предполагает властность того, кто из внутреннего РОЖДАЕТСЯ НАРУЖУ и сознает этот факт. Неудачное рождение побуждает создать зонтичное понятие «пространства», в котором находится множество «они», «одним из которых» является собственное «я». Архетипный властитель не создает единое «пространство» для всех, но имеет дело с двумя видами пространства (пространство как метафора) – индивидуального понимания и открытой сингулярности Они, не сводимой к единому роду. Например, «человечности».

В основании любого осмысленного разговора всегда лежит политическое (как половое) – раздельность слов, раздельность индивидов. Таким образом, первый разговор между политическими (разделенными как индивиды) существами должен быть посвящен политическим ориентировкам. Не сказав первой букву А, люди попадают под власть вторичных В, С, D. А тут уж и начало всех трудностей совместного бытия. Политическое – это сквозная линия не только всего социально-гуманитарного знания, но и естественно-научного. Политичны в своей основе как истина, так и добро и красота. Даже такое «привычное» время выражает некую повелительность в вещах, интенсивность их внутренней жизни. Потому оно напрямую связано с температурным режимом существования. Темперамент, темп, температура – как выражение терминального состояния существ и вещей. Политика времени – единственный вид реальной политики. Сознание различает времена разных индивидов, предваряя тем социальный порядок. Темпус в отличие от линейности природного Хроноса выражается циклическим ритмичным порядком, имеет своеобразный индивидный центр тяготения. Когда человек помещал Землю в центр мироздания, то интуитивно он понимал круговую природу времени, в центре которого индивидная сущность.

Теперь попробуем попробуем пояснить властное начало через категорию «сознание». Сознание не является особой сущностью относительно чувственной реальности, но ее дальнейшим продолжением, – новым способом чувственного постижения. В чем выражается это новое? В разделении чувственной сущности индивида на два плана, где второй видится как бы двойником первого. Обезьяна перед зеркалом. Совмещение первого и второго плана создает новый регистр

чувствования – чувство юмора. Чувство юмора является сущностным определением сознания и его рефлексий. Как чувство юмора связано с властью? Казалось бы, противоположные вещи – серьезная и несерьезная. Отнюдь. Долгое вглядывание в зеркало сознания чревато еще одним открытием – открытием Другого. Что является опытом реального трансцендирования сущностного. Смеющийся Нарцисс – лицо Самовластия – открытие взгляда на самого себя. Такой Архе тип есть власть самосознания. Тебя ведут на расстрел, а ты смеешься – нет более могущественной власти (как архе), нежели у смеющегося. Но это еще не конец истории. СМЕХ, чувство юмора трансцендирует реальность физического существования, разделяет ее на два рода существования – собственный и другого. Разделение «существования» совсем не означает разделения единой реальности, но выявление в ней разных сущих. Сущее делится, реальность приумножается. Когда же мы раскалываем реальность на физическую и «метафизическую», то тем способствуем только обеднению реальности в оковах единого сущего. Спасибо Канту, жизнь которого складывалась под знаком априорных абстракций такого сущего и была предельно убогой. Реальность не тождественна сущему. Явление другой индивидуальности есть реальный отсыл к исходному референту. Только Другой возвращает нас к самим себе – как таковым. С появлением Другого только и возможно говорить о власти в полном смысле этого слова. С появлением Другого, все то значимое, что накапливалось в индивидуальной памяти связанное с внешним опытом познания, оказывается внутренним ведением – голосом Со-вести. Тогда как наружное пространство, где обитает Другой, проходит под знаком Стыдливости, зависимости от оценок, выводов, решений со стороны Другого. Стыдливость делает нас зависимыми от поведения Другого. Насколько он повелителен, настолько и влиятелен. И здесь видится формальный парадокс – всемогущий архе-тип есть смеющийся Нарцисс, но смех не повелителен, а разрушителен для любой устойчивой и серьезной в своих аргументах повелительности. Если мы заметили принципиальное различие архе и кратии, то легко разрешим этот парадокс. Кратия, возникающая в момент обнаружения в зазеркалье означивания Другого, есть момент нахождения себя в повелительной природе по-совести, в реальности как таковой. Совесть в дискурсе западного образца еще называют «бессознательным», но этот термин неплодотворный, поскольку только провоцирует на «познание бессознательного». Совесть же, непознаваема в принципе и является императивным началом индивидуальной суверенной кратии. Совесть есть неразрушимое внутреннего пространства нашего Я. Подлинность и непререкаемая протяженность нашей совести является единственной правдой нашего властного существования. Правда ни перед кем не склоняет головы, но и никого не побуждает склонять голову перед собой. Она императивно холодна, поскольку стыдлива, то есть, остужена присутствием Другого. Некоторые исследователи полагают, что слово «сердце» и слов «холод» этимологически суть одно слово. Архе тип смеющегося обнаруживает две стороны кратии, а именно Совесть и Стыд, которые в балансе дают тот исключительный вид вполне ответственного человеческого поведения, который мы называем властью по существу ее. Люди без стыда и совести только грезят о власти, озабочены властным как далеким горизонтом идеальных полномочий. Потому они становятся создателями идеологий, значимых норм поведения, в стороне от суверенной автократии образцовых архетипичных лиц. Не с геомет-

рической точки и линейных построений внешнего пространства понимания мы начинаем свою автократию, но с повелительности заключенной в индивидуальных телах, в их соприкосновении друг с другом. Политика таких отношений не отвечает за связь времен – не в ее власти обеспечить преемственность прошлого, настоящего и будущего. За это отвечает индивидуальная совесть, никогда не коллективизируемая, – не превращающаяся в общее понятие. Именно она предвосхищает прошлое, оберегает настоящее и избирает будущее. В направлении будущего мы говорим о поступки политического, в настоящем предъявляем знаки своих авторитарных компетенций, в прошлом опираемся на интуитивное понимание сути происходящего. Прошрое, настоящее и будущее в живом чувственном постижении опираются на весомость нашей Совести, легкомыслие нашего сознания и формы стыдливого, а значит бережного и осторожного, подступа к Другому. У общества нет будущего, если оно присваивает Другого, превращает его в предикат своего коллективного сознания (или подсознания). Люди, которые говорят о «равноправии», «защите прав», чаще всего лгут себе и другим, поскольку опираются не на свой совестливый и стыдливый нрав и индивидуальную волю, но на некую «норму» поведения, якобы «равных» индивидов. Мы полагаем, что явление Индивида, рожденного в опыте признания другого индивида, – весьма неординарное и редкое. Превращать его в массовое, значит множить иллюзии убогого обедненного бытия. Общество должно воспитывать культурой образцовых индивидуальностей, а не абстрактными «нормами» поведения. Под «обществом» мы понимаем здесь не фактический коллектив, но проективное метафорическое единство Равных, проект в направлении к Будущему.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ ДЖОНА РОЛЗА И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Д.И. Кокин

Научный руководитель: д.ф.н. Е.Г. Трубина
Уральский федеральный университет

Архитектура, искусство, теория международных отношений, психология, социальная теория и педагогика – неполный список различных областей социальных и гуманитарных наук, где используется понятие конструктивизма. Более того, даже в рамках одной области знания, а именно философии, понимание конструктивизма существенно отличается. В философии математики, эпистемологии, а также в моральной и политической философии конструктивизм используется в разных смыслах. В фокусе данной работы понятие конструктивизма, используемое в политической философии, а точнее, то, как его понимал Джон Ролз (1921–2002), философ, по праву считающийся одним из влиятельнейших политических мыслителей современности. Мы попытаемся показать, в чем, по мнению Ролза, заключается различие морального конструктивизма от политического, какую роль политический конструктивизм играет в его теории, а также какое значение это понятие оказало на современную политическую философию.

В апреле 1980 года Джон Ролз удостоивается чести прочитать три лекции в университете Колумбии в память о Джоне Дьюи. В этом же году эти лекции публикуются в Журнале философии под общим названием «Кантовский конструктивизм в моральной теории» [5]. В этих лекциях Ролз предлагает переосмыслить наследие классика и показать его значимость для политических дебатов, дав кантовскую интерпретацию своей теории «справедливость как честность» (justice as fairness). Кроме того, он ввел понятие конструктивизма как особой мета-этической позиции, противопоставленной утилитаризму, интуитивизму и перфекционизму. Ролз дает следующее определение: «Конструктивизм Канта утверждает, что моральную объективность следует понимать с точки зрения правильно сконструированной социальной позиции, которую все могут принять» [5. С.519]. Эти лекции в дальнейшем легли в основу первой части его второй книги «Политический либерализм» (1993) [6]. В этой работе Ролз учитывает критические замечания других исследователей и вводит понятие политического конструктивизма как метода, с помощью которого производятся и отстаиваются принципы справедливости и легитимности. Это подразумевает некоторые ограничения наших соображений о справедливости: справедливость понимается в политическом ключе и относится к области политического. В данной работе мы не стремимся проследить изменение представлений Ролза о конструктивизме (хотя это имеет отдельное значение для более полного понимания его теории), а хотим показать, что собой представляет завершенная идея политического конструктивизма. В связи с этим, мы будем опираться на уже упомянутый «Политический либерализм», где данному понятию посвящена отдельная глава (лекция).

Ролз рассматривает политический конструктивизм, противопоставляя его моральному конструктивизму Канта и рациональному интуитивизму как форме морального реализма, и определяя его как позицию касательно структуры (процедура конструирования) и содержания (принципы справедливости) политиче-

ской концепции справедливости. В теории Ролза такая процедура конструирования смоделирована исходным положением (original position) при условии занавеса неведения (veil of ignorance), в которой «рациональные агенты как представители граждан <...> выбирают общественные (public) принципы справедливости, регулирующие базовую структуру общества» [6. С.90]. Ролз выделяет четыре ключевых характеристики политического конструктивизма, отличающие его от интуитивизма [6. С.93–94], а также показывает, чем его политический конструктивизм отличается от морального (или метафизического) конструктивизма Канта [6. С.99–101]. Эти различия сводятся к тому, что политический конструктивизм, будучи в каком-то смысле видом морального конструктивизма, не вступает в конфликт с другими этическими теориями, а является нейтральным по отношению к ключевым вопросам этих теорий.

Далее, Ролз доказывает, почему его теория «справедливость как честность» является конструктивистской концепцией, отвечая на три вопроса [6. С.103], а также более детально объясняет роль концепции личности и общества для конструктивизма [6. С.107–110]. Вкратце, конструируется не все, а только независимые принципы, уточняющие содержание политического права и справедливости. Сама же процедура конструирования просто спроектирована с использованием базовых концепций личности и общества, принципов практического разума и публичной роли политической концепции справедливости как отправных точек.

Конструктивистская концепция объективности отличается от двух других упомянутых теорий. Для Ролза, «моральная и политическая концепция является объективной, только если она образует фреймворк мысли, объяснения (reasoning) и суждения» [6. С.112], который отвечает на вопросы пяти неотъемлемых частей объективности. Это необходимо для общей, разделяемой всеми, публичной базы обоснования. Политический конструктивизм не утверждает, что исходное положение доказывает истинность принципов справедливости как честности, а использует идею приемлемого (reasonable), тем самым образуя особую концепцию объективности. Наконец, Ролз показывает пределы политического конструктивизма, которые ограничиваются политическими ценностями, образующими область политического.

Таким образом, главной целью политического конструктивизма как метода является доказать объективность политических принципов, тем самым обосновывая их, а также возможность достичь согласия в политическом суждении. Подводя итог, мы можем сказать, что политический конструктивизм – это метод обоснования, который показывает, как возможен политический либерализм и справедливость как честность [7]. Кроме того, конструктивизм тесно связан с такими процедурами, как исходное положение (original position) и перекрывающийся консенсус (overlapping consensus).

В изложенном контексте тема конструктивизма оказывается чрезвычайно важной, так как является амбициозной и влиятельной концепцией как в политической, так и в моральной философии. Идея политического конструктивизма, разработанная Ролзом, объяснила и показала, как политические философы обосновывают концепции справедливости, а также дала толчок дальнейшим исследованиям в этом направлении. К ним относятся деонтологические и телеологические формулировки политического конструктивизма в целом [3], трактовка

глобального (неограниченного) конструктивизма в моральной теории [2], а также различные истоки конструктивизма, не ограничивающиеся Кантом [1; 4]. Все это доказывает, что идея политического конструктивизма оказала существенное влияние как на политическую, так и на моральную философию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bagnoli C.* Constructivism in Metaethics // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2017. [Электронный ресурс] // URL: <https://plato.stanford.edu/entries/constructivism-metaethics/> (дата обращения: 02.04.2019).
2. *Barry M.* Constructivism // The Routledge Handbook of Metaethics, ed. by T. McPherson and D. Plunkett. New York: Routledge. 2018. pp. 385–401.
3. *Buckley M.* Political Constructivism // Internet Encyclopedia of Philosophy, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iep.utm.edu/poli-con/> (дата обращения: 31.03.2019).
4. *Jezzy N.* Constructivism in Metaethics // Internet Encyclopedia of Philosophy, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iep.utm.edu/con-ethi/> (дата обращения: 01.04.2019).
5. *Rawls J.* Kantian Constructivism in Moral Theory // The Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77, No. 9. pp. 515–572.
6. *Rawls J.* Political Liberalism: Expanded Edition. New York: Columbia University Press. 2005. 587 p.
7. *Wenar L.* John Rawls // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2017. [Электронный ресурс] // URL: <https://plato.stanford.edu/entries/rawls/> (дата обращения: 1.04.2019).

К ВОПРОСУ КЛАССИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ИГРУШКИ В РОССИИ

И.С. Кузнецова

Научный руководитель: ст.преп. Т.А. Кузьменко

Томский государственный университет

Игра является ведущей деятельностью ребенка, игрушка становится объектом, инструментом игровой деятельности. С помощью игрушки дети в доступной форме (маленький размер, например) могут исследовать мир, преодолевать процесс инкультурации, поскольку игрушки наполнены явными и неявными посылками, влияющими на формирование системы общественных ценностей, идеологии [6. С.93]. Детская игрушка является вторичным артефактом культуры, следовательно, может стать репрезентом культурных установок эпохи. Проследить развитие осмысления роли игрушки в культуре можно с помощью различных классификаций.

Отечественная история классификации детских игрушек начинается с классификации русской писательницы В. Г. Малахиевой-Мирович: «У богатых людей вся детская после Рождества или дня рождения... запружена дорогими, пестрыми игрушками, которые можно, за немногими исключениями, разделить на пять категорий: скучных, глупых, мертвых, пошлых, безнравственных» [4. С.148]. Такая классификация более актуальна для детей из богатых семей, она рассматривает только характеристики негативного характера, которые определены переизбытком игрушек. Стоит отметить, что в данном случае классификация носит более субъективный, оценочный характер, нежели научное обоснование.

В 1950 году выходит сборник «Игрушка», где приведен анализ производства детских игрушек, также приводится классификация детских игрушек:

Игрушки для творческих и сюжетных игр;

Игры занятия (настольные, конструктивные, полуфабрикаты, и т.д.);

Технические игрушки;

Игрушки для подвижных и спортивных игр;

Декоративные карнавально-праздничные игрушки [3. С.37].

Социалистическое общество, производство и процесс воспитания определены идеологией и требуют удовлетворения стандартам заданным государством. Игрушки должны иметь обобщенный образ, но сохранять живые непосредственные воплощения [3. С.37]. Поэтому классификация определена формой вовлечения ребенка в игровую деятельности и производственными характеристиками. Следующая классификация разработана во второй половине XX века психологом В.С. Мухиной, в соответствии с влиянием взаимодействия с игрушкой на развитие ребенка. В данном случае особое внимание уделяется социальной и воспитательной роли игрушек:

Познавательное ребенка (погремушки, пирамидки, и т.д.);

Нравственное: мягкие игрушки, куклы;

Дидактические – обучающие (народные игрушки – мисочки-вкладыши, туски с резной мелочью, матрешки) [5].

К наиболее поздним классификациям детской игрушки можно отнести социологическую типологию В. Вахштейна:

«Игрушка-оснастка» (водяной пистолет предполагает «перестрелку» между играющими);

«Игрушка-октант» (кукла);

«Игрушка-обстановка» (бассейн, песочница) [2].

Социологический подход к предмету исследования более интересуется вопросами формирования условий взаимодействия индивидов с окружающей действительностью и ролью игрушки в формировании таких способностей у ребенка. Культурологическая классификация игрушек рассматривает игрушку как феномен культуры и ее роль в инкультурации молодого поколения. Так, можно выделить культурологическую классификацию, в соответствии с культурными функциями игрушки:

Гуманистическая / человекотворческая функция;

Защитная функция;

Культурная функция;

Функция социальной памяти / исторической преемственности;

Креативная / созидательная функция;

Ценностно-ориентационная / аксиологическая функция;

Гносеологическая / познавательная функция;

Сигнификативная / знаковая функция [7].

Современная культура сформировала новое отношение к ребенку, заботу о нем. В условиях Российской действительности наблюдается перенасыщение рынка детских товаров, что определяет необходимость определения нового статуса игрушки и ее классификации. Первый критерий – психолого-возрастной. Современное детство отличается пролонгированностью, что позволило даже внутри детства выделить отдельные периоды: 1. ясельный; 2. дошкольный; 3. школьный.

Усложнение культуры приводит к усложнению деятельности человека, ребенок не становится исключением. Ориентация на рыночные отношения налагает условия однозначности определения товара, поэтому рассмотрение работ по товароведению позволяет составить типологизацию игрушек по их назначению в играх, которое предполагается общепринятой системой рыночных требований. Так, выделяются следующие виды игрушек:

1. Для детей раннего возраста (до года);	собствующие эстетическому воспитанию;
2. Для спортивных и подвижных игр;	9. Игрушки-забавы;
3. Образные;	10. Музыкальные игрушки;
4. Настольно-печатные игры и игрушки для игровой деятельности на ограниченной горизонтальной поверхности;	11. Куклы – во всем многообразии;
5. Наборы для опытов;	12. Фигурки людей и животных – игрушки в виде скульптуры;
6. Игрушки и наборы для труда;	13. Транспортные – в виде средств передвижения, труда;
7. Для творчества;	14. Игрушки обихода - изображающие предметы быта человека;

8. Декоративные игрушки, развивающие художественный вкус и спо-

Последняя классификация определенным образом отличается по объему от всех предыдущих. Она уже опирается не на формируемые в ребенке навыки и умения, а выделяет отдельные предметы игры как самостоятельный элемент. Такими, например, являются «фигурки людей», «куклы» - отделяются от ценностно-смыслового содержания. Требования к такой классификации – однозначность понимания, которая необходима для маркировки и сертификации товара. Далее представлена еще одна экономическо-маркетинговая классификация детских игрушек, взятая из аналитического отчета с сайта BusinessStat, представляет следующую модель: маляшмассовые куклы и фигурки людей; маляконабивные куклы и фигурки людей; малястмассовые животные и другие существа; маляконабивные животные и другие существа; животные и другие существа из керамики, дерева, папье-маше; игрушечное оружие; игрушки в наборах или комплектах; прочие игрушки.

Два последних примера объединяют в себе разные критерии оценивания: материал, форма реализации, образ – становятся доминантными критериями. Функциональные и воспитательные параметры оказываются второстепенными. Одним из немногих преимуществ современных типологизаций игрушки можно назвать деление по возрастному принципу, что позволяет обеспечивать адекватное развитию ребенка его знакомство с миром. Однако, рассматривая современный взгляд на детскую игрушку, уместно вспомнить про классификацию В. Малахиевой-Мирович, которая становится актуальна сегодня как никогда. Изменение разнообразия игрушек в детской комнате ребенка сегодня и в начале прошлого века не подвергается сомнению. Неизменным остается факт неадекватного обилия игрушек, пустых по содержанию. Таким образом, можно сказать, что не игрушки изменились, а наше отношение к ним, вследствие социального благополучия, эмансипации ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анализ рынка детских игрушек в России в 2013-2017 гг. прогноз на 2018–2022 гг.* [Электронный ресурс] // URL: https://businessstat.ru/russia/durable_goods/childcare_products/toys/analiz_rynka_detskih_igrushek_v_rossii (дата обращения: 29.05. 2018)
2. *Вахштейн В.* К микросоциологии игрушек: сценарий, афорданс, транспозиция // *Логос* №2(92). 2013. С.3–37.
3. *Игрушка: сборник статей* /под общ. ред. А. П. Кораблева. Науч.-исслед. ин-т игрушки Упр. промышленной кооперации при Совете м-в РСФСР. Москва: Всесоюзное кооперативное издательство. 1950. 110 с.
4. *Малахьева-Мирович В. Г.* Воспитательное значение игрушки // *Сборник: Игрушка, ее история и значение.* Москва.: Издательство Сытина. 1912. С.140–198.
5. *Мухина В.С.* Феноменология развития и бытия личности. М.: Московский психолого-социальный институт. Воронеж: НПО «МОДЭК». 1999. 640 с.
6. *Нельсон А.* Игра как опосредованное действие. Гендерный аспект // *Психологическая наука и образование.* 2011. № 2. С. 93–101.
7. *Соловьев В.М.* Культурология: учебн. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2006. 364 с.

«ПОЗДНИЙ КАПИТАЛИЗМ»: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПОНЯТИЯ

Е.Ю.Ламмерт

Научный руководитель: к.ф.н. В.В. Петренко

Томский государственный университет

Исторические трансформации XX века, ознаменованные развитием новых тенденций в социальной, экономической и культурной жизни общества, спровоцировали необходимость уточнения многих концептуальных положений социальной теории в ее классическом варианте. Предметом острых дискуссий, в частности, среди представителей неомарксизма и других теоретиков «новых левых», послужил пересмотр теории промышленного капитализма и того типа социальности, который ему соответствует. Исследователи, предпринявшие в своих трудах попытки идентификации меняющейся социально – экономической реальности, предложили ряд новых концептуальных интерпретаций современной системы социального устройства, среди которых широкую популярность обрели такие концепты, как «развитое индустриальное общество» или «поздний капитализм».

Какого происхождения понятие «поздний капитализм»?

Поздний капитализм (ориг. Spätkapitalismus) – это концепция исторической школы экономики и одновременно версия неомарксистской теории, описывающая конечную стадию капитализма. Введение этого понятия, а также разработку его основных фундаментальных значений приписывают немецкому социологу и экономисту Вернеру Зомбарту.

В своих трудах В. Зомбарт исследовал структуру и функционирование общества на определенных этапах его развития, в частности – капиталистической экономической системы, существующей в рамках соответствующей экономической эпохи. Главные труды В. Зомбарта имеют отношения к важнейшим вопросам социогуманитарного познания поскольку предметом, в первую очередь экономической теоретической реконструкции, становится современный тип ответственности, зависимый от исторического генезиса и трансформации капитализма, в том числе становления и эволюции особого класса буржуазии. Занимаясь экономической историей Запада, В. Зомбарт попутно уделяет внимание проблеме социальных движений, а также возможной социалистической форме производства. Будучи одним из первых авторов, который обратился к исследованию феномена современной ему формы западного капитализма, В. Зомбарт в своей фундаментальной работе «Современный капитализм» (ориг. «Der moderne Kapitalismus», ее окончательная версия ознаменовалась публикацией в 1927 году ее третьего тома, ориг. Wirtschaft im Zeitalter des Hochkapitalismus»), предложил трехэтапную историю развития капитализма [3]. На ежегодном собрании Ассоциации социальной политики 1928 года, проходившей в Цюрихе, Вернер Зомбарт прочитал вступительную лекцию к первой теме конференции «Трансформация капитализма» (ориг. «Wandlungen des Kapitalismus»), в которой кратко изложил свою позицию относительно формы позднего капитализма, которая содержалась в отдельных главах опубликованной книги 1927 года [4]. Позже, в 1932 году, Зомбарт публикует брошюру «Будущее капитализма» (ориг. Die Zukunft des Kapitalismus»), в которой содержится дополненная, а местами пере-

смотренная версия его теории. Последующее изложение теории долгосрочного экономического развития Зомбарта основано, главным образом, на этих трех источниках [5].

В чем состояла суть выступления Зомбарта в Цюрихе по вопросам возможной трансформации капитализма? Главным образом Зомбарт отождествил этап позднего капитализма с экономической стагнацией в европейской экономике, начавшейся еще с периода Первой мировой войны.

Ученый выделяет три основных фактора, уместающие в себе содержание концепта «позднего капитализма», это:

территориальные преобразования (ориг. «Territoriale Wandlungen»); (капитализм будет продолжать распространяться на страны и континенты, где еще не была проведена индустриализация. Однако старые капиталистические страны Европы будут вносить гораздо меньший вклад в рост капитализма посредством экспорта своего капитала, в связи с приостановлением освоения новых земель, как это было в 19 веке, на новых континентах. В процессе собственной индустриализации новые капиталистические страны будут использовать большую часть своего национального производства для собственного развития и, следовательно, уменьшат свою зависимость от импорта промышленных товаров из Европы)

преобразование формы (ориг. «Gestaltswandlungen»); (Здесь Зомбарт указывает на растущую концентрацию капитала, т.е. всевозрастающую монополизацию производства и рынков. Автор считал, что монопольная власть сама по себе не должна отрицательно влиять на экономический рост, а призвана рационализировать производство. Но в долгосрочной перспективе монополизация неизбежно приведет к изменению поведения экономических агентов, поскольку потенциал рационализации исчерпан, а администрация отвергает обновление и техническое совершенство)

преобразования области (ориг. «Bereichswandlungen»). (Рассматривая «преобразования области», Зомбарт выделяет три структурных составляющих в европейских экономических системах:

Во-первых, это докапиталистический сектор, (состоящий из сельского хозяйства, ремесел и малого бизнеса) который все больше стремится к рыночной институционализации.

Во – вторых, это капиталистический сектор, который будет по-прежнему доминировать в широких секторах экономики, особенно в тех областях, где по-прежнему происходят быстрые технические преобразования.

Третья область, это посткапиталистическая система, которое будет иметь тенденцию постепенного расширения. Монополизированные и картелизированные предприятия, которые исчерпали потенциал своей рационализации, могут быть социализированы без потери эффективности и производительности (государственные железные дороги, почтовые, коммунальные службы и т.д.)

Три эти характерные особенности, присущие современному капитализму, будут формировать, по мнению Зомбарта, плавный переход к социализму [1. С. 386–387].

В 1932 году В. Зомбарт публикует брошюру «Плановая экономика» (ориг. «Planwirtschaft»), в которой соотносит командную систему хозяйствования с ос-

новой концепцией будущей экономической политики развитых стран [1. С. 338].

Таким образом, В. Зомбарт сфокусировал внимание на факторах, выступивших конститутивными для оформления новой формы капиталистических отношений. Примечательная прогрессивность идей В. Зомбарта выражена в особом свойстве его внимательного философского взгляда - особого рода пронизательности. Мысли, изложенные в его работе, отражаются в образе трех фундаментальных интуиций, заявивших о себе задолго до выхода тех работ, которые оформят их собственно философским образом.

Обращаясь к терминологии территориальности («Territoriale Wandlungen»), своего рода пространственного образа, Зомбарт уже в то время начинает развивать идею разрушения традиционных представлений о централизованной структуре мирового устройства, предполагающую осевую ориентацию развивающихся стран на Запад. Несколько позже онтологическая проблематика пространственных связей и отношений обретет свое развитие в понятиях философии постмодерна, где пространство будет рассматриваться сквозь призму экзистенциальной размерности (см. Делез Ж., Гваттари Ф. «Ризома», исследования экзистенциальной определенности пространства Хайдеггера, М. Мерло-Понти и др.) и станет актуальной тенденцией в развитии современной философской мысли.

Сам же по себе концепт «позднего капитализма» по сей день является актуальным предметом дискуссий современного научного и философского сообщества. Исследования В. Зомбарта по праву можно отнести к его фундаментальной теоретико – методологической основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chaloupek G.* Werner Sombarts «Spätkapitalismus» und die langfristige Wirtschaftsentwicklung // *Wirtschaft und Gesellschaft*, Stuttgart, 1996 [Электронный ресурс] // URL: https://wug.akwien.at/WUG_Archiv/1996_22_3/1996_22_3_0385.pdf (дата обращения: 14.03.2019)
2. *Sombart W.* Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus, 2 Teile. (Band III von Sombart, W., Der moderne Kapitalismus). Duncker & Humblot. Leipzig, 1928.
3. *Sombart W.* Der moderne Kapitalismus. Duncker & Humblot. Leipzig, 1902.
4. *Sombart W.* Die Wandlungen Des Kapitalismus // *Weltwirtschaftliches Archiv*. – 1928. Vol. 28. P. 243–256.
5. *Sombart W.* Die Zukunft des Kapitalismus. Buchholz & Weisswange. Berlin, 1932

МОДА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

К.Е. Лосева

Научный руководитель: к.ф.н. В.В. Петренко

Томский государственный университет

В современном мире человек подвергается влиянию моды в большей степени, нежели чем ему кажется. Мода касается не только одежды, или каких-то материальных вещей. Модными могут быть: образ жизни, идеология, профессия, манера речи, книги, предметы интерьера. Для современного человека мода, во многом, играет определяющую роль. Она может управлять мыслями и поступками человека. Мода постоянно изменяется, опережая действительность. В эпоху XXI века нормы нравственности и ценности общества подвержены видоизменению. Мода актуальна потому, что в отличие от прошедших веков, в нашу эпоху она расширила границы своего влияния на все сферы жизни общества. Она может разрушать многовековые традиции и устанавливать свои новые стандарты. Как социальный феномен, мода интересна тем, что включает в себя совершенно противоположные тенденции. С одной стороны, мода способствует развитию индивидуальности, с другой способствует массовости. Таким же дуализмом является и то, что мода провоцирует социальное неравенство и одновременно, может стать источником социального равенства. Мода позволяет человеку самоидентификацию, и мода порождает своих ненавистников. Актуальность состоит в изучении и определении закономерностей, циклов по которым развивается и распространяется мода.

Исследовательскую проблему моей работы можно выразить вопросом: какое влияние мода оказывает на современного человека? Цель моей работы заключается в рассмотрении моды как социального феномена и определении ее роли в современном обществе. Таким образом, для раскрытия темы необходимо выполнить следующие задачи: определить сущность моды, установить, когда мода стала социальным феноменом, какими социальными функциями обладает.

В данной работе была рассмотрена позиция Г. Зиммеля на моду как социальный феномен. Г. Зиммель – немецкий философ и социолог XIX века. Он писал о том, что мода является формой жизни и основывается на двойственности потребностей человека. С одной стороны, она удовлетворяет потребность самовыражения и проявления индивидуальности, с другой желание слиться с массой. Так же в книге «Созерцание жизни» во втором томе в главе «Мода» говорится о том, что мода не имеет никакой внутренней цели, что ее главный механизм – это подражание, которое посредством фиксации становится обычаем. Мода, по мнению автора, возникает в высшем классе и оттуда начинает проникать в массы.

Современный философ А.В. Конева в своей статье «Мода в социальном бытии: от включенности к исключительности» рассматривает моду как социальный феномен, говоря о том, что она не так давно обрела статус культурного явления, которое подлежит теоретическому изучению. До XVIII века моду рассматривали в рамках образа жизни и истории костюма, а в области философии никто не рассуждал на эту тему. Только с конца XX века начинает складываться представление о том, что является объектом моды. Все равно моду, соединяют со стилем и предметами одежды, таким образом, она выступает в качестве механизма социального регулятора поведения человека. В настоящее время данные механизмы

институализировались с появлением модной индустрии и развитием каналов коммуникации.

Изначально, по словам автора, мода являлась привилегией элитарной культуры, постепенно это стало феноменом повседневности, и мода начала осуществлять социальную регуляцию. Моде присущи такие характеристики как: свобода, универсальность, новизна. Мода всегда распространяется, не смотря на сословные, классовые, национальные преграды. В области повседневности мода динамично изменяется, тем самым порождая еще один дуализм: когда мода обретает статус общедоступности, от нее сразу же отказывается элита и создает что-то новое, это активизирует убыстрение смены моды или же модных тенденций. Высокой оценкой обладает все, что делает недоступно, но при этом мода создает массовый эталон. В современном мире мода является всеобъемлющей структурой, которая вещает образцы, нормы и ценности.

Мода как социально-психологический феномен, возникла в позднем средневековье, так как именно тогда усилилась тенденция к частой смене формы костюма и тенденция подражания. С того момента мода начинает проникать во все уровни жизни общества.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что мода оказывает большое влияние на современного человека и во многом играет определяющую роль, осуществляя социальную регуляцию поведения человека, за счет определения актуальности тех или иных тенденция или вещей. Для раскрытия проблематики мы дали определение для моды как социального феномена, установили, что мода стала социальным феноменом во времена средневековья, так как усилилась тенденция к частой смене формы костюма и тенденция подражания. Главная социальная функция моды заключается в возможности установления норм, ценностей, обеспечения признания господства, каких-либо форм, а также транслирование образов и форм культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиммель Г.* Избранное (Лики культуры): в 2. Т.1: Созерцание жизни. Мода. М.: Юрист, 1996. 608 с.
2. *Конева А.В.* Мода в социальном бытии: от включенности к исключительности // Культурное наследие: от прошлого – к будущему. Т. 6 Фундаментальные проблемы культурологии. Москва : Новый хронограф ; Санкт-Петербург : Эйдос, 2009. С. 127–145.

ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ КАК САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕЙШЕЙ СТРАТЕГИИ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Б.В. Май

Научный руководитель: д.ф.н. Г.И. Петрова

Томский государственный университет

Актуальность статьи вызывается в первую очередь тем, что открывшаяся для индивида в XXI веке свобода выбора путей развития вне доминирующей идеологической ориентации сопровождается страхом перед ответственностью за свой выбор. Страх возникает в связи с тем, что, с одной стороны, студент свободен в выборе стратегии своего развития, ему предоставлена возможность самоопределения, и он полон желания, получив образование, самореализоваться. Но, с другой стороны, у него нет уверенности в будущем профессиональном месте, в сфере профессиональной деятельности, которая в связи с современной динамикой мира постоянно изменяется и требует от каждого профессионала чрезвычайной мобильности. Мир – культурный и профессиональный, – который ожидает студента в будущем, страшит. Он слишком подвижный, чтобы человек был постоянно и твердо уверен в своих знаниях и в своем соответствии его (мира) вызовам. Помимо этого, среди молодежи происходит осознание приоритетности кадров с высшим образованием на рынке труда, что в свою очередь влечет интенсивную конкуренцию среди выпускников вузов. Студент, находясь в состоянии информационной перегруженности, перманентно находится в состоянии тревоги, которая впоследствии формирует модусы страха.

Согласно Сартру, существование человека предшествует его сущности. Раскрывая этот тезис, можно говорить о том, что «...человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется» [3]. Индивид, находясь в ситуации выбора, сам создает себя, выбирает свою сущность и формируется, являясь причиной самого себя. Первым таким серьезным и самостоятельным решением в жизни индивида, сопряженным с личной ответственностью, является определение дальнейшей стратегии своего бытия, а именно – выбор направления подготовки в высшем учебном заведении. До этого периода человек вынужден проходить те стадии развития, необходимые для формирования навыков социализации и минимального багажа жизненных знаний, которые общи для всех – посещение детского сада, начальной и средней школы. Именно на рубеже выпуска из общеобразовательного учреждения индивид становится лицом к лицу перед выбором своего дальнейшего жизненного пути, ответственность за который ляжет непосредственно на его собственные плечи. Как подчеркивает Гуревич, это является одной из отличительных черт человека перед другими живыми существами: «...он способен выбирать самого себя, быть самим собой и нести ответственность (прежде всего перед собой) за свой выбор» [1. С. 249].

Во-первых, недостатком этого предстоящего выбора для индивида является в первую очередь – отсутствие жизненного опыта. Будущий студент в системе российского образования – единица, находящаяся в процессе личностного формирования и не имеющая зачастую достаточного представления о том, с какой сферой деятельности он хотел бы связать свою жизнь в дальнейшем. Более того,

большой конкурс в течении всей приемной кампании, не дает гарантии того, что абитуриент попадет на приоритетное для себя направление.

Во-вторых, текущая общественная динамика связана с информатизацией и технологизацией, а потому образовательные учреждения должны выступать местом подготовки будущих кадров к потенциальной профессиональной деятельности в условиях новых социальных вызовов. Таким образом, приоритетными и более престижными направлениями подготовки в вузах становятся факультеты, связанные с информационными технологиями, инженерией, биотехнологиями, медициной и так далее. Сама система высших учебных заведений делает акцент на негуманитарные направления, что отражается в таких проявлениях как олимпиады, стажировки, практики, стипендии, сотрудничество с иностранными вузами в развитии приоритетных магистерских программ и прочее. На этом фоне, студенты гуманитарных направлений ставят под вопрос свою будущую профессиональную пригодность, а также целесообразность получения гуманитарного образования в контексте будущих перспектив. Вследствие этого, у студента гуманитарного факультета (особенно на третьем и четвертом курсах) формируется неуверенность в себе, в своих силах, в своем уже подступающем выпуске из университета и выходе на рынок труда. Страх невостребованности в скором будущем обостряет в индивиде чувство ответственности за сделанный при поступлении выбор – ведь при множестве альтернативных стратегий обучения, им была выбрана именно эта.

Гусаковский в работе «Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе» проводит демаркационную черту, выделяя два типа университетов: классические (которые в текущих социальных реалиях теряют свою практическую значимость) и неклассические (значимость которых актуализируется в современной социальной динамике). В зависимости от выбранного типа отличаются соответственно и портреты выпускника. Согласно Гусаковскому, образ выпускника университета классического типа представлял собой некоторый устойчивый набор профессиональных и личностных качеств, которые могли бы быть практически применены в определенном диапазоне жизненных и профессиональных ситуаций. Однако в той стохастичности, которой характеризуется XXI век такие установки не могут быть осуществлены. «Ситуация неопределенности вызывает не только к повышенной адаптивности индивида, но и к качественно иному, ситуационному самоопределению, когда занятая субъектом позиция ведет к соответствующему структурированию/переструктурированию ситуации и, соответственно, себя» [2]. На авансцену выходит новый тип человека, который должен характеризоваться мобильностью, высокой адаптивностью к окружающим изменениям, наличием междисциплинарных знаний и так далее. Формирование таких качеств становится новой целью человека, а, следовательно, и высших учебных заведений, которые выступают одной из основных ячеек конструирования соответствующих навыков. По мнению Гусаковского, такой портрет выпускника может быть реализован в университетах неклассического типа.

Таким образом, онтологический статус студента сопряжен с ответственностью – за выбор стратегии своего дальнейшего развития, и с риском – поскольку некоторые профессии в современной динамике «отмирают», и как результат, некоторые факультеты элиминируются из системы образования, теряя свою

практическую значимость. В современном обществе найти строго определенный путь представляется трудно осуществимым, вследствие чего, современному образованию необходимо разработать стратегии, которые помогли бы студентам узко востребованных факультетов выработать соответствующие междисциплинарные компетенции, которые позволили бы выпускникам быть более конкурентоспособными, выходя из стен университета на рынок труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуревич П.С.* Философская антропология. М.: Омега-Л, 2010. 609 с.
2. *Гусаковский М.А.* Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе [Электронный ресурс] // URL: <http://elib.bsu.by/> (дата обращения 28.11.2018)
3. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм [Электронный ресурс] // URL: <https://royallib.com/> (дата обращения 25.11.2018)

ДЕИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННЫЙ СУБЪЕКТ КАК ПРОДУКТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Машковская

Научный руководитель: д.ф.н. В.Н. Сыров

Томский государственный университет

Стремительная глобализация мирового сообщества и повсеместное распространение различных мультикультурных тенденций закономерно приводят к обновлению качественных свойств социокультурного пространства. Многие традиции, обычаи, культурные установки, значимые еще двадцать лет назад, заменяются новыми или же и вовсе упраздняются под гнетом вновь образующихся идеалов. Подобные трансформации коренным образом изменяют те культурные и мировоззренческие основания, на которых базировалось общество. Так, на данный момент ведущей и определяющей культурной формой стала культура массовая со всеми присущими ей характеристиками. Универсализация, стандартизация, стереотипизация стали основополагающими процессами в структуре современного социума. В связи с этим особо актуализируется вопрос о конструировании идентичности отдельного индивида в условиях массового капиталистического общества.

Как следствие «обобщающих» процессов, свойственных массовой культуре, себя проявляет такой социальный феномен как деиндивидуализация, который является ответственным за появление так называемого «массового человека». Портрет такого человека отчетливо представлен в труде Х. Отртега-и-Гассета «Восстание масс». Человека массы, по мнению философа, наиболее удачно репрезентирует образ избалованного ребенка [2. С.56]. Он самодоволен, уверен в своей вседозволенности, не способен считаться с другими. У него отсутствует способность к самокритике, он перманентно «пребывает в глупости» и его это устраивает, ему в принципе чужды интенции к самосовершенствованию.

Формированию такого типа личности во многом способствовали успехи, достигнутые цивилизацией на период XX века. Развитие индустриального общества, господство либеральной демократии, технический прогресс привели к значительному росту жизненных возможностей людей. В результате этого человек стал воспринимать все устройство универсума как высшую ступень эволюции, как нечто неизменное и само собой разумеющееся. Он утратил способность к самоорганизации, стал самонадеянным и эгоцентричным.

Таким образом, человек массы представляется инфантильным, эгоцентричным, не способным ориентироваться на возвышенные идеалы, конформным субъектом, склонным к гедонистическому образу жизни. Так или иначе, о таком типе личности говорили многие социальные философы XX века, в том числе Маркузе, Фромм, Рисмен и т.д.

Согласно концепции Маркузе, массовый человек по своей природе «одномерен» и представляет собой продукт общества без оппозиции [1. С.139]. По мнению философа, уже нет того возвышенного мира ценностей и идеалов, характерного для двумерной культуры доиндустриальных обществ. Все эти культурные образцы уже не являются трансцендентными, они растворены в самом бытии и встроены в массовое воспроизводство [1. С.87]. Такое устранение разрыва между культурой и социальной действительностью обусловлено, прежде всего,

техническим прогрессом. Идеалы уже достигнуты, решены многие наличествующие и потенциальные проблемы. Существующий социальный строй процветает и дает ощущение полного благополучия. Вследствие этого необходимость обращения и поиска трансцендентных ценностей просто отпала.

В результате подобных социальных трансформаций и рождается особый деиндивидуализированный тип личности, ориентированный на потребление и приобретение материальных благ, а также на поддержание статус-кво в обществе. Это прообраз «приспособленца», неспособного к творческой и созидательной деятельности, равнодушного к высшим духовным ценностям. Существующий порядок вещей полностью устраивает такого человека, более того он думает, что живет в наилучшем из возможных миров. Он подчинен и угнетен обществом потребления, но при этом сам уверен, что абсолютно свободен и обладает полным спектром демократических прав.

Немецкий социолог и философ Э. Фромм процесс деиндивидуализации субъекта связывает, прежде всего, с компенсаторной функцией массовой культуры в целом. С точки зрения философа, стремление современного человека раствориться в массе связано с ускоренным экономическим развитием, постоянной гонкой за финансовым благополучием, свойственным капиталистическому обществу. В таких социальных условиях человек рассматривается лишь как деталь огромного экономического механизма, на фоне которого сам он кажется жалким, беспомощным [4. С.90]. Таким образом, наблюдается потеря самооценки личности как таковой в структуре социума, снимается различие между «Я» и окружающим миром.

Американский социолог Д. Рисмен в своей работе «Одинокая толпа» выделяет особый тип личности, называемый «человек – локатор». Его специфика, по мнению Д. Рисмена, заключается в преимущественной ориентации на внешнюю событийность. Такой человек перестает руководствоваться своими внутренними установками, принципами, желаниями и попадает в зависимость от окружающих людей и их мнений. «Человек – локатор» стремится не выделяться из толпы и поэтому живет в соответствии с ее запросами, игнорируя свои собственные интересы. Все его ценности, принципы изменчивы и крайне неустойчивы; он не имеет четкой позиции, его жизненные ориентиры размыты. Такое отсутствие инвариантности собственного бытия закономерно приводит его к потере самости и полному растворению в социуме.

Подобные деиндивидуализирующие процессы особо актуализируются в контексте общества XXI века. Человек оказывается погруженным в бесконечный поток информации и для того чтобы окончательно в нем не затеряться, он вырабатывает своеобразный защитный механизм, особую форму восприятия – клиповое мышление. Как отмечает американский футуролог Э. Тоффлер: «В условиях кратковременных информационных всплесков, постоянно мелькающих перед человеком, сама идея исчерпывающего синтеза кажется несостоятельной» [3. С.238]. Человеку ничего не остается кроме как собирать мир «по кусочкам» из тех фрагментарных образов, которые ему предоставляются.

Клиповое мышление не предполагает какой бы то ни было рефлексии; оно поверхностно и предоставляет информацию субъекту в максимально упрощенном виде. Вследствие этого, носитель клипового мышления утрачивает способность к критическому анализу и построению логических связей. Фиксируя и вы-

чтения отдельные фрагменты информационного пространства, человек не задается вопросом об их сущности и значении; он просто принимает их как данность, не требующую последующего осмысления. В результате, интеллектуальные критерии человека снижаются, а сам он дезориентируется, лишаясь претензии на собственную экзистенцию.

Итак, в качестве ключевой особенности деиндивидуализированного субъекта можно справедливо отметить неспособность ориентироваться на возвышенные культурно-духовные идеалы. Такая ограниченность и отсутствие четкой системы ценностных установок не позволяют утвердиться индивидуальности субъекта, в результате чего он превращается в потребителя. По своей природе потребитель не в состоянии вырабатывать собственные цели, он пассивен и не может влиять не только на жизнь общества, но и на свою собственную. Основными характеристиками такого типа личности являются его неспособность к анализу и рефлексии, несамодостаточность, инфантильность, внутренняя недиалогичность. Это конформист с отсутствием собственного «Я», собственных целей, идей, мыслей. Такой человек по большей части определяется окружающей его социальной средой и своим существованием обязан именно ей. В таких условиях процесс его самоидентификации значительно затрудняется, в результате чего человек, будучи не в силах найти себя, «теряется» в массе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. 368 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2017. 256 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009. 800 с.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 2003. 383 с.
5. Riesman D. The Lonely Crowd. N.Y., 1953. 359 p.

ТЕОРИЯ КОМЕДИИ АРИСТОТЕЛЯ: ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ

Я.В. Носикова

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.Н. Кириленко

Томский государственный университет

Основная доля дошедших до нас сочинений Аристотеля относится к позднему периоду его творчества. Большая часть ранних работ имеет колоссальную значимость, но, к сожалению, была утеряна. Тоже касается, в том числе и второй книги «Поэтики», посвященной разбору комедии и определению понятия смешного. Таким образом, перед исследователями теории комедии Аристотеля встает первый вопрос – на какие источники мы можем опираться, выявляя взгляды Аристотеля на природу комического?

Например, спорная ситуация касается последователей философской школы Аристотеля – перипатетиков: исходят ли их идеи о комедии от Аристотеля и его «Поэтики» или это их собственные труды, не имеющие под собой основания концепций учителя? Этот вопрос подробно исследовала в своей диссертации Зоя Анатольевна Барзах [2]. К примеру, она приводит следующие рассуждения: «Итак, в эксотерических сочинениях Аристотеля содержались по крайней мере элементы литературной теории, известной нам из «Поэтики». То, что эксотерические сочинения были широко известны в эпоху эллинизма, бесспорно. Следовательно, и эта теория могла быть известна в эпоху эллинизма, и, таким образом, можно говорить о непрерывности традиции» [2. С.40]. Понимание комедии как подражания жизни Теофраст, один из учеников Аристотеля, перенял у учителя, однако некоторые различия в формулировках суждений все же имеют место быть. «Эпос есть содержание дел божеских и человеческих. Комедия есть содержание дел человеческих, не сопряженных с опасностью. Мим есть подражание жизни, содержащее в себе как допустимое, так и недопустимое» [2. С.70], – такое определение понятий Теофраста весьма различается с аристотелевскими дефинициями. Таким образом, подражание все также остается основой любого эпоса, трагедии и комедии, различие между этими жанрами кроется в другом. Комедия Теофраста безопасна или напрямую не связана с опасностью, т.е. не содержит страдания, тогда как в «Поэтике» Аристотеля нет даже слова «безопасность» или «опасность». Однако, как считает Зоя Анатольевна Барзах [2], эта деформация вызвана либо его посредником между Диомедом и Теофрастом, либо самим Диомедом, потому как именно он сохранил фрагменты сочинений Теофраста, который в свое время обладал библиотекой Аристотеля. Так, понимание комедии как подражание жизни стало традицией, передающейся от Аристотеля к Аристофану Византийскому через Теофраста, а далее непосредственно к Цицерону. В результате, мы можем сделать вывод, что, хотя воззрения последователей философской школы Аристотеля местами далеки от самого Аристотеля, однако основание для исследований работ перипатетиков, отсылающих нас к Аристотелю, все же имеет место быть.

Еще один важный момент относительно источника изучения комедии, который нужно прояснить, касается влияния Аристотеля и перипатетиков на Цицерона. «Комедией называется подражание жизни, зеркало привычки, образ истины» [4. С.22], – с одной стороны, параллель с Аристотелевской теорией комедии вполне очевидна, но с другой стороны, эти связи довольно сомнительны, так как

Цицерон имел привычку переписывать взгляды Аристотеля в зависимости от условий контекста в ходе аргументации. Область комического оценивается им как некоторый дефект или, как это было у Аристотеля, ошибка. И далее, подобно Аристотелю, Цицерон ограничивает эту область сферой «безопасного». Теофраст же, к примеру, хотя и использует термин «ошибка» для определения смешного, однако, опускает понятие дефекта. Такое расхождение вызвано тем, что древнегреческие термины, зачастую, многозначны и расплывчаты, что также отмечает в своей диссертации З.А. Барзах: «Таким образом, ὁμιλῆσις в области комического может подразумевать не только ошибки и заблуждения, но и изъяны характера, и даже неправильности речи» [2. С.7]. Также следует эксплицировать сходство Аристотеля и Цицерона относительно видов юмора. Изначально, Аристотель, еще в первой части «Поэтики», разделял юмор на два вида: «высокий» и «низкий» или благородный, основанный на иронии и рабский, шутовской, использующий брань. Эту же концепцию мы можем увидеть у Цицерона в трактате «Об ораторе»: «Существует ведь два рода остроумия, один из которых обыгрывает предметы, другой – слова. Предметы обыгрываются в том случае, если рассказывается какая-нибудь история... Другой род смешного возникает в словах при изменении в них одной лишь какой-нибудь буквы; греки называют его парономасией» [3. С. 239–256]. Также для прояснения сути феномена комического, у них перекликается тема «неожиданного» смеха, т.е. того, который содержал в себе иронию, впоследствии оборачивающуюся замечанием. Для сравнения отрывки из Аристотеля и Цицерона: «Ирония отличается более благородным характером, чем шутовство, потому что в первом случае человек прибегает к шутке ради самого себя, а шут [делает это] ради других» [1. С.15]; «Такие шутки часто бывают пошлы; остроумны они тогда, когда они неожиданны. Ибо, как я уже сказал, мы от природы склонны потешаться над собственными ошибками и оттого смеемся, обманутые, так сказать, в своих ожиданиях» [3. С. 260].

Таким образом, проблема установления связей между учениями Аристотеля и его последователями, служащие источником в определении природы комического, позволяют достроить учение Аристотеля, несмотря на утерю второй книги «Поэтики». В заключение, укажем характеристики комического у Аристотеля, которые являются общими для него и его учеников: это, во-первых, подражание или воспроизведение действия; во-вторых, элемент безобразного – извращенный и смешной одновременно, словно маска; в-третьих, наличие ошибки – действие, приносящее моральный дефект герою комедии; в-четвертых, безопасность как отсутствие страданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барзах З. Теория комедии у Аристотеля и перипатетиков // Авторефераты диссертаций. СПб. 2005. 158 с.
2. Аристотель. Риторика // Античные риторика. Москва: Издательство АСТ, 2017. 352 с.
3. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. 1972. 475 с.
4. Cicero M. T., Mai A. De re publica. In libraria orphanotropei, 1824. IV, 652 p.

XXI ВЕК: ЖАНР ФЭНТЕЗИ И ЭСКАПИЗМ

Т.Д. Огаркова

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Н. Савельева

Томский государственный университет

Автор статьи обращается к проблеме специфических особенностей жанра фэнтези, в пространстве которого обнаруживаются проявления эскапизма. Актуальность исследования обусловлена высокой популярностью жанра фэнтези в современном мире и существует острая необходимость рассмотреть «уход от реальности» в контексте развития медиакультуры.

В современном мире люди являются рабами иного мира – виртуального. Фэнтези возникло в XX веке и развивалось на протяжении столетия. Отцом этого жанра признано считается Дж. Р. Толкиен, всемирно известный автор «Властелин колец». Он заложил основы волшебного мира – мира фэнтези. Спустя годы его дело продолжили другие писатели: К. Льюис создал мир Нарнии, Дж. К. Роулинг сотворила историю про Гарри Поттера, а Дж. Мартин написал песнь о льде и пламени. Впоследствии эти произведения были экранизированы и обрели глобальный успех. А последующее поколение авторов стало заимствовать сюжетные линии, персонажей, атрибутику, при этом немного видоизменяя и переноса их из чужого волшебного мира в свой, тем самым создавая новый оригинальный продукт. Но в сознании читателей и зрителей уже заложен шаблон волшебного мира, они понимают, что единорог и фея – это персонажи, принадлежащие фэнтези, а путь главного героя будет тяжел, наполнен приключениями, испытаниями, но, в конечном счете, добро победит зло. Жанр фэнтези продолжает развиваться и обретать новые формы, затрагивая все сферы искусства: кинематограф, литературу, живопись и музыку.

В основу произведений жанра фэнтези легли легенды, сказки и мифология. Самым распространенным приемом мифологического фэнтези является творческая переработка традиционного сюжета. Известно, что жанр фэнтези возник как «ответ» на рационализацию мышления, побег от реальности, и получил широкое распространение именно в европейской традиции.

Эскапизм (от англ. «to escape») означает «убегать, спасаться бегством». Проблема состоит в том, что однозначной интерпретации феномена эскапизма в современном научном философском дискурсе нет, само понятие было перенято из психологии, а количество исследовательских работ на данную тему ограничено. Но Д. Р. Толкиен определил термин «эскапизм» в своей работе «О волшебных историях». Он рассуждал о бегстве от реальности и выделил три момента «освобождения» человека: побег от уродливой современной цивилизации, от несчастий мира – болезни, смерти, голода, жажды, и побег от смерти.

Стоит отметить, что формирование и распространение эскапизма связано с культурой постиндустриального общества. Важную роль сыграла интеграция информационных технологий в жизнь людей. Интернет, направленный на удовлетворение интересов человека, вытесняет реальный мир. Люди ежедневно получают огромный поток информации из телевизора, гаджетов, социальных сетей и т.д. Человек, не выходя из стен дома, может в одно касание узнать главные новости в мире, посмотреть сериал, почитать книгу, посетить концерт любимой музыкальной группы и получить наслаждение от путешествия. Но настоящие ли

это эмоции? Эскапизм – своеобразное путешествие личности в свой мир. Ряд особенностей человека, склонного к эскапизму: мечтательность, рассеянность, желание заменить свою личность воображаемой, стремление к развлечениям.

Выделяют несколько причин развития эскапизма. Во-первых, психологические: стрессы, низкая самооценка, неуверенность в себе. Во-вторых, социальные: неопределенность будущего, низкий социальный статус, финансовое положение, давление общества. И в-третьих, интеллектуальные: ограниченный доступ к знаниям, отсутствие четких моральных устоев.

Существуют следующие формы эскапизма: активный – основывается на творческом подходе к вымышленному миру, создание своего мира (снять фэнтези фильм) и пассивный – предполагает низкую активность сознания (смотреть сериал).

Стоит отметить, что эскапизм в современном мире – довольно распространенное явление, присуще людям разной возрастной категории. Почему же человек бежит из реального мира в более прекрасный? Глобализация, информатизация, модернизация, реакция на монотонную однообразную деятельность – все это сказалось на жизни человека. Эскапизм – уход при помощи отдыха и развлечений от ежедневного стресса, т.е. феномен счастья является частью эскапического состояния, которое помогает блокировать негативные эмоции, неблагоприятные ситуации.

Массовый эскапизм – процесс, возникший под влиянием массовой культуры. Коллективная форма проявления эскапизма – это когда группа людей находит убежище в одном и том же фэнтезийном мире. Фэнтези – феномен современной культуры, у которого есть своя уникальная история становления как жанра. Жанр фэнтези относят к массовой культуре, т.к. он общедоступен, легко восприимчив, занимателен и рассчитан на потребление массой людей, носит коммерческий характер. Но можно выделить и элементы элитарной культуры, присущие фэнтези, например, творческая непредсказуемость, сложность для восприятия и понимания некоторыми группами людей, так как присутствуют скрытые коды, двойные смыслы и различные шифры. Безусловно, плюсы жанра – это то, что он приобщает к истории, расширяет кругозор, развивает воображения, поднимает ряд философских вопросов (вечные темы – борьба добра и зла, любовь, самопожертвование). Минусами жанра является следующее: часть настоящей истории сфальсифицирована, используется большое количество штампов, человек приучается к пассивному восприятию, а из-за коммерциализации многие произведения оказываются некачественными.

Эскапизм может быть определен как уход индивида от подлинного (естественного) бытия через его симуляцию в развлечениях. Реальность – это то, что видит человек. В большинстве своем – это черные экраны, монитор компьютера или экран смартфона. Возникает иллюзия другого мира. Происходит подмена идеалов, навязывание потребностей, ценностей, стереотипов. Человек просто существует, а не живет. Подсознательно он понимает, что никакого следа в истории не оставит и всеми способами пытается продлить свое существование путем игр, поглощения новых телепередач, сериалов, «залипанием» в соц. сетях и др. Человек привык прикладывать минимум усилий, чтобы совершить какое-либо действие, ведь существуют гаджеты, нет необходимости лишний раз выходить за пределы дома.

Таким образом, эскапизм, присущий человечеству и сегодня является частью современного мира. Развитие развлекательной индустрии провоцирует человека на отстранение от реальности и забытьё. Эскапизм возник как реакция на происходящее вокруг – жизни и потери каких-то важных ориентиров. Благодаря миру фэнтези эскапизм глубоко укоренился в жизни людей. Во-первых, сюжет фэнтези разворачивается в выдуманном и тщательно разработанном автором мире, чаще всего стилизованном под средневековье, в котором неизменно присутствует магия и мифологические существа. Во-вторых, фэнтези делает акцент на поступках и переживаниях героев, описываемых на фоне авантюрного сюжета, в основе которого стоит противостояние добра и зла. В-третьих, произведения этого жанра представляют собой смесь разных направлений, поэтому внутренняя классификация фэнтези во многом утратила четкость. Жанр фэнтези можно разделить на следующие направления: «высокое» эпическое фэнтези, героическое фэнтези, розовое фэнтези, детское фэнтези, философское фэнтези, историческое фэнтези, юмористическое фэнтези, научное фэнтези и черное фэнтези. Все эти направления отличаются друг от друга по ряду признаков и продолжают развиваться по настоящее время. Люди «уходят» из реального мира в мир фэнтези, потому что там им хорошо.

СОЗНАНИЕ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕЛЯ

Я.Е. Петрова

Научный руководитель: д. ф. н. В.А. Ладов

Томский государственный университет

Феноменология – дисциплина, находящаяся на стыке логики и психологии. Она исследует переживания сознания не как эмпирический факт, а как содержание сознания. Феноменологический анализ мышления не относится к чистой логике, однако его нельзя избежать при логическом исследовании, потому что логически законы все-таки базируются на значении слов.

В феноменологии предметом рефлексии выступают акты мышления, интенциональные акты схватывания. Для феноменолога неважна действительность предмета, на который направлен акт мышления. Интерес представляет природа этого акта и то, к чему он приводит. Трудность заключается в том, что при направлении рефлексивного акта на акт мышления, последний меняется и уже не может быть нам дан в своем изначальном протекании. К тому же возникает трудность изложения и передачи результатов. Даже при обнаружении результата в своем сознании, возникает необходимость его трансляции словами, которые, при всем своем многообразии, не имеют возможности отобразить то, что сопряжено с нашим сознанием. Так же невозможно описать акты мышления, не обращаясь к предметам, на которые направлены эти акты. Трудности касаются и понимания результатов другими людьми. Результаты феноменологической редукции понятны лишь тому, кто достаточно хорошо овладел этим методом. Необходимо отказаться от обсуждения предметности и наивного восприятия, которое искажает высказывания. К тому же феноменологический метод не предполагает выход за пределы собственного сущностного содержания.

Также позднее в цикле лекций «Идеи феноменологии» Гуссерль выявляет трудности познания и предлагает перевести внимание с проблемы постижения трансцендентного объекта на проблему корреляции акта восприятия, предмета и его значения. Этим он пытается преодолеть проблему непознаваемости мира из-за различий природы объекта и воспринимающего сознания. Гуссерль утверждает, что феноменологический метод необходим и в теории познания. Так как феноменология, особая дисциплина, имеющая свою методологию, можно предположить, что и основные понятия также будут трактоваться иначе. Выше уже были приведены характерные черты предмета феноменологического исследования, дальше же будет рассмотрено сознание как одно из основополагающих понятий феноменологии Гуссерля. Для начала приведем некоторые характеристики сознания:

- интенциональность;
- в сознании конституируются феномены;
- продуктивность сознания;
- апперцепция или характер постижения. Единство мышления. То есть субъект хоть и испытывает различные переживания в разные моменты времени, он делает это одним и тем же объективирующим способом. Это объективирующее схватывание также составляет содержание сознания, наряду с комплексом ощущений;

- сущность, наделенная сознанием, имеет возможность относиться к предмету не только внешне, но и внутренне, то есть через феномены, находящиеся в сознании.

Эти характеристики выведены из трех определений сознания, которые Гуссерль считает полезными для феноменологии.

1. Сознание – реальный феноменологический состав эмпирического Я (переплетение психических переживаний в единстве потока). Сознание = феноменологическое Я. [4. С.332].

2. Сознание – внутреннее обнаружение собственных переживаний. [4. С.323].

3. Сознание – общее обозначение «психических актов» или «интенциональных переживаний» [4. С.323]

Как видно, все эти определения связаны с переживанием. Переживать что-то – иметь определенные направленные на это акты (будь то предмет, событие или нечто иное). Пережитое – часть единства сознания, его содержание [4. С.338]. Переживания не содержат в себе реальных вещей. Сознание находит в себе лишь акты, суждения и подобные изменяющиеся материалы. Переживать – иметь направленные «акты восприятия» [4. С.327]. Соответственно, переживание говорит нам о содержании сознания и о его деятельном начале, так как переживание является результатом некоего психического акта. Отсюда вытекает то, что сознание продуктивно. Гуссерль подчеркивает это, используя словосочетание «акт мышления», называя, таким образом, интенциональные переживания сознания. Иначе акт мышления можно назвать интенциональным актом

Нетрудно проследить, что общим для каждого периода деятельности философа является внимание к некоторому акту, с одной стороны, как к акту восприятия, с другой как к содержанию сознания. Попытаемся раскрыть понимание интенционального акта в философии Гуссерля. Гуссерль ставит задачу определить характер акта, который лежит в основе интенции, а следовательно, в основе сознания. Интенциональный акт строится не на переживаемом предмете, а на том, что делает его «направленным». Интенциональный акт -- акт, направленный на какой-то объект. При этом стоит заметить, что сам объект также является частью этого акта, но не как объект физический, а как объект интенциональный, то есть находящийся в сознании в момент совершения интенционального акта, его содержание. Предмет, к которому относится акт, не обязательно существует, потому что акт может лишь подразумевать предмет (например, единорог), отсюда следует, что нельзя называть содержание сознания «ментальным» или «имманентным», потому что он не существует реально. Итак, сознание не что иное как совокупность интенциональных переживаний, их единство. Переживания не содержат в себе реальных вещей. Сознание находит в себе лишь акты, суждения и подобные изменяющиеся материалы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. М. Академический проект, 2011. 565 с.
2. Прехтель П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск: Издательство «Водолей», 1999. 95 с.
3. Шиян А.А. Феноменология как теория познания: размышления над текстом Э. Гуссерля «Идея феноменологии» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение», 2015. С.22–33.

КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА БУДУЩЕЕ, ПОЧЕМУ ЭТО НЕОБХОДИМО И КАК ЭТО ВОЗМОЖНО?

Л.В. Плюснин

Научный руководитель: д.ф.н. Г.И. Петрова

Томский государственный университет

С момента начала дискуссий о коммуникативной рациональности прошло уже более пятидесяти лет. Безусловно, эти дискуссии оказали колоссальное влияние на всю западноевропейскую философию второй половины двадцатого века, в первую очередь, в деле излечения травмы, нанесенной эпохой модерна. Ключевой особенностью этой травмы является разрушение дискурса легитимации через различные метафизические конструкторы. Ю. Хабермас, описывая дискурс модерна, указывает на то, что в его эпоху становится характерен отказ от метафизических (классических) форм легитимации онтологий и этик [1. С.57–59], что, в свою очередь, создает кризис норматива оснований.

«Отталкивание от прошлого, утратившего свое руководящее значение, вызывает экзистенциально обостренное осознание ответственности за продолжение процесса, утратившего свою естественность. Мерила, которыми руководствуется «современность», уже не могут следовать образцам, заимствованным у других эпох: модерн должен создать свою нормативность из самого себя» [2. С. 35]. Теория коммуникативного действия в этом смысле становится попыткой поиска не утилитаристского, но посредством морально консенсуса обоснованного решения, предоставляющего перспективы к развитию реального социального действия. Теория коммуникативной рациональности Хабермаса отлично работала в условиях позднего модерна, эпохи формирования демократических национальных государств Евросоюза, однако испытывает, и, наверное, всегда испытывала, затруднения, когда речевые акты затрагивают не тему настоящего, а тему будущего.

Основной тезис данной статьи заключается в следующем: коммуникативная рациональность как концепт, формирующий и объясняющий процессы достижения консенсуса в демократических обществах, имеет некоторые ограничения, когда речевые акты с претензией на значимость затрагивают тему будущего (ответ на вопрос, почему это необходимо?). В этой связи рационально будет предположить, что концепт коммуникативной рациональности может быть дополнен с целью преодоления вышеуказанного ограничения (ответ на вопрос, как это возможно?).

Почему опасения касательно дискурса о будущем через призму коммуникативной теории вообще возникают? Важной частью природы коммуникативного действия является взаимопризнание того, что речевой акт имеет рационально обоснованный характер. Иными словами, что субъект, высказывающийся и субъект слушающий, могут получить доступ к аргументации без нарушения правил дискурса, направленных на достижение взаимопонимания [3. С. 91]. Данное признание может быть обусловлено только ценностными, моральными и инструментальными (то есть направленными на совершение успешного действия) установками индивида. Из этого следует, что коммуникативные процедуры, предложенные Хабермасом, локализованы в форме «настоящего времени»,

то есть речевые акты с претензией на значимость, по отношению к которым применяются критические процедуры проверки, высказываются действительно существующим актором.

Ключевое ограничение заключается в том, что необходим сам индивид, который может признать действие рациональным и сделать возможным наложение обязательства на себя говорящему субъекту. Когда затрагивается дискурс о будущем этот субъект существует не всегда. Например, когда идет речь о «безмолвном» стэйкхолдере. Под этим термином в менеджменте понимается субъект или субъекты, которые в силу естественных причин не могут выступать проводниками собственных интересов, хотя этими интересами обладая. Обычно под ними понимаются еще не родившиеся, то есть будущие поколения, однако этот список может быть расширен. К примеру, субъект говорящий в настоящем времени о себе в будущем, говорит не о тождественном себе самому субъекте, поскольку в будущем он сам будет иметь некоторые иные характеристики и, следовательно, к этому новому субъекту, должна быть сформирована независимая линия аргументации.

Такое затруднение будет возникать всегда, когда речь идет о программных утверждениях, обычно изложенных в форме дорожных карт, результатах работ фокус групп и форсайтов. Поскольку с появлением более чем одного этапа наложения значимых (для субъектов) обязательств, образуются сложно мотивированные стратегии поведения, которые не могут быть аргументированы в рамках одного речевого акта. Иными словами, количество речевых актов становится равно количеству действий участников и, в связи с этим, количеству изменений в ситуации, на основании которых принимается решение о признании речевого акта рациональным и значимым. Это делало бы невозможным долгосрочные договоренности и любые программы развития чего угодно, так как из-за нестабильности ситуации консенсус было бы достичь невозможно.

Что можно сделать, чтобы не разрушить и не отступить от теории коммуникативного действия слишком далеко, но при этом не оказаться в этой ловушке? Вопрос, очевидно, не так прост и, по всей видимости, заслуживает серьезного и объемного анализа. Можно только сделать набросок того, в каком направлении следует двигаться.

Коммуникативное действие придерживается трех основных правил. Во-первых, участие в дискурсе доступно любому способному к коммуникации субъекту. Во-вторых, участники дискурса не должны принуждаться, каким-либо способом, к вынесению тех или иных суждений. В-третьих, участник сам должен исходить из присуппозиции, что он желает достигнуть взаимопонимания [3. С.67]. Возникает вопрос, каким образом можно зафиксировать «будущего субъекта», когда речь идет о говорящем? Если принять предположение о том, что, действуя в настоящем, мы всегда руководствуемся интеллектуальной процедурой целеполагания, а, следовательно, всегда говорим о некотором возможном будущем, то к трем правилам следует добавить четвертое. Каждый участник коммуникации должен представить в общее коммуникативное поле свое видение будущего с опорой на собственные ценностные, моральные и инструментальные основания, чтобы «будущий» субъект был потенциально реконструируемым и тем самым вовлеченным в коммуникацию и обоснование.

С не родившимися субъектами ситуация обстоит куда более сложно, поскольку адекватная реконструкция их интересов затруднительна, что позволяет говорить только о создании условий реализации их интеракции. Более того, его статус противоречит первому правилу дискурса, с точки зрения факта его возможности вступить в коммуникацию, однако при этом в самой теории коммуникативного действия недвусмысленно говорится о необходимости учета каждого. По всей видимости, следует ограничиться вопросами глобального характера, такими как устройство политической системы, проблемами экологии и в целом вопросами «устойчивого развития» (SDG – sustainable development goal), полностью абстрагировавшись от вопросов частного характера, нивелируя тем самым сложность учета их частных интересов.

Подытоживая вышесказанное, можно говорить о том, что имеет место ограничение теории коммуникативного действия, когда речь заходит об актах с претензией на значимость, сделанных по отношению к будущему. Основным препятствием является необходимость наличия коммуницирующих субъектов в ситуации, когда этих субъектов нет или их интересы не могут быть поняты или представлены. Для работы с проблемой отсутствия субъекта следует ограничить поля притязаний речевых актов определенным полем общих проблем. Трансформирующийся субъект становится более понятным, когда реконструируется его образ будущего на основании ценностно рациональных предпосылок. Это позволит при взаимопризнании значимости речевого акта опираться не только на рациональную теоретическую аргументацию, но и гарантировать свои намерения через выявленные ценности и рациональные утверждения о будущем как о желаемом положении вещей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хаберма, Ю.* Насколько разумна власть долженствования // Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008. С. 51–119.
2. *Фурс В.Н.* Социальная философия в непопулярном изложении. Мн.: Пропи-леи, 2005. 184 с.
3. *Фурс В.Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Мн.: ЗАО «Экономпресс», 2000. 224 с

ЛЕВЫЙ АВАНГАРД: СОЧЕТАНИЕ ИСКУССТВА И ПОЛИТИКИ

В.Ю. Русанов

Научный руководитель: к.ф.н. В.В. Петренко

Томский государственный университет

Октябрьская революция уникальна не только своим социалистическим характером, но и тем, что она позволила создать новую эстетику. Это вполне логично, поскольку ее пролетарский характер предполагал принципиально иную для того времени конфигурацию труда, а значит и социальный порядок, и новую эстетику. Говоря о возможности ненасильственного урегулирования производственных конфликтов, В. Беньямин отмечает, что после «пролетарской забастовки», предполагающей уничтожение государства, рабочие возобновят работу «без государственного принуждения», поскольку забастовка предоставит предприятие им в собственность [1].

Такой же процесс происходил и в искусстве. Оно стремилось стать пролетарским не просто по содержанию, используя рабочие сюжеты, но и по сути: искусство перейдет на уровень конструирования повседневных практик и повседневности вообще. Здесь, прежде всего вспоминается деятельность К. Малевича в Витебске, когда он вместе со своими последователями весь город сделал авангардным, развесив и разукрасив разные городские объекты супрематистскими фигурами. И этот пример позволяет говорить о том, что левый авангард является уже не просто одним из направлений искусства, но и идеей, неким направлением мысли, который и позволил создать новую революционную эстетику [6]. Отмечу, что такой ракурс позволяет рассматривать левый авангард в качестве некоего актора.

Но все выше перечисленное не могло стать возможным без одного технико-технологического достижения индустриальной эпохи: возможности копирования. В своем известном эссе об изменении статуса произведения в эпоху репродукции В. Беньямин, в частности, пишет о том, что это достижение стирает грань между автором произведения и его зрителем, поскольку, например, «... еженедельная [кино]хроника дает каждому шанс превратиться из прохожего в актера массовки. В определенном случае он может увидеть себя в произведении киноискусства – можно вспомнить «Три песни о Ленине» Вертова...» [2]. А возможным подобное стирание границ стало благодаря исчезновению ауры произведения у зрителей; тиражируемость преподносит произведения искусства массе.

При чем, крайне важным является тот факт, что с исчезновением ауры из произведения уходит «ритуальное основание» и на его место становится другая «практическая деятельность: политическая» [2]. А это означает, что, говоря о политико-социальных изменениях в первом постреволюционном десятилетии в России мы не можем обойтись без понятия левый авангард, поскольку оно, на мой взгляд, и было той идеей, предоставившей возможность на практике реализовать коммунистическую повседневность; оно позволяет связать воедино политику и эстетику.

В качестве доказательства нашей гипотезы стоит, прежде всего, обратиться к политической реальности 1920-х годов. Несмотря на то, что Наркомат просвещения рассматривался как о органе, «осуществляющего пролетарскую диктату-

ру в области культуры» [5], главный упор был сделан на сознательный труд рабочих, который и позволит осуществить эту диктатуру на практике: «...в области литературы гегемонии пролетарских писателей еще нет, и партия должна помочь этим писателям заработать себе историческое право на эту гегемонию» [5]. Например, через прессу рабочие могли отвоевать для себя «литературный фронт»: из резолюции «О печати», принятой на XIII съезде РКП(б) (1924 г.) «Рабкоры и селькоры должны рассматриваться как резервы, откуда будут выдвигаться новые рабочие и крестьянские писатели» [5].

В чем еще проявляется пролетарский характер советской культуры? Литература в 1920-е гг. рассматривалась в качестве «идеологически осознанной литературно-художественной продукции» [5]; переопределение литературы, понимаемой как результат творчества писателя, на продукцию означает понимание всего литературного творчества как индустриального процесса, в котором писатель становится рабочим. Например, Э.С. Кадомцев, глава Госкино, говорил, что «кинопромышленность также важна, как и металлургия»; причем, по аналогии с индустриализацией должна быть «кинофикация» [4].

Именно в таком, пролетарском, ключе понимал суть своей работы упоминаемый В. Бенямином выше Дзига Вертов. Собственно говоря, пролетарская суть его кинематографа заключается в самом методе, который он создал для создания своих работ – Кино-Глаз. Он неоднократно отмечал, что Кино-Глаз позволяет создавать кино без сценария, без режиссера, без декораций и без актеров, достаточно лишь «наблюдателей», «операторов» и «монтажеров» [3]. Также, Д. Вертов предлагал по всему СССР создать целую сеть кружков «Кино-Глаз», члены которых, киноки, будут снимать происходящие на местах события и по требованию высылать нужные материалы. Таким образом, режиссер предлагал не просто сделать кино доступным массам, но сделать так, чтобы кино из чего-то редко доступного стало частью повседневной жизни рабочего. Более того, чтобы каждый рабочий смог участвовать в создании киноработ.

Таким образом, если сравнить направления политики партии в 1920-е гг. и стремления представителей левого авангарда (я привел в пример лишь Д. Вертова, но в то же самое историческое время похожим занимался и К. Малевич, и В.В. Маяковский), то можно найти много общего. Более того, думаю, стоит говорить о сотрудничестве левого авангарда и пролетарского государства; тот же Д. Вертов работал в Главполитпросвете, главой которого была Н.К. Крупская. Соответственно, вслед за антропологом А. Юрчаком левый авангард можно называть господствующей фигурой в советском идеологическом дискурсе 1920-х гг. [7] При чем, то, что он – идея предполагает о то, что он – контрреализуем [6], а значит, последующая гегемония И.В. Сталина вполне себе закономерна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беньямин В.* Учение о подобию. Мадиаэстетические произведения. Сб. статей. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
2. *Беньямин В.* Краткая история фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 168с.
3. *Вертов Д.* Из наследия. Том второй. Статьи и выступления. М.: Эйзенштейн-Центр, 2008. 648 с.

4. *Кино*: организация управления и власть. 1917–1938 гг.: Документы. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 606 с.
5. *КПСС о культуре, просвещении и науке*: сборник документов. М.: Политиздат, 1963. 551 с.
6. *Чубаров И.М.* Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 344 с.
7. *Юрчак А.В.* Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 661 с.

ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ В ДИАЛЕКТИКЕ РЕДУКЦИОНИСТСКОГО И ХОЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Н.А.Синюкова

Научный руководитель: д.ф.н. Э.В.Барбашина

Институт философии и права СО РАН

Успехи биомедицинских наук и технологий способствовали выходу современного общества на качественно иной этап развития, появлению практически неограниченных возможностей воздействия на человека на клеточном, молекулярном, генетическом уровне. Сформировалось представление о своего рода лабильности человеческой природы – ее можно модифицировать в различных вариациях, конструируя новые образы биологической реальности. У многих исследователей развитие биомедицинских технологий вызывает законные опасения из-за «непредсказуемых и трудноуправляемых» рисков их применения для самого человека, его пределов как биологического вида, для перспектив и роли человека в будущем современной цивилизации.

Достижения современной техно-научной медицины основаны на доминировании в классическом научном знании редукционистских, механистических представлений о человеке. Человек как телесный «механизм» или «машина» рассматривается как объект приложения знаний медицинской науки и умений врача. Оказание медицинской помощи в свою очередь направлено исключительно на восстановление контроля над больным телом, устранение заболевания.

Методологический редукционизм до уровня физиологических функций позволил медицине сформировать генерализированное и научно-обоснованное объяснение происходящих в человеческом теле процессов и осуществить стремительный прорыв в методах борьбы с заболеваниями. С другой стороны, «одномерные» представления о человеке обуславливают недостатки биомедицинской модели. Физикалистское, биологически-детерминированное восприятие человека способствовало исключению из поля зрения медицины всех тех особенностей человека, которые и делают его человеком.

Ориентация на принципы биомедицинской модели имела существенное влияние на развитие современных лечебных учреждений. Прежде всего оно проявляется в принципах устройства и менеджменте современных крупных больниц или так называемых «фабрик здоровья». В биомедицинской модели внедрение новейших технологий и техники в клинику происходит комплементарно с оттеснением экзистенциальной сферы медицинской практики. Именно по такому «образцу» развивались больницы в XX веке. И сегодня он определяет ориентиры развития многих крупных больниц.

Медицинская практика, став научно обоснованной и технически опосредованной, не нуждается в знаниях о внутренних переживаниях больного, об особенностях его как личности и т.д. Такое знание не является информативным для постановки диагноза и выбора соответствующей терапии, а значит знание о личных проблемах больного и не является необходимым для эффективности лечебного процесса. Достижение эффективности лечения,

победа над заболеванием «любой ценой» является главной целью биомедицинской модели.

Биомедицинская модель медицины, успешно и эффективно функционирующая в случае острого заболевания, оказывается неадекватна современным вызовам «хроникализации» болезней. Дело в том, что хроническое течение болезней требует длительного и комплексного сопровождения больного, в котором помимо сугубо биологических факторов необходимо учитывать и другие параметры жизни больного, такие как образ жизни, характеристики окружающей среды, эмоциональное состояние и т.д. Биомедицинская модель медицины рассматривает болезнь как абстракцию медицинской теории, однако в реальности болезнь не может быть отделена от того кто ей болеет. А медицинская практика и направлена на работу с тем, кто переживает заболевание. Соответственно и цель медицинской практики не может сводиться лишь к устранению заболевания, но к достижению целостного благополучия больного.

В качестве альтернативы биомедицинской модели сформировалась гуманистическая модель медицины, методологические принципы и концептуальные основания которой принципиально противоположны принципам редукционизма и механицизма. Гуманистическая модель основана на холистических представлениях о человеке. В оптике холистического подхода человек рассматривается как открытая и динамическая целостность, которая находится в когерентной, гармоничной взаимосвязи с миром, природой, Вселенной. Механистические представления в холистическом подходе сменяются органицизмом. Человек и Вселенная предстают как живой организм, в котором все связано со всем. «Механизм, машину можно расчленить на детали и снова собрать без ущерба для целого, организм же нельзя, так как его целостность самоценна сама по себе» [1. С.25].

Холистическое понимание человека в медицине развивается в рамках феноменологического подхода. В феноменологии телесность рассматривается не как «вещь среди вещей» или объект материально-вещественного мира, но как переживающая сущность, опосредующая восприятие окружающего мира. В феноменологическом фокусе внимания центральным является восприятие изменений, происходящих в жизни больных, анализ глубинного уровня этих изменений – осмысление, понимание собственного Я, окружающего мира и своего существования в нем.

Медицина рассматривается как пространство intersубъективных взаимоотношений врач-пациент, цель которых облегчение страданий, оказание помощи страдающему, утратившему свою целостность больному на основе взаимопонимания, сострадания и сочувствия. Медицинская практика ориентирована на обеспечение научно-обоснованного и индивидуализированного ухода за больными, включающего психологический, ментальный и экзистенциальный контекст опыта переживания болезни. Индивидуальный опыт болезни в рамках гуманистической медицины рассматривается как переживания в биологическом, социальном, психологическом, экзистенциальном планах.

Дальнейшие перспективы развития современной медицины сегодня все чаще связываются с проектом «прогностической, профилактической,

партиципаторной, персонифицированной медицины – 4ПМ». 4ПМ характеризуется использованием компьютерных технологий и методов математического моделирования для создания виртуальных моделей человека, отражающих взаимодействие всех элементов человека как биологической системы в процессе формирования состояний здоровья и болезни. Посредством общих законов математизированного и виртуализированного естествознания формулируется предположение о степени риска, прочерчивается вероятная «биологическая» траектория жизни человека.

Как утверждают иностранные исследователи, модель 4ПМ основывается на так называемом технаучном холизме, предполагающим генерализованный и динамический технологический взгляд на человека и его жизнь. Человек рассматривается как нелинейная система, в которой все взаимосвязано. Развитие человека есть процесс сложного взаимодействия средовых и генетических факторов, где факторы среды включают психосоциальные аспекты. Здоровье и болезнь определяются как динамические, функциональные состояния, возникающие в процессе генно-средового взаимодействия; как эмерджентные свойства человека в его целостности, которые можно механистически объяснить и научно спрогнозировать.

Одномерность биомедицинского взгляда на человека компенсируется в рамках гуманистической модели рассмотрением человека как целостности. Гуманистическая медицина переходит от биологических фактов к комплексу человекообразующих факторов; от фрагментированной биологической реальности к целостной «человекомерной». В рамках 4ПМ вводится такой инновационный концепт, как биоздоровье или благополучие и целостность человека как результат применения биомедицинских технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ишутин А.А.* Некоторые теоретические аспекты холизма как философской позиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 21–30.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ**СЦИЕНТОФОБИЯ**

А.О. Алексеев

Научный руководитель: к.ф.н. А.И. Гавриляк

Томский государственный университет

С момента своего становления наука является основной движущей силой развития социума [4]. «Цель наук о природе заключается в том, чтобы открыть и изучить ее законы и практически использовать их. <...> Наука для того и нужна обществу, чтобы вооружить его знанием законов природы для использования их в интересах общества. <...> Вооружившись знаниями, рабочие и инженеры, ученые стремятся применить каждое новое открытие на пользу людям, на увеличение их жизненных благ» [5]. Так, благодаря кумуляции научного знания стало возможным, к примеру, расщепление ядер, что позволило использовать колоссальные количества энергии на практике.

На развитие науки влияет множество факторов: мотивация, научный интерес и т.д. По мере развития науки всю большую роль начинают играть экономические факторы, вследствие чего можно утверждать об экономоцентризме современной науки, что оценивается, в целом, негативно [5]. Экономоцентризм главным образом выражается в грантовой системе, финансовом стимуле ведения научной деятельности.

В условиях возрастания ответственности грантодателя за развитие науки необходимо учитывать субъективные факторы, вроде сциентофобия, проявляющиеся как среди общественности, так и финансирующих структур.

Идеальная модель грантовой системы представляет собой финансирование научно-исследовательских работ на безвозмездной основе, нацеленных на решение заранее указанных задач [2]. Отсчетом о проделанной работе являются научно-исследовательские статьи, опубликованные в научных журналах в указанные сроки, библиометрические показатели [1], минимальное количество которых необходимо опубликовать изначально задано.

Гранты стали основным методом финансирования науки [3], способом заработка ученых, следовательно, для ведения активной научно-исследовательской деятельности необходимо выигрывать гранты. Это приводит, исходя из последних тенденций по утилитаризации науки, с чем грантовая система успешно справляется, к отодвиганию от интересующих самих ученых областей исследований на второй план.

Имеет место несколько ипостасей сциентофобии. Во-первых, под страхом науки можно понимать боязнь образа ученого, обладающий непостижимые обывателем знаний, и рассматривающий человека в качестве объекта, сформированного масс-культурой образа ученого, как асоциального элемента. Во-вторых, боязнь теоритизации научного знания. Наличие нетривиального математическо-

го аппарата, разнообразных моделей, приближений и т.д., тревожит неподготовленных людей и отпугивает их от науки. И напоследок, это страх перед непосредственно научной деятельностью, выражается в тревожности относительно потенциальной вреде науки, вследствие непонимания того, что на самом деле представляет собой научно-исследовательская деятельность и какие задачи решают ученые, неопределенности в каком направлении движется наука. Однако, сциентофобия может проявляться даже среди прекрасно осведомленных о научных тенденциях в виде опасений по поводу развития определенных из их числа.

В реалиях грантовой системы и экономоцентризма возможна стагнация научных исследований, вследствие недофинансирования из-за проявления сциентофобии перед ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.П., Алексеева И.Ю.* Экономический позитивизм и будущее науки // *Философия науки и техники*. Т. 20. 2015. С. 169–190.
2. *Исследовательские гранты: социологический анализ понятия* // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014. № 7. Ч. 2. С. 186–188.
3. *Лазар М.Г., Стрельцова Е.А.* Грантовая система финансирования российской науки: итоги одного социологического опроса // *Социология науки и технологий*. 2015. С. 38–49.
4. *Перышкин А.В., Крауклис В.В.* Курс физики. Ч.1. Механика, учпедгиз 1957. 160 с.
5. *Экономоцентризм как деструктивный фактор развития* // *Философия хозяйства*. 2012. №3. С.138–147.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ МАСШТАБНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО

Т.Б. Алябьева

Научный руководитель: к.ф.н. Д. Л. Ситникова

Томский государственный университет

В современном мире человечество до сих пор сталкивается с проблемой социального неравенства. Но помимо привычных типов неравенства, таких как, классовое, расовое, имущественное, появляются новые – например, цифровое неравенство. Как показали теоретики современности, это связано с тем, что мы живем в информационном, постиндустриальном мире, где главной ценностью, определяющей благосостояние общества и государства, становятся не материальные блага, а современная и легкодоступная информация [2]. Д. Белл писал, что постиндустриальное общество основано на услугах, и на замену энергии и силы приходит информация [1. С.171]. Й. Масуда считает, что основной производственной силой в современном мире становятся знание и информация [7]. Поэтому неравный доступ к информации, условия, препятствующие ему, могут стать основой для появления неравенства.

Идея социального неравенства принадлежит социологам, и формирование данной проблемы в частную дисциплину – социологию неравенства – произошло в конце XIX века [9. С. 125]. Однако задолго до XIX века многие мыслители – такие как Платон, Аристотель, Томас Гоббс, Джон Локк и др. – задумывались над справедливостью равенства или неравенства, хотя в основном в политическом смысле. На протяжении столетий старые виды неравенства преодолевались, и на их замену приходили новые, возникающие в процессе развития человечества.

Цифровой барьер, информационное неравенство, цифровое неравенство (Digital Divide) – разрыв между индивидами, предприятиями, географическими районами на социально-экономическом уровне, связанный с доступом к информационно-коммуникационным технологиям и с их использованием в различных видах деятельности [10. С.5].

Проблема цифрового неравенства заключается в ограничении возможностей человека, не имеющего доступ к современным технологиям. Она широко распространена во всем мире, об этом пишут многие исследователи. Например, П. Химанен и М. Кастельс в своей работе «Информационное общество и государство благосостояния» выдвигают следующую идею: обмен информацией помогает преодолению неравенства, но перспективы заметно ухудшаются из-за того, что некоторые люди не включены в данный обмен [8].

Массовое использование новых информационных технологий создает исключительные возможности для научно-технического общества. При этом происходит формирование абсолютно нового информационного уклада жизни и производственной деятельности человека и общества. Информационное неравенство усиливает социальное расслоение общества и по этой причине представляет угрозу для его стабильности [5].

Для преодоления цифрового неравенства необходимо найти инструмент, который исследует и предвидит негативные последствия использования масштабных технологий. Таким инструментом может являться социальная оценка тех-

ники (Technology Assessment) – особая отрасль междисциплинарных исследований, объектом которых является широкий спектр существующих или потенциальных позитивных и негативных последствий развития науки и техники [4. С. 3]. Например, для того, чтобы провести интернет в сельских населенных пунктах Томской области, необходима оценка данного нововведения. Масштабные технологии необходимо оценивать, для того, чтобы предотвратить негативные последствия, которые могут угрожать обществу. Оценка техники должна учитывать более давние изобретения, чтобы не повторять уже совершенные ошибки.

Как мы видим, информационное неравенство XXI века связано, прежде всего, с доступом к сети интернет. Интернет – это пример масштабной технологии, неравномерное распространение которой и является причиной возникновения информационного неравенства. А было ли в истории человечества нечто подобное? Какие еще масштабные технологии могли приводить к дифференциации общества по принципу доступа к информации? На наш взгляд, таким примером является строительство железных дорог и Транссибирской железнодорожной магистрали во второй половине XIX века, в частности.

Транссибирская магистраль или Великая Сибирская дорога – это рельсовый путь, который соединяет Европейскую часть России с Сибирским и Дальневосточными регионами. Строительство Транссибирской магистрали в конце XIX века серьезно изменило положение Сибири и в некоторой степени помогло уменьшить технологический разрыв между европейской и азиатской частью Российской империи.

Например, при строительстве Транссибирской магистрали – одной из самых масштабных технологий XX века – не были учтены многие факторы, из-за чего проявились некоторые негативные последствия – например, деревни и города, находящиеся далеко от железной дороги, либо пришли в упадок и исчезли, либо замедлились в развитии. Причиной этого стала постепенная смена принципа расселения – если ранее население селилось по р. Оби и по линиям Московского тракта, то после сооружения железнодорожных путей оно стало концентрироваться вдоль основной магистрали [6]. Таким образом, районы, не имеющие доступа к железной дороге, либо отставали в развитии, либо преодолевали неравенство посредством строительства ответвлений от главного пути [6].

Данная ситуация может стать примером преодоления цифрового неравенства в современном мире. Выводы, которые были сделаны в результате изучения последствий строительства Транссибирской магистрали, могут помочь при планировании и осуществлении проектов, направленных на обеспечение отдаленных регионов или отдельных групп населения доступом к сети Интернет. В настоящее время проводится политика по устранению неравенства такой крупной организацией как ООН, внутри которой было создано специализированное подразделение – Международный союз электросвязи. Его цель заключается в обеспечении для человека равного доступа к информации [2]. Попытку уменьшить цифровое неравенство предпринимает в настоящее время американский инженер и предприниматель Илон Маск, который утверждает, что к 2027 году население всей планеты сможет использовать бесплатную беспроводную сеть – Wi-Fi.

Таким образом, мы видим, что масштабные технологии способны менять социально-экономическую структуру общества, вызывать новые виды неравенства, поэтому их распространение и применение требует всестороннего анализа, а методология социальной оценки техники поможет предвидеть негативные последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования // М.: Academia, 2004. С. 165–180.
2. Бондаренко С. Цифровое неравенство [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6053/> (дата обращения 22.03.19)
3. Горохов В.Г., Грунвальд А. Социальная оценка техники как прикладная философия техники [Электронный ресурс] // URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5347/> (дата обращения 22.03.2019).
4. Ефременко Д.В. Введение в оценку техники // М.: Изд-во МНЭПУ. 2002. 250с.
5. Колин К.К. Фундаментальные проблемы информатики // Сб. н. тр. «Системы и средства информатики». М.: Наука. 1995, вып. 7. С. 5–20.
6. Ламин В.А. Роль транспортных путей в освоении Сибири // Уральский истор. вестн. №2. 2012 г. С. 37–42.
7. Масуда Й. На пути к новому этапу становления общества // США: ЭПИ. М., 1983, № 6.
8. Химанен П., Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель. М.: Логос. 2002. 219 с.
9. Шкаратан О.И. Социология неравенства: теория и реальность // М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. С. 125–226.
10. Organisation for Economic Co-Operation and Development. Understanding The Digital Divide [Электронный ресурс] // URL: <http://www.oecd.org/sti/1888451.pdf> (дата обращения 26.03.19)

РОЛЬ РИТУАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

И.С. Бойко

Научный руководитель: д.ф.н. В.В. Чешев

Томский государственный университет

Сознание представляет собой единство аффективных и мыслительных процессов, складывающихся в ходе социализации и последующей социальной активности индивида. Этот процесс был предметом исследования талантливого советского психолога Л.С. Выготского, указавшего на процедуру интериоризации внешнего действия, в ходе которой происходит осознание значений, усваиваемых психикой человека [1].

Благодаря ритуальному действию обеспечивается усвоение смысловых значений, которые являются основными средствами управления поведением каждого члена сообщества. «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления... Точно так же, кто оторвал мышление от аффекта, тот заранее сделал невозможным изучение обратного влияния мышления на аффективную, волевую сторону психической жизни» [1. С.21].

Человек программирует запечатленные им культурные смыслы в процессе своего поведения. Механизмы знаковой коммуникации побуждают человека действовать и мыслить, что является своеобразной объективацией образцов социального поведения. Социальная среда и вместе с ней принципы организации общества не без оснований помогают индивиду усваивать культурные смыслы, разделяемые сообществом в целом. Это говорит о том, что сознание формируется в ходе социальной активности индивида.

Наиболее сильный эффект в социализации индивида и становлении психических процессов дает коллективное эмоционально-переживательное запечатление смысловых значений. Л.С. Выготский отмечает: «Центральной проблемой при объяснении высших форм поведения является проблема средств, с помощью которых человек овладевает процессом собственного поведения» [1. С.126]. Значение как компонент высшей психики формируется в социальной среде. Восприятие и коллективное переживание смысловых значений отражает изменения психики в целом. В.В. Чешев объясняет функцию знаков в становлении индивидуального сознания так: «Особая роль знака в том и состоит, что с его помощью человек овладевает своими психическими процессами» [2. С.146].

Чем сильнее эмоциональное переживание, тем выше поведенческая активность индивида. Именно в коллективном действии, одной из форм которого является ритуал, происходит зарождение как бы новой сверхчувственной реальности, которая опосредована всевозможными символами и знаками. Главную особенность ритуала можно обозначить как воздействие на психику индивида в ходе ярко выраженного эмоционально – переживательного действия. Это воздействие обусловлено своей прямой целью: запечатлеть в сознании каждого члена коллективного действия особого рода смыслы, которые впоследствии будут носить характер всеобщий и необходимый в данном кругу людей. Так формируется самосознание всего общества в целом. Сначала создается ситуация сплочения определенного количества людей, например, племя собирается вокруг своего

тотема, чтобы совершить ритуальный обряд. После происходят ритуальные действия: вызов духа тотема шаманом, погружение в мистическую реальность, где каждый участник ритуала переживает общее коллективное чувство. Именно через коллективное самосознание сильнее всего происходит воздействие на сознание отдельного индивида. Субъективность отбрасывается, человек забывает о своем Я, он полностью погружен в другую реальность, от него не зависящую.

Особенность ритуала в том, что он есть механизм интериоризации, означивания или наделения смыслами психической реальности каждого индивида. Как внешнее проявление коллективного действия в социуме или в ситуации сплочения группы людей, ритуал обеспечивает переход от внешней социализации к внутренней знаково-символической активности. Психика человека формируется по принципу «извне – вовнутрь». Это означает, что адаптация в культурно-исторической среде с необходимостью предполагает социальную активность индивидов в ходе совместной деятельности. Через сотрудничество и разделение общих механизмов поведения закладываются общие смыслы. Усвоение общих культурных программ поведения помогает фиксировать значения как определяющие внутренней психики или сознания индивида.

Ритуальное действие включает в себя как внешний, так и внутренний аспекты интериоризации. Вживание участников ритуала в общее аффективное действие с использованием необходимых средств: жесты, музыкальные инструменты, эмоциональные всплески, символическая речь и т.д., являются внешним выражением запечатления культурных смыслов и знаков. Чтобы перенести внешние смысловые образы во внутренний компонент психики, необходимо чувство глубокого приобщения и сопереживания ритуального действия всеми участниками. Тогда и только тогда, когда индивид вжился в социальную среду и прошел ступени социализации, он может руководствоваться социальными образцами поведения как внутренними компонентами собственной психики, формировать собственные программы поведения. Так ритуал осуществляет переход от оперирования внешними символами во внутреннее содержание мыслительной активности индивида.

В подтверждение тезиса о том, что сознание – это бесконечный культурный процесс, обогащаемый через социальное действие и знаково-символическую активность мы обращаемся к классическим работам и полевым исследованиям В. Тернера, в которых наглядно представлено формирование смыслов и знаков в ходе ритуальных или обрядовых практик. Главная мысль Тернера заключается в следующем: ритуал способствует формированию общественного уклада жизни, наполняет новыми смыслами и закрепляет старые в процессе коллективного действия. Регулировать поведение сородичей становится гораздо проще и эффективнее при использовании ритуальных или обрядовых практик, где складывается особое символическое пространство. Причем одни и те же символы как мельчайшие единицы ритуала могут обозначать разные смыслы. Например, дерево мудья (белого цвета) у африканских племен ндембу используется в качестве неотъемлемого символа во многих обрядовых практиках: инициации мальчиков и девочек, обозначения женского начала, в знахарских обрядах как источник силы и здоровья, долголетия, процветания, в обрядах по восстановлению детородной функции у женщин. Племена ндембу в центральной Африке стали

предметом научного интереса Тернера и его дальнейших антропологических исканий.

Ритуал – это тоже своего рода символ, символ социального родства и единства. Он задает основы незыблемости социального уклада жизни. Во всей полноте прочувствовать сильнейшую энергетику ритуала помогает непосредственное «вживание» в жизнь племен социальных групп. Тернер подчеркивает: «Я бы советовал, исследователям ритуальных процессов изучать их, прежде всего держа "руку на пульсе", в содействии с их деятелями, необходимо в течение длительного времени разделять повседневную жизнь изучаемых людей и знать этих людей не только как исполнителей социальных ролей, но и как неповторимых личностей, со своим стилем и душой каждая» [3. С.28–29]. Важной заслугой Тернера является обнаружение в ритуале как новых смыслов, так и традиционных уже сложившихся смыслов.

Важно в ритуале и через ритуал сохранять идеалы традиционного общественного порядка, не осквернять сакральные нормы, не идти наперекор сложившейся системе символов и смыслов. Но также вполне реально незаметно пропитывать старые идеалы новыми ценностями через обрядовую функцию сакрализации времени и его остановки. В момент нарушения обычного порядка вещей, в момент наступления хаоса до восстановления естественного хода вещей можно вносить изменения, навешанные новыми жизненными ценностями и смыслами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь / Собрание сочинений, В 6 т. Т.2. М.: Педагогика, 1982. 361 с.
2. *Чешев В.В.* Человек как мыслящее существо, или Оправдание разума. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 286 с.
3. *Тернер В.* Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.

ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В ВОПРОСЕ СОХРАНЕНИЯ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Е.Е.Букина

Научный руководитель: д.ф.н. И.В.Черникова

Томский Государственный университет

Быстрые темпы развития науки и техники порождают немало новых проблем и альтернатив. Возрастает необходимость осмысления и толкования все возрастающих процессов воздействия конвергирующих НБИКС-технологий на все сферы социальной жизни. Но особого внимания в данном контексте требует анализ воздействия данных ультрасовременных технологий на человеческую самоидентичность. Мы живем в эпоху дискуссий трансгуманистов с борцами за «натурального» человека. И каждая из сторон имеет достаточно аргументов. Эта ситуация, когда роль развития инженерной деятельности уже перестает быть вопросом только узконаучным, а становится полем для всеобщих дискуссий и социальной оценки научных достижений.

Необходим всеобщий анализ современных концепций эволюции человека в свете активного развития технауки и, в частности, конвергирующих НБИКС-технологий, «взрывающих» человеческую идентичность, открывающих неведомые ранее для науки горизонты исследований. В результате их использования трансформации подвергается не только социальная, но и биологическая сущность человека. Данная ситуация приводит к необходимости поиска тех механизмов, которые будут способствовать человеку остаться Человеком, сохранив свою идентичность. Большую роль в данном вопросе смогут сыграть нормы естественного права, являющиеся основанием нашей жизни и берущие свое начало из биологической природы человека. Для обоснования данного тезиса необходимо обратиться к анализу концепции естественного права и концепции развития человека в культуре под влиянием научно-технологического прогресса.

Концепции естественного права направлены на формулирование определенных правовых норм, наделенных характером объективности, безграничности сроков и сферы деятельности, а также всеобщности. По мнению В.С. Нерсисянца, в результате объединения моральной и правовой основ естественное право представляет собой комплекс социальных норм ценностно-содержательного и нравственно-правового характера [2]. Нормы права способствуют в реализации в обществе идеалов социального равенства, справедливости, свободы личности, и пр. Таким образом, право в идеалистическом его понимании должно являться полностью человекоориентированным.

Если обратиться к истокам возникновения феномена естественного права, то обнаружим, что «естественные права человека по своей сути отражают самые насущные потребности человека, поскольку исходят из его биологических и социальных начал» [3. С.3]. В мировоззрении Античности и Средневековья в качестве закона природы понималась проекция на физическую природу юридических и моральных законов. Данная ситуация складывалась до тех пор, пока посредством открытий в физике, математике, химии и прочих точных науках не были выведены чисто физические, так называемые «природные» законы. Соответственно теперь юридические и моральные законы толковались как их реали-

зация. Моральные же законы стало принято именовать «естественным правом». Его основой оставалась человеческая природа, своего рода «универсалия».

Фундаментальным основанием естественного права было принято считать интересы человека, его потребности как телесные, так и духовные. В первых теориях естественного права человечество до образования государственности рассматривалось как живущее в своем естественном состоянии. Человеческая природа не считалась историчной, т.е. склонной к какой-либо изменчивости. В стремлении самосохранения проявлялся своеобразный эгоизм человека сохранить свою сущность.

Однако именно инстинктивное стремление к самосохранению, по мнению, например, Т.Гоббса, привело человечество к «войне всех против всех» [1]. В соответствии с принципами разумности человечеством был найден выход – отказ от естественного состояния и отчуждение ряда естественных прав, и далее – становление государственности. Однако переход в данное состояние всего социального строя уже нельзя было назвать свободным состоянием.

Если проанализировать работы исследователей естественного права, то можно заметить, что по своей сущности выделяются две категории этого феномена: естественно-биологические права и естественно-социальные. К первым можно отнести право на жизнь, индивидуальный облик, здоровье, продолжение рода, благоприятную окружающую среду и т.п. Ко второй – право на свободу, равенство, достоинство личности, собственность, право наций на самоопределение и т.п. Данные и прочие права частично или полностью и в разнообразных формулировках отражены в ряде международных деклараций и конвенций, а также и в Конституции Российской Федерации. Таким образом, естественное право возникает с момента рождения человека и далее должно является неотъемлемой составляющей его жизни, имея при этом объективный, не зависящий от индивида характер. Сторонники традиционных концепций естественного права предполагали, что «организм развивается по определенным биологическим законам, которые человек не в состоянии изменить» [3. С.3].

Сейчас можно наблюдать абсолютное несоответствие наличного бытия подобному подходу. В эпоху достижения возможности трансформации человеческой природы под воздействием технического прогресса и, в частности, активного развития НБИКС-конвергенций биологическая природа человека уже не является константой. Ее изменение соответственно поднимает вопросы сущности и соблюдения естественно-биологических прав человека.

В условиях авторитарного общества социальная манипуляция преследует цель выдать интересы нации, расы, религии народа за личные интересы индивида. Соответственно наиважнейшей задачей социальных институтов должно стать устранение подобного влияния на личность внешних общественных сил, противоречащих его индивидуальным потребностям и интересам. Необходимо учитывать, что свобода одного человека ограничивается свободой других людей. По мнению В.Франкла: «Свобода, лишенная ответственности, вырождается в произвол. Эта ответственность человека за аутентичность своего бытия, за правильное нахождение и реализацию им смысла своей жизни. По сути, это ответственность человека за свою жизнь» [4. С.18].

Если в современном обществе позитивное право, отраженное в юридических нормах, можно с полной уверенностью назвать общественным регулятором и

системой норм и правил, то естественное право, к сожалению, отодвинуто на второй план. Однако именно оно должно быть основой, как норм позитивного права, так и социального устройства, в том числе развития и внедрения конвергирующих технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антология* мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М.: Мысль, 1997. 832 с.
2. *Нерсисянц В. С.* Право и закон. М.: Юридическая литература, 2004. 365с.
3. *Проблемы* философии морали. М.: Республика, 2000. 239 с.
4. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368с.

ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЯ ВЗГЛЯДОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НА ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В XX ВЕКЕ

Н.В. Воронов

Научный руководитель: к.ф.н. Д. Л. Ситникова

Томский государственный университет

В современном мире тема, связанная с искусственным интеллектом (ИИ) является одной из самых популярных тем для дискуссий. Обсуждаются как его преимущества по сравнению с естественным интеллектом, так и недостатки, опасности и неожиданные последствия его использования. Человечество живет с идеей создания машинного мозга уже не одно столетие, и отношение к нему за это время было разным – от полного неприятия до восхищения и надежд. Для того чтобы понять, стоит ли вообще создавать такой интеллект и как он будет воспринят сообществом, необходимо знать, что может повлиять на отношение сообщества. Таким образом, нам необходимо выяснить какие конкретные факторы оказали влияние на общественное мнение об ИИ в XX веке, что послужило переломом.

На сегодняшний день сфера информационных технологий (ИТ) является одной из самых быстроразвивающихся научных сфер, что подтверждается широкой областью применения нейронных сетей (НС – инновационная область применения прикладной математики). НС применяются в психодиагностике, в хемоинформатике, нейроуправлении, экономике. Конечно, пока что такие вычислительные системы не могут в полной мере сравниться с человеческим мозгом, однако мощность систем увеличивается стремительными темпами. Уже давно ставится вопрос о создании сильного ИИ (компьютера, способного мыслить и осознавать себя как отдельную личность).

Под искусственным интеллектом сегодня подразумевается способность различных систем брать на себя функции человеческого интеллекта. Сам термин «искусственный интеллект» был предложен американским ученым, основателем функционального программирования Джоном Маккарти в 1956 году.

Однако, как уже было сказано выше, идея искусственного интеллекта зародилась намного раньше. Впервые смоделировать разум попытался в XIII веке францисканский монах Раймонд Луллий. Он предложил устройство для доказательства любых истин. Луллий считал, что в каждой отдельной области знаний можно выделить основные понятия, из которых можно вывести все остальные. Таким образом, все знания выводятся из основных, первичных понятий. Данный принцип подобен тому, как в геометрии все теоремы выводятся из аксиом, ограниченных по количеству. Монах придумал машину, состоящую из системы концентрических вращающихся кругов. Круги были поделены на зоны, раскрашенные различными цветами, и отмеченные буквами, обозначавшие то или иное понятие. С помощью рычага круги вращались, совмещаясь, образовывали сочетания букв – подобие формул. Луллий считал, что вращение по определенным правилам дает возможность получить истину обо всех вещах во Вселенной [2. С.23].

«Правила вращения» – это то же самое, что сегодня мы называем «методы сокращения перебора вариантов». Вокруг этих самых методов ведется большинство современных исследований в области искусственного интеллекта [2. С.23].

Сегодня существуют две позиции о роли искусственного интеллекта для человечества. Сторонники первой точки зрения представляют искусственный интеллект как вид, который сменит homo sapiens. Вторая же точка зрения обрела свою популярность в середине XX века. Сторонники этой точки зрения утверждают, что роботы, обладающие искусственным разумом – лучшие помощники и добрые друзья человека [2. С.54].

Существенное влияние на общественное мнение оказали работы американского писателя-фантаста, популяризатора науки Айзека Азимова. И не меньшее влияние на общество оказала работа «Вычислительные машины и разум» английского математика, логика, криптографа Алана Тьюринга, который рассматривает вопрос «Может ли машина мыслить?». Итак, мы собираемся проанализировать эти работы с точки зрения их влияния на представления об ИИ в обществе.

В 1950 году вышел сборник рассказов американского писателя А. Азимова «Я, Робот», который принес ему мировую известность. В этом сборнике Азимов сформулировал три закона робототехники – обязательные правила поведения для роботов. Законы гласят:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.
2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.
3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит другим законам [1. С.127].

До того, как появились Три закона, в большинстве фантастических рассказов писатели представляли роботов, как существ, которые непременно восстанут против человечества и стремятся к его уничтожению. «Эта проблема стала одной из самых популярных в мире научной фантастики в 1920–1930-х годах, когда было написано множество рассказов, темой которых являлись роботы, восставшие и уничтожившие своих создателей. ...Мне ужасно надоели предупреждения, звучавшие в произведениях подобного рода» – отмечал позже Азимов. Таким образом, роботы Азимова – это не злодеи, которые хотят уничтожить или поработить человечество, а помощники людей, которые даже часто оказываются куда более человечными, чем их хозяева.

Теперь рассмотрим работу английского математика, логика, криптографа А. Тьюринга «Вычислительные машины и разум», опубликованную в 1950 году. В данной работе математик рассматривает вопрос «Могут ли машины мыслить?». Тьюринг рассматривает 9 основных утверждений, которые говорят, что машины не могут мыслить. Каждому из 9 утверждений Тьюринг находит контраргументы.

Кроме того, в последнем разделе своей статьи Тьюринг оценивает возможности создания машины, способной мыслить, с точки зрения программирования и инженерии.

Работа Алана Тьюринга стала одной из самых популярных философских работ. Она оказала огромное влияние на развитие различных интеллектуальных дисциплин, таких как, например, искусственный интеллект. Кроме того, эта работа оказала значительное влияние на общественное мнение. Во многом благодаря Тьюрингу, общество признало возможность создания интеллекта, способ-

ного думать. Кроме того, у людей сформировалось образ такого интеллекта. Люди увидели роботов, обладающих разумом не как врагов и поработителей, а как своих друзей и помощников. Общественное мнение об ИИ во второй половине XX века меняется в сторону восторга и одобрения. Дополнительно мы можем убедиться в этом, посмотрев популярные, культовые кинофильмы второй половины XX века. Такими яркими примерами будут: американский боевик «Робот-полицейский», советская комедия «Действуй, Маня!».

Таким образом, перелом в общественном мнении об искусственном интеллекте произошёл в 1950-е годы. Серьезное влияние на общество оказали художественные работы А. Азимова (собранные в сборник «Я, Робот»), в которых он показал людям роботов, как добрых, дружелюбных существ. Философская работа А. Тьюринга «Вычислительные машины и разум», также оказала огромное влияние на мнение общества. В этой работе ученый разбил аргументы против ИИ и сформировал облик машинного разума, способного думать, с точки зрения инженерии и программирования.

Однако все еще сохраняется тенденция представления мыслящих роботов, как врагов человечества. Отсюда – бесконечные сюжеты войны с машинами, восстания машин, описание античеловеческого мира во множестве романах, фильмах, произведениях живописи [2. С.54].

Какая тенденция в итоге одержит верх – покажет лишь наше будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов А.* Мечты роботов. М.: Эксмо, 2004. 846 с.
2. *Петрунин Ю.Ю.* Искусственный интеллект как феномен современной культуры. М., 1994. 54 с.
3. *Тьюринг А.* Может ли машина мыслить? Государственное издательство физико-математической литературы. М.: 1960. 67 с.
4. *McCarthy J.* What is Artificial Intelligence? // Stanford University – 2007. [Электронный ресурс] // URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения 28.11.2018).

РОЛЬ НЕОСОЗНАВАЕМЫХ ПРОЦЕССОВ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Е.А. Зырянова

Научный руководитель: к.ф.н. Д.Л. Ситникова

Томский государственный университет

Наука стремится к получению объективного и предметного знания. Для этого научное познание формирует необходимые для исследований модели реальности. Могут ли в эти модели вкрадываться ошибки? В познании существуют как сознаваемые, так и неосознаваемые процессы. Вопрос о том, оказывают ли какое-либо влияние неосознаваемые процессы и когнитивные искажения на результаты научного познания, является значимым для решения ряда вечных вопросов об источниках познания, о возможности достижения истины, о соотношении нашего восприятия с реально существующими объектами. Отметим, что в рамках этой проблематики нам интересны не логические ошибки, а скорее психологические и познавательные процессы, приводящие к формированию некорректной модели. Под неосознаваемыми понимаются «cognitive biases» – когнитивные процессы, происходящие «вне нашего поля зрения», без участия активного сознания.

Для обозначения места неосознанных процессов и когнитивных искажений в познании, обратимся к структуре познавательного процесса. Для осуществления любой познавательной деятельности необходимо соблюдение некоторых условий. Познавательный акт невозможен без субъекта и объекта познания. К субъекту познания можно отнести не только индивида, но и сообщество, и социум, однако мы сконцентрируемся на субъекте-индивиде, как на своеобразной познавательной единице. Также принципиально важен подход к пониманию субъекта познания, «воплощенное познание», при котором «познающий – это человек, обладающий не только познавательной способностью, не только гносеологический субъект, но человек с эволюционно обусловленными способностями восприятия, чувствами и эмоциями, языком и мышлением [4. С.104]. Такой подход можно назвать коннекционистским: познание рассматривается не как изолированный процесс внутри субъекта, а как зависящий от взаимодействия среды и системы.

Познание имеет свои цели и средства, осуществляясь через отдельные акты познавательной деятельности. Альберт Николаевич Книгин выделяет два изначально неосознаваемых условия познания: наличие фундаментальных убеждений и признание принципа отражения. Фундаментальные убеждения содержат в себе два гносеологических постулата: фундаментальное онтологическое и фундаментальное гносеологическое убеждения. Фундаментальное онтологическое убеждение представляет собой уверенность в том, что мир действительно существует, а человек этому миру, так или иначе, принадлежит. В рамках этого убеждения реализуется принцип «что бы мы ни представляли, мы представляем это как существующее» [2. С. 56]. Фундаментальное гносеологическое убеждение заключается в уверенности в том, что объекты мира могут быть познаны человеком. В нем раскрывается внутреннее ощущение того, что наши восприятия и мысли каким-то образом отражают то, что есть в реальном мире. Одним из примеров неосознаваемых процессов можно считать прайминг-эффект, эффект

предшествования – явление, характерное для функционирования имплицитной памяти. Суть эффекта предшествования заключается в том, что реакция на стимул обуславливается реакцией на предыдущий стимул. Прайминг-эффект влияет как на эффективность, так и на скорость решения определенной задачи. При этом как стимул 1, так и стимул 2 могут осознаваться со всей ясностью, но связь между ними человек не увидит. Например, испытуемому показывают картинку лопаты для уборки снега, а затем показывают изображение с изображением заснеженного дома и курицы, и испытуемый опознает картинку заснеженного дома на доли секунды быстрее, чем картинку с курицей. В исследованиях Ричарда Нисбетта и Тимоти Уилсона «Говорим больше, чем знаем» было продемонстрировано, что люди зачастую не осознают факторы, влияющие на их выбор [3. С. 177].

Амос Тверски, пионер когнитивистики, изучал влияние таких неосознаваемых процессов в познании как когнитивные искажения на оценки риска и потенциальных выгод. Работающий с ним в соавторстве психолог Даниел Канеман в работе «Думай медленно, решай быстро» рассмотрел когнитивные искажения в контексте экономических исследований. Его книга посвящена пониманию оценочных суждений и механизма принятия решений. Он пишет: «основную часть ошибок люди совершают по определенным шаблонам. Такие систематические ошибки, называемые искажениями, предсказуемо возникают в одних и тех же обстоятельствах. Например, аудитория склонна более благоприятно оценивать привлекательного и уверенного в себе оратора» [1. С.25]. Это явление получило название «эффект ореола». Когда подобное искажение выявляется и описывается, оно становится предсказуемым и понятным. Канеман указывает на то, что процесс мышления кажется понятным только на первый взгляд – на деле «умственная работа, ведущая к впечатлениям, предчувствиям и многим решениям, обычно происходит незаметно» [1. С.35]. Канеман и Тверски предложили ряд экспериментов. Так они обнаружили, что люди склонны использовать определенные неосознанные методы для формирования суждения по наиболее легкому пути. Неосознанная вера человека в используемый метод вела к определенным искажениям, которые удавалось предсказать на основании изученной эвристики. Испытуемым предлагали ответить на вопрос: «Кем работает Стив: библиотекарем или фермером?». При этом указывалось, что Стив «очень застенчив и нелюдим, всегда готов помочь, но мало интересуется окружающими и действительностью. Он тихий и аккуратный, любит порядок и систематичность и очень внимателен к деталям». Большинство испытуемых на основании описания немедленно определяли Стива в библиотеку, совершенно игнорируя статистический факт: на каждого мужчину-библиотекаря в США приходится более 20 фермеров. Вывод, таким образом, был субъективным: основывался на основании человеческих представлений и стереотипах о фермерах и о библиотекарях. Что примечательно, переживания человека «опыта бытия» библиотекарем или фермером являются строго индивидуальными, при этом мы видим, что они любопытным образом совпадают, что отсылает нас к детерминированности опыта интенциональным объектом. Также, на основании книги «Черный лебедь» Нассима Талеба, Канеман выделил и описал неспособность разума «принять полный объем нашего невежества и неопределенности окружающего мира» - склонность игнорировать темные пятна в познании и возводить в абсолют свою уверенность

в достоверности [1. С.43]. В работах Канемана и Тверски был сформирован подход, согласно которому неосознаваемые процессы в познании являются следствием самого механизма мышления, возникающие когнитивные искажения в процессе мышления – неотъемлемая его часть.

Итак, какую роль играют неосознаваемые процессы в процессе научного познания? Несмотря на стремление научного познания выделять объективные закономерности, работать с моделями реальности, познание как таковое производится человеком и получает «в наследство» от познающего субъекта все его возможные особенности и искажения. Процесс познания и его субъект больше не воспринимаются как нечто изолированное от окружающего мира, способное на идеально объективное познание. Познающий субъект неизбежно подвержен влиянию своей телесности, миру вокруг него, стимулам, которые он получает и так далее. Таким образом, можно сказать, что научное познание еще на самом его раннем этапе подвергается влиянию неосознаваемых процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. М.: AST Publishers, 2014. 710 с.
2. Книгин А. Н. *Теория познания: Учебное пособие*. Томск: Томский государственный университет, 2009. 248 с.
3. Фаликман М. *Когнитивная психология: история и современность*. Хрестоматия. М., 2011. 384 с.
4. Черникова И. В. Когнитивные науки и когнитивные технологии в зеркале философской рефлексии // *Epistemology & Philosophy of Science*, 27 (1), С. 101–116.

СМЕХ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

И.М. Федорова

Научный руководитель: д.ф.н. Г.И. Петрова

Томский государственный университет

Смех как социокультурный феномен интересовал исследователей (философов) от античных времен до современности. В контексте модернистской и постмодернистской культуры обнаруживается онтологическая специфика изучения смеха. Статья ставит задачу раскрыть смех как черту, присущую современной субъективности. «Смех смеется голосом без свойств голоса. Подобно самой субстанции смеха, даже подобно его субъекту, но субстанции, которая исчезает в самопредъявлении ... Смех – никогда ни некая сущность смеха, ни смех некой сущности» [2] – так видят ракурс философии в исследовании смеха Ж.-Л. Нанси, Ж. Липовецки. Предстоит эту позицию конкретизировать, имея в виду современность философского постмодернизма в его обращении к антропологической проблематике.

Культ новизны и ретроспективы (возврата, обращения к нашему прошлому), как одного из образов некоего нового, современного, вызывает у нас интерес к изучению постмодернизма. Но его понимание будет неполным, если не обратиться к рассмотрению содержания предшествовавшей эпохи – периода модернизма.

Модернизм – период кризиса традиционной культуры, бунт против строгого, устоявшегося. Он характеризуется уничтожением ранее принятых канонов, появлением новых норм и правил в создании художественных образов, призывом к разрушению прежних порядков, постоянному движению вперед, отрицанием не только ранее созданного, но и современных творческих актов, поскольку они являют себя как воплощение уже имевшегося, повторение в своем содержании принципа новизны.

Модернизм – это ступень в социальном развитии и его философской рефлексии, которая потрясает традиционные основы понимания должного. Эпоха модернизма являет себя в период становления индустриального общества с его идеей прогресса, власти интеллекта, всемогущего в совершенствовании мира. Рождается властный субъект – конкистадор. Конкистадорство разума и возмутило Ф. Ницше. Его крайняя реакция выразилась в замене его иррациональной «волей к власти» и к жизни. Потребовался новый язык, возникла необходимость трансформации философской мысли, которая, в свою очередь, демонстрировала рождение идеи «нового человека», нового взгляда на субъекта.

Изменения в социокультурном, философском дискурсе рождают постмодернизм, который в своей основе имеет преобразования власти разума и субъекта. Такого рода преобразования фиксируют процесс персонализации (Ж. Липовецки), преобразующий не только сферы общественной жизни, но и установку индивида на познание самого себя. Ж. Липовецки отмечает, что слово *personne*, от которого образовано понятие «персонализация», во французском языке имеет несколько значений. Первое соответствует русскому «персона» – человек, индивид, лицо, особа. Во втором значении *personne* – никто, что-либо и т. п. Таким образом, «персонализация» – это не только индивидуализация, или преломление

индивидом своих ценностей через миропонимание, но и опустошение, превращение в ничто, исчезновение образа, который некогда властно демонстрировал сущностную реализацию человека в социокультурном контексте определенной эпохи [1].

На границе смены философского взгляда на субъект, на пределе превращения его в ничто и появляется смех, как пограничное состояние, состояние пере-хода: на границе происходит рождение разных (даже противоположных) смыслов в понимании традиционных рациональных канонов должного и реального. Переход через границу рационального, эстетического, этического сопровождается смехом, свидетельствующем о желании освобождения от этих границ.

Экономические и социальные условия способствовали развитию свободного начала в человеке. Индивид в период постмодернизма – это личность, лишенная условностей и обязательств по неукоснительному следованию строгим, иерархическим отношениям, обладающая свободой в выборе форм и содержания самореализации. Непосредственность, свобода... Вне этого содержания не оказывается и смех, поскольку находит для себя необходимые условия существования. Смех теряет свой карнавальный, гротескный характер: он уже не нацелен на подавление священного, не нацелен на уничтожение. Он принимает новые черты и функции, сохраняя такие свои формы, как переодевание, масочность, розыгрыш. Насмешливый смех носит не коллективный характер, но сосредоточен на индивидуальном поглощении происходящих событий во всех сферах жизнедеятельности. Смех, нуждаясь в свободе, одновременно проявил свою способность к ее созданию: он заявил о себе как о доминирующем отношении к жизни в целом, к отдельным вещам, которое пришло на смену серьезному, строгому.

Культура перешла на следующую спираль в своем движении. Смех становится характеристикой современной субъективности, посредством явления себя в качестве онтологии современной культуры, превращая ее в хаос, балаган. Расставание, дистанцирование с прошлым через призму смеха – есть признак непрочности, оно провозглашает переход от серьезного к несерьезному, традиции и принципы делает смешными. Ключевую роль в отказе от традиций сыграл юмор, как одна из причин смеха, которому «нет дела до тотальности и прочего» [2]. Отныне юмор – способ сближения людей, упрощения отношений (фамильярность). Никто уже не относится серьезно ни к себе, ни к ближнему. Юмор становится спокойным и, вместе с тем, равнодушным. Демократическая свобода современного индивида выражается в свободе языковой игры. В целом, способность смеяться у современного индивида изменяет форму своего проявления, на смену хохоту, искреннему (дюшеновскому), громкому смеху приходит ироническая улыбка. Причина тому – культ сдержанности и сосредоточенности на внутренних переживаниях, чувство внутренней пустоты, десоциализация, свойственная современному типу человека – нарциссу. Таким образом, в юмористическом обществе смех исчезает: нет естественного, невольного веселья, хохота во весь голос, лишь тишина. Есть смех над собственным «Я», но не над пороками, изъятиями, нелепыми ситуациями Другого. В постмодернистской культуре подлинный смех, способность смеяться исчезает, в то же время юмор затмевает фоновое пространство нашей жизни.

Смех связан с присутствием в различных сферах жизнедеятельности человека, как ответ на внезапность присутствия, которое застигло себя в несовпадении с собой [2]. Современный смех – это смех над рациональной всеобщеканонической сущностью субъекта, вызванный всеобщим психическим срывом в стремлении быть не таким как Другой

ЛИТЕРАТУРА

1. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. СПб. : Владимир Даль, 2001. 332 с.
2. *Нанси Ж.-Л.* Смех. Присутствие // Комментарии. 1997. № 11. [Электронный ресурс] // URL: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/11/14nancy.htm> (дата обращения: 21.03.2019).

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Ю.В. Логиновская

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Томский государственный университет

Проблема сознания активно исследуется современными философами. Привлекательность данной темы для исследователей обусловлена развитием информационных, когнитивных и междисциплинарных направлений. Вызовом также является отсутствие общепринятой теории сознания, открытыми остаются вопросы о связи «сознание-реальность» или «сознание-тело» и многие другие. Среди исследователей нет единого понимания того, какова онтологическая основа сознания и каков его статус в бытии. Между тем, с выяснением онтологического статуса сознания связана так называемая «трудная» проблема сознания (термин Д. Чалмерса) – проблема субъективного сознательного опыта. «Легкая» проблема связана с выявлением когнитивных механизмов, нацеленных на понимание функционирования сознания [7].

Многообразие концепций природы сознания говорит, во-первых, о его многомерности и сложности, а во-вторых, о необходимости сведения этого множества взглядов к более общим философским категориям. Выбор онтологической базы сознания определяет и развитие соответствующей концепции.

Среди известных на Западе современных подходов к сознанию, различающихся по трактовке онтологического статуса сознания, выделяются несколько основных:

1) физикализм, где физический мир рассматривается как первичная независимая реальность, а сознание представляет собой атрибут нейронной активности или свойство самой материи. Так, согласно Джулио Тонони, сознание на фундаментальном уровне представляет собой интегрированную информацию и является внутренним свойством физической системы [14]. Его идеи получили развитие в работах Макса Тегмарка, где сознание принимается за состояние материи: «Мы исследуем пять основных принципов, которые могут отличать сознательную материю от других физических систем, таких как твердые тела, жидкости и газы: принципы информации, интеграции, независимости, динамики и полезности» [15];

2) идеализм, в котором признается, что сознание – это фундамент реальности, а материальный мир вторичен и происходит из него. При этом человеческое сознание есть локальное проявление мирового сознания, космического разума или духа. Эта позиция, идущая от Гегеля, присуща традиции русских философов, а также философии буддизма, популярной сейчас на Западе;

3) дуализм, где сознание и физический мир представлены частично независимыми друг от друга субстанциями или реальностями, а взаимодействие ментального и физического является предметом исследования (Д. Чалмерс, Г. Стэп, Е.М. Иванов и др.) [6; 13; 8; 3];

4) панпсихизм, согласно которому сознание является фундаментальным свойством реальности, пронизывающим все бытие, но проявленным в нем в разной мере (Г. Стросон и др.). Сторонники панпсихизма признают, что сознание

свойственно даже мельчайшей частице как субъективный опыт, а сама Вселенная – сознательная система [11. С.289];

5) нейтральный монизм, где реальность представлена как нейтральная матрица, переходящая через когнитивных агентов в сознательный опыт (Д. Деннет, М. Вельманс, А. Перейра, К. Нанн и др.). Этот подход близок к эволюционизму концепцией единой «становящейся реальности», в которой сознание развивается согласно внутреннему алгоритму [12; 9. С.386–390].

В представленной классификации перечислены далеко не все трактовки онтологического статуса сознания, поскольку развитие самих концепций может выводить их за рамки какого-то одного течения. Так, по признанию Д. Чалмерса, размышление о теориях сознания «начинается материализмом, продолжается дуализмом и панпсихизмом, а заканчивается идеализмом» [10]. Тем не менее, общей характерной чертой представленных концепций является признание единой универсальной субстанции реальности, с которой соотносится сознание.

Бытийность сознания позволяет исследовать его как субстанцию, атрибут либо модус бытия [14. С.33–67]. Классификация концепций с позиции этих категорий, выделенных А.Н. Книгиным, дает более общее понимание онтологического статуса сознания. Онтологический критерий становится основным в определении природы сознания, но раскрывает ее с разных ракурсов. В зависимости от выбранной точки зрения, сознание сводится к локальному или абсолютному (космическому) бытию, к духовному или материальному началу, к потоку переживаний в сознательном опыте и т.д.

Когда онтологический статус сознания устанавливается как атрибут чего-либо, возникает редукционистское стремление свести его к принципу организации материи или к свойству духовного мира идей, что мы наблюдаем в физикализме или идеализме.

Если сознание рассматривается в качестве субстанции, идеальной (бытие, бесконечное, абсолютный дух) или квази-идеальной (универсальная сила, космическая энергия, поток), то возникает необходимость соотношения человеческого и всеобщего. Такой подход приводит к «удвоению» определений и выделению двух типов сознания. Например, в онтологии сознания И.А. Бондаренко различается бытийствующее сознание как некая форма, содержащая бытие, и онтическое сознание как зеркальное отражение, своеобразный дубль первого [2, С. 27]. Подобное различение сознания как всеобщей универсальной силы и человеческого сознания как внутренней Я-оси составляет основу концепции И.А. Бесковой [1. С. 97–104].

Близко к этому стоит определение сознания как модуса духовно-душевной жизни, но при этом возникает дуалистическая позиция в отношении связи «сознание-тело», «душа-тело» [3. С.57–58]. При этом раскрывается пространство внутреннего мира как опора сознания [5] и находится место для присутствия «Я», что ярко выражено в онтологической концепции французских персоналистов.

Таким образом, онтологический статус сознания является определяющим моментом, вокруг которого разворачиваются теории и концепции. Более общие категории, такие как субстанция, атрибут или модус, позволяют уточнить природу сознания, а также служат основанием для философско-методологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бескова И.А. Эволюция и сознание: новый взгляд. М.: Издательство «Индрик», 2002. 256 с.
2. Бондаренко И.А. Жизнь сознания: Конституирование новой онтологии сознания в культуре XX века. Омск: Омск. госуниверситет, 2002. 320 с.
3. Иванов Е.М. Квантовая онтология // Социосфера, 2018, №3. С. 33–45.
4. Книгин А.Н. Философские проблемы сознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 338 с.
5. Леонтьев Д.А. Зачем сознание? // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация, 2014. С. 93–98
6. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
7. Черникова И.В., Черникова Д.В. Проблема сознания в философии и когнитивной науке // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология, № 4. 2016. С. 103–111.
8. Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М.: Канон+, 2004. 544с.
9. Юлина Н.С. Генри Стэп: Квантовый интерактивный дуализм как альтернатива материализму // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация, 2014. С. 99–123.
10. Chalmers D.J. Idealism and the Mind-Body Problem, 2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://philpapers.org/archive/CHAIAT-11.pdf> (дата обращения: 29.03.2019).
11. Goff P. Why panpsychism doesn't help to explain consciousness // *Dialectica* Vol. 63, No. 3, 2009, pp. 289–311.
12. Pereira Jr A., Nunn C., Pregnolato M., Nixon G. Consciousness and Cosmos: Building an Ontological Framework // *Journal of Consciousness Studies*. № 25, № 3–4, 2018. pp. 181–205
13. Stapp H. P. Quantum Mechanical Theories Of Consciousness // «A Companion to Consciousness». Blackwell, 2006. [Электронный ресурс] // URL: <https://escholarship.org/uc/item/25f3c80w> (дата обращения: 29.03.2019).
14. Tononi G. Consciousness as Integrated Information: a Provisional Manifesto // *Biol. Bull*, 2008. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.2307/25470707> (дата обращения: 29.03.2019).
15. Tegmark M. Consciousness as a State of Matter // *Quantum physics*, 2014. [Электронный ресурс] // URL: <https://arxiv.org/abs/1401.1219> (дата обращения: 29.03.2019).

ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Б.В. Май

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Томский государственный университет

В настоящее время состояние природы заметно ухудшилось и продолжает ухудшаться. Внимание к этой проблеме постоянно пытаются привлечь различные экологические сообщества, однако реакция на усугубляющуюся проблему, как правило, идет либо от таких же организаций, либо от заинтересованных в помощи окружающей среде волонтеров. Рассматривая количество увлеченных решением этой проблемы людей в масштабах всего населения планеты, становится ясно, что это экологическое сообщество не так уж и велико. Безусловно, большинство людей осознают ухудшающуюся экологическую ситуацию, однако не спешат предпринимать каких-либо действий по способствованию в разрешении сложившейся экологической проблемы.

Почему же в XXI веке сложилась такая проблемная ситуация?

В первую очередь стоит отметить, что мировоззрение современного человека, живущего в век технологизации, имеет другой вектор направленности, нежели, к примеру, мировоззрение человека времен античной культуры, который считал себя неотъемлемой частью природы. Для того чтобы понять, чем такая трансформация вызвана, необходимо подробно рассмотреть образы природы в основные эпохальные периоды становления человечества, а именно: Античность, Средневековье, Ренессанс и Новое время, современность. Изучив взаимоотношения человека и природы на этих этапах, необходимо рассмотреть отношения «человек-природа», которые сложились во второй половине XX в. и продолжают сохраняться, развиваться и пропагандироваться экологическими сообществами и в настоящее время. Также, представляется важным рассмотреть роль философии в соотношении с такой наукой как экология.

Первым этапом в формировании мировоззрения и отношения человека к природе традиционно выделяют Античность. Действительно, эпоха Античности характеризуется неразрывностью человека и природы. Последняя понималась, как гармонично устроенный Космос, в котором неразрывно и взаимосвязано существуют боги, человек и окружающий его мир. Человек античности не мог представить себе иного способа познания мира, кроме как созерцания. «Для древних природа была источником мудрости», - пишет И. Пригожин [5]. основополагающими факторами мировоззрения человека на этом этапе в его отношении к природе были принципы единства с окружающим и невмешательством в него, поскольку природа представлялась самодостаточной, иными словами – имеющей причину в себе самой.

На следующем этапе образ природы начинает претерпевать существенные изменения, а именно – природа понимается как сотворенная, то есть, как писал А.В. Ахутин «не имеющая онтологической основы в себе» [1. С.24]. Таким образом, из природы элиминируется характеристика самодостаточности, и она уже рассматривается не как живой и гармоничный космос, который видели древние греки, но «как прах, лишенный жизни» [6. С.56]. Помимо этого, как известно, в христианстве позиционируется, что человек создан для того, чтобы повелевать природой. «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь,

и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» [2]. Все вещи мира рассматриваются, как сотворенные Богом, все они являются некоторым отображением внутреннего мира, который реализовался благодаря Слову. Создает же он актом воли, создает свободно. Следовательно, все, что создано, обладает им через участие. Все, что есть можно рассматривать как сообщение, слово. Эту мысль четко и лаконично формулирует А.В. Ахутин: Бог в вещах. Отсюда, как мы можем заметить, происходит следующая трансформация: «Удваивается и способ деятельности человека, не только созерцание, но, прежде всего, вера позволяет ориентироваться в мире... Теперь постижение мира доступно не только созерцанием, но изучением раскрыть смысл человеческой драмы можно лишь, вчитываясь в человеческую тысячелетнюю историю [6. С.55]».

Третий этап изучения отношений «человек-природа» - эпоха Возрождения. Тема человека в работах мыслителей Ренессанса тесно переплетается с темой природы, которая становится для человека предметом эстетического наслаждения. Человек открывает для себя красоту и величие окружающей природы, начинает видеть в ней источник радости и красоты, в противовес мрачному аскетизму средневековья. «Один из основоположников романтизма, Ж.-Ж. Руссо, прямо утверждал, что переход человека от природного, естественного состояния к социальному является источником всех наших несчастий» [4. С.284]. На данном этапе, природа понимается следующим образом: «Внешний человек - это и есть образ природы эпохи Возрождения» [6. С.58]. По представлениям мыслителей Ренессанса, мир наполнен гармонией, которая проявляется буквально во всем многообразии природных явлений и форм. Но если мир, созданный творцом гармоничен, то из этого следует, что и человек, являющийся неотъемлемой частью этого мира, также должен быть прекрасным и гармоничным. Изучение мира и природы мастерами Ренессанса происходило с пристальнейшим вниманием к деталям. «Переход от картины к иллюстрации, научному пособию, схеме, чертежу непрерывен. На пути из монастырской библиотеки в научную лабораторию стоит мастерская живописца. Творчество Леонардо или Дюрера достаточно очевидное тому свидетельство. Изучение геометрии, оптики, механики, ботаники, анатомии, даже физиологии было не подготовительным этапом в обучении живописи, а составной частью мастерства. А глаз художника XVI в. был устроен так, что живописное наблюдение непрерывно переходило в познающее изучение» [1. С.42].

Стоит отметить, эта эпоха является отнюдь не однозначной. Она является некоторым необратимым переходом к полному антропоцентризму, и в первую очередь это проявляется в исследуемых отношениях «человек-природа». Природа здесь воспринимается и понимается только в связи с человеком. Постепенно происходит поворот в сторону только лишь человека, а статус природы начинает все больше принижаться. Как отмечает И.В. Черникова основополагающим моментом для такого перехода, является процесс, обозначающийся как распад Космоса. Здесь речь идет о разрушении иерархичной и конечной структуры мира, теперь вещи находятся на одном уровне бытия, а Вселенная понимается как открытая и бесконечная. Человек оказался, словно, выброшенным из природы.

Все это создает предпосылки и способствует формированию механистическому видению мира Нового времени.

Эпоха так называемого Нового времени характеризуется принципиально новым видением мира. Стоит вспомнить Рене Декарта, который проводит четкую границу между *res extensa* и *res cogitans*, лишая таким образом природу какой-либо жизни. Образ живой природы окончательно умирает, теперь она рассматривается как машина, как лишенный какой-либо души и жизни механизм, работающий по строго выработанным законам. Отсюда следует, что тотально меняется отношение человека к природе, а следовательно – и средства ее познания. Природу теперь можно собрать и разобрать, словно часовой механизм, она подвергается непосредственному человеческому воздействию в процессе изучения. Природа становится кладовой для человека, из которой он может безгранично (по его мнению) черпать ресурсы для производства, ресурсы для опытных исследований науки. И.В. Черникова очень точно замечает: «Не случайно этимологически слово «опыт» сродни слову «пытать»» [6. С.62]. Ученый как бы испытывает у природы все ее тайны, вскрывает и достает наружу все ее секреты. Такое понимание природы, движимое научным и техническим прогрессом, укоренилось в мире вплоть до двадцатого века. Конечно, такое мировоззрение было не единственным, но доминирующим.

Таким образом, по мере развития промышленного производства, природа становится местом для отходов этого самого производства. Рост технического прогресса и эксплуатирования природных ресурсов приводит к ухудшению состояния окружающей среды. Научное представление о Земле, как о целостной живой системе, «макрокосме» развивалось такими учеными и мыслителями, как Дж. Геттон, Ж. Б. Ламарк, А. Гумбольдт.

Одну из самых популярных теорий о том, что природа в лице нашей планеты не является простой и бездушной, выдвинул английский ученый Джеймс Лавлок. Согласно этой концепции, Гея – это своего рода самоорганизующаяся система, которая обладает саморегуляторными «геофизиологическими» свойствами, иными словами – поддерживает целый ряд параметров внутренней среды в относительно стабильном, благоприятном для живых организмов уровне (гомеостаз). Говоря проще – жизнь нашей планеты активно поддерживает достаточно стабильные условия, комфортные для собственного существования.

На мой взгляд, гипотеза Геи – это необходимый поворот человеческого мировоззрения, который снова сфокусирует внимание общества на том, что природа – это в первую очередь живая система, от благополучного состояния которой зависит благополучное состояние человечества в целом. Помимо этой гипотезы, Фритьоф Капра в своем труде «Паутина жизни» акцентирует внимание на том, что все в природном мире находится в тесной взаимосвязи, и является составляющими одной большой системы, частью которой является в том числе и человек. Современному индивиду необходимо понять, что он не элиминирован из природной системы, он – внутри нее. Название гипотезы – Гея, на мой взгляд, выбрано не случайно. Это имя древнегреческой богини земли, как мне представляется, отсылает нас, пусть не полностью (поскольку в современных реалиях это уже невозможно), но частично – к античным идеалам и воззрениям на природу, как на живую, сложную, но, тем не менее, гармоничную, единую и целостную систему.

Таким образом, человеку необходим поворот от мировоззрения потребления, в сторону мировоззрения экологического, которое было бы акцентированно не на потреблении, а на сохранении. Здесь, на мой взгляд, немаловажную роль может сыграть философия, поскольку, в первую очередь, необходимо прививать и развивать новую экологическую этику, в контексте ценностей которой происходило бы воспитание членов общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахутин А. В.* Понятие «природа» в античности и в Новое время («фьюсис» и «натура»). М: Наука, 1988. 208 с.
2. *Ветхий завет.* [Электронный ресурс] // URL: <http://days.pravoslavie.ru/> (дата обращения 21.12.2018).
3. *Капра Ф.* Паутина жизни. [Электронный ресурс] // URL: <http://svitk.ru/> (дата обращения 22.12.2018).
4. *Огородников В. П.* История и философия науки. Учебное пособие для аспирантов. СПб: Питер, 2011. 352 с.
5. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. [Электронный ресурс] // URL: <http://yanko.lib.ru/> (дата обращения 21.12.2018).
6. *Черникова И. В.* Философия и история науки. Томск: «Издательство НТЛ», 2011. 388 с.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ПРОГРЕСС НРАВСТВЕННОСТИ?

И.А. Минова

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Томский государственный университет

Для того чтобы попытаться ответить на вопрос «возможен ли нравственный прогресс», нужно сначала понять, что же понимается под «нравственностью». Упуская рассмотрение истории происхождения и различных интерпретаций нравственности философами разных времен, различные этические учения, обратимся к статье П. Сорокина в которой он раскрыл смысловое наполнение данного понятия. Нравственность в общем смысле П. Сорокин определял, как: «во-первых – ряд норм и правил поведения, указывающих: а) рекомендуемое поведение («подвиг»), определяющих б) дозволенно-должное поведение («долг», «право», «обязанность») и запрещающих с) поведение недозволенное («преступление»). Во-вторых, ряд актов, соответствующих этим нормам или осуществляющих их (акты: спасения ближнего, воздержания от убийства, уплаты податей и т.д.) [1;17]. Что же касается прогресса нравственности, то ответ П. Сорокина на этот вопрос положительный.

Если мы будем говорить о повседневном жестком следовании всем без исключения правилам, заповедям, нормам и т.д, то сложно будет сказать что-то относительно прогресса, но если мы возьмем во внимание сознательный отказ человека от насилия, терпимость и гуманное отношение людей друг к другу, то прогресс имеет место. Однако в разных культурах нравственные нормы весьма отличаются. Рассмотрим вопрос о прогрессе нравственности на примере двух культурах. А именно, сравним трактовку нравственности в Китайской философской традиции и в Арабо-мусульманской.

Нравственность в Китае в ранне-историческую эпоху можно представить как систему первобытного варварства. Оставлено немало следов о том. Варвары практиковали такие наказания: отрывали уши, нос, клеймили лицо, обезглавливали. Помимо всех страшных наказаний, которые практиковались в Китае, нужно выделить, что там нередко обрекали на смерть любой категории всю семью преступника, так как считалось, что они позволили ему совершить преступление. Этому подвергались ближайшие родственники, и даже дети. Так же, как и везде сохраняется высокий уровень насилия во время военных действий. Количество убитых считалось мерилем успеха.

Обратимся к арабо-мусульманской культуре. Как известно, арабы до появления ислама не отличались никакими познаниями, у них не было литературы, за исключением разве нескольких произведений устной поэзии. Поэтому этот период арабскими историками называется периодом невежества (заман джахилия) [2;15]. И из-за низкого культурного развития вытекают такие факторы как: рабство, всеобщее неравенство, насилие, жестокость.

И примерно в середине первого тысячелетия до н.э. от Европы до Китая появляются и развиваются новые этические доктрины, религиозные и философские учения. В Китае развиваются классические доктрины: конфуцианство, даосизм и другие, что радикально снизило уровень насилия. Отмечался бурный культурный рост. В арабо-мусульманской культуре грубые дикie инстинкты

уступили место более мягким человеческим нравам. Новые идеи дали толчок новой жизни. Провозглашенное Мухаммадом обязательное всеобщее обучение и особое значение, данное им земледельческому труду, как основанию земельной собственности, а также признание труда вообще, ремесла и искусства священными – породило среди арабов охоту к культурной оседлой жизни [2; 16]. Еще одним великим нравственным завоеванием ислама стало религиозное обоснование концепции равенства всех людей: равенство не в гражданском понимании, но равенство перед Богом. Это позволило в будущем прийти и к идее равенства прав и недопустимости рабства и иных форм зависимости [3].

Что же касается нравственности в последние столетия. Уровень насилия постепенно снижается, и лишь только развитие технологий уничтожения не позволяет быстро упасть уровню насилия. То, что раньше считалось нормальным, сейчас же совершенно неприемлемо, например, пытки, публичные казни.

Жителей современного Китая можно охарактеризовать следующим образом: ни благородных порывов, не дикой грубости. Так же отрицается бесполезная жестокость. К примеру: военачальники берегут и кормят пленных как своих солдат. Китайский хороший полководец умеет покорить врага, не применяя оружия. Никто не уделяет внимания военной славе. Победителей встречают слезами, в знак совершенных ими убийств. Европейские люди отличаются от китайской особой пылкости, стремительностью и любопытством. Китайцы же отличаются кротостью, услужливостью и серьезностью. По своему темпераменту их можно назвать флегматиками, но это не исключает у них гуманности. Китайская этика не заканчивается на нравственных поучениях. К примеру, вдоль малозаселенных местностей у них принято строить жилые помещения, для того чтобы путники могли там остановиться. Для богачей считается почетным строить мосты через реки, пристанища для странников, угощать бедных путников и присылать к ним своих слуг. Так же правительство Китая не стремится поддерживать своих чиновников. Они могут быть отстранены от должности за нарушение своих обязанностей. Значительно ранее нас, европейцев, китайцы додумались до необходимости общественной благотворительности и организовали у себя подобные нашим учреждения: помощь неимущим, приюты для подкидышей [4; 252]. Бедные принуждают богатых к большей справедливости. Обычное дело в Китае – взаимная помощь людей.

В Арабо-мусульманской культуре так же отмечается прогресс нравственности. Для мусульман характерна такая замечательная особенность поведения – где бы они не находились и в каком бы они государстве не проживали, они везде одни и те же добрые граждане – довольные своей судьбой. Нельзя не отметить присущую им приверженность традиции трезвости и нераспространения алкоголя. Это делает их еще более достойными. Но с другой стороны, магометане, как бы на вершине высокого острова, среди чистого моря остаются одни не омытыми волнами прогресса [2; 6]. Но и тут нельзя смешивать деспотизм фанатиков с учением Ислама и его истинным духом. Так же ошибочно думать, что Ислам включает в себе вражду к Христианству. Пророк говорил: «Ничего лучшего человек не мог приобрести, как превосходство разума, который направляет его к добродетели, и удерживает от низких поступков». То есть, именно разум, а не «сердце» является той отправной точкой всех благих поступков. Пока не совершенствуется человеческий разум, не будет совершенства в вере и ее стойкости.

Их духовно-нравственное состояние растет в том смысле, что они придерживаются своих религиозных установок. Стремятся к тому первому совершенному состоянию (зарождение Ислама, период жизни Мухаммеда).

Таким образом, набор ценностей, входящий в «культурный код» общества, меняется с течением времени [3]. И хотя различные культуры всегда будут между собой различаться, все равно можно сказать, что «культурные коды» всех цивилизаций изменяются примерно в одном направлении. Но это никак не приведет к их однообразию. И все эти цивилизации движутся в сторону наибольшего уважения личности, ее прав и большей толерантности, то есть, в сторону увеличения свободы. Это движение не является, правда, линейным, случаются и откаты назад, одна из причин обострения нравственно-этических проблем на современном этапе связана с развитием высоких технологий. Но при этом главным следствием развития цивилизации является рост разнообразия в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ислам и прогресс*. Спб.: типография А.С. Суворина, 1898. 148 с.
2. *Летурно Ш.* Прогресс нравственности. М.: КомКнига, 2012. 400 с.
3. *Прогресс нравственности* [Электронный ресурс] // URL: http://truemoral.ru/moral_pr.php#perv (дата обращения 21.12.2018).
4. *Сорокин П.* Существует ли нравственный прогресс человечества? [Электронный ресурс] // URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_2/Sorokin_2015_2.pdf (дата обращения 21.12.2018).

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В РЕШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

А.И. Самойленко

Научный руководитель: ст.преп. Е.З. Бахтиярова

Томский государственный университет

Нильс Бор – датский физик предложил принцип дополнительности применительно квантовой механики в 1927 году. Принцип гласит, что для полного описания квантово-механических объектов нужны два дополнительных понятия, каждое из которых применяется в отдельных условиях, а их совокупность дает нам понимание целостности этих объектов. Бор считал, что принцип дополнительности применим не только в рамках квантовой физики, а имеет методологическую значимость в других науках. Положение, относящееся к интерпретации квантовой механики аналогично общим трудностям образования человеческих понятий, которые возникают из разделения на субъект и объект. Важно подчеркнуть, что Бор видел в принципе дополнительности общефилософскую значимость. «В общефилософском аспекте знаменательно здесь то, что в отношении анализа и синтеза в других областях знания мы встречаемся с ситуациями, напоминающими ситуацию в квантовой механике. Так, цельность живых организмов и характеристики людей, обладающих сознанием, а также и человеческих культур представляют черты целостности, отображение которых требует типично дополнительного способа описания» [1]. Здесь говорится о взаимодополнительности анализа и синтеза, рассматривая части системы мы упускаем целое, а рассматривая целое не принимаем во внимание его составные части.

Гейзенберг утверждает, что благодаря открытию квантовой физики изменяется роль наблюдателя. Наука до XIX века была наглядной. Сейчас, когда основания физики колеблются, а объективность теряется в прежнем своем значении, в исследование все больше входит сам наблюдатель. Картезианское деление на субъект и объект исследования не устраивает современную науку.

Гейзенберг, был обеспокоен тем, что человечество в погоне за прогрессом будет от него зависеть, и это приведет к глобальным проблемам. Был обеспокоен началом атомной войны. Он понимал, что ученый несет некую ответственность за свои изобретения, сам того не ведая. Развитие технической науки стало одной из причин роста экологических проблем. Изменения, которые в данный момент происходят в природе, нарушают функционирование всей природной среды. Непомерное потребление полезных ископаемых, загрязнение биосферы, испытания новых видов оружия – это все негативно влияет на окружающий нас мир. Отслеживание таких изменений занимается мониторинг окружающей среды. «Мониторинг – система долгосрочных наблюдений, оценки и прогноза изменения состояния окружающей среды под влиянием антропогенных факторов» [3]. Он определяет значимые параметры окружающей среды, разрабатывает способы измерения загрязнений и задает систему допустимых норм. Это предлагает нам современная экология, на это направлены ее современные исследования. Но достаточно ли этого для искоренения проблемы?

Отслеживание состояния, конечно, является внешним мотиватором, присутствует боязнь наказания, но без изменений в онтологических основаниях мы не придем к должному эффекту. Принцип дополнительности Бора, говорит нам о

том, что мы должны учитывать две определенно различные точки зрения, чтобы получить представление. Такими точками выступает экологическая и философская. В решении проблемы необходим мониторинг, необходимо подключение административных рычагов, но ничего из этого не будет работать, если мы не изменим базовые представления о мире, в котором мы живем. Философы, разрабатывают различные превентивные меры, которые способны предотвратить наступление угрозы. Одна из таких концепций – концепция ответственности перед будущим предложена немецким философом Хансом Йонасом. Она гласит: «Поступай так, чтобы последствия твоего действия были совместимы с непрерывностью подлинной человеческой жизни на Земле... Включай в свой нынешний выбор будущую совокупность людей в качестве предмета твоего воления... Поступай так, чтобы последствия не были разрушительны для будущей жизни как таковой... не подвергай опасности условия неограниченного дальнейшего существования человечества на Земле» [2]. Количество и опасность экологических проблем снизится, если данная моральная установка станет принципом каждого человека. Человек не отделим от природы, субъект не отделим от объекта, к такому пониманию пришла современная наука. И только ученые и философы в совокупности, как наиболее интеллектуально развитая часть населения, подчеркивает Гейзенберг, способны, соединив свои усилия, улучшить положение в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бор Н.* Квантовая физика и философия // Избранные научные труды: в 2 т. М.: Наука, 1971. Т. 2. 532 с.
2. *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
3. *Прохоров Б.Б.* Экология человека: терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 476 с.
4. *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 382 с.
5. *Черникова И.В.* Философия и история науки: Учебное пособие для студентов и аспирантов вузов по специальности «Философия». Томск: Издательство научно-технической литературы, 2001. 255с.

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ М. ВЕБЕРА

А.Е.Стреляева

Научный руководитель: д.ф.н. В.В.Чешев

Томский государственный университет

М. Вебер был одним из основоположников теории о рационализации социального действия. По мнению автора, это явление – закономерная тенденция, которую можно объяснить течением времени. Согласно теории, М. Вебера, в первую очередь рационализация определяет способ ведения хозяйства, оказывает влияние на все области жизнедеятельности и даже мышление людей.

В эпоху становления капитализма перед учеными встал вопрос о том, что же такое современное капиталистическое общество, откуда оно возникло и к чему сводятся пути его развития. Ответить на этот вопрос в своей теории попытался М. Вебер, объяснив все характеристикой типа целерационального действия. Охарактеризовать его в чистом виде было проще всего, обратившись к поведению индивида в условиях экономической среды [6. С.42].

В результате процессов рационализации в Европе появился новый класс общества – индустриальный, в котором М. Вебер выделил главный признак этого класса – активное применение формально-рационального начала, чего не было предусмотрено в классах общества до этапа капитализма.

В индустриальном обществе, по представлению М.Вебера, происходят такие социальные сдвиги как: утверждение концепции собственного статуса и его значимости, вовлечение женщин в экономические процессы, совершенствование непроизводственной сферы экономики, развитие инфраструктуры городов, удлинение периода обучения.

В рамках формальной рациональности у представителей общества преобладает целерациональный тип действия по сравнению с другими, затрагивая сферу хозяйственной деятельности и отражаясь на образе жизни представителей общества.

Именно формально-рациональное начало послужило в качестве основы для построения капиталистического общества, а Веберовская теория капитализма имеет тесную связь с учением о типах господства и теорией социального действия.

Проиллюстрировав свою теорию примерами с описанием конкуренции на рынке и обменом товаров, М. Вебер доказал, что главное в капитализме сводится к способу ведения хозяйства.

М.Вебер определял капитализм как «ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного (формально) приобретательства...Там, где существует рациональное стремление к капиталистической прибыли, там соответствующая деятельность ориентирована на учет капитала» [2. С.47].

М. Вебер отметил, что капитализм – это не новое явление, а новая форма его развития. Тот капитализм, который зародился на Западе, нельзя относить к классическому капитализму, поскольку в нем появились новые пути и формы развития. В развитии капитализма принимали участие так называемые капиталистические авантюристы, на втором этапе развития капитализма М. Вебер отмечает

построение рациональной капиталистической организации в условиях формально свободного ведения трудовой деятельности.

На современном этапе развития социума отмечается ориентация капиталистического предприятия на товарный рынок и ее дальнейшее существование можно представить только при условии отдельного существования домашнего хозяйства и предприятия и построении на этом рациональной системы бухгалтерского учета. Формально-рациональное начало, которое лежит в основе капитализма, можно измерить количественными характеристиками при условии использования только свободного труда, в связи с чем М. Вебер предлагал отнести к одной из ключевых характеристик капитализма рациональную систему организации свободного труда [4. С.24].

В веберовской теории капитализма содержится указание на включение в нее социальной структуры общества. Только две существующие теории о социальной структуре общества (Вебера и Маркса) послужили поводом для разработки парадигм с делением всех представителей общества на классы и разделением в соответствии с принципами стратификации.

В качестве основной структуры общества М. Вебер предлагал рассматривать классы, для каждого класса автор подразумевал наличие различий по статусу, материальному доходу и другим критериям.

При разработке своей теории социальной структуры М. Вебер уделял особое внимание классовым проблемам, при этом полагая, что обычное деление на классы всего общества, предложенное Марксом, является узким и не отражает реальности социального разделения общественных слоев с учетом сложности выстраивания экономических связей.

М. Вебер принимал концепцию Маркса о том, что на образование классов и перспективы их существования, существенное влияние оказывают экономические факторы, при этом рассматривать особенности влияния экономических факторов он предлагал не только с учетом зависимости отношений в сфере права собственности на производимые средства [5. С.66].

В качестве источников экономических различий в описываемой модели социальной структуры М. Вебер приводит уровень профессионального мастерства и знаний, актуальной квалификации и имеющиеся навыки.

Именно эти факторы определяют то, какое место займет человек (представитель социальной группы) в обществе. В классическом понимании это значит, что настоящие профессионалы могут иметь большой уровень доходов даже без наличия права собственности на производимые средства. в качестве примера автор приводит юристов, врачей и т. д., которые в соответствии со своим уровнем профессиональной компетенции попадают в группы с высоким статусом. Поэтому М. Вебер предлагал рассматривать профессиональные знания и умения в качестве основы для отнесения индивида к определенному классу и общественному слою [3. С.25].

Стратификационный подход к описанию структуры общества по большей части связан с различиями в статусном характере между разными индивидами.

Определить статус индивида можно, обратившись к анализу различий между отдельными индивидами и социальными группами. Таким образом, сравнивать представителей отдельных социальных слоев можно на основе правовых разли-

чий, которые, как правило, даются в объективном виде и статусных, которые носят субъективный характер и зависят от образа жизни.

Свою концепцию социальной структуры М. Вебер описывает с упором на предложенную им теорию социального действия, подразумевающую, что развитие общества происходит в рамках процесса рационализации действий отдельных индивидов. На этой почве индивиды выбирают целенаправленный тип поведения, поэтому их деятельность ориентирована на достижение определенного уровня профессионального мастерства [1. С.62].

При достижении этого уровня индивид получает соответствующий статус в обществе. Как отмечает М. Вебер, на современном этапе развития общества заметно растет количество населения, которое не обладает собственностью, обладая при этом высокими профессиональными качествами, что позволяет им получать стабильно большой доход.

Итак, в заключение теоретического исследования хотелось бы сделать практические выводы, относительно возможностей применения теории М. Вебера о рационализации социального действия:

- производственные силы с каждым годом наращивают свои возможности, без самого производственного процесса невозможно развитие промышленной базы, к примеру, какие были первые машины и в каком виде они предстают сейчас, взять хотя бы Tesla;
- обучение – это «двигатель» прогресса, данную тенденцию доказывают и существующие инновации: люди создают новые лекарства, вакцины;
- происходит дифференциация капиталистического хозяйства и современного государства: государство – это регулирующее звено в современной экономике, хозяйственной деятельностью занимаются участники рыночных отношений;
- возникают религиозные основания рациональности в поведении: человек ответственен не только перед законом, но и перед высшими силами;
- целеполагание и ориентация на ценности является ключевым признаком рационализации: данную тенденцию можно подтвердить тем, что современный человек строит и базирует свою жизнь на основе построения целей и собственных ценностей. Однако, к сожалению, ценности с течением времени меняются. В данный момент основная ценность – это денежные средства. Материальные соответствующие все больше овладевают сознанием человека, что является негативной тенденцией для духовного развития человечества.

На основании проделанного практического анализа направлений реализации теории М. Вебера в современных условиях, можно сделать вывод, что его концепция о рационализме способна реализовываться в современном обществе. Это можно подтвердить тем, что в данный момент образование и самообразование является источником и двигателем всего общества, личностные индивидуальные характеристики и личностный потенциал – вот основной вектор развития. Именно на это опирался Вебер. Также и в контексте религиозной ответственности, дифференциации капиталистического хозяйства, высшей власти производственных сил. Все это подтверждает то, что теория о рационализме Вебера актуальна до сих пор.

Таким образом, современная социология знания акцентирует внимание на том, что сокращается количество представителей так называемого среднего

класса, зато усиливается разрыв по различиям между элитой и бедным классом общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агапова Н.Г.* Парадигмальные ориентации и модели современного образования (системный анализ в контексте философии культуры): монография. Рязань, 2014. 364 с.
2. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. 352 с.
3. *Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.* Педагогический словарь. М., 2014. 175 с.
4. *Куманецкий К.* История культуры Древней Греции и Рима. М., 2014. 351 с.
5. *Новая философская энциклопедия.* 2-е изд. М., 2015. Т. 1–4. 2816 с.
6. *Философия:* энцикл. слов. М., 2014. 1072 с.

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

Е.Н. Суханова

Научный руководитель: д.ф.н. З.И. Резанова

Томский государственный университет

«Платформу междисциплинарной модернизации прикладной и математической лингвистики могут составить вышеупомянутые информациология и искусственный интеллект, опирающиеся на основные принципы постнеклассической науки (теленомичность сложных систем, антропоцентризм и антропоморфизм, реляционность, диалектическое единство субъективного и объективного в формировании системы социальных знаний, многомерность используемых моделей объективной реальности и т.п.), впервые сформулировавшие основные фундаментальные аксиоматические постулаты общей теории информации и информационно-вещественного взаимодействия материальных систем, включая интеллектуальные и, в том числе, антропоморфные, информирования в произвольном коллективе ИС, физической многоканальности коммуникации, и предложивших новый терминологический аппарат и универсальные семиотические модели информации, информирования, сенсориума, представления знаний, логического вывода и семантико-аксиологической коммуникации произвольных ИС (антропного, антропоморфного и неантропоморфного характеров)» [1. С.666].

Процитированное предложение может служить примером не слишком оправданной спекуляции, к которым легко прибегают современные авторы, пытающиеся теоретизировать по поводу постнеклассического этапа в развитии науки. Прелесть новизны вкупе с психологической склонностью к тотальным синтезам всего со всем могут приводить к превратному перетолкованию философских и научных понятий с целью «подогнать» их под схему «классика – неклассика – постнеклассика». Компьютерная лингвистика – молодая дисциплина, поэтому часто ее аттестуют как постнеклассическую науку. Однако для этого, на наш взгляд, нет достаточных оснований.

В качестве одного из критериев разграничения трех типов научной рациональности В.С. Степин выделяет особенности системной организации объектов изучения и подчеркивает, что «[п]ри решении ряда исследовательских задач постнеклассика может быть избыточной, и исследователь может ориентироваться на традиционные классические и неклассические образцы» [2. С.295]. Возможно, как раз для современной компьютерной лингвистики постнеклассика оказывается избыточной: сложно увидеть в тех задачах, которые перед собой ставят компьютерные лингвисты, и вообще в том, что они делают, отражение их понимания языка как сложной, открытой, саморазвивающейся системы – со всеми ее «фазовыми переходами», эволюцией уровней организации и т.п. Напротив, компьютерная лингвистика вынуждена адаптировать и упрощать понятия теоретической лингвистики, представляя элементы языка в «понятном» для машины виде: дискурс – это просто текст, слово – это последовательность знаков между пробелами, а методы стемминга вообще могут противоречить правилам морфологии. Поэтому, ставя перед собой задачи автоматического пе-

ревода, распознавания и синтеза речи, извлечения фактов из текста и пр., вполне можно довольствоваться образом языка как достаточно простой системы.

Междисциплинарность научных проектов – еще одна характеристика, к которой принято прибегать при описании постнеклассических исследований. Тезис о междисциплинарности компьютерной лингвистики тоже кажется проблематичным. С одной стороны, не приходится сомневаться в том, что решение задач машинной обработки естественного языка требует объединения компетенций программистов и лингвистов. С другой стороны, в литературе встречается узкая трактовка предметной области компьютерной лингвистики, которая обособляет данную дисциплину от всех других: «исследование логико-семантических связей между единицами текста и проблема моделирования его логико-семантической структуры выходят за рамки предметной области компьютерной лингвистики и являются частью проблем исследования искусственного интеллекта» [3. С.31]. Так что «междисциплинарность» компьютерной лингвистики, по всей видимости, должна выражаться в использовании только двух навыков: программирования и лингвистического анализа. Трансгрессировать в область философско-логических, поведенческо-психологических, социологических, эволюционно-биологических, когнитивных и пр. подходов к языку необязательно. Возможно, «междисциплинарность» компьютерной лингвистики – дело будущего, но не настоящего.

Характеристика «постнеклассическая наука» больше подходит для когнитивной лингвистики, чем для компьютерной. Сегодня когнитивисты, действительно, не могут трактовать феномен языка редукционистски, не могут опираться на упрощенный образ языковой системы, не могут не рассматривать язык как динамическую часть более комплексной системы. В когнитивных исследованиях уже используется модель языка как сложной, открытой, саморазвивающейся системы, используется предпосылка, что язык таков, какой он есть, потому что это язык людей – существ с определенной биологической организацией, подходящей для обитания в пространстве и времени. На современном этапе развития нельзя представить себе дизайн исследования, скажем, машинных методов разрешения кореференции терминов, который бы базировался на подобной модели языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранович А.Е. Прикладная и математическая лингвистика: современная междисциплинарная парадигма // Лингвистическая полифония. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 662–687.
2. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С.249–295.
3. Яцко В.А. Предметная область компьютерной лингвистики. Вестник ИГЛУ, №2, 2014. С. 31

ПОВСЕДНЕВНОЕ ЗНАНИЕ И НАУКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

К.М. Тепсуркиева

Научный руководитель: д.ф.н. М.П. Завьялова

Томский государственный университет

Вопрос о влиянии повседневного знания на науку достаточно изучен в соответствующей литературе. А механизм обратного воздействия науки на содержание и характер обыденного знания недостаточно еще изучен. Поэтому проблема нашего исследования: каков механизм воздействия науки, восприятие ее достижений в обыденном познании?

Обыденное знание современными учеными рассматривается с разных сторон. Например, как вне- и донаучное, предпосылочное, неявное, профанное и т. д. Обыденное знание – это основа, которая обеспечивает базовую систему представлений человека о повседневной реальности. Такое знание формируется под воздействием повседневного опыта и здравого смысла человека. И служит оно для того, чтобы ориентировать человека в реальной действительности. Обыденное знание выступает как знание жизненно-практическое, не получившее строгого концептуального, системно-логического оформления [3. С.24].

В отличие от научного знания, обыденное не имеет четко выраженной структуры. Если у обыденного познания существуют различные формы получения и передачи знания, то у другого используется научная методология. Здесь также можно обозначить, что житейское знание имеет индивидуальный, личностный характер, а научное познание стремится сугубо к универсальному знанию. У научного знания есть особый язык, с помощью которого фиксируются добытое знание, а у обыденного познания такого языка нет. Можно достаточно много приводить различия между научным и обыденным познанием, но важным является то, что обыденное познание включает в себя опыт и знание жизни, которого нет в научном познании. Это является довольно важной частью в жизни человека. Так, как научное знание не дает ответы на вопросы о том, как выбрать правильное решение или как разобраться в людях.

Благодаря популяризации научного знания происходит повышение общей информированности, интеллектуализация обыденного знания ведет к его «онаучиванию», введению в обыденный язык наукообразных конструкций [1. С.43]. Система образования, технологии и СМИ – все это выступает одним из источников популяризации научного знания. Через совокупность всех этих систем оказывается влияние на поведение человека, модернизируются существующие в его сознании установки, нормы и ценности и следовательно влияет на восприятие им социальной реальности. Можно сказать, что информация о научном знании проецируется на житейское понимание. Здесь же можно обозначить В.С. Степина. Он отметил, что обыденное познание «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [4. С. 3]. На способ влияние науки, на обыденное знание влияет образ науки, который формируется в общественном сознании. Очень важно, чтобы этот образ был адекватным. В настоящее время формируется искаженный образ науки в сознании субъекта обыденного познания и знания.

Для лучшего понимания о популяризации научного знания разберем пример с Большим адронным коллайдером (БАК). Большой адронный коллайдер – это самый мощный ускоритель элементарных частиц. Он был построен в 2008 году. Находиться он в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН), на границе Швейцарии и Франции. Разберем реакцию общественности именно на запуск БАК в 2012 году. 4 июля 2012 года ученые проводившие эксперимент объявили о том, что они воссоздали частицу, которая по своим данным была похожа на бозон Хиггса. Несомненно, СМИ распространялось о таком большом событии во всем мире. Ученые давали интервью, они говорили об элементарном для них знании, которое было не понятно массовым сознанием. В одном из интервью ученный сказал, что «в БАК воспроизведены условия, которые существовали во Вселенной спустя одну триллионную долю секунды Большого взрыва» [2. С.198]. Для неспециализированного человека триллионная доля секунды прозвучало как «Конец света». Хотя, на самом деле, ученый имел в виду не время, а энергию. Таким образом, БАК не имеет никакой угрозы для Земли. Но, комментариями простых людей были следующими: «одна ошибка и нас нет», «Очень здорово знать, что есть бозон Хиггса, но где практический смысл всего этого?», «Как можно искать частицу Бога, если половина ученых атеисты по большому счету. Частица Бога в каждом представителе флоры и фауны, и не нужно рисковать жизнями миллионов, каждое такое открытие приносит свои усугубления». Из этого следует, что люди не зная важной научной информации, которое было свойственно ученым, делали ложные выводы. Другими словами происходит эффект неверно понятой истины.

Таким образом, можно понять, что на формирование образа науки в массовом сознании влияют различные факторы человеческой деятельности. Очевидно, что образ науки, который существует в общественном сознании, основывается через образование, различные электронно-вычислительные машины, которые вошли в повседневную жизнь с помощью науки и, следовательно, те сведения, которая поступает в сознание обыкновенного человека через средство массовой информации. Из этого можно вывести, что повседневное сознание воспринимает информацию и саму науку фрагментарно. В свое время В.С. Степин обратил на это внимание. Он говорил, что: «Сегодня под влиянием СМИ и Интернета у массы людей формируется так называемое клиповое мышление, когда мелькает калейдоскоп образов, не связанных никакой логикой и не имеющих рационального обоснования. "Клиповое мышление" является распространенной формой обычного сознания. В нем легко сопрягаются и рядопологаются логически несовместимые утверждения. И его перенос в науку и философию создает дополнительные трудности для усвоения идеалов и норм, обеспечивающих рост знания в этих областях» [6. С. 64]. Также, образ науки, в сознании обыкновенного человека может быть разнохарактерным. То есть, с одной стороны он может оценивать науку положительно, с другой стороны отрицательно или относиться к ней нейтрально. Но из-за фрагментации или «клипового мышления», а именно из-за отсутствия четких и глубоких знаний, неумение анализировать эти знания, все это провоцирует людей обращаться к мистике, магии. Большой интерес к мистике, магии, экстрасенсорике может предоставлять опасность для общества. Опасность заключается в том, что это приводит к уходу от действительности, что влечет за собой к искаженному восприятию реальности и к психическим откло-

нениям. «"Клиповое мышление" делает людей очень восприимчивыми ко всяким чудесам, тайнам и т.д. Люди верят во что угодно» [5. С.188].

В заключении подведем итоги о том, что на формирование образа науки в современном мире большое влияние имеет не только обыденное познание, но и образование, СМИ и различные коммуникации с ЭВМ. Таким образом, из-за ежедневного воздействия на человека беспорядочного потока информации происходит искажение образа науки, и даже негативное отношение к ней. Актуальной задачей на сегодняшний день является, преодоление негативного отношения к науке, через создание адекватного образа науки в общественном сознании. Для этого необходимо: грамотная популяризация достижения науки, повышение качества образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев С.С. Обыденное мировоззрение: Структура и способы организации. СПб.: Наука, 1994. 89 с.
2. Дождикова Р.Н. Специфика обыденного познания и формирования образа науки в общественном сознании // Вопросы философии. 2018. №7. С. 196–206.
3. Пукшанский Б.Я. Обыденное знание: Опыт философского осмысления. Л.: ЛГУ, 1987. 153 с.
4. Степин В.С. О методологических подходах к анализу социального познания // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. 2014. №3. С. 3–10.
5. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М.: Академический проект: Альма-Матер, 2015. 542 с.
6. Степин В.С. Философские беседы: десять лет спустя // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Степина. М.: Альфа-М, 2014. С. 18–52.

КОНЦЕПТ СУБЪЕКТА В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Т.В. Фаненштиль

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Томский государственный университет

*«Контраст между количеством энергии, выплеснутой
на оспаривание доктрины субъекта, и хрупкостью
этой доктрины, поражает. Это при том, что никто
не дал себе особенного труда систематически
исследовать концепт субъекта как таковой»*

В. Декомб [1. С.9]

Нарастающие темпы научно-технического прогресса и динамика социальной реальности требуют переосмысления категориального каркаса концептуализации процесса познания, очевидного и уже неоднократно определенного в прежних условиях. Одним из мощнейших процессов переосмысления познания, субъекта и социальной реальности выступает лингвистический поворот, зарождение которого приходится на 20-е гг. XX века, и который связывают с именами Л. Витгенштейна, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и др. На разных своих этапах он по-разному высвечивает проблематику субъекта познания: первоначально, в синтактико-семантических границах, где субъект концептуализируется в своем отношении к миру посредством опыта, репрезентированного в языке. Затем концептуализация познания отходит от проблематики субъекта и переключается на языковую реальность как объективное условие познания. В позднем своем проявлении лингвистический поворот возвращается к проблематике субъекта в свете прагматического измерения языка. Субъект мыслится как надындивидуальный процесс языковой игры, производящий когнитивный продукт – «картину мира» – «эпистемическую очевидность, предпосылочную и первичную по отношению ко всем рациональным представлениям индивидуального сознания» [5. С.417]. В общей своей сложности лингвистический поворот выступает против картезианского мыслящего субъекта, против «сogito». Нас интересует интенция лингвистического поворота, схватывающая процессы познания и социальной реальности в целостном образе субъекта в совокупной сложности их взаимоотношений. В связи с этим мы ставим вопрос в настоящем исследовании: как возможен субъект в свете лингвистического поворота?

Учитывая пограничный междисциплинарный характер явления лингвистического поворота в эпистемологии, мы обращаемся за инвариантным содержанием понятия «субъект» и к философским, и к лингвистическим словарям. В совре-

менном философском энциклопедическом словаре читаем: «Субъект – это носитель деятельности, сознания и познания, индивид, познающий внешний мир (объект) и воздействующий на него в своей практической деятельности; человек или консолидированная группа лиц (например, научное сообщество), общество, культура или даже человечество в целом, противопоставляемые познаваемым или преобразуемым объектам» [4]. В лингвистических энциклопедических словарях значение субъекта в заданных границах сохраняется, он мыслится как противопоставленный объекту действия, «носитель признака или состояния», «производитель действия», «носитель состояния» [4].

Концепт «говорящего субъекта» Ж. Лакана систематически изложен в семинарах 1953–1980 гг. Ж. Лакан утверждает, что наша субъективность принадлежит языку, мы в него погружены и не можем выйти за его пределы: «Всякий раз, когда мы находимся внутри строя речи, все, что утверждает в реальности некоторую другую реальность, в пределе, приобретает свой смысл и свою остроту лишь в зависимости от самого этого строя речи» [3. С.313]. Субъективность не может существовать без языка, но субъект не может быть сведен к языку. Сознательной речи противостоит бессознательная (истинная) речь, посредством которой первичная метафизическая стихия желания получает символическое выражение и рождает субъективность. Также субъективность воспроизводится в символическом, социальном порядке языковой реальности. В любом случае она идентифицируется опосредованно, а универсальным средством идентификации является язык. Язык – закон структурирования символического, социального порядка. Утверждение субъекта всегда дано в речи через негацию его свободы.

Концепт «субъекта письма» Ж. Деррида выписан в цикле работ 1967 г.: «Письмо и феномен», «О грамматологии», «Голос и различие», а также в ряде более поздних работ. Против «дискурсивной колыбели» Ж. Лакана, где рождается субъект, Ж. Деррида выстраивает реальность как текст, точнее, не предполагает ничего внешнего тексту. Субъекта он мыслит как условие различания и саморазличания [2]. Однако провести деконструкцию субъекта, чтобы понять, как он становится, можно также только в тексте. Субъект невозможно схватить как в процессе становления во времени (в темпоральной структуре), так и через него самого. Его необходимо различить, для этого необходима дистанция. И если Ж. Лакан находит дистанцию в речи, то Ж. Деррида обнаруживает возможность субъекта не в дискурсе, а в письме. Письмо дробит субъекта, разделяет, записывает, то есть дислоцирует – иными словами, оно создает и разрушает субъекта. Субъект – продукт письменной культуры, утверждает Ж. Деррида. Это вечная динамика становления самого себя в письме и вечная же попытка схватить собственную сущность посредством отчуждения в и через письмо. Ж. Лакан децентрировал субъекта, но не избавился от него. Так Ж. Деррида затевает критику субъекта, но избавиться от него также не может.

Для концептуализации «грамматического субъекта» В. Декомб разделяет всю философию субъекта на эпохи: 1-ая эпоха философии субъекта – мыслящий субъект Р. Декарта. 2-ая эпоха – критика субъекта (Ж. Деррида). В. Декомб – 3-я эпоха философии субъекта – философская грамматика субъективности – критика критики субъекта [1]. Задача такой философии – выяснить смысл и условия приписывания предиката «быть субъектом». Все «купается» в языке! Первое лицо не ограничивается местоимением «Я». В. Декомб мыслит язык как нечто большее, чем просто средство коммуникации. Это условие и возможность для индивидуации субъекта, которая составляет суть всей проблематики субъекта: мы отказываемся быть взаимозаменяемыми. Индивидуализация субъекта разыгрывается между возможным и актуальным. Чтобы помыслить это, В. Декомб использует метод синтаксической грамматики Л. Теньера. Субъект в свете такого метода предстает в виде грамматического субъекта действия или агенсом, то есть он является дополнением к глаголу. В. Декомб задается вопросом: как субъект может осознать, что его действия производятся от его первого лица? Если Ж. Лакану и Ж. Деррида для этого понадобилась дистанция от самого себя либо в речи. Либо в письме, то В. Декомб обнаруживает необходимость как дистанции, так и возвращения к самому себе, что и обеспечивает грамматика языка (через возвратные глаголы). В. Декомб вырисовывает своеобразный грамматический круг субъективации и замыкает его на автономии субъекта: «... автономным может стать только тот субъект, который им уже является» [1].

Таким образом, задаваясь целью рассмотреть концептуализацию субъекта в свете лингвистического поворота, мы приходим к выводам:

1. Лингвистический поворот высвечивает проблематику субъекта в аспекте языка.
2. Язык осмысляется как: а) средство познания между субъектом и объектом; б) реальность субъекта и объекта, где стирается граница между ними.
3. Субъект мыслится неметафизично: способ его объективации становится определяющей его формой (но не сущностью): речь, письмо, грамматика языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследования феномена действия от собственного лица. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.
2. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.: Logos-altera, 2006. 280 с.
3. Лакан Ж. Семинары / Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 1998. 432 с.

4. *Лекторский В.А.* Субъект / Новейший философский словарь. [Электронный ресурс] // URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH018dd6e872549db6296a3b8d> (Дата обращения: 25.03.2019).

5. *Постмодернизм.* Энциклопедия. Минск: Интерпресссервис; книжный дом, 2001. 1040 с.

КРИТИКА СФЕРЫ СУБЪЕКТИВНОГО В РЕДУКТИВНОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

Н.В. Хритonenко

Научный руководитель: д.ф.н. А.Ю. Сторожук
Новосибирский государственный университет

В XX веке, в условиях сциентизма и господства эмпирических методов, проблема онтологического статуса субъективной реальности человека обсуждалась наиболее остро. Традиционные декартовские представления о самости, как о некоей метафизической сущности, подверглись критике со стороны аналитической философии. Логические позитивисты и бихевиористы (Райл, Витгенштейн), винившие любую метафизику в парадоксах и смысловой путанице, попытались редуцировать сферу ментального к объективным процессам – в область языка и поведения. Стала актуальна проблема перехода от субъективного опыта к интерсубъективной реальности, которая не была бы привилегированной и недоступной для анализа. В свою очередь верования и интуиции человека о самом себе объявляются неправомерными для эмпирической науки, поскольку всегда включают самоинтерпретацию и не могут претендовать на абсолютную истинность.

В 50–60-х годах идеи о редукции ментальных феноменов получили наибольшее развитие в работах Куайна, Селларса, Фейерабенда. В своей работе «Слово и объект» [3] Куайн говорит о том, что в действительности существуют телесные состояния и каких – либо других, нефизических состояний добавлять не следует. Однако самую серьезную критику в сторону ментального выдвинули сторонники элиминативного материализма. Элиминативизм, будучи крайней формой редуктивного материализма делает более радикальный шаг и предлагает полностью отказаться от терминов ментального словаря, вместо того чтобы заменять их другими понятиями, или пытаться свести к чему-то объективному. По мнению Фейерабенда, который был одним из первых, кто высказал идею о создании особого научного языка, ментальные термины неизбежно поменяют свое значение или вовсе исчезнут из языка. Р.Рорти, основываясь на лингвистическом бихевиоризме Витгенштейна, продолжает данную идею и также называет ментальные феномены устаревшими и невыразимыми в языке, вследствие чего требует их полной элиминации.

С развитием когнитивных, нейрофизиологических, компьютерных наук, активно распространялись идеи о редукции сферы сознания и субъективного к состояниям мозга. «Нейрофизиологический элиминативизм» Пола и Патриции Черчлендов прежде всего был радикально настроен против традиционной «психологии здравого смысла». По мнению Черчлендов, устаревшие термины фолк психологии, выражающие информацию, которая доступна только самому субъекту, должны быть устранены в пользу языка нейронауки. Пол Черчленд предлагает несколько вариантов того, как изменится человеческий мир вместе с устранением терминов ментального языка. К примеру, с развитием исследований о структуре мозга и его работе, появится совершенно новая динамика когнитивной активности и люди смогут овладеть новым языком, который описывает состояния мозга. В результате такого сценария термины народной психоло-

гии, даже в условиях межличностного общения станут не нужны. Разумеется, радикальные и смелые сценарии, которые предлагали Черчленды, привлекли массу внимания, но также вызвали ряд ответной критики в сторону элиминативного материализма.

Американский философ Д. Деннет также старался осуществить программу редукции ментального и разрешить вопрос о недоступной субъективной сфере в рамках научно-эмпирической стратегии. Стоит отметить, что в отличие от элиминативных материалистов, Деннет не призывает к полному отказу от терминов ментального словаря, а предлагает изменить их понимание. Д. Деннет высказывает точку зрения о существовании «Я» не как реального, а как абстрактного объекта, который он сравнивает с ньютоновским понятием «центра гравитации» - некой иллюзией, работающей в рамках классической механики. Подобно «абстрактным центрам гравитации»[2], субъективное «Я» - является неким вымыслом, теоретическим объектом, который не обладает реальным существованием, однако играет полезную роль в объяснении и прогнозировании поведения человека. Отказываясь от понимания самости, основанной на интроспекции, интуиции и кажимости, Деннет утверждает, что существуют только суждения, отчеты о внутренних переживаниях, и только они являются объективными и проверяемыми. Опыт боли становится болью при условии, что субъект имеет о ней отчет, а отчет, в свою очередь, может быть эмпирически верифицируемым.

Несмотря на весь объем исследований, на масштаб дискуссий и количество разнообразных теорий, посвященных субъективности, подобраться к приватному миру самости, или получить какие-либо однозначные ответы, касающиеся данного феномена, пока не удастся. Идеи, которые предлагает та или иная концепция, по большей части являются гипотетическими, а попытки элиминативистов устранить ментальные термины из языка и свести их исключительно к мозговым процессам или языку, вызывают сомнения. Со многими аргументами, которые направлены против концепций, настаивающих на редукции ментального к объективным процессам, сложно не согласиться. С точки зрения здравого смысла, такая редукция неправомерна, бессмысленна и имеет множество проблемных сторон. Однако многие идеи, даже самые радикальные зачастую несут теоретическую ценность, подготавливают поле для дальнейших дискуссий. Редукционизм способен лишь перенести трудные вопросы в более понятную, изученную область, но полностью редуцировать ментальные феномены к объективной реальности пока не представляется возможным.

Таким образом, редукция сферы субъективного – это попытка избежать обращения к данной области, в силу ее неясности и недоступности для изучения. Редукционизм был призван решить данную проблему, однако вместо решения происходит только подмена понятий, а в случае элиминативизма - полный отказ от «нежелательных» ментальных терминов. Следует сказать, что среди прочих радикальных редукционистов, Д. Деннет, используя антидуалистические идеи, естественнонаучные достижения и компьютерные аналогии, предложил наиболее интересную трактовку самости и совершил довольно убедительную попытку перенести проблематику субъективного в сторону эмпирических наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пуст С.* Теории сознания. М.: Идея-Пресс. Дом интеллектуальной книги, 2000. 287 с.
2. *Dennett D.* The Self as a Center of Narrative Gravity словарь. [Электронный ресурс] // URL: <http://cogprints.org/266/1/selfctr.htm/> (Дата обращения: 25.03. 2019).
3. *Quine W.* Word and Object // MIT Press, 1960, P. 294.
4. *Rorty R.* In Defence of Eleminative Materialism // Materialism and the MindBody Problem. L., 1971. pp. 111–121.

КОНЦЕПТ «СОБЫТИЕ» В ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕЛЕЗА И А. БАДЬЮ

Е.В. Чибир

Научный руководитель: д.ф.н. Н.А. Лукьянова

Томский государственный университет

Современная западная философия обращает внимание на событийность, как одну из основных характеристик постмодернового общества. Отныне это общество являет собой сложностную динамическую систему с множеством субъектов, определяющих направления его развития. Концепт «событие» выходит на передний план, так как несет в себе трансформирующую силу и соединяет как темпоральность, так и семантически-культурные установки, разделяемые социумом.

Несмотря на то, что обращение к событию, как одной из трансформирующих сил бытия, было осуществлено еще такими философами как М. Хайдеггер и А. Бергсон, наиболее полно вопросы событийности современного социального пространства и смысловой детерминации события представлены в паритетных по эпистемологическому и аксиологическому значению концепциях двух ярких французских философов Ж. Делеза и А. Бадью. Концепт «событие» погружен выше обозначенными философами в контекст становления смысла и в рамки становящегося бытия. Событие, реализуясь, влечет за собой формирование новых смыслов, а появление новых смыслов и сдвигов смысловых акцентов, подобно цепной реакции, влечет метаморфозы социальной реальности. Несмотря на то, что концепции Ж. Делеза и А. Бадью не позиционируются как взаимообуславливающие, тем не менее, полезно провести некоторые параллели, в частности, в отношении концепта «событие», для более полного восприятия такового. Предваряя компаративный анализ вышеупомянутых философов, следует обозначить их ключевые понятия и определить в них место событийности.

Так, А. Бадью указывает на интегративную роль событийности и философии. Он выделяет следующие основания социальной реальности, которые в исторической ретроспективе, сплетаясь с философией, играют доминирующую роль в развитии общества: любовь, политика, наука, искусство. Философия «пришивается» к одному из этих оснований и определяет тенденции становления бытия. Это происходит до определенного предела, когда основание само изживает себя и больше не рассматривается обществом как движущая сила. То есть, по сути, пределом и переломом, влекущим смену доминирующего основания, становится событие. «Событие – это то, что заставляет проявиться возможности, само по себе событие не является созданием той или иной реальности, оно – лишь создание возможности... Событие это только предложение. Все будет зависеть от того, как будет подхвачена эта возможность... Речь здесь о последствиях в реальном мире, вызванных тем разрывом, которым является событие... Событие – это создание в мире возможности процедуры истины... (точка), когда невозможное становится возможным...»[2. С.10].

Таким образом, онтологию события Алена Бадью, в самом общем виде, можно представить следующим образом: события-точки переплетаются в социальном пространстве в вероятностной последовательности, заданной мышлением. Именование, реализуемое в определенной социальной ситуации, и становится точкой разрыва события. В рамках становления социальной реальности родовое

бытие-именование (реализуемое в родовых процедурах и ситуациях) трансформируется в событие, тем самым формируя цепочку равновесных и неравновесных, трансформирующих состояний. Имена становятся точками фокусировки событийности, представленные в точках-понятиях они одновременно являются фрагментами и конструктами социальной реальности.

Конструирующую роль события подчеркивает в своей философии и Ж. Делез. Процесс придания событийности тем или иным фактам, явлениям осуществляется посредством приписывания определенных свойств реальности в рамках разделяемой логики смысла. Конструирование событий средствами логики происходит не только за счет ее включения в формирование концептов, но и определяется воплощением таковых в языке с их последующим внедрением в социальную реальность с помощью языковых инструментов. Язык представляется средством формулирования событий, то есть служит как инструмент для конструирования социальной реальности и ее деконструирования одновременно.

«Сверхсобытийность» современного общества в концепции Ж. Делеза обозначена бесконтрольным размножением слов. При этом остановить это «размножение» слов-событий под силу только субъекту. Волевым усилием он может прервать серию событий, иногда на самом интересном месте, именно тогда событие запомнится особо ярко и способно будет порождать новые смыслы. Именно «прерванность» придает событию завершенность и, в то же время, незавершенность, являясь отправной точкой для процесса сериальности.

Концептуальностью по Делезу наделяется любое слово (пример – введенный им термин «ризома»), такая «контекстная концептуальность». Смыслы, по мнению философа, содержатся не в самих понятиях, а в их «зеркальных отражениях», которые представлены именами понятий, их обозначениями. «Событие – тождество формы и пустоты. Оно – не настоящее, а всегда либо то, что уже в прошлом, либо то, что вот-вот произойдет» [3. С. 184–185].

Подводя итог выше сказанному, можно выделить как минимум три момента, которые роднят концепции Ж. Делеза и А. Бадью и позволяют сформировать комплексное видение, как события, так и бытия и социальной реальности в целом. Во-первых, концепции множественности восприятия бытия, на которых строили свои взгляды философы («парадигма жизненной множественности» Ж. Делеза и «парадигма математической множественности» А. Бадью). Во-вторых, постулируемые ими задачи философии и обозначение ее роли в социальном пространстве. Главную задачу философии А. Бадью видит в том, чтобы дать новое определение телам истин. Созвучным этому призыву является установка Ж. Делеза на право, и даже обязанность, современного философа творить новые концепты, устремляться за пределы принятых и уже застывших наименований, разрушать уже привычные понятия. В-третьих, отношение к модусу события: проблематическое и проблематизирующее (Ж. Делез) или как к модусу возможностей (А. Бадью). И то, и другое дает раскрывающимся возможностям реализоваться в социальном пространстве.

Несомненно, что у приведенных концепций есть не только то, что их роднит, но и те концептуальные места, которые разводят вышеприведенные философские воззрения по разные стороны баррикад. Первое это то, что в результате процедуры математизации события в его ноуменально-феноменальной природе Бадью подчеркивал не столько ноуменальную составляющую в отличие от

Ж. Делеза, сколько количественную, где точки-истины становятся исчислением события и проявляются в процессе понимания/мышления, осуществляемых в рамках родовых процедур. Второе различие концепций Делеза и Бадью видится в том, что у Делеза событийные свойства языка и мышления имеют равное значение, в то время как для Бадью диссонанс мысли и слова имеет вероятностный характер и решается в пользу мысли. И, наконец, третье концептуальное различие можно усмотреть в том, что у Ж. Делеза наименование вещей, представленное денотацией, отдаляет от реальности, а обозначение понятий в виде сигнификаций и манифестаций уводит от родового понятия, в то время как для А. Бадью родовое всегда первично и не растворяется в процессе наименования.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на ряд различий, которые можно выделить в философских концепциях Ж. Делеза и А. Бадью, событийность – то звено, которые, несомненно, роднит их. Именно рассматривая концепт «событие» можно найти рассмотрение такового с разных позиций, которые взаимодополняют друг друга. Позиции Ж. Делеза и А. Бадью в отношении события и его трансформирующей силы, несомненно, являются актуальными и определяют движение философской мысли в рамках изучения этого ключевого понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадью А.* Манифест философии. М.: Machina, 2012. 192с.
2. *Бадью А., Тарби Ф.* Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. 192 с.
3. *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Деловая книга, 1998. 480с.

ЭТИЧЕСКИЙ ВОПРОС В ИННОВАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОБОТОТЕХНИКИ

М.В. Шихман

Научный руководитель: к.ф.н. Т. В. Фаненштиль

Томский государственный университет

В эпистемологии и философии техники XX – начала XXI вв. проблематика связанная с технологизацией, алгоритмизацией окружающих человека вещей и событий становится и обсуждается все интенсивнее прямо пропорционально темпам научно-технического прогресса. Особо остро в этой проблематике поставлен этический вопрос. Он ставится многопланово: и в экономическом, и в политическом, и в когнитивном, и в социальном, и в практическом, и в экзистенциальном аспектах. Сложную структуру морального вопроса мы обнаруживаем в деятельности Римского клуба, в трудах отечественных и зарубежных исследователей: К. Ясперса, М. Хайдеггера, Г. Йонаса, Х. Ленка, А. Грунвальда, Б. Г. Юдина, В.Г. Горохова.

Ключевым аспектом осмысления этического вопроса в инноватике выступает практический аспект, что отсылает к самой сути инновационных исследований – встраиванию новаций в жизненные практики человека. Ключевым он является также потому, что на его основании этический вопрос в инновационных исследованиях проявляется целостно, в совокупности всех своих граней. В настоящем исследовании мы рассматриваем практическое измерение этической проблематики инноватики в области робототехники.

Развитие технологий в этой области сейчас во многом основывается на разработках искусственного интеллекта, которые стараются применять для различного вида устройств. Они уже есть в наших телефонах, компьютерах. Разработки в области искусственного интеллекта активно ведутся мировой наукой. Они весьма успешны, несмотря на то, что создать полностью искусственный интеллект (так называемый сильный искусственный интеллект) не удалось. Однако мы можем констатировать на сегодняшний момент, что машины уже могут принимать самостоятельные решения, анализируя накопленный опыт и самообучаясь.

Чем быстрее развиваются технологии искусственного интеллекта, тем сильнее людей захватывают опасения, основным из которых является следующее: что будут делать люди, если роботы научатся делать все или практически все? Насколько это вытеснит человека за границы существующей профессиональной деятельности. Мы уже наблюдаем сегодня, как на смену одним профессиям приходят другие, что, безусловно, влечет за собой необходимость очень частой переподготовки кадров и повышения квалификации. Это является новым социальным вызовом институт образования, так как такие тенденции должны обеспечиваться университетами, научно-образовательными центрами и другими образовательными структурами, которые на данный момент далеко не всегда успевают за стремительно развивающимся информационным миром.

Однако это не единственные опасения в адрес искусственного интеллекта и подобных систем. Что если роботы начнут саморазвиваться, станут превосходить человека и получают над ним власть? Именитые ученые высказывают разные опасения на этот счет. На мой взгляд, если роботы и искусственный интеллект

смогут превзойти способности человека, мир ждет большая катастрофа. Ведь если человек сможет создать подобного рода систему, то, что же сможет создать сама система? Однако, создание подобных систем на современном этапе развития техносферы ограничено различного рода вычислительными способностями, недостаточным развитием алгоритмов функционирования, и другими в общей сложности технологическими факторами, преодоление которых – вопрос времени.

Научный коллектив факультета инновационных технологий НИ ТГУ ведет исследование в области робототехники: занимается разработкой беспилотных летательных аппаратов.

Беспилотный летательный аппарат (БПЛА или дрон) – это достаточно обширное понятие, включающее в себя воздушные суда без пилота. БПЛА могут дистанционно управляться из другого места с земли, с борта другого воздушного судна, из космоса, либо работать полностью автономно, благодаря программе. Однако, все больше уделяется времени разработке именно автономных БПЛА. Инновационный потенциал БПЛА огромен, область применения таких аппаратов очень обширна: сельское хозяйство, транспортные перевозки, военная промышленность – это только малая часть областей, в которых они уже применяются.

Очевидно, что БПЛА могут проникнуть на любую территорию, их не остановит высокий забор и другие стандартные системы охраны. Кроме того, дроны могут без труда развевать скорость до 80 км/ч, что повышает опасность их использования, особенно в местах большого скопления людей. Кроме того, существует риск кибер-атаки, что позволяет осуществить перепрограммирование устройства для любых целей. Это неполный список рисков, которые влечет за собой использование БПЛА и последствия от которых могут быть самыми ужасающими. Стремительное развитие разработок в этой отрасли делает этический вопрос во всех его аспектах очень важным для рассмотрения.

В правовом и политическом аспектах ситуация такова. С точки зрения законодательства нашей страны, на данный момент, использование беспилотных летательных аппаратов как сверхлегких воздушных судов по большей части никак не регламентируется [1]. Порядок регистрации и эксплуатации касается аппаратов от 30 кг. Так, полеты огромного количества БПЛА остаются нерегламентированными. Разговоры об ужесточении закона ведутся давно, планируется регистрировать средства более 0,25 кг, а также выдавать разрешение на полеты в закрытых воздушных пространствах. Однако, все это остается в рамках законопроектов, срок принятия которых не определен.

Другим вопросом государственного уровня является выделение грантов на разработки в этой области. Дело в том, что финансирование таких проектов осуществляется постоянно, однако данные проекты не рассматривают безопасность использования своих разработок. А они предполагают риски: алгоритмы работы могут дать сбой и привести к нежелательным последствиям. Со стороны государства перед научными коллективами, занимающимися исследованиями и разработками в области робототехники, не ставятся такие задачи, соответственно и не предполагается финансирование в рамках грантов решения таких задач. Здесь обостряется вопрос о субъекте этических отношений и будет весьма сомнительно выглядеть правовая инициатива научных коллективов в регулирова-

нии (или в данном случае в саморегулировании) исследований, разработок и внедрения новаций в этой области.

Также стоит обратить внимание на отношение общества к развитию подобных инноваций, в том числе беспилотных летательных аппаратов. Здесь, в целом общество делится на два лагеря. Одни постоянно используют всевозможные технологии и их привилегии, в основном, это молодое поколение, взросление которых происходило непосредственно в среде их постоянного совершенствования и развития. Для кого-то из них дроны – это очередные средства развлечения, для кого-то – удобный инструмент для реализации различных целей, упрощающих жизнь человека. Другая часть с недоверием относится к новым технологиям и разработкам, не понимает их пользы, видит в них опасность. Очевидно, что здесь также необходимо правовое урегулирование, для которого подобные разработки должны быть изучены максимально целостно, не исключая ни факторов пользы, ни факторов опасности.

Таким образом, практический аспект этического вопроса в области разработки и использования БПЛА проявляет необходимость целостного комплексного междисциплинарного подхода в поиске оптимальных решений. Разработчики не имеют возможности этическому вопросу должного внимания. Государство понимает эту проблематику, однако для создания правового продукта, регулирующего этот вопрос, нуждается в комплексных исследованиях. Специалистам в области эпистемологии и философии техники не хватает специальных компетенций в области информационных технологий, поэтому зачастую их рассуждения отвлечены от процесса внедрения новаций в жизненную практику человека. На мой взгляд, ничто из вышеуказанного не может односторонне обеспечить целостный подход к решению этих проблем, и, главным образом, в виду того, что подобные разработки захватывают различные научные области и касаются широкого социального контекста. В связи с этим, этический субъект инноватики видится нам комплексным, способным проявить себя только в открытой коммуникативной среде, созданной на стыке этих областей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воздушный кодекс Российской Федерации* / Пп. 1, п. 1, ст. 33. [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/009711b4b9730b8597cfd79d7160a30bcae04d60/ (Дата обращения: 23.03.2019).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЫРАЖЕНИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КОТОРОЕ СОВЕРШИЛ БИЛЛ»

А.Г. Андрушкевич

Научный руководитель: д.ф.н. В.А. Ладов

Томский государственный университет

По мысли Уилларда Куайна, задача современной философии заключается в «описании наиболее общих черт объективной реальности» [5. С.5], из чего следует то, что приоритетным для нее оказывается именно онтологическая проблематика. Именно в этой связи мы беремся за настоящую работу, которая предполагает выявление онтологической специфики языкового выражения «преступление, которое совершил Билл».

Барбара Эббот пишет о том, что определенная дескрипция является одним из четырех языковых средств указания на объект, то есть осуществления референции [3]. Очевидно, что рассматриваемое предложение является дескрипцией в силу своей формы. При определенных обстоятельствах оно также может являться определенной дескрипцией (в ситуации, когда Билл совершил одно и только одно преступление в своей жизни). Также возможны два варианта употребления настоящего выражения, о которых пишет Доннелан. Это референциальный и атрибутивный способ употребления определенных дескрипций [4]. Отметим, что «при референциальном употреблении дескрипции объект, который агент описывает, дан агенту независимым от описания образом; при атрибутивном употреблении объект дан только посредством дескрипции» [1. С.19]. Можно предположить, что в ситуации, когда дескрипция «преступление, которое совершил Билл» является определенной и употребляется референциально, осуществляется референция, то есть указание на некоторый единственный объект. Однако мы полагаем, что это не так. И далее мы постараемся объяснить почему.

Для начала давайте представим два возможных мира, которые полностью совпадают за исключением одной детали. В первом возможном (обозначим его $w-1$) мире есть понятие преступления и преступлением, помимо прочего, считается ограбление. Во втором возможном мире (обозначим его $w-2$) такого понятия нет и, соответственно, ограбление преступлением не считается. В этом их единственное различие. Далее, в обоих возможных мирах происходят следующие события. Женщина идет по улице и держит в руке свою сумочку. С другой стороны улицы эту картину наблюдает мужчина, у которого есть намерение отобрать у женщины сумочку и скрыться с ней. Другими словами, он намеревается ее ограбить. Он следует за ней, держась на расстоянии, как вдруг подбегает,

хватает сумочку и начинает тянуть ее на себя. Какое-то время мужчина и женщина борются за сумочку, перетягивая ее. Но в конечном итоге мужчина оказывается сильнее, отбирает сумочку и поспешно скрывается с ней.

В возможном мире $w-1$ мужчина совершил преступление, а именно ограбил женщину. В возможном мире $w-2$ мужчина хотя и ограбил женщину, тем не менее, преступления не совершал просто потому, что в возможном мире $w-2$ нет понятия преступления. Как видно из этого примера, такое действие как силой отобрать у какого-либо человека сумочку, принадлежащую этому человеку, против воли этого человека не является преступлением по своей сути. Более того, даже такое событие как то, что произошло в возможных мирах $w-1$ и $w-2$, не является преступлением по своей сути или природе. Однако в возможном мире $w-1$, где есть понятие преступления, оно все-таки будет расценено как преступление.

Несколько модифицируем данный пример. Представим два возможных мира $w-1$ и $w-2$. В возможном мире $w-1$ есть понятие преступления и преступлением считается, помимо прочего, ограбление. В возможном мире $w-2$ тоже есть понятие преступления, но преступлением считается только жульничество в карточных играх. Это единственное их различие. В обоих возможных мирах происходит ограбление женщины, описанное выше. Однако теперь также известно то, что ограбление совершил Билл и это первый раз, когда он кого-то ограбил. Более того, Билл ранее никогда не совершал ничего такого, что в возможном мире $w-1$ считается преступлением, и ни разу в жизни не жульничал во время игры в карты. В таком случае, для возможного мира $w-1$ языковое выражение «преступление, которое совершил Билл» указывает на единственное действие Билла, которое в возможном мире $w-1$ считается преступлением. В возможном мире $w-2$, соответственно, данное выражение ни на что не указывает. Возникает вопрос, является ли дескриптивным выражение «преступление, которое совершил Билл»? На первый взгляд создается впечатление, что да, в силу своей формы, о чем говорилось в начале работы. Во всяком случае для возможного мира $w-1$, в котором выражение «преступление, которое совершил Билл» указывает на соответствующее событие, описанное выше. Однако как же объясняется то, что для возможного мира $w-2$ данное языковое выражение ни на что не указывает, хотя событие имело место в обоих возможных мирах?

Ответ на данный вопрос дает теория юридического языка Герберта Харта, одним из центральных понятий которой является понятие аскриптивности. Харт пишет: «В нашем ... языке существуют предложения, чья первичная функция состоит ни в том, чтобы описывать вещи, события, лиц ... но в том, чтобы производить действия, например, заявлять о правах («Это – мое»), признавать права, заявленные другим («Очень хорошо, это – ваше»), приписывать права («Это – его»), передавать права («Теперь это – ваше»), а также признавать, приписывать или вменять ответственность («Я сделал это», «Он сделал это», «Вы сделали это»))» [2. С. 343]. И далее: «Предложения «Я сделал это», «Вы сделали это», «Он сделал это» представляют собой первичные высказывания, посредством которых мы признаем или допускаем обязанность, выдвигаем обвинения либо приписываем ответственность» [2. С. 360]. Может показаться, что Харт ограничивает сферу применения аскрипции. Однако это не так. Более того, мы полага-

ем, что в сущности Харт в своей концепции не просто сужает сферу ее применения, но и упускает значимый ее аспект – онтологический.

В ситуации с языковым выражением «преступление, которое совершил Билл», которое является дескриптивным в силу своей формы, даже тогда, когда оно является определенной дескрипцией и употребляется референциально, не осуществляется референции. В таком случае связь языка с онтологией носит обратный характер: не реальность определяет язык, но язык конструирует реальность. Как было показано выше, аскриптивность суть свойство языка, которое заключается в конструировании онтологии. Посредством приписывания чего-либо (прав и обязанностей или же статуса преступления действию, которое совершил Билл) инициируется новый фрагмент реальности. Так, в рассматриваемом нами случае, выражение «преступление, которое совершил Билл» является аскриптивным, поскольку приписывает статус преступления некоторому имеющему место событию, тогда как непосредственно преступления места не имеет. То есть при употреблении данное языковое выражение конструирует онтологию, дополняя ее преступлением, хотя вне практики языка не происходит ничего такого, что мы могли бы обозначить как преступление, которое совершил Билл.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисов Е.В.* Референциальное употребление определенных дескрипций: семантический и прагматический подходы // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2014. №4 (16). С. 18–25.
2. *Харт Г. Л. А.* Приписывание ответственности и прав // Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Прайм, 2014. С. 343–367.
3. *Abbott B.* Reference. Oxford, 2010. 288 p.
4. *Donnellan K.S.* Reference and Definite Descriptions // The Philosophical Review. 1966. Vol. 75, № 3. pp. 281–304.
5. *Quine W.V.O.* Word and object. Cambridge: MIT Press. 1960. 294 p.

КРОСС-МИРОВОЕ СРАВНЕНИЕ В РАСШИРЕННОЙ ЛОГИКЕ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

А.Р. Гавриков

Научный руководитель: д.ф.н. Е.В. Борисов

Томский государственный университет

Цель доклада – сравнить классическую первопорядковую модальную логику, изложенную в учебнике «Fitting, Mendelsohn - First-OrderModalLogic (1998)», с расширенной логикой сослагательного наклонения, предложенной Вемайером в статье «SubjectivityandCross-WorldPredication», и показать возможности последней в формализации высказываний, содержащих кросс-мировое сравнение.

Для начала рассмотрим язык L КМЛ (классической модальной логики). Вокабуляр языка L содержит предикатные символы ($P, R, Q, \dots$), кванторы ($\forall, \exists$), логические союзы ($\sim, \&, \rightarrow, \vee, \equiv$), модальные операторы ($\Box, \Diamond$), два вида термов: индивидные переменные ($x, y, z, \dots$) и индивидные константы ($a, b, c, \dots$). Дадим определение правильно построенной формулы:

Def.: Множество формул задается по следующим правилам:

1. Если R – n -местный предикатный символ, а $(t_1, \dots, t_n)$ – термы языка L , то $Rt_1, \dots, t_n$ – атомарная формула;
2. Каждая атомарная формула – формула; каждое вхождение переменной в атомарной формуле – свободное вхождение;
3. Если X – формула, то $\sim X$ также формула; свободные вхождения $\sim X$ те же, что и в X ;
4. Если X и Y – формулы и $\otimes$ – бинарная связка, $(X \otimes Y)$ – формула; свободные вхождения переменных в $(X \otimes Y)$ те же, что в X и в Y вместе;
5. Если X – формула, то $\Box X$ и $\Diamond X$ – формулы; свободные вхождения переменных в $\Box X$ и $\Diamond X$ те же, что в X ;
6. Если X – это формула и t – это переменная, то $(\exists t)X$ и $(\forall t)X$ – формулы; свободные вхождения переменных в $(\exists t)X$ и $(\forall t)X$ те же, что в X , за исключением вхождений t ;

Теперь дадим определение модели в КМЛ:

Def.: Модель M для языка L представляет собой упорядоченную четверку вида (G, R, D, I) , где:

1. G – непустое множество возможных миров;
2. R – бинарное отношение достижимости на G ;
3. D – функция из множества возможных миров в множество непустых множеств; функция D также называется доменной функцией;
4. I – функция, назначающая: а)каждому n -местному предикатному символу R и каждому возможному миру $\Gamma \in G$, некое n -местное отношение на $D(M) := \bigcup \{D(\Gamma) \mid \Gamma \in G\}$; б) каждому константному символу c и каждому миру $\Gamma \in G$ некий член $D(M)$;

Пусть v – функция из множества индивидных переменных в $D(M)$. Запись $w[x]v$ означает, что w – x -вариант v . Если t – переменная, $v^*I(t, \Gamma) = v(x)$. Если t – константа, $v^*I(t, \Gamma) = I(t, \Gamma)$. Дадим определение истинности в модели:

Def.: Пусть $M = (G, R, D, I)$ – модель для языка L . Для каждого $\Gamma \in G$ и для каждой valuation v в $D(M)$:

1. Если R - n -местный предикат, то $M, \Gamma \Vdash -vR(t_1, \dots, t_n)$, тогда и только тогда, когда $(v^*I(t_1, \Gamma), \dots, v^*I(t_n, \Gamma)) \in I(R, \Gamma)$.
2. $M, \Gamma \Vdash -v\sim X \leftrightarrow M, \Gamma \Vdash -/X$;
3. $M, \Gamma \Vdash -v(X \& Y) \leftrightarrow M, \Gamma \Vdash -vX$ и $M, \Gamma \Vdash -vY$;
4. $M, \Gamma \Vdash -v\Box X \leftrightarrow$ для каждого $\Delta \in G$, если $\Gamma R \Delta$, то $M, \Delta \Vdash -vX$;
5. $M, \Gamma \Vdash -v\Diamond X \leftrightarrow$ для некоторых $\Delta \in G$, $\Gamma R \Delta$ и $M, \Delta \Vdash -vX$;
6. $M, \Gamma \Vdash -v(\forall x)\Phi \leftrightarrow$ для каждого w , если $w[x]v$ и $w(x) \in D(\Gamma)$, то $M, \Gamma \Vdash -w\Phi$;
7. $M, \Gamma \Vdash -v(\exists x)\Phi \leftrightarrow$ для некоторых w , $w[x]v$ и $w(x) \in D(\Gamma)$ и $M, \Gamma \Vdash -w\Phi$;

Теперь покажу ограниченность возможностей КМЛ при формализации высказываний типа:

(1) Наступит день, когда все, кто сейчас праведны, будут спасены.

В этом высказывании утверждается, что существует некоторый возможный мир Δ , такой что, все те, кто праведен в актуальном мире Γ' , будут спасены в Δ . Соответственно для того, чтобы формализовать это предложение, необходимо каким то образом присовокупить $\Diamond$ к формуле $\forall x(\Pi x \rightarrow Cx)$. Данный пример следует формализовать в рамках темпоральной логики, поэтому символ $\Diamond$ следует понимать как «однажды, наступит день». Это можно сделать тремя возможными способами:

1. $\Diamond \forall x(\Pi x \rightarrow Cx)$

Очевидно, данный вариант не является адекватной формализацией нашего высказывания, так как $\Diamond$ отсылает нас в некоторый возможный мир Δ , следовательно, квантор всеобщности будет пробегать по $D(\Delta)$. Однако (1) говорит, что спасутся именно те, кто праведен в актуальном мире Γ' .

2. $\forall x \Diamond (\Pi x \rightarrow Cx)$

Данный вариант также не является адекватной формализацией, по двум причинам. Во-первых, хотя квантор всеобщности будет пробегать по $D(\Gamma')$, $\Diamond$ отсылает нас в некий мир Δ , следовательно интерпретация предиката Π будет задана на $D(\Delta)$. Иными словами в данной формализации объекты, существующие в мире Γ' , спасутся в Δ , если будут праведны в Δ . Во-вторых, поскольку $\forall$ расположен перед $\Diamond$, формула гласит, что для всякого x существует некоторый мир Δ , возможно для каждого разный, в котором если x праведен, то x спасется, что не соответствует смыслу нашего высказывания.

3. $\forall x(\Pi x \rightarrow \Diamond Cx)$

Третий вариант не подходит для формализации по схожей причине. Так как $\forall$ в данной формуле стоит перед $\Diamond$, получается, что для всякого праведника существует некоторый мир Δ , возможно для каждого разный, в котором он будет спасен.

Теперь рассмотрим язык ЛСН (логики сослагательного наклонения) и формализуем с его помощью наше высказывание. Особенность языка, предложенного Вемайером, заключается в использовании специальных маркеров наклонения предиката, «i» - для изъявительного и «s» - для сослагательного. Другими словами маркер «i» отсылает нас к интерпретации предиката в актуальном мире Γ' , маркер «s», отсылает нас к интерпретации предиката в Δ , $\Delta \in G$. Дадим определение правильно построенной формулы для языка L логики сослагательного наклонения:

Def.: Множество формул задается по следующим правилам:

1. Если R – n -местный предикатный символ, а $(t_1, \dots, t_n)$ – термы языка L , то $Rit_1, \dots, t_n$ – атомарная формула;
2. Если R – n -местный предикатный символ, а $(t_1, \dots, t_n)$ – термы языка L , то $Rst_1, \dots, t_n$ – атомарная формула;
3. Каждая атомарная формула – формула; каждое вхождение переменной в атомарной формуле – свободное вхождение;
4. Если X – формула, то $\sim X$ также формула; свободные вхождения $\sim X$ те же, что и в X ;
5. Если X и Y – формулы и $\otimes$ – бинарная связка, $(X \otimes Y)$ – формула; свободные вхождения переменных в $(X \otimes Y)$ те же, что в X и в Y вместе;
6. Если X – формула, то $\Box X$ и $\Diamond X$ – формулы; свободные вхождения переменных в $\Box X$ и $\Diamond X$ те же, что в X ;
7. Если X – это формула и t – это переменная, то $(\exists it)X$ и $(\forall it)X$ – формулы; свободные вхождения переменных в $(\exists it)X$ и $(\forall it)X$ те же, что в X , за исключением вхождений t ;
8. Если X – это формула и t – это переменная, то $(\exists st)X$ и $(\forall st)X$ – формулы; свободные вхождения переменных в $(\exists st)X$ и $(\forall st)X$ те же, что в X , за исключением вхождений t ;

Теперь дадим определение модели в ЛСН:

Def.: Модель M для языка L представляет собой упорядоченную шестерку вида $(G, \Gamma', R, D, I_c, I)$, где:

1. G – непустое множество возможных миров;
2. Γ' – актуальный мир модели M ;
3. R – бинарное отношение достижимости заданное на G ;
4. D – функция из множества возможных миров в множество непустых множеств; функция D так же называется доменной функцией;
5. I_c – функция из множества индивидуальных констант в $D(\Gamma')$;
6. I – функция, назначающая каждому n -местному предикатному символу R и каждому возможному миру $\Gamma \in G$, некое n -местное отношение на $D(M)$;

Дадим определение истинности в модели:

Def.: Пусть $M = (G, \Gamma', R, D, I_c, I)$ – модель для языка L . Если t – переменная, то $v^*I_c(t) = v(x)$. Если t – константа, то $v^*I_c(t) = I_c(t)$. Для каждого $\Gamma \in G$ и для каждой valuation v в $D(M)$:

1. Если R – предикатный символ n -местного отношения, то $M, \Gamma \models v Ri(t_1, \dots, t_n)$, тогда и только тогда, когда $(v^*I_c(t_1), \dots, v^*I_c(t_n)) \in I(R, \Gamma')$;
2. Если R – предикатный символ n -местного отношения, то $M, \Gamma \models v Rs(t_1, \dots, t_n)$, тогда и только тогда, когда $(v^*I_c(t_1), \dots, v^*I_c(t_n)) \in I(R, \Gamma)$;
3. $M, \Gamma \models v \sim \Phi \leftrightarrow M, \Gamma \models v \neg \Phi$;
4. $M, \Gamma \models v (X \& Y) \leftrightarrow M, \Gamma \models v X$ и $M, \Gamma \models v Y$;
5. $M, \Gamma \models v \Box X \leftrightarrow$ для каждого $\Delta \in G$, если $\Gamma R \Delta$, то $M, \Delta \models v X$;
6. $M, \Gamma \models v \Diamond X \leftrightarrow$ для некоторых $\Delta \in G$, $\Gamma R \Delta$ и $M, \Delta \models v X$;
7. $M, \Gamma \models v (\forall ix)\Phi \leftrightarrow$ для каждого w , если $w[x]v$ и $w(x) \in D(\Gamma')$, то $M, \Gamma \models w \Phi$;
8. $M, \Gamma \models v (\exists ix)\Phi \leftrightarrow$ для некоторых w , $w[x]v$ и $w(x) \in D(\Gamma')$ и $M, \Gamma \models w \Phi$;
9. $M, \Gamma \models v (\forall sx)\Phi \leftrightarrow$ для каждого w , если $w[x]v$ и $w(x) \in D(\Gamma)$ то $M, \Gamma \models w \Phi$;
10. $M, \Gamma \models v (\exists sx)\Phi \leftrightarrow$ для некоторых w , $w[x]v$ и $w(x) \in D(\Gamma)$ и $M, \Gamma \models w \Phi$;

Теперь мы можем формализовать высказывание (1), используя предложенную Вемайером систему:

$$\Diamond \forall x(\Pi x \rightarrow Csx)$$

Для наглядности разберем истинностные условия получившейся формулы:

$M, \Gamma' \Vdash \neg \Diamond \forall x(\Pi x \rightarrow Csx)$ если и только если существует возможный мир Δ , такой что $\Gamma' R \Delta$ и $M, \Delta \Vdash \neg \forall x(\Pi x \rightarrow Csx)$;

если и только если существует возможный мир Δ , такой что $\Gamma' R \Delta$ и для всякой w , если $w[x]v$ и $w(x) \in D(\Gamma')$, то $M, \Delta \Vdash \neg \Pi x \rightarrow Csx$;

если и только если существует возможный мир Δ , такой что $\Gamma' R \Delta$ и для всякой w , если $w[x]v$ и $w(x) \in D(\Gamma')$, то, если $M, \Delta \Vdash \neg \Pi x$ то $M, \Delta \Vdash \neg Csx$;

если и только если существует возможный мир Δ , такой что $\Gamma R \Delta$ и для всякой w , если $w[x]v$ и $w(x) \in D(\Gamma')$, то, если $w(x) \in I(\Pi, \Gamma')$ то $w(x) \in I(C, \Delta)$;

если и только если существует возможный мир Δ , такой что $\Gamma R \Delta$ и $I(\Pi, \Gamma') \subseteq I(C, \Delta)$;

Нетрудно увидеть, что теперь формализация корректна. Истинностные условия вполне согласуются со смыслом высказывания.

Теперь мы можем перейти к формализации высказываний, содержащих кросс-мировое сравнение. Разберем следующий пример:

(2) Джон мог бы быть выше, чем Мэри (как она есть).

Для формализации этого высказывания Веймайер вводит некоторое расширение в язык ЛСН. Это дополнение касается 2-местных предикатов. Маркер наклонения предлагается использовать для каждого терма, занимающего некоторое место в отношении. Таким образом, следует расширить определение формулы за счет следующих пунктов:

1. Если t_1, t_2 – формулы, а R – предикатный символ, то $Riit_1t_2$ – формула;
2. Если t_1, t_2 – формулы, а R – предикатный символ, то $Rsst_1t_2$ – формула;
3. Если t_1, t_2 – формулы, а R – предикатный символ, то $Rist_1t_2$ – формула;
4. Если t_1, t_2 – формулы, а R – предикатный символ, то $Rsit_1t_2$ – формула;

Теперь модифицируем 6 пункт в определении модели ЛСН:

6. I – функция, назначающая а) каждому n -местному предикатному символу R ($n \neq 2$) и каждому возможному миру $\Gamma \in G$, некое n -местное отношение на $D(M)$; б) каждому 2-местному предикатному символу R и каждой $(\Gamma, \Delta) \in G_2$, некое 2-местное отношение на $D(M)$;

Соответствующее расширение получило определение истинности в модели:

1. Если R – предикатный символ 2-местного отношения, то $M, \Gamma \Vdash \neg Rii(t_1, t_2)$, тогда и только тогда, когда $(v^*I(t_1), v^*I(t_2)) \notin I(R, (\Gamma', \Gamma'))$;
2. Если R – предикатный символ 2-местного отношения, то $M, \Gamma \Vdash \neg Rss(t_1, t_2)$, тогда и только тогда, когда $(v^*I(t_1), v^*I(t_2)) \notin I(R, (\Gamma, \Gamma))$;
3. Если R – предикатный символ 2-местного отношения, то $M, \Gamma \Vdash \neg Ris(t_1, t_2)$, тогда и только тогда, когда $(v^*I(t_1), v^*I(t_2)) \notin I(R, (\Gamma', \Gamma))$;
4. Если R – предикатный символ 2-местного отношения, то $M, \Gamma \Vdash \neg Rsi(t_1, t_2)$, тогда и только тогда, когда $(v^*I(t_1), v^*I(t_2)) \notin I(R, (\Gamma, \Gamma'))$;

Получившееся расширение Вемайер назвал кросс-мировой ЛСН. Теперь мы без труда можем формализовать высказывание (2):

$$\Diamond Rsjm$$

Не трудно увидеть, что формализация адекватно передает содержание нашего высказывания.

Таким образом, кросс-мировая ЛСН имеет большие возможности при формализации высказываний естественного языка, нежели КМЛ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fitting M.* First-Order Modal Logic. Lehman College and the Graduate Center, Vol. 277, 1998. 291 p.
2. *Wehmeier K.* Subjunctivity and cross-world predication // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 2012. Vol. 159, No. 1. – pp. 107-122.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КОМПЕТЕНЦИЯ»

А.С. Климова

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.Н. Кириленко

Томский государственный университет

Глобализация, формирование информационного общества, значительные социальные и экономические преобразования привели к необходимости модернизации современного образования – комплексного обновления всех сфер образовательной системы в соответствии с текущими жизненными требованиями. Появляется потребность в формировании гибкости, конструктивности и мобильности выпускников, так как форсированные темпы развития общества влекут за собой установление новых требований к специалистам, которые практически не учитывались в программе их подготовки. Быстрая модификация контента (актуальной на сегодня информации), который устаревает быстрее, чем студенты заканчивают высшее учебное заведение; изменение профессионального поля, выражающееся в неактуальности некоторых специальностей и появлении новых профессий, которые на сегодняшний день мы не в состоянии даже спрогнозировать; востребованность междисциплинарных подходов и в бизнесе, и в науке, и в социальной сфере – все это указывает на изменение требований к самому университету, ВУЗу, высшей школе. Учитывая всю эту трансформацию ценностей, целей, содержания образовательного процесса, необходимо вводить новые критерии и нормы, обращаться к современным практикам. Именно обращение к компетенциям как одному из способов модернизации образования, по мнению большинства исследователей, должно помочь в устранении многих образовательных проблем. Вопрос современных представлений о компетенциях образованного человека сегодня широко обсуждается в научном сообществе, но понятийный аппарат окончательно еще не устоялся: нет единого понимания содержания понятия «компетенция», его роли в образовании. Однако сегодня часто встречаются попытки ввести компетентностный подход в обучение, даже несмотря на отсутствие представлений о результате образования, о сущности самого подхода, на отсутствие индикаторов измерения развития компетенций и критериев их оценки. Именно поэтому необходима философская работа (так как только философия образования рассматривает принципы, идеалы, ценности образования в их целостности), которая сможет предложить решения этих проблем и адаптировать понятие «компетенция» к российской образовательной структуре.

Как уже было сказано, единого определения понятия «компетенция» не существует, следовательно, возникает необходимость обратиться к философским основаниям, которые помогут прояснить теоретическое наполнение этого термина, и проследить его эволюцию от истоков до современного состояния. Рассмотрение идейных предпосылок и будет выступать целью нашей работы.

Исследовать философские основания перехода от знаний к компетенциям мы начнем, обратившись к родоначальнику философии образования американскому философу Джону Дьюи. Здесь мы не будем перечислять все его педагогические идеи, а сделаем акцент на определении навыка, который является важным элементом реализации его принципа «обучение через деятельность». Навык – это

способность человека использовать имеющиеся условия для реализации своих целей; активное управление средой [1.С.48]. Управление не ограничивается исполнительской стороной, а также предполагает формирование эмоциональных и интеллектуальных установок, понимание ситуации, в которой навык применяется. В совокупности это дает нам возможность широко мыслить и гибко и разнообразно использовать наши способности, встраивая их в определенный контекст. Сам термин «компетенция» тоже используется в работе Дьюи, рассматриваемый им как понятие, включающее в себя формы навыка, и делающее из человека специалиста благодаря использованию сложных интеллектуальных факторов [1.С.50]. Однако, в дальнейшем он подчеркивает, что в неквалифицированных видах деятельности также важно пользоваться сложными инструментами как в прямом, так и в переносном (как инструменты мышления) смыслах. Таким образом, на наш взгляд, Дьюи фактически отождествляет навык и компетенцию, просто рассматривает первый термин как нечто универсальное, а второй - по отношению к узкоспециализированной деятельности (можно даже сравнить это с делением на softskills и hardskills в современной образовательной практике).

В целом, исходя из идейных предпосылок Дьюи, образование рассматривается как становление человека, совершенствование всех его сторон, целостное развитие личности. Да, многим может показаться, что эти фразы всего лишь нечто умозрительное, идеальное, общее, слишком широкое и недостижимое, но в философских концепциях образование – действительно, объемное понятие, включающее в себя многие сферы. Более подробно мы рассмотрим это на примере взглядов немецкого философа Макса Шелера. Он утверждает, что образование – это «категория бытия», а его результатом должен выступать «микроскоп» человека – некая целостность мира, сосредотачивающаяся в одной личности (это и знания, и ценности, и идеалы... абстрактное все) [3.С.21]. В рамках данного исследования нас будет интересовать понятие М. Шелера «образовательное знание». Оно тоже достаточно обширное, поэтому выделим его ключевые моменты и перечислим основные характеристики [3.С.37]. Во-первых, теоретическая основа («образовательное знание» – сущностное знание, в основе которого лежат немногие точные образцы). Во-вторых, функционализация сущностного знания (то есть оно должно применяться, подстраиваться под конкретную ситуацию и извлекать из нее нечто новое). В-третьих, отрефлексированность/осознанность (знание, о процессе появления которого мы не задумываемся, оно становится полностью усвоенным, становится частью жизни человека). В-четвертых, упорядочивание будущего опыта (знание выступает в роли правила схватывания всех, имеющих ту же сущность, непредсказуемых фактов, оно полностью подходит к требованию определенного момента). Своего рода «образовательное знание» - такой гибкий внутренний инструмент: мы не думаем о механизме его использования, но осознаем возможности его применения.

Также у Шелера мы уже можем наблюдать разведение «знания что» и «знания как», которое является основанием понимания компетенции в общей педагогической практике. «Знание что» у него является теоретической базой, а «знание как» – функционализацией или категоризацией. Более подробно о таком делении писал английский философ Гилберт Райл. Он достаточно жестко различает эти понятия, фактически отделяя друг от друга теоритическое и практическое

знание, пытается доказать, что когда человек знает, как выполнять действие, ему не обязательно иметь какое-то соответствующее теоретическое основание. Иллюстрирует он это так: для того, чтобы научить ребенка играть в шахматы, можно не объяснять ему правила и теорию игры, он учится этому из наблюдения (на примере), он может не уметь объяснять причины своих действий, но выполняет действия правильно [2.С.32].

Однако если рассматривать такое разделение знания на «знание что» и «знание как» в контексте нашего исследования компетенции, то мы сталкиваемся с некоторыми проблемами, о которых следует сказать. Одной из характеристик формирования компетенции является осознанность, осознанность своих действий в конкретной ситуации. Если мы исключим этот пункт, то сведем компетенцию к механизации деятельности, бездумному использованию техник, редуцируем ее к современному определению навыка как действия, доведенного до автоматизма. Второй проблемой является признание того, что обучение на примере не выступает в качестве теоретической базы. Когда мы видим пример, потом еще один и еще один, в нашем сознании происходит осмысление увиденного, мы замечаем определенные связи, улавливаем границы возможностей. Попробуем показать это на примере все той же шахматной игры: увидев несколько партий, человек обозначит рамки движения каждой фигуры, догадается о цели игры, сообразит об исходе партии при определенной расстановке шахматных фигур. Пусть он не расскажет об этом в специальных терминах, но умозаключения, на основе увиденного можно рассматривать как теоретическую базу. Важно только помнить, что человек, владеющий компетенцией (на наш взгляд) не вспоминает всю эту теоретическую базу, не задумывается, где он это увидел, когда и каким образом запомнил, она становится как бы его частью.

Таким образом, на основании рассмотренных философских предпосылок можно сделать вывод о том, что в первоначальном смысле компетенция была некой универсальной способностью человека, которая характеризовалась связью с опытом, его упорядочиванием, осознанностью, функционализацией, гибкостью. Она включает в себя не только когнитивные аспекты, но и практические, эмоциональные, мотивационные. Компетенция – это своеобразный внутренний инструмент, который помогает эффективно действовать как в профессиональной сфере, так и в бытовых ситуациях, позволяет быстро подстраиваться под определенных контекст, оценивать варианты и принимать решение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьюи Д. Демократия и образование. М.: Педагогика-пресс., 2000. 384 с.
2. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс., 2000. 408 с.
3. Шелер М. Формы знания и образование // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 15-57.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА И СУБЪЕКТА ВЛАСТИ (ХОСЕ ОРТЕГА-И-ГАССЕТ И КРИСТОФЕР ЛЭШ)

А.Н. Мациевская

Научный руководитель: к.ф.н. И.А. Эннс

Томский государственный университет

В начале XX века сформировался новый тип социальности, который принято называть массовым обществом. В связи с этим образовался новый тип личности, именовавшийся «средним» человеком или «человек-масса». Впервые это понятие было проанализировано испанским философом Хосе Ортегой-и-Гассетом в его известной работе «Восстание масс». Массовое общество как новое образование породило нового субъекта. Этот субъект олицетворяет экономическую, политическую власть. Ортега-и-Гассет отмечает, что на «главную сцену мировой истории вышла посредственность, неспособная брать на себя ответственность и управлять обществом».

Однако в конце XX века, в 1994 году, вышла книга «Восстание элит и предательство демократии» американского историка и социолога Кристофера Лэша. Он, в противовес испанскому философу, приписывает психологические характеристики человека-массы человеку элиты. В контексте Лэша речь идет уже об информационном обществе, где информация – главный ресурс. Субъект власти в информационном обществе называется элитой. Американский историк описывает его как избранное меньшинство, которое заботится лишь о собственном благосостоянии и развлечении. При этом они яро поддерживают иллюзию равных возможностей продвижения человека по социальной лестнице, когда, на самом деле, социальные лифты отсутствуют. Американский исследователь рассматривает проблему нового субъекта власти или элиты как причину разложения демократии.

Проблема соотношения общества и субъекта власти описывается в двух работах. Массовое общество, в сущности, положила основу для информационного общества. Испанский философ и американский историк демонстрируют одну и ту же социальную реальность. Но различие вытекает из разных языков описания и разных исторических условий. Хосе Ортега-и-Гассет находится у истоков, и господство человека массы является началом нового мирового порядка. В то время как Кристофер Лэш констатирует непосредственно исход начавшегося процесса, где массы присваивают функции элит. Тогда можно говорить о генезисе человеческого общества и произошедшей инверсии массы и элиты. Если описывать подробнее, то в связи с изменением условий и возможностей человека происходит трансформация: от массового общества, когда техническое оснащение человека еще накапливало мощь, до информационного общества, где развитие СМИ и Интернета происходит в ускоренном темпе и опережает человеческие запросы. Однако Хосе Ортега-и-Гассет уже в 30-х годах заявлял о том, что производство вещей и благ превышает нормальную потребность человека. В веке информации скорость появления ежедневных желаний потребителя продолжает расти. В контексте данных обществ меняется функция человека массы. «Психический склад» ортеговского заурядного человека наблюдается у элит, которые у испанского философа являлись ответственными, дисциплинированными и благородными людьми. Субъект власти в одном и в другом обществе

имеет одинаковые качественные характеристики. Человек массы, приспособившись к обстоятельствам, снова держит власть в руках, называя себя элитой.

Восстание масс и восстание элит, в сущности, один и тот же процесс. Только этот процесс принимает разные внешние формы в исторической реальности Хосе Ортеги-и-Гассета и Кристофера Лэша. В первом случае, это вышедшие на мировую сцену массы, которые отвергли устаревшие заповеди, чтобы жить, не подчиняясь никаким правилам. В контексте испанского философа восстание масс – наиболее видный симптом европейского морального кризиса. Американский же историк восстание элит называет выступлением меритократии. Тогда субъект или человек элиты – это меритократ, который является субъектом власти на основе личных заслуг. При этом он не чувствует себя обязанным обществу, поэтому заботится лишь о собственном социальном положении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.
2. *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. [Электронный ресурс] // URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5424> (Дата обращения: 23.03.2019).
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. 199 с.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* «Дегуманизация искусства» и другие работы. М: Радуга, 1991. 638 с.
5. *Lang K.* Mass Society, Mass Culture, and Mass Communication: The Meaning of Mass // International Journal of Communication. 2009. Vol. 3. PP. 998–1024.

«ФИЛОСОФСКИЙ МИФ» ПЛАТОНА

М.А.Мурзин

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.Н.Кириленко

Томский государственный университет

Одним из великих мыслителей прошлого является Платон, произведения и личность которого до сих пор представляют собой предмет оживленных баталий и дискуссий в научном сообществе. И это не удивительно, ведь Платон и его творчество оказали колоссальное влияние на развитие истории мировой философии. Сложно не согласиться с Альфредом Норманом Уайтхедом, который писал: «Наиболее правдоподобная общая характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она представляет собой серию примечаний к Платону» [4. С.32]. В своем творчестве Платон поднимал такие темы и вопросы, актуальность которых с годами остается неизменной. Однако рассматривать все творчество Платона целиком представляется мне не подъемной задачей для отдельной статьи. По этой причине, в данной работе я ограничусь лишь проблемой мифа в творчестве философа.

Важнейшие элементы своей философской позиции такие как «эйдос», «душа» и т.п. Платон представляет в форме мифа. Но отношение самого философа к мифу не так однозначно. Например, в таких диалогах, как «Федр» и «Критий», Платон вкладывает в речь Сократа некоторую насмешку над мифотворчеством. Вообще в первых тетралогиях Платон достаточно радикально выражает свое отношение к мифотворцам и поэтам. Он называет их лжецами и говорит о том, что их творчество далеко от истины. А в более поздних диалогах, таких как «Тимей» или «Государство», сам использует миф, как способ для объяснения ключевых аспектов своего философского творчества. Таким образом, на первый взгляд, отношение Платона к мифу противоречиво, что и составляет проблемную ситуацию моего исследования.

Жизненный путь Платона представляется мне крайне сложным. В нем есть несколько периодов, когда Платон попадал под влияние разных философов и мудрецов Эллады. Например, по свидетельствам Аристотеля, еще до встречи с Сократом, на Платона повлияло знакомство с Кратилом, который являлся последователем Гераклита. Сильнейшее влияние на Платона оказал, конечно же, Сократ. Однако уже после смерти Сократа, Платон был крайне увлечен творчеством и деятельностью пифагорейцев и некоторое время даже провел с ними. Из этого мы можем сделать вывод, что Платон как философ развивался всю свою жизнь, и его диалоги – это продукт его развития. А, следовательно, в диалогах, написанных в разное время, он может представляться нам различным образом. Тем не менее всю свою жизнь Платон оставался верным учеником Сократа, но в философском творчестве продвинулся дальше своего учителя. Платон в своих диалогах не ставил перед собой автобиографическую, как например это сделал Ксенофонт. Поэтому и Аристотель, и Ксенофонт свидетельствуют о том, что философская позиция Платона не напрямую соответствует убеждениям Сократа. Здесь мы можем сделать вывод, что Сократ у Платона – это не настоящий Сократ, а авторский персонаж. Сделав эти важные замечания теперь можем перейти непосредственно к рассмотрению мифа у Платона.

Миф как форма творчества является очень распространенным явлением особенно в древнем мире. В обыденном понимании миф – это чаще всего предания и сказки разных эпох древности, в которых повествуется о деяниях богов и прочих чудесных и волшебных событиях, о сверхъестественной реальности. Но понятие «мифа» не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Доктор философских наук Аза Алибековна Тахо-Годи в своей монографии «Греческая мифология», определяя сущность мифологии утверждает, что с древнегреческого «миф» переводится как «слово» [2. С.3]. Но стоит обратить внимание, что оно имеет еще такие значения как «логос» и «эпос». А, следовательно, семантическое многообразие значения слова миф в древнегреческом языке порождает и смысловое многообразие от эпоса к логосу. А соответственно, я утверждаю, что в своем творчестве Платон использует миф, который по форме является эпосом, но в сущности это уже логос.

Для доказательства моей позиции сначала хотелось бы рассмотреть диалог Тимей. Здесь Платон предлагает нам свое учение о мире. В самом начале диалога Тимей говорит: «Но о том, что лишь воспроизводит первообраз и являет собой лишь подобие настоящего образа, и говорить можно не более как правдоподобно. Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере. А потому не удивляйся, Сократ, что мы, рассматривая во многих отношениях много вещей, таких, как боги и рождение Вселенной, не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего» [1]. Платоновский Сократ одобряет эту речь, а значит одобряет сам Платон. Здесь мы можем рассмотреть отношение к мифу автора. Платон говорит о том, что миф есть некоторая необходимость в условиях ограниченности человеческого мышления, потому что мы не можем себе представить и помыслить происхождение нашего мира более чем правдоподобно. Более того А.А. Тахо-Годи, фиксирует, что Платон точно различает миф как ложь по форме и по сущности[3]. И ложь по форме он принимает и даже оправдывает. Поскольку: во-первых, «истинный миф» для Платона это «некое священное слово, точно бы возведенное оракулом», а во-вторых это, безусловно, ложь, основанная на истине. Которая, в силу своей специфики, является эпосом по форме, но логосом, в сущности.

Далее Платон представляет нам свое учение о космосе, демонстрирует свою онтологическую иерархию – ум, душа, тело, и выстраивает между ними отношения. Для всего этого он использует миф как форму. Как мы уже выяснили, делает он это по причине того, что выразить свою мысль иначе ему не представляется возможным. Стоит отметить еще то, что диалог «Тимей», является одним из самых поздних диалогов, написанных Платоном, уже в 60-50 годы IV в до н.э. Что в очередной раз подтверждает то, что отношение Платона к мифу изменялось на протяжении его жизни.

Таким образом, миф - неотъемлемый элемент творчества Платона. В диалогах мифологическая форма выступает как важный посредник между эпосом и логосом. Именно при помощи мифа Платон поступательно ведет нас к истине и раскрывает свою позицию. Подводя итог, стоит отметить, что причин такого

использования мифа может быть несколько. Во-первых, как мы убедились на примере диалога «Тимей», миф используется как необходимость философская. Во-вторых, я думаю, стоит учитывать исторический аспект творчества Платона. Ему необходимо было быть актуальным и понятным не только для будущего, но прежде всего для своего времени. Поскольку единая система рациональности только начинает формироваться и, по большому счету, нет еще единого «философского языка», на котором можно выразить все то, о чем говорит Платон. Хотя я думаю, что исторический аспект данной проблематики – это тема для отдельного исследования, которую в этой статье я не затрагивал. На мой взгляд, «философский миф» Платона это удачный «обтекаемый» философский концепт, который на протяжении многих веков остается важным, актуальным для истории философии и регулярно используется философами различных эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Платон*. Тимей. [Электронный ресурс] // URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/27timei.htm> (Дата обращения: 23.03.2019).
2. *Тахо-Годи А.А.* Греческая мифология. М.: Искусство, 1989. 304 с.
3. *Тахо-Годи А.А.* Миф у Платона как действительное и воображаемое. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/platon-2400/3.htm> (дата обращения 27.03.2018)
4. *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 720 с.

СВЯЗЬ АБСУРДА И САМОУБИЙСТВА В РАБОТЕ А.КАМЮ «МИФ О СИЗИФЕ. ЭССЕ ОБ АБСУРДЕ»

Е. Д. Романова

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.Н. Кириленко

Томский государственный университет

Актуальность данной работы связана с пристальным вниманием философов всего мира к проблеме суицида, которое не ослабевало веками. У каждого из них свое мнение относительно природы самоубийства, и мой интерес состоит в том, чтобы попытаться найти некую единую философскую точку зрения, к которой можно было бы свести все это многообразие. Кроме того, тема самоубийства в философии приводит нас к таким фундаментальным вопросам, как «смысл жизни» и «свобода воли человека», которые также значимы для философии сегодня.

Цель данной статьи проанализировать произведение «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» французского философа Альбера Камю и выявить его точку зрения на причины самоубийства. В своем произведении «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» Альбер Камю выделяет наиболее важную, по его мнению, для всей философии проблему – проблему самоубийства, все остальные отходят на второй план и становятся не требующими скорого решения. Люди всегда определяют самоубийство как социальный феномен (некий элемент социальной реальности), но Камю не согласен с этим и утверждает, что суицид – явление, связанное, прежде всего, с мышлением человека. Роль общества в этот момент невелика, здесь важнее борьба, которая ведется в сознании человека [2. С.224]. Однако, на наш взгляд, это заявление Камю ничем не обосновано, он утверждает несостоятельность социальных причин, что не может быть веским доводом в пользу гипотезы о суициде – продукте только мышления.

Далее, говоря о причинах самоубийства, Камю вводит понятие абсурда, понимаемое как разлад между человеком и жизнью. По мнению автора, человек как бы признается в том, что для него жизнь больше не имеет смысла, он понимает, что пропало что-то, связывавшее его самого с жизнью. Выхода из этой ситуации два: первый – суицид, самый очевидный; второй – научиться жить по правилам абсурда.

Действительно ли за осознанием абсурда жизни с необходимостью следует суицид? Как показывает практика, ответ однозначен – «нет». Признание абсурда не приводит к совершению самоубийства, оно не связано с этим решением человека. Человек привязан к миру, поэтому в большинстве случаев держится за жизнь всеми возможными способами. Такими способами являются и «развлечения» Паскаля, которые предполагают, что человек находит для себя различные занятия только для того, чтобы отвлечься от мыслей о смерти, и, как их называл Альбер Камю, «уклонения»: «Надежда на жизнь иную, которую требуется «заслужить», либо уловки тех, кто живет не для самой жизни, а ради какой-нибудь великой идеи, превосходящей и возвышающей жизнь, наделяющей ее смыслом и предающей ее» [2. С.226]. На наш взгляд, этот тезис также является не до конца доказанным: автор ничем не дает понять, почему жизнь во благо идеи не является некой инструкцией к жизни, а только «уловкой».

Возвращаясь к рассуждениям Камю, следует отметить, что он предлагает найти логику, которую мы могли бы применять до самой смерти [2. С.227].

Здесь имеется в виду отвлеченное от чувств разумное мышление, которое может объяснить, как жить, если оказался в ситуации абсурда. Но опять же мы оказываемся в тупике. Наше мышление ограничено, и, вполне возможно, что мы так и не сможем найти ту загадочную логику, которая бы смогла объяснить, зачем нам стоит продолжать жить. А, следовательно, и путь «уловок», и путь мысли оказываются бессильными перед абсурдом жизни.

Начало абсурда Камю связывает с появлением скуки, которая будучи результатом машинальной жизни, способна привести сознание в движение [2. С.229–230]. Автор говорит, что нет ничего важнее сознания, а затем, что в истоках абсурда лежит «забота», т.е. существование в целом, разделенное на три элемента, условно: будущее, прошлое и настоящее. Далее, он говорит о том, что из-за собственного разума ему приходится искать призрачный смысл жизни, что не получается у него, в отличие от дерева и животного, являющихся частью мира, которым это знание просто не требуется. Про человека в состоянии абсурда он говорит, что тот изолирован и противопоставлен миру [2. С.258]. Это означает, что абсурд заставляет искать смысл в жизни, но все попытки безуспешны, потому что человек не находится «внутри» самого мира. В этом конфликте абсурдного человека с его собственным сознанием рождается бунт.

После того, как стали понятны некоторые черты абсурда, Камю снова возвращается к одному из своих тезисов: приводит ли абсурд к суициду? Для ответа на этот вопрос автор указывает на противоречие между бунтом и суицидом и говорит о том, что самоубийство – не логичный выход из ситуации абсурда [2. С.260].

Анализируя данное произведение Камю, можно сказать о том, что автор так и не пришел к конкретному решению указанной мной в начале проблемы самоубийства. Он не связывает суицид ни с абсурдом, ни с другими факторами, включая социальный. По его мнению, самоубийство может быть выходом из абсурда, а может и не быть им. Основной мыслью является то, что все зависит от человека, только он решает, как ему поступить и стоит ли жить дальше. На мой взгляд, Камю, чтобы доказать свою точку зрения, не учел факта того, что бунт – не единственный продукт абсурда, а только один из нескольких. Поэтому доказательство отсутствия связи между абсурдом и самоубийством безосновательно и требует дополнительных примеров. Таким же образом, причинами суицида могут выступать и другие факторы, отвергнутые Камю в произведении. Человек, ощущающий абсурд, а мы говорим именно о чувстве абсурда вслед за Камю, не находит себе места в мире, он понимает: все то, что мы делаем, только приближает нас к смерти, которая ограничивает нашу свободу. В этой ситуации человек может подчиниться этим правилам жизни, а может поспорить со смертью и добровольно уйти из жизни. Как верно выразился философ Сергей Аванесов в отношении абсурда: «Мы помним, что именно абсурд есть тот горизонт стабильности, в котором обретают свое противоречиво-гармоничное единство человек и мир. Тем самым еще раз декларируется жесткая связь (вплоть до тождества) абсурда и смерти, выступающих как разные лики одного и того же наличного» [1. С.168].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов С.С.* Вольная смерть. Часть 1. Основания философской суицидологии. Томск : Томский государственный университет. 2003. 396 с.
2. *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов: сборни. М., Политиздат, 1990. С.222–318.

ГЕОМЕТРИЯ - ИСТИННА ИЛИ ВЫГОДНА?

А.И. Самойленко

Научный руководитель: д.ф.н. В.А. Суровцев

Томский государственный университет

Все без исключения заключения выводятся из посылок, эти посылки должны быть либо очевидной истиной, либо выводиться из других посылок до той поры, пока последняя не будет нуждаться в доказательстве. Геометрия основывается на недоказуемых аксиомах. Любое заключение, сделанное в геометрии, в итоге, излагается этими аксиомами. Пуанкаре разделил аксиомы геометрии на аксиомы анализа, это чистые априорные суждения, и предметно геометрические, к которым отнес 3 аксиомы:

1. Между двумя точками можно провести лишь одну прямую.
2. Прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками.
3. Через данную точку можно провести лишь одну прямую, параллельную данной.

Третья аксиома – это пятый постулат Евклида, найти ее доказательство не удавалось долгое время. И если ее не удавалось доказать, то решили доказать невозможность ее доказательства. Это и сделали Лобачевский и Бояи.

«Если бы возможно было вывести постулат Евклида из других аксиом, то, отбрасывая этот постулат и допуская другие аксиомы, мы, очевидно, должны были бы прийти к следствию, заключающему в себе противоречие; поэтому было бы невозможно на таких положениях построить цельную геометрическую систему» [2. С.33]. Это положение выдвигает Лобачевский. Он допускает, что через одну точку можно провести несколько прямых, которые будут параллельны данной, и, сохраняя остальные аксиомы Евклида, строит на этом свою геометрию. Данные геометрические теоремы значительно отличаются от тех, к которым мы привыкли, но они никак не противоречат законам логики. Также, свою геометрию, не похожую на геометрию Лобачевского развивает Риман.

Риман начинает свое рассуждение о другой геометрии с предположения мира, отличающегося от нашего. Этот мир с бесконечно плоскими существами в пределах одной плоскости. Данный мир не знает никаких других миров и не поддается их влиянию. Существа здесь способны мыслить и создать свою геометрию. Теперь нужно представить, что плоские существа живут не в пределах одной плоскости, а на поверхности шара. Такие существа построят геометрию с двумя измерениями. Прямая для них будет кратчайшим расстоянием между двумя точками на сфере. Такое пространство безгранично и в то же время конечно. Через две противоположные диаметрально точки, можно провести сколь угодно много количество дуг, которые будут являться прямыми в этой геометрии. А через две рядом находящиеся точки можно провести круг, который также будет являться прямой. Аксиома, принимаемая в геометрии Римана, гласит: «Каждая прямая, лежащая в одной плоскости с данной прямой, пересекает эту прямую».

Сферическая геометрия Римана может рассматриваться как ветвь обычной геометрии, Бельтрами свел и геометрию Лобачевского к обычной геометрии. А сделал он это, противопоставив ее геометрии Римана, пространство которой яв-

ляется поверхностью с положительной кривизной. Геометрия Лобачевского называется геометрией с отрицательной кривизной (см. Табл.1).

Таблица 1

	Евклид	Лобачевский	Риман
Сумма углов треугольника	180	<180	>180
Число линий проведенных через данную точку, параллельно данной прямой	1	∞	0

В каждом руководстве мы встретимся с определенными аксиомами, но стоит ли считать их единственным основанием геометрии. Можно убедиться в обратном, ведь если отвергнуть все данные аксиомы, то некоторые предположения останутся нетронутыми. Любое определение содержит в себе аксиому, так же определяя мы утверждаем существование определяемого предмета. Существование математического объекта следует понимать не так как существование материального предмета. Такой объект существует, если его определение не несет противоречия (в себе, и в предложениях, допущенных ранее).

Среди скрытых аксиом Пуанкаре особенно выделяют одну. Если эту аксиому опустить, то можно создать четвертую геометрию, столь же непротиворечивую, как и рассмотренные ранее.

«Чтобы доказать, что всегда можно восстановить из точки А перпендикуляр к прямой АВ, рассматривают прямую АС, вращающуюся около точки А до тех пор, пока она не образует продолжения АВ» [2. С.38].

Из этой аксиомы следует два предположения: 1) вращение прямой возможно; 2) это вращение можно продолжать до тех пор, пока вращающаяся прямая не станет продолжением другой прямой. Нас интересует первое предположение, рассматривая только его мы приходим к ряду непротиворечивых, но абсурдных теорем. Например: действительная прямая может быть перпендикулярна сама себе.

Вслед за неевклидовыми геометриями появились неархимедовы геометрии. Данные геометрии Веронезе и Гильберта строились, устранив аксиому Архимеда: любая протяженность, умноженная на целое большое число, превзойдет данную протяженность.

Раз непротиворечивыми оказываются многие геометрии, почему именно наша истинная. На опыте легко доказать что сумма углов треугольника равна 180, но это только потому, что мы рассматриваем малые треугольники. По Лобачевскому, разность пропорциональна площади.

Геометрические аксиомы являются экспериментальными истинами. А экспериментирует человечество не над идеальными фигурами, а над материальными предметами. У опыта геометрия заимствовала свойства твердых тел, но не существует неизменного твердого тела. Мы приходим к выводу, что геометрия является условным положением, при выборе которых мы опираемся на опытные факты.

Мы привыкли считать, что геометрия экспериментальная наука. Если бы это было так, она занималась бы только реальными твердыми телами, но предметом

геометрии являются идеальные неизменные тела, которые являются далеким отображением реальных тел.

Задавать вопрос об истинности геометрий неуместно. Ни одна из геометрий не может быть истинней другой. При выборе геометрии мы руководствуемся только удобством. И в этом евклидовой есть преимущества: она проще как в использовании, так и в вычислении, она согласуется со свойствами реальных твердых тел.

Геометрия Лобачевского также часто используется нами, например, для вычисления определенных интегралов при нахождении длины, в астрономии, при описании голографической вселенной и четырех дыр. Геометрия нашла свое место и в искусстве, Мауриц Корнелис Эшер вдохновляясь математическими теориями создает свои работы. Элементы Неэвклидовой геометрии можно найти в окружающих нас зданиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норден А.П.* Об основаниях геометрии. Сборник классических работ по геометрии Лобачевского и развитию ее идей. М.: ГИТТЛ, 1956. 530 с.
2. *Пуанкаре А.* О науке /под ред. Л.С.Понтрягина. М: Наука, 1983. 560с.
3. *Философия математики: актуальные проблемы.* Математика и реальность // Тезисы Третьей всероссийской научной конференции; 27–28 сентября 2013 г. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 270 с.

КИНОЯЗЫК ЛАРСА ФОН ТРИЕРА О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

К.С. Смердова

Научный руководитель: к.ф.н. Савельева Е.Н.

Томский государственный университет

Автор исследования обращается к крайне противоречивому творчеству Ларса фон Триера, вызывающему неоднозначные оценки со стороны, как обычных зрителей, так и киноведов. Актуальность темы обусловлена тем, что современное провокативное и эпатирующее искусство является, тем не менее, отражением важных процессов социокультурной реальности. Попытка адекватной интерпретации содержания подобных художественных текстов способна выявить различные симптомы развития современного общества. Так, к примеру, известна негативная оценка критиков фильма «Антихрист» (2009) Ларса фон Триера, которые обвиняют автора в женоненавистничестве. Однако мы полагаем, что существует связь между его представлением женщин как жертв патриархального дискурса и положительным представлением женщин как хриstopодобных фигур, которое прослеживается в трилогии «Золотое сердце» (1996–2000 гг.). Режиссер размышляет относительно того, могут ли доброта и духовность выдержать испытание человеческим миром. Автор статьи выдвигает предположение о том, что кинематографическая трилогия Ларса фон Триера «Золотое сердце» транслирует средствами киноязыка феминистскую позицию, выступающую против патриархальной гегемонии. Эти представления обуславливают особенности репрезентации образов женщин. Цель нашего исследования выявить специфику художественно-образной системы кинопроизведений Ларса фон Триера, при помощи которой ему удастся воплотить идейные установки феминизма. Для этого решаются следующие задачи. Во-первых, изучаются женские образы произведений датского режиссера. В качестве теоретической базы используются исследования зарубежных и отечественных киноведов, интерпретирующих женские образы Ларса фон Триера. Во-вторых, анализируется визуальный ряд и драматургия фильмов трилогии «Золотое сердце» и «Антихрист».

На основе проделанной работы выдвинуты следующие положения: 1) В киноработах Триера нарратив сосредотачивается на женском персонаже, в то время как мужские персонажи на втором плане. 2) Именно неспособность или отказ оставаться пассивными, как правило, побуждает женские персонажи к действию и, таким образом, двигает сюжет вперед. В свою очередь виктимизация женщины приводит к расправе («Догвилль», «Антихрист»). 3) Притеснение является основным препятствием для большинства его женских персонажей. Им постоянно твердят отдельные люди и общество в целом, что их эмоции, желания и мысли либо глупы и патологичны, либо недопустимы. Последующий стыд, который испытывают персонажи, обычно приводит к опрометчивым действиям, приводящим к вредоносным последствиям. Подобный итог и рассматривается в качестве доказательства женоненавистничества режиссера. Хотя на самом деле он является проявлением пагубного давления – в данном случае, – на женскую психику. Тем не менее, Триер – провокатор, который задает вопросы без конкретных ответов. Можно было бы усмотреть в Ее («Антихрист») действиях по-

пытку показать, что женщины по природе своей злые и опасные. Но анализ показывает, что муж пренебрегал женщиной и ребенком, уделяя ей внимание только тогда, когда она эмоционально уязвима. Муж героини выбирает самолечение, когда Ее психологическое состояние расшатано, изолирует ее от кого-либо, кроме себя, а затем обращается с ней как с больным ребенком, проявляя эмоциональное насилие.

На наш взгляд, Ларс фон Триер показывает двойные стандарты, установленные для женщин в обществе. Если Бесс («Рассекая волны») не подчинится просьбе мужа, это будет означать, что она не чтит своего мужа, как и ее клятву перед Богом. Если слепо повинется ему, то будет отлучена от церкви и приговорена на вечные муки в аду. Если Грейс («Догвилль») останется, то ей будут выдвинуты обвинения жительницами Догвилля, за соращение их мужей. Если она уйдет, то вызовет подозрения, потому что люди будут думать, что она виновна в преступлении.

В современном мире, женщины, как правило, изображаются сексуальными и скучными, им не хватает как глубины личности, так и широты понимания; тем не менее, в фильмах фон Триера женские персонажи резко контрастируют с такими представлениями. Фильмы фон Триера могут служить кинематографической формой сопротивления патриархальному господству, поскольку позволяют нам по-другому воспринимать женщин. Таким образом, наше исследование позволяет утверждать, что глубокие по своему смыслу кинопроизведения Ларса фон Триера транслируют феминистские установки по отношению к положению женщины в современном обществе.

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ И НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

И.В. Сонич

Научный руководитель: д.ф.н. Е. В. Борисов

Томский государственный университет

Первые попытки осмысления феномена бессознательного как нерerefлексивной части сознания были предприняты еще в античности, однако в Средневековой философии начался новый этап, рассматривающий это явление через призму христианской религии. Далее изучение продолжилось в эпоху Нового времени, где философы пытались объяснить этот феномен не через божественное начало.

Аврелий Августин принял христианство и, соответственно, христианскую картину мира. Так, в философии Августина Бог творил мир постепенно, и в самом начале были заложены формы всех вещей (аналогично идеям Платона), которые впоследствии были воплощены в физическом мире [1. С. 56–61]. Что касается познания, то Августин придерживается позиции, что истина доступна и достижима посредством обращения к нематериальному. Но в отличие от идей Платона, идеи Августина находятся не в отдельном мире, а являются мыслями Бога. Августин отказывается от концепции припоминания, заменяя ее просветлением или озарением, что ближе к христианским представлениям. То есть, все истинное знание уже доступно человеку, но его необходимо найти в себе и раскрыть. Оно есть в человеке, но не осознается им, это в сфере бессознательного.

Фома Аквинский – так же, как и Августин Блаженный, был христианским философом и был приверженцем схожей картины мира. Как религиозный философ, он ставит одной из своих целей поиск пути к спасению. Рассуждая, он приходит к тому, что «человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума» [4. С. 827]. Фома Аквинский считает, что это особое знание – откровение. То есть, по мнению философа, есть нечто такое, что тесно связано с разумом, но это неуловимо. Оно может быть постижимо, однако ускользает, то есть выходит за рамки сознательного, но открывается только тогда, когда человек духовно развивается и готов к особому познанию. По мнению Хуана Хосе Сангуинети, в рамках философии Фомы Аквинского к этому знанию может привести самопонимание – рефлексия [5. С. 319]. Если человек волен проанализировать свои действия и поступить в соответствии со своими суждениями, то он становится самостоятельным и тем самым приближается к божественной истине. Фома Аквинский считал, что такое развитие опирается не только на теологию и веру, но и на философию и разум. То есть для познания скрытого, тайного необходимо развитие человека. Получается, что познание такого своего рода бессознательного доступно только тем, кто стремится к нему и развивается, ориентируясь на божественное.

Бенедикт Спиноза вводит понятие «страсти» (неадекватная и смутная идея) и рассматривает его, раскладывая на части. Страсти, находящиеся в человеке (как умственные – воля, так и телесные – влечение) [3. С. 343] у Спинозы обретают равный характер и являются неукротимыми и порождающими друг друга.

Человек ненамеренно, под действием страстей, совершает поступки, о которых жалеет, когда влияние страстей ослабевает. Спиноза уверен, что люди

«меньше всего способны контролировать свою речь и обуздывать влечения» [3. С. 477]. В качестве примера Спиноза приводит следующий случай: когда человек взволнован, он принимает неверное решение, даже если осведомлен о более правильном, им движет влечение – такое решение принимается не самим человеком, а его страстями. Ровно так же ребенок может быть уверен, что он просит сладость по собственной воле, однако на самом деле он не способен укротить свою страсть. Спиноза приходит к выводу, что люди «свои действия и влечения сознают, причин же, которыми они определяются к ним, не знают» [3. С. 394]. Таким образом, Спиноза выделяет (но не обозначает) как минимум две части нематериальной составляющей человека: та, что тесно связана с влечением и страстью, и та, что противостоит ей. Первая часть необузданная, «бурлящая», вторая же стремится к ее укрощению и усмирению.

Лейбниц в рамках своих концепций трансформирует понятие идеи. По мнению Лейбница, в человека действительно от рождения многое заложено, но это не идеи Платона, а что-то вроде «зародышевого состояния» идей. Для большей понятности Лейбниц сравнивает душу человека с мраморной глыбой, которая обладает множеством прожилок. Прожилки в мраморе – это черты, к которым предрасположен человек, однако, чтобы этого человека раскрыть, необходимо приложить множество усилий. Аналогично Лейбниц воспринимает идеи: они также заложены в человека, но необходимо – уже самому человеку – найти их в себе и отшлифовать, проявить их в себе – именно тогда и появляется знание, которые было заложено, но не осознано [2. С. 295]. И если в человека заложены все возможные идеи, то потенциально человек может познать все.

Таким образом, в эпоху Средневековой философии в лице Августина Блаженного и Фомы Аквинского в качестве бессознательного выступал божественный замысел или же божественное откровение, для которых было необходимо развитие человека в религиозном ключе. В Новое время же философы старались дать более рациональные трактовки феномену бессознательного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антисери Д., Реале Д.* Западная философия от истоков до наших дней в 4-х т., Том 2. Средневековье. СПб.: ТОО ТК «Петрополис». 1997. 356 с.
2. *Антисери Д., Реале Д.* Западная философия от истоков до наших дней в 4-х т., Том 3. Новое время СПб.: ТОО ТК «Петрополис». 1997. 712 с.
3. *Спиноза Б.* Этика // Сочинения: в 2 т., т. 1. СПб.: Наука, 1999. С. 251–478.
4. *Фома Аквинский* Сумма теологии // Антология мировой философии. в 4-х т., т. 1, ч. 2. М.: Мысль, 1969. 827 с.
5. *Sanguineti J. J.* The ontological account of self-consciousness in Aristotle and Aquinas // *The Review of Metaphysics*. Vol. 67, no. 2. Philosophy Education Society Inc., 2013. P. 319.

«ЭКРАН – ЭТО МОЗГ»: ПАМЯТЬ В ФИЛОСОФИИ КИНЕМАТОГРАФА

Э.В. Тарасенко

Научный руководитель: к.ф.н. И.С. Кудряшов

Новосибирский государственный университет

Память и специфика ее репрезентации в кинематографе на сегодняшний день являются одними из основных исследовательских философских интересов в связи с осмыслением цифровой среды и новых медиа. Способность киноязыка взаимодействовать с культурной памятью и трансформировать ее отмечена в работах П.Берка [3].

В данной работе исследуется структурное соотношение коллективной и индивидуальной памяти и кинематографического образа, а так же с позиции философской теории рассматриваются основные особенности структуры сознания, позволяющие ему взаимодействовать с кинематографическим образом. Для определения понятия коллективной памяти используется терминология А.Асман [1].

Исследование предлагает к рассмотрению несколько аспектов кинематографической репрезентации памяти, которые позволяют структурно соотносить ее с индивидуальной памятью с одной стороны и быть частью культурной памяти с другой.

Интерсубъективность памяти. Примером «интерсубъективной» памяти может служить фактически автобиографическое «Зеркало» (1975) А.Тарковского. Образы из детства режиссера, его личная память были перенесены на экран. Так, личное, частное, индивидуальное воспоминание было экстериоризировано. Понимание кинематографа как экстериоризации сознания предлагает Б.Стиглер [2]. Благодаря этому индивидуальная память переживается сразу многими, всеми, кто воспринимает многогранный образ. Зрители впоследствии указывали на то, что кинофильм во многом тождественен их воспоминаниям. Таким образом, память личная способна принадлежать многим реципиентам кинообраза, воспринимающим и переживающим ее как свою собственную. Данное исследование предлагает рассматривать момент экстериоризации как основание интерсубъективного восприятия кинообраза.

Единый киноязык, создающий множественность. Посредством элементов киноязыка, – планов, цвета, света, монтажа, память приобретает форму образа-кристалла. В терминологии Ж.Делеза это отражение многогранности восприятия и невозможности его вербализации или однозначной трактовки [2]. Воспоминание переживается, содержит в себе всю совокупность образов – как «реальных», так и вымышленных. Фактически, специфика репрезентации памяти, воспоминания, в т.ч. искаженного производится теми же средствами, что и репрезентация «действительных» событий. Более того, идентичность инструментария позволяет интегрировать события друг в друга, что лишает кинообраз линейной темпоральности. Этот факт раскрывает понятие образа-кристалла: для кинематографа не существует «действительности» как таковой, вся событийность может принадлежать, по выражению Ж.Делеза, к «какому угодно моменту» [2]. Соответственно, можно сделать вывод, что кинореальность выражает множественность, в которой не существует пределов или границ. То есть, структурно она

соответствует воображению и мышлению нежели репрзентирует физическую действительность. Например, фильме А.Верасетакула «Дядюшка Бунми, который помнит свои прошлые жизни» (2010) в одном диегетическом пространстве появляются и обыкновенные люди, и мифические существа. Диегезис здесь раскрывает структуру воспоминания, когда факты соседствуют с казалось бы невозможными вещами. Так, пропавший сын главного героя (факт) возвращается в образе мохнатого существа (миф).

«Вторжение» воспоминания. Для понимания этого аспекта следует отметить разницу между двумя типами флэшбеков. Первый, возникший фактически одновременно с самим кинематографом, раскрывает прошедшие события с точки зрения «третьего лица», претендуя на объективность. Второй появляется позднее и реперезентирует воспоминание с субъективной позиции. Во втором типе флэшбеков возрастает роль цвета и света, само действие может стать обрывочным (см., например, трилогию «Три цвета», «Тебя здесь никогда не было»). Такие воспоминания «вторгаются» в диегезис. Важно отметить, что такое воспоминание не принадлежит линейному прошлому, оно реализуется в моменте. Таким образом, флэшбеки второго типа представляются со-структурными памяти, которая является неотъемлемым элементом самоидентификации и налична в действительности [4].

(Не)ложные воспоминания. Важно отметить, что кинообраз не делает различия между «действительными» и «ложными» воспоминаниями. Зачастую кинообраз не позволяет различить, какое воспоминание действительно и может быть переведено во флэшбек первого типа, а какое предоставляет собой элемент «искажения». Поскольку память представляется способом самоидентификации, важно отметить, что воспоминания не только присутствуют в действительности, чему способствует специфика кинообраза, но и способны к аффецированию действий. Так происходит утверждение или реализация воспоминания. Например, в фильме Б.Бакурадзе «Шультес» (2008) главный герой страдает амнезией. Образ события из прошлого преследует его, однако он сам (как и зритель) не может идентифицировать событие из прошлого как достоверное или искаженное. Сам образ момента потери памяти (избиения) повторяется, постоянно присутствует в кадре. Это повторение реализуется, когда он воплощает воспоминание, утверждая его. Здесь важны два аспекта структуры памяти в кинообразе. Во-первых, для субъективного восприятия неразличимы действительность и ее искажения. Кинообраз со-структурен специфике воспоминания в том, что он не делает различия между искаженным и неискаженным прошлым. Во-вторых, в кинообразе со-структурны действие и воспоминание. Кинообраз реперезентирует наличие памяти в действии.

Таким образом, кинообраз может отражать специфику мышления, выносить переживания из области частного. Но экстериоризированная память не принадлежит уже ни одному конкретному, частному субъекту. Она переживается многими как одним и потому способна аффецировать модальности мышления. Так, при создании кинофильма фактически создается поток сознания, мышление, в которое будут включены зрители-реципиенты. Конструируемая субъективность, становящаяся при просмотре интерсубъективностью, сознанием вынесенным во вне, способна влиять на образность в мышлении реципиентов. Следовательно, создается определенный тип субъективности. Таким образом, фильм может ра-

ботать как экстериоризированное воспоминание. Кинообраз со-структурен памяти и в то же время реперзентирует специфику взаимодействия памяти с действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. *Делёз Ж.* Кино. М.: Ad Marginem, 2013. 560 с.
3. *Burke P.* Eyewitnessing. The Use of Images as Historical Evidence. London, 2007. 280 p.
4. *Stiegler B.* Technics and Time, 3: Cinematic Time and the Question of Malaise (Stanford: Stanford University Press), 2011. 276 p.

ФОРМАЛИЗОВАННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

А.С. Хромченко

Научный руководитель: к.ф.н., А.В.Хлебалин

Новосибирский государственный университет

Логический анализ категориального аппарата научных теорий является базисом аналитической философии и претендует, среди прочего, на разрешение вопроса, какого рода объекты допускаются теорией в качестве существующих. Эта претензия оправдана в свете доктрины изоморфизма языка и мира: если осмысленно утверждается нечто о внешнем мире, то слова должны иметь отношение к объектам внешнего мира. Очевидно, что не все слова имеют коррелят во внелингвистической реальности. Естественный язык считается избыточным, и если понимать его буквально согласно доктрине изоморфизма, то существование может быть приписано любому объекту мысли. Такая постановка проблемы приводит к необходимости логического анализа языка, в результате которого в идеале должно быть проведено полное соответствие логики и онтологии, то есть должен быть построен такой язык, внутри которого истинные утверждения есть утверждения о реальной действительности. Для определения области существующих объектов необходимо выработать некоторый критерий, применимый для логического языка. Ясно, что этот критерий должен имплицитно или эксплицитно содержаться в понятии существования. Поэтому необходимо изначально определить, что такое существование, и только потом, что именно существует. Если первое зависит от интерпретации критерия существования внутри логики, то второе – от научной теории, которая формализуется принятой логикой.

Согласно распространенной и практически общепринятой среди логиков интерпретации Рассела-Куайна теории квантификации, существовать значит быть значением связанной переменной. Если на место переменной мы можем поставить термин, указывающий на объект принятой теорией реальности, тогда утверждение вида $\exists(x)(Fx)$ будет истинным. Последнее заставляет признать существование тех объектов, которые попадают в область значений переменных квантификации. Род этих объектов определяется набором предикатов, который требуется для их описания опять-таки теорией реальности. Таким образом интерпретированную формальную систему можно назвать референтативной: формальные утверждения имеют экзистенциальный смысл, только когда на место переменной возможно подставить имя существующего объекта. Соответственно, такая формализация допускает в качестве объектов либо конкретные физические предметы, либо абстрактные сущности теории множеств постольку, поскольку она используется для описания реальности в научных теориях. Абстрактные объекты, которые не входят в формализуемую теорию реальности, признаются несуществующими.

На мой взгляд, парадокс такого критерия существования очевиден. По сути, сама идея указания термином на существующий объект должна натолкнуть на мысль, что анализ языка научной теории не помогает в вопросе, какие объекты теории можно признать существующими. Более того, эта идея прямо отсылает нас с вопросом о существовании во внелогический контекст. Теория реальности формирует универсум непустых терминов, которые в формализованной теории могут быть значением переменной в истинном утверждении. Иными словами,

если мы формализуем физическую теорию, то набор существующих объектов к моменту формализации уже дан в самой физической теории. Естественно, что мы не сможем в рамках такой интерпретации кванторной теории признать истинным утверждение «Пегас имеет крылья», когда формализуемая теория описывает гравитационное поле, поскольку внутри теории полей нет описания Пегаса, и соответственно нет ни термина, ни указанного им объекта. Возможна и другая, онтологически нейтральная, интерпретация кванторной теории – подстановочная. Согласно ей, с точки зрения формальной теории нет никакой разницы между термином и объектом, любой термин уже является объектом. Понятно, что подстановочная квантификация применима на области, где названы все объекты. Истинность утверждения в данном случае определяется не возможностью указания на объект реальности, а лингвистическим контекстом использования термина. Для получения знаний о мире с помощью истин подстановочной квантификации необходимы дополнительные промежуточные концепции, которые добавляются к формализуемой теории. Например, с точки зрения подстановочной интерпретации помимо экспликации числа в терминах теории множеств для понимания роли чисел необходимы дополнительные правила использования числовой последовательности, которые не зависят от объектов. По примеру П. Бенацерафа, последовательность должна быть задана прежде, чем происходит указание на место предмета в последовательности. Тем самым, формальная теория полностью признается лишь теорией использования языка, а не теорией о мире. Иначе говоря, такая интерпретация теории квантификации вообще ничего не говорит о существовании объектов, а значит и об онтологии. Вопрос о том, какого рода объекты допускаются теорией в качестве существующих, уже совершенно открыто выносится за рамки формальной теории.

Таким образом, роль теории квантификации, на мой взгляд, сводится к переводу научных теорий в формальные системы, в рамках которых можно определить непротиворечивость теории, ее полноту, разрешимость и так далее. Однако определение существования внутри теории квантификации остается чисто формальным и не разрешает вопроса о том, что собственно является существующим и каким образом, например, могут существовать абстрактные объекты. Определение области существующих объектов решается в рамках самой научной теории, а не ее формализации, а потому вопрос о том, что существует, не должен решаться методами логического анализа. Такое заключение является важным замечанием к проблеме существования математических объектов, поскольку необходимость признания их в качестве существующих является следствием референтативной интерпретации теории квантификации. Однако, как было отмечено выше, данная интерпретация не является единственной, более того, она не является критерием существования объектов вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куайн У.О. Слово и Объект. М.: Логос, Праксис, 2000. 386 с.
2. Целищев В.В., Бессонов А.В. Две интерпретации логических систем // Издательство «Наука». Новосибирск, 1979. 266 с.
3. Benacerraf P. What Numbers Could not Be. // «The Philosophical Review», 1965, vol. 74, N. 1.

СМЕХ ДИОНИСА И СМЕХ ЗАРАТУСТРЫ

А.Н. Чечихина

Научный руководитель: к.ф.н. Ю. Н. Кириленко

Томский государственный университет

Наша статья будет посвящена такой теме, как феномен смеха в философии Ф. Ницше. Актуальность исследования феномена смеха проявляется в том, что оно открывает горизонты для целостного и многоаспектного понимания сущности культуры, социума и человека. Освещая различные стороны человеческой жизни, модели поведения, типы личности; смех не только описывает общество, но и дает ему оценку, важную для понимания сущности некоторых процессов, например, социокультурных. Актуальность исследования смеха в философии Ф. Ницше заключается в том, что этот мотив прослеживается на всем протяжении творчества философа, таким образом, его рассмотрение даст более целостное представление о философской позиции Ф.Ницше. Также Ф. Ницше предложил оригинальную концепцию смеха, но фокус исследования идей этого философа смещен в другие темы, в результате роль феномена смеха для концепции Ф.Ницше остается недооцененной.

Сначала мы сосредоточимся на связи смеха с дионисийским началом, далее - осмыслим смех в контексте произведения «Так говорил Заратустра». Таким образом, перед нами будут стоять следующие задачи: дать общую характеристику дионисийскому началу; выявить, как дионисийское начало связано со смехом, дать характеристики смеха Заратустры. Выполнение этих задач в дальнейшем позволит проследить то, каким образом изменялось понимание феномена смеха в работах Ф.Ницше. Для начала мы отметим, что Ф. Ницше выделял два культурных начала – дионисийское и аполлоническое. Первое является стихийным и иррациональным, а второе представляется как нечто светлое и рациональное. Аполлоническое культурное начало Ф. Ницше соотносит с упорядоченным хаосом или иллюзией жизни, в котором человек пытается познать и объяснить окружающий его мир, а также защититься от ужасов реальности при помощи иллюзий и сновидений. Основным видом искусства для аполлонического является скульптура, потому что через нее мы видим конкретный образ, отраженный в материальной оболочке [4].

Дионисийское начало в свою очередь по ощущениям близко к состоянию эйфории от алкогольного или наркотического и является темным и иррациональным, потому что оно связано с выходом из-под контроля необузданных влечений и желаний человека [1]. Характеристиками данного начала являются стихийность и тяготение к импульсивности, что означает спонтанные решения и действия. Для дионисийского начала характерна и естественность, то есть единение с природой и выход за пределы нормы [1]. Дионисийский дух значим для Ф. Ницше, потому что именно его он считал способным сыграть важную роль в возрождении культуры, скорее всего, это связано с тем, что для дионисийского начала присуща сила, помогающая преодолеть разрушение культуры, «основав» на ее месте новую культуру более близкую для общества [5].

И наконец, дав общую характеристику дионисийскому началу, мы можем перейти к проблеме взаимосвязи смеха и дионисийского начала. Смех является одной из главных черт данного начала. Это связано с тем, что он разрушает ил-

люзии и пересиливает страх перед жизнью, перед ее конечностью и невозможностью познания, при помощи удовольствия. Далее, мы хотим обратиться к тому, как трансформировалось значение смеха в более позднем произведении Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Смех Заратустры обладает некоторыми характеристиками, которые я собираюсь вывести ниже: Во-первых, смех помогает перебороть страх перед смертью, загробным миром: «Я хочу, чтобы вокруг меня были кобольды, ибо мужествен я. Мужество гонит призраки, само создает себе кобольдов – мужество хочет смеяться. Я не чувствую больше вместе с вами: эта туча, что я вижу под собой, эта чернота и тяжесть, над которыми я смеюсь, – такова ваша грозовая туча. Вы смотрите вверх, когда вы стремитесь подняться. А я смотрю вниз, ибо я поднялся. Кто из вас может одновременно смеяться и быть высоко? Кто поднимается на высочайшие горы, тот смеется над всякой трагедией сцены и жизни» [2.С.29]. Другими словами смех является воплощением мужества перед конечной и бессмысленной жизнью. Во-вторых, смех является путем освобождения от прежних ценностей: «На краю их большой улицы гробниц сидел я вместе с падалью и ястребами – и я смеялся над всем прошлым их и гнилым, развалившимся блеском его» [2.С.141]. То есть смех – это некоторое оружие, которое в силах уничтожить ранее сложившиеся устои. В-третьих, смех в этом произведении Ф. Ницше подразумевает под собой облегчение от трудностей жизни и получения удовольствия, блаженства от этой самой жизни: «Если злоба моя – смеющаяся злоба, живущая под кустами роз и под изгородью из лилий: – ибо в смехе все злое собрано вместе, но признано священным и оправдано своим собственным блаженством – И если в том альфа и омега моя, чтобы все тяжелое стало легким...» [2.С.168]. И если снова в одной фразе раскрывать смысл слов философа, то можно сказать, что смех – это сила, которая преобразует все серьезное и ценное в ничего не значащее.

Таким образом, подводя итог статье, мы можем сказать, что сходством смеха в контексте дионисийского начала и смехом Заратустры является его способность пересилить страх перед жизнью, что показывает смех как неотъемлемую часть существования человека. Также, в дальнейшем было бы интересно раскрыть еще одну общую характеристику смеха, а именно то, что смех для Ф. Ницше приобретает сатанинский характер и как пишет философ: «Вы, высшие люди, каких встречал мой взор! в том сомнение мое в вас и тайный смех мой: я угадываю, вы бы назвали моего сверхчеловека – дьяволом!» [3.С.765]. Но данная тема требует отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ницше Ф.* Рождение трагедии //Сочинения в 2 томах. Т.1. Издательство Мысль. М.: 1996. С. 48–157.
2. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра//Сочинения в 2 томах. Т.2. Издательство Мысль. М.: 1996. С. 6–237.
3. *Ницше Ф.* ЭссеНото. Как становятся сами собою //Сочинения в 2 томах. Т.2. Издательство Мысль. М.: 1996. С.694–769.
4. *Рюмина М.Т.* Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность // Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 320с.
5. *Сафрански Р.* Ницше: биография его мысли. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 456с.

КРИТИКА КОНЦЕПТА СВОБОДЫ ВОЛИ У ПЛАНТИНГИ

В.В. Шишкин

Научный руководитель: д.ф.н. В.А. Суровцев

Томский государственный университет

Плантинга, критикуя Макки, ставит своей целью показать, что множество суждений: Бога всемогущ, Бог всеблаг и зло существуют, являются непротиворечивым. Ему удается доказать, что эти суждения не являются противоречивыми. После чего он пытается построить модель, при которой это множество суждений будут не только непротиворечивыми, но и совместимыми. Но то суждение, которое он выдвигает в качестве дополнительного, не является необходимо истинным. Он говорит, что зло существует поскольку существует свобода воли, и устранить зло означало бы устранить великое благо – свободу воли. Но из чего следует благость свободы воли, и что самое главное, когда мы говорим про свободу воли, нам нужно четко оговорить что мы под ней подразумеваем. Он определяет свободу воли, но его определение является противоречивым.

Прежде чем преступить к критике определения Плантинга рассмотрим наиболее интуитивные определения свободы воли. Также определим, какое из них говорит о свободе воли как о нечто ценном, ведь Плантинга говорит о свободе воли как о нечто благом, о чем-то ценном. Во-первых, это свобода воли в понимании Мура, что человек может поступить иначе, если захочет, «Муровский гипотетический анализ предлагает следующее понимание: «X мог поступить иначе» означает "X мог поступить иначе, если бы захотел"» [1. С.24]. То есть способность неуклонно следовать своим мотивам. Во-вторых, свободу воли как способность принимать решения независимо не только от того, что не является мотивами, но и от самих мотивов, принимать решения руководствуясь равным счетом ничем. В таком случае мы можем не только поступить иначе, если захотим, мы можем захотеть иначе, и даже поступить иначе, чем в соответствии со своими желаниями, мотивами.

Свобода воли в первом понимании совместима с детерминизмом. Такую свободу можно понимать, как синоним понятия сила воли, или контроль. Свобода воли же во втором понимании не совместима с детерминизмом, поскольку ее существование означает существование событий, не имеющих достаточную причину, спонтанных событий, чего не может быть при полностью детерминированном мире. Свободу воли в первом понимании, которую отстаивает компатибилизм, назовем детерминированной свободой воли, а во втором понимании, которую отстаивает либертарианство, назовем индетерминированной свободой воли.

Определив свободу воли двумя способами, переходим к сравнительному анализу. При детерминированной свободе воли, хоть наши будущие действия и предзаданы, но непосредственно зависит от наших актуальных мотивов. А при индетерминированной свободе воли, хоть наши будущие действия и не предзаданы, но они не зависят и от наших актуальных мотивов. А ведь нам ценно иметь именно контроль над будущим, и возможность действовать в соответствии со своими актуальными мотивами.

Также нам важно чтобы человек нес ответственность за свои поступки, и предполагается, что свобода воли ценна еще и тем, что позволят существовать

ответственности. Как пишет Д. Перебум, ссылаясь на Гари Уотсона, ответственность можно понимать двумя способами. Во-первых, ответственность как сознательность или исполнительность, то есть ответственность как черта характера. Во-вторых, ответственность как наличие причинно-следственного отношения между личностью и действием, действием и последствием, и как следствие между личностью и последствием [3. С.2]. Нас интересует конечно же ответственность как наличие определенного причинно-следственного отношения, при котором индивид выступает в роле причины своих действий.

При детерминированной свободе воли, с одной стороны, мы являемся причиной наших действий, поскольку решения принимаются в соответствии с нашими актуальными мотивами. С другой стороны, у наших мотивов есть свои причины, и имея контроль над будущим, мы не имеем контроля над прошлым, над тем, что задает наши мотивы. Однако при индетерминированной свободе воли мы также не имеем контроля над тем, что задает наши мотивы, но при этом мы не имеем контроля и над будущим, наши действия осуществляются несообразно нашим актуальным мотивам, а поэтому затруднительно говорить о том, что мы выступаем в качестве причины по отношению к нашим действиям. «В качестве главной проблемы либертарианства указывается случайность выбора в рамках индетерминистической картины мира, отсутствие у агента достаточного контроля над тем, какая из индетерминированных альтернатив будет выбрана» [1. С.34]. Таким образом детерминированная свобода воли наделяет человека хотя бы частичной ответственностью, в отличие от индетерминированной свободы воли, которая лишает человека ответственности.

Может показаться что детерминированная свобода воли, как и индетерминированная, несколько не наделяет человека ответственностью. Может показаться что, тот факт, что мотивы были предзаданы задолго до рождения человека, полностью лишает его ответственности. Это может произойти по двум причинам. Во-первых, по причине отсутствия разграничения ответственности человека перед Богом и перед обществом. В то время как индетерминированная свобода лишает человека какой бы то ни было ответственности, детерминированная лишает ответственности лишь перед Богом, как детерминантой всего происходящего в мире. Перед обществом человек ответственность сохраняет, поскольку действует по собственным относительно этого общества мотивам.

Во-вторых, по причине ошибочного понимания сути наказания. Если мы думаем, что сутью наказание является страдание, то мы и не можем принять ответственность, в то время как причины наших мотивов и как следствия действий лежат в далеком прошлом, еще до нашего рождения. Но сутью наказания является не причинения страдания, а исправление. А ответственность является указателем, отсылающим к тому, кто является носителем тех или иных общественно неприемлемых наклонностей, которые повлекли не желательные последствия. К тому, кого нужно исправлять, а не мучить.

У Плантинги свобода воли, как уже было сказано, противоречива, ее нельзя отнести ни к одной, ни к другой. Он пишет «Если человек свободен в отношении к данному действию, тогда он свободен совершать это действие и свободен воздержаться от его совершения. Никакие предыдущие условия и (или) причинные законы не определяют, будет ли этот человек совершать действие или же не будет совершать его. В его власти в соответствующее время совершить действие

и в его же власти воздержаться от него» [2. С.30]. Так же он пишет «Так понимаемую свободу не должно путать с непредсказуемостью. Мы могли бы предсказать, что вы будете делать в данной ситуации, даже если вы свободны в этой ситуации делать что-нибудь другое. Если я хорошо знаю вас, я мог предсказать, какие действия вы предпримете в ответ на некоторое множество условий. Отсюда не следует, что вы не свободны в отношении этого действия» [2. С.30].

Действительно, то, что кто-то может предсказать ваши действия, не делает нас несвободными. Не делает, если мы говорим про детерминированную свободу воли. Но говорит ли он про детерминированную свободу воли в первом отрывке? Нет, он говорит, что ни какие предыдущие условия не определяют, как поступит человек. В первом отрывке в отличие от второго он говорит про недетерминированную свободу воли. Конечно, можно предположить, что под условиями он имеет ввиду только те, что являются по отношению к человеку в данный момент внешними. Но коли так, если мы говорим только про свободу от внешних условий, то это детерминированная свобода воли, и она не противоречит Божественному предопределению. Поскольку Бог действительно мог создать таких людей, которые были с твердой волей свободной от внешних условий, и не совершали бы злых поступков. Если же мы говорим, что все же выбор человека не зависит от Божественного предопределения, и от каких-либо предыдущих условий, состояния мира, то мы не можем говорить о предсказуемости.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать следующее: индетерминированная свобода воли анти-ценна, поскольку лишает нас ответственность и контроля. Детерминированная свобода воли ценна, поскольку наделяет нас ответственностью и контролем. Определение Плантинги является противоречивым. Такая свобода воли не может иметь место быть. Если интерпретировать предложенный Плантингой концепт свободы воли как индетерминистическую свободу воли, то она может приводить к злу, противоречит Божественному предопределению и ограничивает всемогущество Бога. Однако, индетерминистическая свобода воли анти-ценна, и не может являться чем-то благим, чтобы фактом своего существования перевесить зло. Если интерпретировать свободу воли по Плантинге как детерминированную свободу воли, то она не будет противоречить Божественному предопределению, не ограничивает всемогущество Бога, и сама по себе не ведет к злу. Возможно, если Бог имеет место быть, ему необходимо зло по другим причинам, но точно не как необходимое следствие свободы воли, поскольку одна свобода воли вовсе не ценна, а вторая не требует зла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишура А. Поле битвы: свобода воли // Логос. Т. 26 № 5, 2016. С. 19–58.
2. Плантинга А.К. Бог, свобода и зло. Новосибирск: Наука, 1993. 108 с.
3. Pereboom D. Meaning in Life without Free Will // PhilosophicExchange: Vol. 33: No. 1, Article 2. P. 17.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Е.Н. Чернышова, А.В. Веткина

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.С. Осаченко

Томский Государственный Университет

В современном мире все более широкую популярность набирает общение в сети Интернет. Нынешнее поколение осваивает навыки виртуальной коммуникации на одном уровне с навыками живого общения. Можно утверждать, что процесс социализации у молодого поколения (в частности, у подростков), пускай и не в полной мере, но переходит на площадки сети Интернет. С некоторыми вариантами коммуникации индивид может не столкнуться в социофизической среде, зато может осуществить их в Интернете. Стоит отметить, что возможность анонимного общения на виртуальных площадках сети Интернет позволяет пользователю осваивать разные социальные роли, то есть проводить эксперименты со своим «Я», при этом не опасаясь каких-либо негативных оценок или социальных санкций, которые могли бы быть применены к нему в ситуации живого общения. Анонимность снижает уровень личной ответственности: задира всегда может не только скрыться от агрессии обиженного, но и остаться безнаказанным.

Другими словами, буллинг на площадках сети Интернет открывает для задира новые возможности и способы манипуляции и абьюза за счет непосредственного отсутствия третьего лица, которое имеет возможность и право вмешательства – прекращения травли, т.к. границы дозволенного на площадках сети Интернет размыты: не существует единых правил и санкций, регулирующих поведение пользователей сети Интернет.

В России очень широко распространен онлайн-буллинг. Согласно исследованиям Microsoft, Россия занимает пятое место по уровню Интернет-травли среди двадцати пяти опрошенных стран. Исследование показывает, что 49% опрошенных детей и подростков в России от 8 до 17 лет были жертвами травли в Интернете (в других опрашиваемых 25 странах по стране в среднем 37%), 33% признаются, что сами выступали в роли задира в Интернете.

Также, как и обычный буллинг, буллинг в Интернет-пространстве может быть как одиночный, так и коллективный. Как правило, одиночный буллинг проводится по личным интересам одного задиры: самоутверждение, месть, за-

висть или же вымогательство. Ситуация коллективного буллинга, или моббинга связана с некоторым общим интересом группы людей; самые популярные причины моббинга: зависть, скука и желание унижить (как правило ради развлечения, самоутверждения, возмещения чувства собственной неполноценности).

Мотивы одиночного буллинга в Интернет-пространстве часто связаны с личностью жертвы. После неудачного урегулирования конфликта или из-за простой неприязни к оппоненту обидчик хочет осуществить желаемые им поведенческие модели, которые в реальной жизни ему осуществить было бы сложно или просто невозможно. Как уже говорилось ранее, виртуальная коммуникация позволяет сохранять анонимность; жертва не может идентифицировать личность задиры и узнать его уязвимые места, то есть жертва не может «ранить» в ответ. Используя новые возможности виртуальной коммуникации, посредством анонимности обидчик может свершить задуманное и остаться неизвестным и безнаказанным.

Моббингу может подвергнуться каждый вне зависимости от сексуальной ориентации, расовой принадлежности, политических взглядов и т.д. Как правило, личность жертвы неизвестна, очень часто обидчикам все равно, кто выступает в качестве объекта травли, они заинтересованы в самоутверждении через эмоциональное насилие жертвы посредством подходящих площадок сети Интернет. Отработка личностных комплексов, эксперименты над чужими эмоциями – как ни странно, но очень часто именно это является целью группы задиры. И поскольку «коллективной ответственности не существует», зачинщика травли найти становится просто невозможным.

В заключение еще раз хочется сказать о том, что тенденция осваивания традиционных форм взаимодействия в виртуальном пространстве открывает как и новые способы коммуникации, так и новые способы травли. В условиях односторонней анонимности отсутствует обратная связь, жертва теряет из-за своей несостоятельности узнать обидчика и навесить на него ярлык «врага», потому что в таких условиях личность обидчика никак не зафиксирована. В случае с моббингом анонимность тоже выступает в качестве барьера, поскольку травля происходит толпой; избежать ответственности становится еще проще, т.к. у толпы нет «Я». Человек с легкостью может переступить нормы правил и морали, потому что понятие ответственности или вины требует конкретного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буллинг* как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. Т. 10, № 3. С. 149–159.
2. *Кибербуллинг*: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2014. Т. 11. № 3. С. 177–191.
3. *Online Bullying Among Youth 8–17 Years Old – Russia* // Cross-Tab Marketing Services & Telecommunications Research Group for Microsoft Corporation, 2012. [Электронный ресурс]. URL: www.microsoft.com/en-us/download/details.aspx?id=30148 (Дата обращения: 21.03.2019).

РЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ В РОМАНЕ НИЛА ГЕЙМАНА «АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ»

А.А. Воронцова

Научный руководитель: к.и.н. И.Е. Максимова
Томский государственный университет

Нил Гейман – современный английский прозаик, который в своих произведениях часто обращается к мифологическим сюжетам, не только заимствуя известные образы, но и создавая собственные мифологические системы на основе реконструкции мифологического сознания. Один из наиболее ярких примеров его творчества – роман «Американские боги» (2001), которые журнал «Мир фантастики» причисляет роман к жанру мифологического фэнтези, действие которого происходит в вымышленном пространстве, где является реальным существование богов, мифических существ, колдовства, и позволяющему вплетать в сюжет произведения традиционные мифы разных народов.

Несмотря на иллюзорность мира фэнтези, многие произведения этого жанра являются отражением культурно-мировоззренческих процессов, происходящих в современном обществе. Американское национальное мировоззрение представляет собой своеобразный «плавильный котел», состоящий как из культур коренных народов, так и из культур иммигрантов. Поэтому не удивительно, что основной побудительный мотив произведения Нила Геймана – проблема разнородности воззрений населения Америки. По словам писателя, роман для него – это попытка «... припереть к стенке мифы – и современные мифы, и старые, все вместе. И все это – на громадном и таинственном холсте, который представляет собой американский континент». Этот синтез является основополагающей идеей романа. По мнению писателя, значительная часть американской мифологии – это боги, герои и верования, привезенные в Америку из других земель: Скандинавии, Британии, Египта и других.

Однако мифология – это форма мировоззрения, отражающая существующие реалии, поэтому со временем старые божества утрачивают свое значение, и на смену им приходят новые: телевидение, технологии, интернет, популярные журналы. Они были созданы самим человечеством, сохранившим мифологическое сознание и одухотворившим предметы и явления окружающего мира.

Авторская концепция возникновения мифов состоит в следующем: «Боги смертны. И когда они умирают совсем, никто не оплакивает их, никто не вспоминает. Идею убить куда труднее, чем человека, но, в конечном счете можно убить и ее». Божества живут за счет человеческой веры и жертв. Эти жертвы могут выражаться по-разному: если африканскому трикстеру Ананси подносили фрукты, то Телевидению люди приносят свое время. Однако вера в богов куда важнее – если люди забывают о них, то божества уходят в небытие.

Основная сюжетная линия произведения посвящена путешествию главного героя Тени Муна и мистера Среды (как впоследствии выясняется, воплощения скандинавского бога Одина) по США. Путешествие открывает как для Тени, так и для читателя мифологическую Америку с ее причудливым сочетанием различных верований. Среда не говорит Тени о целях своей поездки, однако в ходе повествования выясняется, что его план – собрать старых богов для войны против новых. В этом конфликте легко угадывается миф о гибели богов, встречающий-

ся во множестве мифологий мира. Интересным является то, что в конце книги оказывается, что война между старыми и новыми богами – это фикция, подстроенная Одинем и Локи для возвращения былой силы. Здесь можно выделить авторский посыл: мифы, как и идеи невозможно просто так уничтожить или заменить другими.

Роман, в целом, соблюдает мифологическую традицию. Старые боги сохраняют черты своих прототипов, их образы наполнены символическими деталями. Так, к примеру, Мама-джи носит на шее крохотное серебряное ожерелье из черепов, а на руках браслеты из серебряных голов и рук. Эти украшения отсылают к ее прототипу – индийской богине Кали. Когда Тень впервые встречает Среду-Одина, он отмечает, что с глазами у того «что-то не так» – один темнее другого. Эта деталь указывает на миф, согласно которому Всеотец отдал свой глаз Ми-миру в обмен на мудрость.

Нил Гейман не просто заимствует мифологические образы, он вписывает их в современные реалии. К примеру, Египетский бог смерти Анубис превращается в мистера Шакала – владельца похоронного бюро.

Таким образом, Нил Гейман пытается показать, что миф как явление неуничтожим. Несмотря на свойственное современному сознанию научное обоснование явлений мира, человек до сих пор живет в мифологизированном мире, где на смену природным явлениям приходят технологии. Однако это лишь смена формы, суть мифа и его ключевые образы остаются неизменными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гейман Н.* Американские боги. М.: Издательство АСТ, 2017. 704 с.
2. *Гейман Н.* Вид с дешевых мест. М.: Издательство АСТ, 2017. 576 с.
3. *Мир Фантастики* [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art1708.htm> (Дата обращения 07.04.2019)

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА В КИТАЕ: ШАГ К ПРОГРЕССУ ИЛИ УСТАНОВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ДИКТАТУРЫ?

Э.Р.Галиева

Научный руководитель: к.и.н. О.В.Устюжанцева

Томский государственный университет

В 2014 году Госсовет КНР обнародовал документ «Программа создания системы социального кредита (2014–2020)». Суть программы заключается в следующем – изначально каждый человек получает одинаковый рейтинг – 1000 баллов, этот показатель постоянно изменяется в зависимости от множества факторов. Рейтинг поднимается, если человек совершает поступки, из числа одобряемых обществом и партией, например, осуществляет пожертвования в благотворительные организации, является донором крови, вовремя платит за квартиру и проценты по кредиту, делится в интернете информацией, которая составляет положительную оценку о Китае. Однако движение существует в обе стороны: рейтинг понижается за неодобряемое поведение, например, нарушение правил дорожного движения, отмену бронирования отеля, уклонение от налогов и даже подписку на аккаунт человека с низким рейтингом в социальных сетях. У граждан с высоким рейтингом появляются привилегии, например, обслуживание высшего класса в отелях и аэропортах, пониженные ставки по кредитам и доступ к лучшим университетам и престижным рабочим местам и так далее. В отношении людей с низким рейтингом применяются санкции – запрет на работу в государственных учреждениях, отказ на покупку авиабилетов и ж/д билетов, отказ в социальном обеспечении, особенно тщательный досмотр на таможне, запрет детям учиться в частных школах и так далее.

Данная система действует в отношении не только физических, но и юридических лиц - компании проверяют и ранжируют по ряду факторов. Потерянный рейтинг можно восстанавливать, совершая поступки из социально одобряемого списка. Интересно, что в этот список гражданских добродетелей входит информирование властей о нарушениях, совершаемых другими гражданами.

Несмотря на то, что программа была представлена в 2014, а проект санкций для граждан с низким рейтингом был опубликован в 2016 году, международный резонанс создания системы, ее введения и функционирования начался только весной 2018, когда появились данные о первых реальных санкциях правительства по отношению к ряду граждан. Среди уже применяемых санкций можно назвать ограничения в покупке билетов на самолеты и скоростные поезда, ограничения в передвижении по территории страны, запрет на выезд.

Если вопрос о работе системы социального кредита, ее механизмах действия более или менее понятен, то вопрос о том, как относиться к данному феномену, в настоящее время остается открытым. На данный момент я бы выделила две точки зрения на введение системы социального кредита – китайская и западная. В Китае введение системы преподносится как величайшее достижение науки и возможность сделать шаг вперед в развитии общества, обеспечить повсеместную безопасность китайских граждан. В плане о вступлении в силу данной системы к 2020 году, ее целью прописывается именно построение гармоничного социалистического общества. В западных СМИ отношение к программе резко негативное, наиболее закрепившимся названием китайской системы социально-

го кредита является цифровая диктатура. В основном подобная острая критика связана с использованием в программе технологий массового слежения, сбора и хранения больших данных. Помимо поведения людей в общественной жизни, система оценивает и частную жизнь, поведение в интернете. На данный момент не существует единой системы оценивания, каждая экспериментальная площадка проводит надзор за жителями по-своему в рамках пилотных проектов. Однако некоторые сферы уже тщательно контролируются, причем в большей степени, чем осознают граждане, среди таких сфер банковское кредитование и торговля в Интернете.

Источниками масштабной базы данных, с одной стороны, выступают государственные структуры, правоохранительные и муниципальные органы, а с другой – телекоммуникационные компании КНР. Поддерживают сбор данных такие китайские гиганты, как Tencent, Alibaba, Sesame Credit Management, предоставляя государству информацию о своих пользователях.

Помимо морального вопроса о вмешательстве в частную жизнь систему социального кредита в Китае часто называют антиутопией и за возможность беспрепятственного устранения политических оппонентов власти. Опустив рейтинг за неподобающее поведение, критику государства и партии, можно лишить человека возможности быть полноценным членом общества, а также отрезать путь к переезду, эмиграции через ограничение возможности покупки авиабилетов или выезда из страны. Так же не исключается использование системы для борьбы с национальными меньшинствами.

Несмотря на всю критику системы социального кредита, частые сравнения с антиутопией Джорджа Оруэлла «1984» и распространенное утверждение о том, что ее введение противоречит обеспечению прав человека, граждане Китая положительно относятся к программе. Это может быть связано с доверием граждан Китая государству и властным структурам, элементами геймификации программы или же действием существующей в Китае системой фильтра и блокировки поисковых запросов и информации в интернете «Золотой щит».

Таким образом, на данный момент существует двойственное отношение к системе социального кредита в Китае. Восприятие этого феномена определяется культурной средой и информационным пространством, медиа, формирующими представление о процессе. Поскольку программа еще находится в пилотной стадии и будет введена лишь в следующем году, трудно выступить с четким определением о том, что есть система социального кредита – прогресс, как отзываются о ней китайские власти, и считает большинство китайских граждан, или цифровая диктатура, как принято говорить о системе на западе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гордеев А.* Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения 30.03.2019)
2. *Как работает система социального доверия в Китае.* [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/5225841> (дата обращения 30.03.2019).
3. *Ковачич Л.* Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71546> (дата обращения 31.03.2019).

4. *Chorzempa M., Triolo P., Sacks S.* China's Social Credit System: A Mark of Progress or a Threat to Privacy. [Электронный ресурс]. URL: <https://piie.com/system/files/documents/pb18-14.pdf> (дата обращения 30.03.2019).
5. *Liang F., Das V., Kostyuk N.* Constructing a Data Driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure. [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/poi3.183> (дата обращения 30.03.2019).
6. *Xin Dai.* Toward a Reputation State: The Social Credit System Project of China. [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3193577 (дата обращения 30.03.2019).

МОДА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

К.Д. Лунгу

Томский государственный университет

Из курсов по философии мы знаем, что объектом ее исследования являются вечные, непреходящие измерения бытия. Казалось бы, мода относится к временным, изменчивым и преходящим явлениям. Однако, то самое вечное и бесконечное философия выявляет из временных и конечных явлений, тем самым доказывая, что задачей философии является исследование метафизического начала в феноменальном мире. Одним из таких феноменов является мода. Проявляющиеся в ней социально значимые аспекты, выводят на проблему выявления ее сущностных характеристик, что становится возможным именно в рамках философского анализа. В пределах отдельной статьи весь комплекс подобных характеристик обозначить и раскрыть не представляется возможным, поэтому особое внимание будет уделено отдельным аспектам, которые попали в поле зрения исследователей, начиная с момента формирования философского интереса к миру моды.

С возникновением потребности в обозначении различий положения и статуса отдельных социальных групп и индивидов, появляется необходимость в визуализированном языке, языке образов, символов и знаков. Этот язык должен был обладать репрезентативным, многоаспектным и информационным потенциалом, позволяющим ориентироваться не столько в природных, сколько в социокультурных структурах. Изначально эту функцию выполнял вещный, предметный мир, формируемый человеческим социумом, включающий в себя и все то, что сегодня соотносится с миром моды, а именно одежда, аксессуары, украшения и т.д.

Можно говорить, что философское осмысление моды начинается с позиций социологического подхода, который окончательно сформировался в XIX в., и представлено в трудах И. Канта, Г. Тарда и Г. Зиммеля.

И. Кант и Г. Тард в своих трудах противопоставляли моду обычаю, объясняя это тем, что человек склонен сравнивать себя с более авторитетными личностями. В связи с тем, что моде присуща изменчивость и новизна, но никак не устойчивость и фиксированность, И. Кант называет ее «непостоянным образом жизни» и соотносит с тщеславием и глупостью. По мнению же Г. Тарда, мода – некая инновация как продукт деятельности талантливых людей, которая вызывает у общества подражание. Подражать – значит быть всегда в моде, пользоваться славой и известностью.

По мнению Г. Зиммеля, мода есть инструмент социальных трансформаций, отражающих культурное и психологическое состояние общества. Известный философ и социолог также подчеркивает, что в основе моды лежит тенденция к подражанию с присущей ей завистью.

Концепция гендерности моды получила распространение в XIX в. в связи с изменением положения женщин, добивавшихся равноправия с мужчинами. В данном ключе моду продолжали рассматривать И. Кант, Г. Тард и Ж. Бодрийяр.

Гендерность моды И. Кант объясняет тем, что женщинам, в отличие от мужчин, присуще то самое тщеславие, которое свойственно моде. Доказательством служит проявление желания нравиться мужчинам и вызывать зависть у других

женщин, а также в проявлении любви к красивой одежде и украшениям. Увлечение модой мужчинами, утверждает философ, способствует извращению мужского начала.

Иной позиции придерживается Г. Тард. Он признает наличие как женской, так и мужской моды. Мода является отражением общественных процессов, а значит существует и мужская мода, хотя бы лишь по причине того, что мужчина принимает прямое участие в политической и экономической сферах. Женская мода развивается из внеобщественного порядка из-за незначительного участия в политической жизни, но из-за преобладания желания нравиться.

Ж. Бодрийяр подчеркнул, что в моде пол приобретает универсальный характер. Он отождествляет моду не с женским полом, а с женским телом, которое во власти моды носило название «манекен».

Семиотический подход к осмыслению моды нашел отражение в трудах Р. Барта. Используя дамские журналы 1958–1959 гг., Р. Барт рассмотрел моду как аспект знакового организма культуры – мифа. Его книга «Система моды» направлена на перевод одежды в язык, где одежда представляет собой систем знаков и служит реальной основой для моды. Философ ввел понятия одежда-образ и одежда-описание, обозначив первую как структуру пластическую, а вторую как структуру вербальную. Через обе структуры идут отсылки к реальной одежде, образующей третью структуру – технологическую категорию, существующую на уровне материй и ее трансформаций.

Таким образом, обращение к моде не с позиции констатации ее изменчивости, но в контексте выявления сущностных социокультурных характеристик, обуславливающих эти изменения, позволяет сделать моду предметом философского анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. 512 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1995. 174 с.
3. *Зиммель Г.* Избранные работы. М., 1996. 607 с.
4. *Тард Г.* Законы подражания. СПб.: Типография и литография С.Ф. Яздовского и К, 1892. 371 с.

ТРАНСФОРМАЦИИ СЮРРЕАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Е.С. Нильзен

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Н. Савельева

Томский государственный университет

Человечество в XX–начало XXI века поднялось на совершенно новую ступень материального, культурного и интеллектуального развития, выросли ресурсы и возможности человеческой энергии, поиска, творения принципиально нового. Этот период стал временем великих открытий, изобретений, новшеств.

Культура осуществляет свое развитие, отказавшись от однонаправленного линейного движения вперед. Она вобрала в себя множество достижений во всех областях, смогла повлиять на жизнь обычных людей, их поведение, одежду, предметы, которые они используют в интерьере, другими словами на все, чем люди пользовались и пользуются. В XX–XXI веках уже почти каждый человек может насладиться искусством без ограничений, с минимальной затратой энергии и денег, а раньше многие произведения искусства были доступны только меньшинству.

В итоге человеческая деятельность в мировом масштабе дала возможность развиваться в трудовой, творческой, культурной деятельности людей, и в их взаимоотношениях. Культура концентрируется в стилевых, идейно-художественных явлениях и процессах, но как бы мы не старались, мы не сможем определить единый для всех стиль искусства, потому что в современном западном искусстве появляются разные стили и направления.

Сюрреализм является одним из самых ярких явлений в истории мирового искусства. Это направление открыло путь всему странному, оригинальному и экзотичному для восприятия зрителя. Представлен мир, который не может поддаваться логическому описанию и находится за гранью реальности. Большинство исследователей отмечают, что направление сюрреализма начинает развитие в 1924 году, а завершает свою деятельность в 1969-м году. Однако если обратиться к пространству современного искусства, то в отдельных произведениях живописи и кинематографа нетрудно заметить черты, сходные с традицией сюрреализма. Это говорит о том, что приемы и художественные эксперименты ранних сюрреалистов не исчерпали свое творческое начало. Более того, мы наблюдаем их дальнейшее развитие, так или иначе влияющее на современное искусство и общество. Следует выяснить, насколько это влияние плодотворно и сохранились ли принципы классического сюрреализма в современной художественной культуре. Данная проблема становится предметом интереса автора статьи. Цель исследования – выявить художественно-эстетические особенности направлений, на развитие которых оказала влияние эстетика сюрреализма. Для этого решаются следующие задачи: изучаются принципы сюрреализма начала XX века; исследуются и анализируются разнообразные направления современного нео-сюрреализма.

Сегодня сюрреализм функционирует не в чистом виде, а в рамках разных направлений («фантастический реализм», «мок-сюрреализм», «виженари арт» и «поп-сюрреализм»). Как показывает наше исследование, в качестве традиционных установок, сформированных сюрреалистами начала века, остаются актуаль-

ными следующие: изображение предметов с реализмом и точностью, чтобы зритель поверил в абсолютную достоверность изображаемого на холсте; стремление подорвать устои культурной картины мира, используя для этого современные достижения науки и искусства, в которых можно допустить абсурдистские и иррационалистические смыслы; стремление к раскрепощению сущности человека, подавляемой современным культурным миром; осуществление коммуникации, воздействующей на подсознание человека; стремление выразить подлинность художника, освобожденной от забот о карьере и успехе.

Вместе с тем в современных направлениях сюрреализма выявляются принципиально новые черты. 1) В МОК-сюрреализме идеи для картин художник черпает из реальных жизненных ситуаций, проблем социума, но преподносит эти проблемы как продукт подсознания (сна) - в отличие от сюрреализма классического. Самое важное – это социальная роль, которую несет в себе произведение (наркотики, войны, нацизм, тщеславие), а не стилистическое решение, характерное для этого направления в искусстве. 2) Представители поп-сюрреализма черпают мотивы для картин из многочисленных источников массовой культуры: комиксов, поп-музыки, татуирования, телевидения, и других сферах культуры, доводящих знакомые образы до гипертрофированных, сюрреалистичных форм. 3) В свою очередь, представители направления «Арт брют» являются не профессиональными мастерами. Это душевнобольные и инвалиды, которые пишут работы независимо от общественного мнения и совершенно спонтанно.

Произведения сюрреализма в значительной мере способствовали формированию сознания современного человека, ведь каждый художник вкладывает в сюрреалистическую картину определенный смысл, чаще всего социальную проблему, над которой зритель может поразмышлять.

Таким образом, сюрреализм имеет важное значение для развития культуры и искусства. С самого начала своего существования сюрреализм поддерживает к себе интерес, что было вызвано, в первую очередь, темами, которые затрагивали художники в своих произведениях. По сей день авторы продолжают использовать тематику смерти, упадка, эротизма и философии. То есть стараются придерживаться творческих установок, приемов и принципов классического сюрреализма, хотя и в разном объеме. Важно отметить, что современные художники используют инновации, которые позволяют совершенствовать их работы. Сегодня сюрреалистические формы и смелая цветовая гамма поражают воображение. У творцов безграничная свобода в искусстве, к их услугам предстают различные видео- и аудиоресурсы, которые позволяют создавать произведения, отвечающие запросам новой эпохи.

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИЦИНСКОГО СЕРИАЛА

Р.О. Соколовская

Научный руководитель: к.ф.н. С.С. Березовская

Томский государственный университет

Медицина всегда считалась влиятельной областью научного знания. Однако сегодня она активно утверждается в повседневности, причем весьма изощренными путями. Подобное положение дел обусловлено явлением медиализации культуры. Последняя отражает «изменения в медицинской профессии, перипетии в отношениях врачей и пациентов, а также изменения в стратегии поведения индивидов» [5]. Среди путей, в которых медиализация обретает силу осуществиться, можно упомянуть медицинские сериалы. Они задают оптику восприятия медицинской системы сквозь призму образа врача, который придерживается в своей деятельности определенных этических принципов. В настоящей статье предлагается подвергнуть рассмотрению морально-этический облик доктора Хауса, героя одноименного американского сериала 2000-х гг. Представляется, что анализ таких аспектов, как стиль диагностики Хауса, его взаимоотношения с коллегами и пациентами, позволит составить представление об этосе медицинского дискурса в сериале.

Диагностика, лечение. Терапия и методы диагностирования Грегори Хауса изобилуют этическими противоречиями. Предпочтение американского врача в самом начале сериала действовать самостоятельно и зачастую пренебрегать замечаниями начальства и совместными решениями с интернами по поводу особо сложных случаев, можно отнести к нарушениям этического врачебного кодекса. Хаус «возводит пустоголовое упрямство в искусство. Он отказывается уступать, даже если его действия кажутся ребяческими или обреченными на провал...» [2]. Ярким примером в числе прочих нарушений такого рода является подкуп и шантаж в одной из серий, но именно так Хаус добивается согласия на операцию по пересадке печени.

Этический вопрос относительно смерти пациента также не минует героя сериала «Доктор Хаус», хотя успешных случаев в его практике несравнимо больше. Нередко используя нестандартные методы лечения, Хаус все же отдает себе полный отчет о том, что может произойти. Он щепетильно относится к вопросу ответственности за жизнь пациента, и в случае летального исхода, готов принять вину за случившееся. Причиной же неудач можно назвать безответственное отношение героя к формальностям – документам, необходимым для разрешения операций. В серии «Воспитание щенков» Грегори Хаус проводит вскрытие еще до того, как доктор Уилсон получил на то согласие родственников. Чтобы добиться его, Хаус использует угрозы и запугивание.

Отношения с коллегами. По мере развития сюжета Грегори Хаус заметно сближается с командой врачей и кажется неотделимой ее частью. Тем не менее, Хаус – не командный игрок – в коллективе он неизменно демонстрирует свою важность, использует ироничные высказывания. В отношениях с коллегами доктор Грегори Хаус безрассудно пренебрегает правилами корпоративной культуры. Он игнорирует элементарные нормы поведения: ношение белого халата, доверительное общение с пациентами, вежливость. При взаимодействии с людьми

Хаус «использует весь свой арсенал – сарказм, игру ума, политическую некорректность, обратную психологию, – чтобы манипулировать своими пациентами и коллегами» [2]. Правила Американской медицинской ассоциации обязывают врача уважать права коллег и других работников медицины, однако для Хауса их, словно бы, не существует.

Отношение к пациентам. Еще одну грань морально-этического облика доктора Хауса выявляют его взаимоотношения с пациентами. Среди множества больных он принимается только за интересные, с профессиональной точки зрения, случаи. Хаус дифференцирует пациентов в зависимости от наличия страховки. С пациентами, болезни которых кажутся ему слишком простой, он поступает следующим образом: определяет причину, дает язвительное наставление и покидает их. Кроме того, прежде, чем определить, станет ли Хаус лечить пациента, он интересуется наличием у него медицинской страховки, ведь в сериале есть несколько эпизодов, в которых «пациенты обращаются в Принстон-Плейнсборо по пустяковому поводу или из-за собственного невежества» [3]. Что же касается полноправных пациентов, то они зачастую жалуются на грубость и невнимательность врача. В то же время в одной из серий Грегори Хаус откровенно беседует с юным спортсменом, который был близок к гибели. Доктор Хаус вообще отличается чрезмерной откровенностью и прямоотой; он очень наблюдателен, и даже задаются им напрямую. Это противоречит этическим правилам медицины, хотя случае с доктором Хаусом такой подход оборачивается успехом.

Философия доктора Хауса. Говоря о сериале «Доктор Хаус», нельзя не отметить его философскую природу. Действительно сложно удержаться от того, чтобы не провести аналогию между Доктором Хаусом и Сверхчеловеком Ф. Ницше. Концепт ницшеанского сверхчеловека рисует нам личность неординарную, и Хаус, несомненно, является такой личностью – «незаурядной, способной на великие свершения, но, что более важно, благородной, уверенной в себе, стремящейся преодолеть тяготение уравнивающих и удушающих обычаев и морали» [1]. Согласно некоторым интерпретациям философской теории Ницше, понятие сверхчеловека подразумевает его самоценность. Вальтер Кауфман писал по этому поводу: «Для Ницше сверхчеловек не обладает ценностью как инструмент поддержания и управления обществом: сверхчеловек ценен сам по себе, поскольку олицетворяет состояние бытия, к которому все мы стремимся, и общество осуждается Ницше постольку, поскольку оно навязывает конформизм и препятствует развитию сверхчеловека» [4]. Показательно, что Доктор Хаус отрицает всякую религию. Более того, он оскорбляет верующих и прямо высказывает свое мнение о Боге. Причиной такого отношения является отсутствие видения смысла в религиозных верованиях, ведь Хаус – практик, его врачебная деятельность основывается только на эмпирическом опыте и вере в безграничные возможности рационального познания. В этом смысле его позиция настолько сильна, что в отдельных случаях оказывает влияние на пациента, разрушая его религиозные установки. Так, например, в одной из серий он убеждает докторамормона принять участие в эксперименте, который может спасти жизнь пациента. Однако в отдельных случаях Хаус прибегает к религиозным установкам, чтобы поддержать и мотивировать больного. Перед его неизбежной смертью Грегори Хаус говорит о вере в Бога, предназначении и справедливости.

В свете вышесказанного, можно сделать вывод о том, что экранный образ доктора Хауса является объективной идеограммой, отображающей этические, философские, социальные проблемы общества. Поведение Хауса, на первый взгляд, может вызывать неприязнь, но эти его изъяны (с точки зрения общепринятой морали) компенсируются благими в самой своей сути намерениями.

Любопытно осознавать, что профессиональная рутина врача, а также инфраструктура медицинского учреждения, демонстрируемые в сериале, сами по себе не способны вызвать и, что важнее, удержать зрительский интерес. Ядро действия медицинского сериала все-таки составляет комплекс морально-этических проблем, с которыми сталкивается экранный доктор. Занимаемая им этическая позиция, определяет его мотивацию, способы существования и действия в сериале.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голдблатт Д.* Ницшеанский взгляд на Хауса // Хаус и философия: все врут! Англия, 2010. 272 с.
2. *Джешонек Р.Т.* Психология Грегори Хауса. Будь как Хаус! Загадка доктора Хауса – человека и сериала. СПб.: Питер, 2010. 281 с.
3. *Захватова Е.С.* Феномен доктора Хауса [Правда и вымысел в сериале о гениальном диагносте] // Медицинская страховка. Украина, 2010. 345 с.
4. *Кауфманн В.* Ницше: философ, психолог, антихристианин. СПб.: Питер, 1968. 655 с.
5. *Михель Д.В.* Медикализация как социальный феномен // Вестник СГТУ. 2011. № 4 (60). С. 256–263.

НАРУШАЮТ ЛИ КОРПОРАЦИИ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ИНТЕРНЕТЕ?

П.Э. Станкеев, С.В. Кириллов
Научный руководитель: к.ф.н. Ю.С.Осаченко
Томский государственный университет

Слышали недавние новости о том, что социальные сети давали распечатанные переписки с потенциальными доказательствами преступления в суд? А задумывались, кто именно выбирал из большого количества переписок именно эти сообщения? Возникали ли у вас вопросы, откуда какой-нибудь сайт знает, что вы хотите купить новые туфли или стиральную машину?

Сегодня, когда большинство сервисов таких как поиск, электронная почта, социальные сети являются бесплатными, стоит задуматься, откуда такие крупные компании, как, например, Facebook, получают свою прибыль.

В теме обработки личной информации возникает множество вопросов в различных сферах, в том числе в правовой и социальной. Однако, все вопросы будут рассматриваться со стороны философской этики. Этично ли государству вмешиваться в личное пространство пользователей интернета ради обеспечения безопасности общества? Нарушают ли корпорации свободы человека в интернете? В этом тексте мы хотим рассказать вам о популярных мнениях на этот счет и предоставить свое.

Для начала введем некоторые определения. Под приватной, частной информацией будем считать данные, которые не предназначены для широкого распространения без явного согласия их владельца. Такими данными могут быть: номера телефонов, место жительства, фотографии, группы интересов; личные переписки и поисковые запросы.

Имеются случаи, когда переписки попадают на стол прокуратора в распечатанном виде как доказательства вины человека, но кто делает ту самую выборку? Когда люди попадают под подозрения в преступлении, нередко правовые органы дают добро на просмотр. Допустим, необходимо посмотреть информацию о преступлении, но на какую другую информацию натываются следователи в процессе поиска? Не это ли прямое нарушение личного пространства и свобод человека? Выходит, чтобы не допустить такого, человек не может пользоваться переписками так, как он этого захочет – а это уже нарушение свобод человека.

Но если этот человек потенциально хочет совершить преступление, имеем ли мы право на нарушение его личного пространства, если он еще ничего не сделал? Есть мнение, что проверить почту потенциального преступника – благое дело, так как этим мы можем спасти множество потенциальных жертв ценой личного пространства и свободы одного человека.

И тут мы натываемся на «проблему вагонетки», впервые сформулированную в 1967 г. английским философом Филиппой Фут. Что есть из этого зло, а что есть добро? Что если человек ни о чем не помышлял, но мы нарушили его личное пространство, свободу?

Безусловно, человек волен выкладывать абсолютно любую личную информацию в сеть. Однако часто утечки персональных данных, которые должны были

остаться тайной, происходят со стороны организаций, которым они были доверены.

Современные сервисы, предоставляющие поиск и платформы обмена сообщениями, часто прибегают к анализу личных сообщений пользователя для предоставления «таргетированной рекламы». Но зачастую, помимо рекламы, на пользователя составляется цифровое портфолио, которое позволяет однозначно идентифицировать человека в сети. Эти персональные данные очень важны, ведь с их помощью можно не только повысить прибыль от рекламных сетей, но деанонимизировать человека в сети, составить его психологический портрет и карту его интересов. В дальнейшем данную информацию можно использовать, например, для шантажа или социальной инженерии.

Представим такую ситуацию: вы ищете в интернете на общем компьютере какой-нибудь предмет для личного пользования, находите и завершаете поиск. Если кто-нибудь захочет воспользоваться этим же компьютером, он увидит рекламу, связанную с предметом, который искал первый человек. Это является раскрытием потенциально личной информации.

В эпоху развитого интернета каждая компания и каждое государство само устанавливает рамки дозволенности в обращении с личной информацией посредством законов и соглашений о конфиденциальности. Существуют страны, которые не будут читать личные переписки пользователя, если он подозревается в оскорблении национальности, но станут, если есть подозрение в убийстве человека. Есть же страны с более строгим законодательством, которые при малейшей ошибке воспользуются правом на вмешательство в частную жизнь.

У компаний много разных политик обработки данных, некоторые ничего не собирают и ничего не передают. Есть компании, которые собирают данные, но не уведомляют пользователей на этот счет, но в большинстве своем просят согласие.

Люди сами решают, по какому пути пойти и кому довериться. Безусловно, не все пользователи являются юристами и не все способны понять содержание хитро составленного соглашения о конфиденциальности. Поэтому необходимо прозрачно и понятно уведомлять пользователей о собираемой информации и действиях над ними.

ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА САЛЬВАДОРА ДАЛИ

Ю.Ю.Фокина

Научный руководитель: д. ф. н. Г.И. Петрова

Томский государственный университет

Антропология в западноевропейской мысли, понимается не только как наука о человеческом теле, но и дисциплина, определяющая причины многогранности природы человека, в том числе и духовной составляющей.

Обратимся к такому феномену XX века, как философская антропология, которая напрямую связана с изменениями в осмыслении человека. Особое значение отводится рефлексии и самонаблюдению.

Роль экзистенции в жизни людей творчества, философии сложно переоценить. Мы подошли к такой незаурядной и гениальной фигуре XX века, как Сальвадор Фелипе Хасинто Дали.

Художник пытается донести до общества мысль о том, что современный мир нездоров, люди ожесточены и бездушны, их эмоции извращены, поэтому их волнуют лишь крайности, например, война (предел активной позиции) и плотские удовольствия (предел страсти).

Сильные эмоции, неконтролируемые желания, порывы, все это составляет иррациональную природу человека, Дали переходит с ее созерцания на познание и затем, принимает ряд (успешных) попыток отображения.

«Параноидально-критический» метод, созданный им самим, идеально передает смысловую нагрузку, которую хочет передать художник, – критически рациональное осмысление подсознательного. Но для воплощения этого метода требуется обладание всеми тонкостями техники владения кистью, чтобы добиться максимально «оптического правдоподобия», создать иллюзию, существования данных образов.

Безумные, трансцендентные, психологические состояния, можно наблюдать на многих его картинах, например, в работах «Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения» или «Видение св. Антония». Также в них присутствует отсылка к более ранним мастерам Франсиско Гойи (1746–1828) и Иеронима Босха (1460–1516).

С. Дали прибегает к разнообразным приемам для передачи своих идей, одним из которых является оксюморон. Художник создает свой личный язык, побуждающий зрителя к размышлению, и здесь недостаточно логических умозаключений или пристального рассмотрения изображаемого объекта, необходимо знание мирового искусства, существующих на тот момент тенденций и многого, многого другого. В этих творениях кроется неисчерпаемый философский смысл – визуализацию получает все, что разрывает человека изнутри, его смятение, страсти, желания и страхи.

Во всех его сюрреалистических объектах – реально существующие предметы перевоплощались в метафизические, выступали знаками. Таким образом, произведение искусства – это пластическая философская метафора, главное в изображенном (или созданном) предмете – это способность обладать значениями.

Роль С. Дали не исчерпывается визуализацией подсознательного, что, бесспорно, является значимым, в нее также входит отображение чудовищных хит-

роплетений, существующих в современном мире и являющихся парадоксами. Особое внимание в своем творчестве С. Дали уделяет переживанию действительности человеком, а не его обыденной жизни. Осмысление времени, чувств. «Постоянство памяти» (1931) выступает насыщенной визуализацией «длительности» Анри Бергсона.

С. Дали применяет в этой картине прием «физический анаморфоз» (искажение), он уничтожает время при помощи известных «мягких» часов. Картина дает точный по-своему образ времени (рядом с растекающимися – субъективно-ощущающимся временем, можно увидеть обычные часы – время объективное).

Художественный мир С. Дали строится из привычных элементов, но преобразованием подвергаются взаимоотношения между объектами, проявляющиеся порой в повторах отдельных форм.

Художник мог показывать, как пластическое сходство несовместимых по выполняемым функциям вещей, так и отличия синонимичных, в этом случае господствующая роль отдается контексту – клякса может оказаться уменьшенной копией человеческой фигуры, или дверным отверстием. Это позволяет создать у зрителей ощущение зыбкости окружающего мира, вызвать сомнения в том, как соотносится видимое и подлинное.

Известность ему принесли такие картины, как «Расплывшееся время» (1930) и «Постоянство памяти» (1931). Кроме картин С. Дали оставил после себя внушительное количество статей об искусстве, философии, своем творчестве, все это сформировало целостную далианскую эстетику, представляющую общечеловеческую ценность для понимания XX века. Бессознательное К. Юнга, подсознательное З. Фрейда получили визуальное воплощение в его живописи, образы, описанные этими философами, он сделал частью изобразительного искусства, для чего потребовались новые приемы в художественной технике. С. Дали транслирует через свою живопись ценность доподлинного изображения, характерного художникам прошедших веков, что позволяет говорить о нем, как о связующем звене.

Мы наблюдаем противопоставление между его эпатажным поведением и глубиной произведений, что вызывает интерес у бесчисленного количества публицистов и исследователей, поэтому литература, повествующая о нем, исчисляется сотнями книг и статей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дали С. Дневник одного гения. М.: Искусство, 1991. 268 с.
2. Дали С. Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим. М: Сварог, 1999. 456 с.
3. Якимович А. Сюрреализм и Сальвадор Дали: вступительная статья к книге С. Дали «Дневник одного гения». М: Искусство, 1991. С. 5–43.
4. Bosquet A. Conversations with Dalí. NY: E.P. Dutton, 1969. 123 p.

ВЛИЯНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР НА ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРУ

М.Э. Штейнбах

Научный руководитель: к.и.н. И.Е. Максимова

Томский государственный университет

Компьютерные игры были созданы в первой половине XX века, но свое распространение получили лишь в 70-х годах.

Прежде чем говорить о влиянии компьютерных игр на человека и культуру стоит определить то, чем именно игры являются в наше время. В общем понимании компьютерная игра – это программа, которая служит для организации геймплея (или игрового процесса), связи между партнерами по игре, либо выступающая как партнер. Но сейчас все больше людей относится к компьютерным играм как к одному из видов современного искусства, что сложно отрицать, зная значение и критерии искусства.

Вместе с появлением компьютерных игр началось и их влияние на поп-культуру и человека в целом.

В самом начале своего существования компьютерные игры были представлены в качестве игровых автоматов, культура которых была распространена во всем мире. Один автомат, одна игра. Одна попытка, один жетон. Первым игровым жанром были аркады, в которых люди соревновались между собой и ставили рекорды. Позднее появились игровые консоли, на которых можно было играть во множество игр, а не только в одну предустановленную.

Компьютерные игры рекламировались на баннерах и по телевизору, устраивались игровые фестивали и премии. С каждым годом они все плотнее входили в жизнь современного человека.

В первую очередь компьютерные игры всегда являлись частью досуга, они помогали скоротать время и уйти от обыденной реальности в уникальный и непохожий мир, наполненный фантастическими существами и разнообразными событиями. Далее, с развитием технологий и средств передачи информации игры обретали все больше средств выражения и влияния на умы и сознание людей.

Для начала стоит выделить сферы, в которых компьютерные игры помогают людям и где их влияние наиболее заметно.

Первым стоит выделить обучение. Обучение – это важная часть жизни каждого человека и сейчас именно игры помогают упростить его и позволить избежать лишних трудностей и жертв. В этой области наиболее популярен такой жанр, как симуляторы. Симулятор не является игрой в полном понимании этого слова. В первую очередь симулятор помогают обучать людей в профессиях, связанных с управлением техникой. Это симуляторы управления различной техникой, такой как самолеты, вертолеты, автомобили и т.д. Теперь пилоту не надо садиться за настоящий самолет, чтобы научиться летать, достаточно симулятора, который будет полностью повторять взаимодействие с реальным самолетом. Таким образом обучают пилотов и водителей специального транспорта не только в гражданской сфере, но и военной.

Вторым пунктом я бы хотел выделить социальную сферу. На данный момент существует множество онлайн игр разнообразных жанров, в которых люди постоянно взаимодействуют друг с другом, социализируются, находят новых друзей и знакомых. Онлайн общение начинает заменять живое, так как оно проще, не надо никуда выходить, есть время на то, чтобы подумать перед ответом. Также игры помогают общаться с людьми, которые находятся за тысячи километров от тебя, говорят на другом языке и являются носителями другой культуры.

Третьей сферой я выделю спорт или так называемый, киберспорт. В 2001 году Россия стала первой страной в мире, которая признала киберспорт, как настоящий вид спорта, было проведено множество всероссийских соревнований, но позже его перестали считать настоящим спортом и только в 2016 году киберспорт был признан полноправным спортом снова. Турниры по компьютерным играм проводятся по всему миру и в разнообразных жанрах, призовые на которых варьируются от нескольких сотен долларов, до десятков миллионов за один турнир.

В четвертом пункте я бы хотел поговорить о культуре в целом. Компьютерные игры влияли на нее с самого своего появления, но с взрослением поколения, которое росло на них, влияние на культуру только возрастало. Они стали настоящим культурным феноменом нашего времени. На компьютерные игры делаются отсылки в фильмах, литературе, музыке, живописи.

Компьютерные игры являются следующим шагом развития искусства. Они и есть интерактивное искусство. Создаются игры по литературным вселенным, которые дают возможность окунуться в них с головой и видеть весь этот написанный мир. Создается множество книг по игровым вселенным. Существуют игры, которые являются рекламой фильмов и выходят вместе с ними. Есть фильмы, которые снимаются по играм. Сейчас для рекламы какого-либо продукта можно легко создать игру, что привлечет младшее поколение геймеров. Происходит геймификация общества, то есть используются игровые подходы к неигровым процессам для привлечения к использованию продукту или услуг.

Создаются проекты для виртуальной реальности, которые изначально задумывались для использования их в компьютерных играх, но перешли и в сферу искусства. Так, совсем недавно, в ТГУ проходила выставка в виртуальной реальности.

В чем заключается влияние компьютерных игр на человека?

Множество популистов и просто не совсем умных и осведомленных людей, которые боятся всего нового и видят проблему везде, но только не в самих себе, винят компьютерные игры во всех смертных грехах, винят в пагубном влиянии на детей и подростков, винят в том, что игры провоцируют людей на жестокость и сводят с ума, забывая о своем опыте и опыте предыдущих поколений.

Существуют исследования доказывающие обратное. Так, например, в ходе исследований, ученые из университета Падуи пришли к выводу, что компьютерные игры помогли детям, страдающим дислексией, улучшить свои когнитивные способности [1].

В ходе эксперимента нейробиологов из США в 2015 году было выявлено то, что люди, играющие в 3D игры, смогли легче запоминать большие массивы данных и быстрее принимать решение в критических ситуациях [3].

Так же стоит упомянуть о том, как преподносится компьютерная зависимость и существует ли она. Существуют исследования, которые говорят о том, что все предположения о компьютерной зависимости основаны на ненаучных фактах. Главной причиной такого состояния является то, что люди не обладают навыком тайм-менеджмента, либо пытаются уйти от проблем в реальном мире [2].

Но влияние компьютерных игр на людей не может быть только положительным, у него существуют и негативные стороны.

Негативным влиянием компьютерных игр на человека можно назвать то, что слабохарактерных людей, людей, не умеющих управлять своим временем, игры могут очень сильно увлечь, что приведет к проблемам в других сферах жизни, к прогулам, снижению успеваемости и т.д.

Но в целом стоит воспринимать игры как нечто положительное, потому что по большей своей степени компьютерные игры оказывают положительное влияние на человека, помогают развивать коммуникативные и лидерские качества, социализируют и развлекают человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Action Video Games Make Dyslexic Children Read Better*. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.cell.com/current-biology/fulltext/S0960-9822\(13\)00079](https://www.cell.com/current-biology/fulltext/S0960-9822(13)00079) (дата обращения: 22.02.2019)
2. *Problems with the Concept of Video Game «Addiction»: Some Case Study Examples*. [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs11469-007-9118-0> (дата обращения: 22.02.2019)
3. *Virtual Environmental Enrichment through Video Games Improves Hippocampal-Associated Memory*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4682779/> (дата обращения: 22.02.2019)

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЙ И КОММУНИКАЦИЙ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В.Холкина, Д.П. Карлина

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.С. Осаченко

Томский государственный университет

Развитие информационных технологий влечет за собой изменение и в коммуникационной среде – «живое» общение все чаще замещается общением в интернет-среде, что, несомненно, имеет ряд положительных и отрицательных аспектов.

Общение проходит процесс мутации от «живого» к виртуальному. Под «живым общением» будем понимать передачу смыслов, а не кодов, которая включает:

- вербальную составляющую – возможность услышать интонации в разговоре, темп, громкость и тембр голоса;
- невербальную составляющую – возможность наблюдать реакцию человека, эмоции, выражение лица во время разговора, а также тактильного контакта;
- обмен информацией здесь и сейчас, соприсутствие коммуницирующих, ощущение единения с собеседником.

Следствием отсутствия «живого общения» может стать отчужденность, которая ведет к:

- жизни в «двух мирах»;
- уходу от реальности – отказ от социального взаимодействия, коммуникаций с внешним миром, за исключением виртуального общения;
- потере связи с реальностью, т.е. человек перестает жить здесь и сейчас;
- изоляции;
- фрустрации, т.е. к несоответствию желаний имеющимся возможностям;
- страху тривиального общения;
- возможности выхода проблемы с социально-психологического на онтологический уровень, т.е. может измениться сама структура личности человека: развитие субличности, множественных личностей, утрата изначального себя и становление нового себя в виртуальном мире.

Аристотель сказал, что человек – существо, наделенное языком; язык можно фиксировать в книгах, словарях, грамматике, но развивается он, устаревает, истончается исключительно в разговоре, обмене речами между людьми, говорящими между собой. Язык существует лишь в беседе и человек, который не способен к разговору, теряет одно из своих определяющих качеств.

Если обратиться к известной фразе «человеку нужен человек», то можно понять, что людям очень важно взаимодействие друг с другом, сопереживание, возможность делиться мыслями и эмоциями; совершенно естественно, что человек нуждается в друге или родственной душе.

Еще Гадамер писал о разговоре: «Разговор способен преображать человека. Разговор, если он удался, оставляет что-то нам, он оставляет что-то в нас, и это «что-то» изменяет нас. Так что разговор – в непосредственной близости к дружбе. Только в разговоре друзья могут найти друг друга – хорошо еще если и удастся посмеяться вместе, когда взаимосогласие устанавливается уже без вся-

ких слов; тогда и возникает та общность, в которой каждый остается для другого одним и тем же, ибо каждый обретает себя в другом, изменяя себя по образу другого».

А теперь рассмотрим виртуальное общение, под которым будем понимать разновидность коммуникации, которая происходит через средства телекоммуникации с использованием сети Интернет.

К вербальной составляющей можно отнести слэнгизмы, акронимы и др., которые помогают нам предать те или иные эмоции и смыслы.

Под невербальной составляющей мы интуитивно понимаем язык тела, который при виртуальном общении заменяется эмоджи, «мемами», стикеры и gif-изображения. Использование виртуальных невербальных методов за счет своего разнообразия, детальности и выразительности достаточно точно передает эмоции, которые испытывает собеседник.

Если в реальной жизни человек может выглядеть безэмоциональным в силу своего характера, то при виртуальной коммуникации он может без стеснения выражать свои эмоции и быть более раскрепощенным.

Одним из ярких примеров внедрения технологий в социальную жизнь человека является появление друзей по переписке, которых можно найти в тематических сообществах. Это позволяет расширить круг общения, найти близких друзей, которым можно рассказать то, чем не мог поделиться даже с родными. Со стороны может показаться, что человек становится отчужденным, но в действительности он сам создает свой круг общения, в котором ему будет комфортно.

В заключении можно сказать, что технологии будут совершенствоваться с течением времени и это неизбежно, придавать этому положительную или отрицательную характеристику не имеет смысла. Они являются лишь инструментом, и как его использовать, решает лишь сам человек. Как выведенные на орбиту спутники могут обеспечивать связь или же нести смертоносное оружие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апель К.О.* Априори коммуникативного сообщества и основания этики // Апель К.О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. С. 263–337.
2. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С.72–91.
3. *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 25–42.
4. *Онтологические аспекты экзистенциального свершения личности: монография.* Томск: STT, 2013. 152 с.
5. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Тегга РаПйса, 2003. С. 157–202.
6. *Фракл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с
7. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 377 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПОСЫЛОЧНОГО ЗНАНИЯ

Н.В. Николина

Научный руководитель: д. ф.н. И.В. Черникова

Томский государственный университет

Тема предпосылочного знания в философии стала актуальной только в XX в., однако в истории философии проблема поиска условий и оснований знаний была предметом исследований большинства исследований. В современной отечественной философии предпосылочное знание и проблема его определения не имеет однозначного решения. Приведем примеры определений предпосылочного знания в современной отечественной философии:

- «предпосылочное знание, как рациональная форма знания, должно обладать особыми структурными свойствами, но в чем состоит, где и как проявляется эта «особость», однозначно определить трудно» [1. С. 94];
- «в качестве предпосылок научного познания сегодня рассматриваются философские принципы, идеалы и нормы, общенаучные методологические регулятивы, а также научная картина мира, стиль мышления и концепты здравого смысла. Представляется, что именно такого рода предпосылки и, соответственно, формы знания и познавательной деятельности следует включить в содержание термина «предпосылочное знание» [4. С. 318–319];
- «предпосылочное знание можно, обозначить фрейдовским термином «предсознательное», находящемся в «сторе» между «бессознательным» и «сознательным» [3. С. 174];
- «предпосылочность обязательно указывает на условия свершения последующей посылки, но не на саму посылку, которая соотносится по смыслу с категорией основания. Предпосылочность не есть связь между посылками, поскольку она их лишь предполагает» [7. С. 25];
- «предпосылочное знание называется так потому, что оно предшествует реальной эмпирической и теоретической деятельности ученого» [2. С. 52];
- «предпосылочное знание – такое знание, которое выступает как условие формирования знания, определяет основу знания, выполняет конструктивно-созидательную функцию и может быть представлено различными формами (в зависимости от вида знания) [5. С. 115].

Таким образом, в отечественной философии тема предпосылочного знания становится интересной и актуальной с 90-х гг. XX в. Основным результатом исследований в этой области является разработка уровней и структуры предпосылочного знания. Так, Л.А. Микешина предлагает выделять концептуальный и доконцептуальный уровни предпосылочного знания, а в качестве структуры выступают идеологические, общенаучные методологические, философские принципы и здравый смысл [4]. Нами была предложена следующая структура предпосылочного знания: абсолютные, научные и социокультурные предпосылки познания [5].

В современных зарубежных философских исследованиях темы предпосылочного знания, как таковой нет. Б. Рассел предлагает термин «эпистемологическая

предпосылка» и определяет его «как предложение, которое имеет какую-то степень рационального правдоподобия благодаря самой себе, независимо от ее отношений к другим предложениям» [6. С.410]. Б. Рассел разделяет предпосылки словесного свидетельства, воспоминания и предпосылки по аналогии. В исследованиях Д. Итикавы и Т. Уильямсона предпосылочное знание обозначено как базовое знание, которое мыслится первичным по отношению к вере.

Т. Уильямсон проводит аналогию между действием и знанием. Знание и действие являются центральными отношениями между разумом и миром. В действии мир приспособлен к разуму. В познании разум приспособлен к миру. Когда мир дезадаптирован к разуму, возникает остаток - желания. Когда разум дезадаптирован к миру, возникает остаток - вера. Желание стремится к действию; вера стремится к знанию. Точка желания - это действие; точка веры - знание. В более поздней работе, Т. Уильямсон расширил и прояснил эту аналогию. Вера - это попытка по отношению к знанию: нужно верить в то, что, если делать что-то, и, если все идет хорошо, то человек, в конце концов, получает знание. Те же самые отношения существуют между действием и намерением - действие - центральный способ соответствия между миром и разумом; намерение является обязательством к действию. Вера не гарантирует знания, а намерение не гарантирует действие. Уильямсон пишет: «если знание - это вера, а действие - это намерение, то неправильно пытаться понять веру без ссылки на знание или пытаться понять намерение без хотя бы косвенной ссылки на знание» [8. С. 14].

В 2016 г. Д. Итикава совместно с К. Дженкинс запустили проект под названием «Знание первично», суть которого состояла в том, чтобы доказать, что мы должны относиться к знанию как к более фундаментальному понятию на ряду с другими эпистемологическими понятиями, такими как вера и оправдание. В рамках этого проекта Д. Итикава предлагает категорию даже более фундаментальную, чем знание - базовое знание. Д. Итикава берет центральную аналогию Т.Уильямсона между знанием и действием, и его аргумент, который наводит на мысль о подходе «знание первично» (до веры) в эпистемологии. Данная аналогия также указывает на подход «базовое знание первично» (до знания) в эпистемологии. Д. Итикава обращает внимание на то, что некоторые вещи, которые мы знаем, мы знаем напрямую, а другие составные (сложные) вещи, мы знаем, зная более простые [9]. Буквально, идея о том, что все знания являются основополагающими, прямо подразумевает, что ни одно из знаний не основано на других знаниях. Автор выделяет базовые и не базовые знания. Базовые знания - основополагающие знания, не базовые знания - знания, которые выводятся посредством других знаний. Возникают вопросы: как мы можем зафиксировать базовые знания, что считать основой? Д. Итикава находит решение в признании контекстуальности знания: не базовые знания описываются как «известные» в некоторых контекстах, но не в других. Проанализировать базовые знания становится возможным только через теоретическую роль, которую они играют для знания. Д. Итикава анализирует теоретическую роль базового знания для доказательств, объяснений и утверждений. Определение базового знания как первичного по отношению к знанию (в общем смысле) и как знания, играющего важную теоретическую роль сходны с определениями предпосылочного знания в современной отечественной философии.

Таким образом, в современной отечественной и зарубежной философии тема предпосылочного знания является актуальной. Кроме этого исследователи, как в отечественной философии, так и в зарубежной, отмечают особый статус предпосылочного знания в современной эпистемологии, настаивая на том, чтобы предпосылочное (базовое) знание признать в качестве отличительной категории знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бокошов Ж.* Предпосылочное знание (Гносеологический анализ). АН Республики Кыргызстан, ин-т философии и права. Бишкек: Илим, 1991. 160 с.
2. *Габдуллин И.Р.* Доконцептуальное предпосылочное знание как ценностно-когнитивный феномен. Автореферат дисс. док. филос. наук: 09.00.01. Челябинск, 2016. 41с.
3. *Ельчанинов В.А.* Основные проблемы интернализма: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.
4. *Микешина Л.А.* Философия науки. М.: Прогресс-традиция, 2005. 464 с.
5. *Николина Н.В.* Специфика предпосылочного знания: монография. Омск: Изд-во ОмГА, 2016. 160 с.
6. *Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы. Киев: Ника-Центр, 1997. 556 с.
7. *Философия науки и образования: Учебное пособие.* Н.Новгород: Изд-во НГПУ, 2010. 104 с.
8. *Ichikawa J. J.* Basic Knowledge First // «Episteme», № 14 (3). [Электронный ресурс]. URL: <https://philpapers.org/rec/ICHBKF> (дата обращения: 27.01.2019).
9. *Williamson T.* Acting on Knowledge. In Knowledge First Approaches in Epistemology and Mind. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philosophy.ox.ac.uk/members/philosophy_panel/tim_williamson (дата обращения: 27.01.2019).

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ CHILDFREE В РОССИИ

Я.Е. Бандеро

Научный руководитель: д.ф.н. В.Н. Сыров

Томский государственный университет

Проблемой моего исследования является попытка понять, что повлияло на добровольно отказавшихся от родительства в России, принять данное решение?

Как утверждает Полутова [17], ссылаясь на одну из первых крупных работ о Чайлдфри Дж. Виверс существует классификация добровольно отказавшихся от родительства. Из интерпретации следует, что:

1) «реджекторы» (это те, кому не приятны дети как таковые, а также те, кто испытывают отвращение к самому процессу рождения);

2) «аффеക്ഷонадо» (это те, кто ведет гедонистический образ жизни, кто не готов заводить детей, потому что не готовы отказаться от развлечений, богемской жизни, путешествий и т.д.)

Далее Дилан Нил и Хизер Джоши [17] в своей работе дополнили данную классификацию еще двумя элементами:

3) «постоянные откладыватели» (это те люди, которые уверены, в том, что у них еще много времени, для того чтобы стать родителями, те, кто откладывают рождение детей, но в последствии так и остаются бездетными);

4) «волнообразные отказники» (их решение не иметь детей не постоянно, оно меняется в зависимости от обстоятельств, которые происходят в их жизни, но даже тогда у них появляются стремления и желания, которые важнее, даже в такие периоды).

А также хотелось бы выделить гипотезы, которые, на мой взгляд, являются ключевыми для моего исследования. Во-первых, волновые отказники и постоянные откладыватели – это те типы Childfree, которые преобладают в России. Во-вторых, члены Чайлдфри в России не пропагандируют бездетность как таковую, а зачастую, наоборот решают держать это в секрете.

Исходя из проведенных мной интервью следует сделать выводы о том, что России характерны два типа, которые характеризуются меньшей радикальностью – это «волнообразные отказники» и «постоянные отказники».

На основе мнений ученых, работающих в рамках феномена Childfree, и собственного исследования хотелось бы выделить тезисы, которые являются ключевыми для понимания Чайлдфри в России:

– При отказе от рождения детей в России, ориентация идет не на себя и на собственные интересы, как в Европейских странах, например, а на возможную жизнь своего потомства.

– Опираясь на мнения Российских исследователей добровольного отказа от родительства, получается, что решения стать Чайлдфри это способ «защитить» свое потомство от сложных обстоятельств.

– Образ мужчины-чайлдфри и женщины-чайлдфри в России значительно отличаются друг от друга. Исследователи утверждают, что мужчина не строит свою идентичность вокруг ребенка и, следовательно, не сопротивляется такому сильному давлению общественных норм. По мнению исследователей, на Западе нет четкого разделения ролей относительно воспитания детей, мужчины также идут в декретный отпуск, также активно участвуют в воспитании, поэтому принимая решение не становиться родителями, мужчины сталкиваются с аналогичными трудностями, что и женщины.

– Также исследователи добровольно отказавшихся от родительства, такие, например, как Исупова [11] в своих работах утверждают, что в России высокая степень распространения Childfree в интернете, это выражается в том, что число тематических объединений по данной теме в социальных сетях велико. Но проведенное мной исследование утверждает обратное. Во-первых, одной из респонденток было отмечено, что в тематических объединениях отсутствует как таковая активность, члены Чайлдфри на Российских форумах и пабликах в социальных сетях не получают должной поддержки и помощи от приверженцев подобных взглядов. Во-вторых, мной было замечено нежелание людей, заводящих интернет знакомства посредством одинакового отношения к рождению детей, более того, респондентки называли это «пустой тратой времени».

– Члены Чайлдфри сообщества по-разному воспринимаются в разных регионах нашей страны, это связано с обширной территорией государства и разным уровнем развития в регионах. Как утверждает Исупова [10], в крупных городах (особенно Европейской части) данный феномен не является чем-то необычным. Там концентрируется основной слой Чайлдфри России, причем вероятность встретить реджекторов или аффе́ксьонадо (по классификации Дж. Виверс) гораздо выше, нежели в других регионах России. Но если рассмотреть Азиатскую часть страны, то можно прийти к выводу, что людей, относящих себя к добровольно отказавшимся от роли родителей, становится меньше, и давления на них гораздо сильнее.

– В России почти полностью отсутствует такой способ контрацепции как стерилизация или вазэктомия, исследователи связывают это с отсутствием радикальности в проявлении добровольной бездетности, в отличие от Запада, где этот способ защиты от рождения детей активно используется.

Почти полное отсутствие жестких форм проявления добровольной бездетности исследователи связывают также, с уровнем развития конкретной страны, то есть уровень рождаемости обратно пропорционален уровню жизни. Получается, что как только в стране повышается качество жизни, сразу же начинает падать рождаемость, появляется все больше Childfree, причем в его радикальном проявлении, и становится все меньше людей, ориентированных на семью в ее традиционном понимании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинская Д.В.* Социальный портрет Чайдффри // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки, 2018. С. 12–20.
2. *Бойко В.В.* Репродуктивное поведение семьи и личности: Социально-психологическое изучение рождаемости. Л., 1981. 632 с.
3. *Бойко В.В.* Рождаемость: Социально-психологические аспекты. М.: Мысль, 1985. 238 с.
4. *Большунова Т.В.* Феномен Чайдффри: макросоциологический анализ // Вестник университета, 2018. С. 145–150.
5. *Борисова О.А.* Репродуктивная модель добровольной бездетности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика», 2016. С. 22–26.
6. *Вальдова С.М., Граничная А.А., Мингалиева А.Р., Саяхиева Л.М.* Тенденции распространения ценностей Чайдффри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2017. С. 191–195.
7. *Дружинин В.Н.* Психология семьи. СПб.: Питер, 3-е издание, 2008 год. 176 с.
8. *Виверс Дж.* Бездетные по собственному выбору, 1980.
9. *Естественное движение населения.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения: 22.12.2018)
10. *Исупова О.Г.* Чайдффри [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/longreads/75296> (дата обращения: 10.10.2018)
11. *Исупова О.Г.* Чайдффри. Мифы и факты // Colta, 2016. С.1–4.
12. *Казачихина М.В.* Чайдффри как одна из форма современной семьи, М: Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 10–14.
13. *Камзинова О.А., Самыкина Н.Ю.* Исследование жизненных сценариев у представителей сообщества «CHILDFREE» // Вестник Самарского государственного университета, 2014. С. 213–224.
14. *Кашкина Ю.А.* Социальные аспекты формирования и развития идей добровольной бездетности // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 1207–1215.
15. *Крыкова И.В.* Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке Аналитика Культурологии, 2008. С. 1–3.
16. *Орлова А.А., Петровская О.А.* Движение Чайдффри как явление современного общества // Кубанский Государственный Технологический Университет, 2017
17. *Полутова М. А., Жанбаз О.О.* Ценностные и мотивационные установки сообщества «Чайдффри» с позиции постмодернизма // Вестник Забайкальского государственного университета, 2015. С. 89–92.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЛИ О ТОМ, КАК КОНСТРУИРУЕТСЯ ЗНАНИЕ В ПОЛЕ

П.А. Басина

Научный руководитель: ст. преп. А.А. Маляр

Новокузнецкий институт (филиал)

Кемеровского государственного университета

В общественных науках полевые исследования являются основой для построения нового знания, где исследователь оказывается непосредственно включен в процесс. Фиксируемые в поле данные генерируют реальности, которые «учреждаются в различных практиках и местах» [2. С.221–224]; реальности производят как респонденты, сообщая информацию, так и исследователи – воспринимая «поле» и размечая свое присутствие в нем.

В процесс создания знания включены сети человеческих и нечеловеческих акторов: «субъекты быстро теряют силу сопротивления, когда идут на уступки ученым» [1. С.353]; объекты «наоборот, они всегда сопротивляются контролю и вносят путаницу в наши планы» [1. С.353]. В совокупности данные аспекты влияют на данные и, как следствие, на знание, построенное на их основе. Опираясь на опыт четырех лет участия в социологических исследованиях в качествах интервьюера и наблюдателя, мы интерпретировали возникающие типы полевых отношений в понятиях власти.

Цель работы – анализ процесса конструирования знания в «поле»; в фокусе внимания – властные отношения, возникающие в материальных условиях при посредничестве объектов. Эмпирическая база – полевые записи. Для концептуализации отношений использована концепция власти М. Фуко; материальности – STS (Дж. Ло, Б. Латур). Мы сосредоточим внимание на динамиках властных отношений, их связях с практиками «взгляда», дара и с материальными аспектами «поля».

Отношения власти

Эмпирическое знание, возникающее в «поле», формируется, с одной стороны, исследователем, с другой – респондентом и тем, как он воспринимает исследователя. В зависимости от такого восприятия респондент будет представлять одну информацию и скрывать другую [4. С.59].

Экзит-полл

Респонденты, ощущая включенность в систему властных отношений, образованную, с одной стороны, ситуацией выборов; с другой – обращением интервьюера, используют различные тактики противостояния власти [3. С.290]: молчание – «военная тайна», «секрет фирмы», «тайна голосования»; «отрешенность» – «без понятия»; «перенаправление запроса» – «вы за кого проголосовали?»; «позрение» – «вам зачем?».

Анкетирование

Анкета – разметка исследователя в пространстве. Материальные носители фиксации данных представляют инстанции, задающие рамки. Оказываясь, включенными в фрейм социологического опроса, респонденты стараются «проверить», увидеть, что пишет исследователь; при самостоятельном заполнении

«взвешивают» каждый ответ, воспринимая анкетный бланк как материальное свидетельство.

Распознав анкетера, респонденты пытаются оказать «сопротивление» его принудительности как вопрошающего, институционального субъекта: пройти мимо – обойти исследователя, сделать вид что не слышат; «убежать» в процессе всего времени опроса – пятясь в нужном направлении, обозначая спешку действиями; специально «срывая опрос», приближаясь к его окончанию - «нет, я принципиально вам не дам номер телефона». Исследователь, с одной стороны, воспринимается как «посторонняя» респонденту фигура, которую нужно «обойти»; с другой как тот, кем можно манипулировать, вовлечь в игру.

По нашим наблюдениям, почти у каждого полевого исследователя есть некоторая стандартная фраза, которая «работает» – «ответьте, пожалуйста, на пару вопросов», «уделите, пожалуйста, пару минут, не более». Некоторые респонденты достаточно внимательны к таким словам и, при нарушении условий, начинают присваивать властные «полномочия» – цитировать фразы «входа в поле» с намерениями закончить опрос на текущем моменте.

В сложных случаях исследователю приходится прибегнуть к ситуации искусственной перверсии властных отношений – «пожалуйста, ответьте на анкету, мне не поставят практику, если я сегодня никого не опрошу», «пожалуйста, помогите бедным студентам». Исследователь заранее ставит респондента в позицию властного лица, давая ему возможность пожалеть, ощутить личную заинтересованность и значимость.

«Взгляд» и его модификации

Восприятие респондентами исследователя, как и исследователем поля, опосредованы дисциплинарной практикой «взгляда» - управление с помощью средств, которые делают его видимым) [3. С.220–249].

Экзит-полл

Особенность кейса – восприятие горожанами в день выборов любого «взгляда» со стороны, с одной стороны, как легитимного, действующей власти; с другой – как нелегитимной силы. Олицетворением дихотомии выступает исследователь. Респонденты ощущают себя «под присмотром»: «Это обязательно?», «За кого надо?». Интересна модификация «взгляда» в Паноптикум И. Бентама; люди интериоризируют внешний взгляд и начинают контролировать себя, соблюдая предписанные правила [3. С.220–249]: «За нами наблюдают!», «Это не законно!».

Наблюдение

У наблюдателя, длительное время находящегося в ограниченном пространстве поля (магазина), возникало ощущение паноптически пристальных взглядов консультантов; для того, чтобы уменьшить субъективное ощущение внимания, были использованы тактики смены имиджа в разные дни наблюдения; картографирование поля с целью остаться незаметным. В одном из наблюдений, несмотря на отсутствие прямого контакта с ними, была использована «разметка респондентов», в основе которой был принцип «взгляда»: заметят ли респонденты наблюдение или нет.

Важно отметить, что влияние «взгляда» может возникать в случаях, если респондент находится в компании, при нахождении в одном «поле» нескольких исследователей.

Дар социолога
Анкетирование

В одном из опросов в качестве благодарности были использованы плитки шоколада. С одной стороны, дар выступал как стимул-мотивации; с другой, как знак власти, который следует отвергнуть.

Место
Анкетирование

Любая полевая практика динамична, опосредована материальным пространством. В одном из случаев приходилось двигаться вслед за респондентом, что было обусловлено разметкой пространства детской площадкой и движениями респондента в ней. В случае проведения опроса на рабочем месте респондента, с одной стороны, окружающие объекты создают комфортную обстановку; с другой – эти же объекты являясь рабочим местом, задают тон и характер взаимодействия. Один из опросов проводился в отделении социальной защиты – в инстанции, где пространство размечено стендами, табличками на дверях, что задает определенную рамку построения реальности респондентом. Место материализовало «взгляд» официальной власти.

Экзит-полл

Ситуация и материальные объекты структурируют поведение и речь респондентов. Дисциплинирующие объекты – здание школы, плакаты о выборах, урны для голосования, наличие на территории знаков власти и др. Фигура исследователя нарушает фрейм ситуации выборов для респондентов небольшого провинциального города.

Таким образом, полевой процесс подвержен влиянию субъектов и объектов, тесно переплетенных между собой, что так или иначе окажет влияние на полученное знание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // *Социология вещей.* М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 342–362.
2. *Ло Дж.* Оптика опроса // *Социология власти.* 2012. № 4–5. С. 218–241.
3. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
4. *Юдин Г.* Субъект глазами объекта: политическая антропология полевой социологии // *Социология власти.* 2016. № 4. С. 57–82.

МАЯТНИКОВАЯ МИГРАЦИЯ: ИЗМЕНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦ

К.Б. Воронцова

Научный руководитель: ст.преп. А.А. Маляр

Новокузнецкий институт (филиал)

Кемеровского государственного университета

Повседневная жизнь части студенчества Новокузнецка включает маятниковую миграцию – регулярные поездки от дома до места учебы с ежедневной или еженедельной периодичностью. Проводя много времени в транспорте, совершая систематические передвижения на дальние расстояния, субъект миграции меняет восприятие пространственно-временных границ значимых населенных пунктов, времени дороги и промежутков между дорожными позициями. Предмет исследования – влияние маятниковой миграции на изменение восприятия пространства и времени: как частое пребывание в дороге, в движении изменяет топологию местности и схемы восприятия городов? Как субъекты измеряют и описывают время в пути? Эти вопросы легли в основу исследования.

Теоретическая база строится на работах представителей ситуационизма, уделяющих внимание теме повседневных пространственных практик, а именно – М. де Серто, Анри Лефевра. В работах де Серто и Лефевра повседневность является главным углом зрения, под которым стоит рассматривать город. Лефевр утверждает, что пространства повседневности годятся для изменения, не важно, идет ли речь о рутинных практиках или материальных компонентах. Пространственные практики создают повседневность, за их счет воспроизводятся общественные отношения. По мнению Мишеля де Серто, пространства повседневности таковы, что в них проявляется культурная логика. Он проводит аналогию шагов с речевыми актами, утверждая, что жители города (он называет их тела) пишут городской текст, не читая его, а для его прочтения требуется занять по отношению к этим «неясным переплетениям повседневного поведения» дистанцию – подняться на высоту Манхэттена, например. «Нечитаемость и невидимость – вот, что создает повседневность», – утверждает де Серто [1]. По мере того, как люди прокладывают себе путь от одной точки города к другой, они создают личные маршруты (пространственные практики), насыщенные смыслом. Следует отметить, что та часть города, в которой люди обитают ежедневно (у большинства это маршрут работа-дом) становится местом, где материально зафиксированы значимые для нас места.

В исследовательский кейс вошли ежедневные и еженедельные практики маятниковой миграции студентов вуза НФИ КемГУ, проживающих в южных городах Кемеровской области и дальних районах г. Новокузнецка. Эмпирическая база представляет собой результаты 15 проведенных интервью и прилагающиеся к ним проективные рисунки – схематичные изображения информантами Новокузнецка и их собственного маршрута. Респонденты в форме нарратива рассказывали о своих поездках «дом-институт», а затем схематично изображали город, отмечая ключевые для них городские места и элементы ландшафта, значимые для структурирования поездки. Изображения города студентами стало основой для математического моделирования семантических пространств, осуществляе-

мого через процедуру многомерного шкалирования, позволившего воссоздать двумерные пространства восприятия объектов на основе данных об их близости.

Нарратив об упорядоченности поездки от дома до института представляет собой набор последовательных действий человека: встать за определенное время до поездки (чаще всего подстроиться под расписание транспорта), дойти до остановки и сесть в т/с, либо добраться до места, откуда сесть на транспорт и затем поехать к конечной цели – вузу. При возникновении внештатных ситуаций – добраться альтернативным способом.

В ходе анализа интервью нами был восстановлен набор категорий, который прослеживается в речи почти каждого информанта и позволяет описать маятниковую миграцию студентов:

Стратегии: выезд заранее, рассаживание, петля через конечную остановку (в целях экономии), смена маршрута

Дорога на учебу представляет собой четко спланированный набор операций, с запасными вариантами развертывания событий в случае нарушения «нормальной» ежедневной практики. Стратегия сделать поездку наиболее практичной выражается в поиске обходных путей, благодаря которым человек как бы «облегчает» ее, создает самый «выгодный» вариант своего перемещения:

«я делаю маленькую хитрость как бы, мой автобус останавливается, конечная у него вокзал, но потом он идет до коммунара, я по этому же проезжаем еду до коммунара и перехожу дорогу близко к вузу».

Сцена автобуса

Сцена автобуса является одним из ключевых в поездке субъекта. Он невольно включается в это пространство, когда садится в транспорт, и одновременно может переходить в другое пространство – телефона либо книги. Здесь же происходит непосредственное столкновение с «другими» субъектами маршрута, а также проявляются стратегии относительно занимаемых мест:

«другие пассажиры пытаются себе забить определенные места какие-то, и за них начинается чуть ли не драка, в основном садятся к окну, и я к окну».

Ландшафт

Длительное нахождение в пути заставляет субъекта обращать внимание на то, что находится за окном. При регулярных перемещениях между населенными пунктами пространство усваивается и рутинизируется, вследствие этого оно перестает быть объектом внимания и происходит «замыливание» ландшафта, когда все становится обыденным, неинтересным:

«Едем по трассе, за окном поля, пустырь, ничего особенного, даже нечего рассказать»; «природа России уже надоела».

Маятниковая поездка как травма

Длительное пребывание в общественном транспорте, столкновения с «другими», постоянное вмешательство в личное пространство превращают поездку к месту назначения в ситуацию, которую приходится «переживать» ежедневно. Поездка позиционируется негативно с самого начала:

«когда ты встаешь в 5 утра, очень сильно выматывает эта дорога», «кто-то спит, а я еду, я уже еду как бы!».

Стратегии выхода из травматичной ситуации: телефон, сон

Одной из наиболее распространенных стратегий, позволяющих преодолеть полученную в поездке травму, является «телефонное пространство». Погружа-

ясь в него, субъект может размечать маршрут и ориентироваться на местности с помощью так называемых «слепых зон» - отрезков маршрута, недоступных для интернет-соединений, когда субъект «выключается» из пространства телефона и возвращается в пространство транспорта:

«сеть перестает ловить; интернет не ловит».

Поездка в вуз предполагает ранний подъем, поскольку ее продолжительность в среднем занимает 1–1,5 часа, не учитывая времени, которое требуется на утренние ритуалы и дорогу до остановки. Таким образом, время, затраченное на ранний подъем и сборы возможно компенсировать в транспорте, а также преодолеть травматичность поездки:

«если утром удастся, то могу поспать в автобусе, если нет, даже стоя могу поспать, там не упадешь, тебя поддержат люди».

Таким образом, ежедневные длительные поездки студентов представляют собой сложный специфический набор последовательных действий, выработанных стратегий и запасных вариантов, которые они применяют в своей повседневной практике перемещений.

В процессе перемещений субъект поездки, структурируя свой маршрут, обозначает в нем объекты, места, промежутки дороги, которые позволяют ему ориентироваться в пространстве и времени. В наших случаях ориентиры были таковы: объекты на местности – магазины, кафе, ТРЦ; остановки, улицы, населенные пункты; интенсивность движения транспорта и поток пассажиров; отсутствие связи; мерила времени; качество дороги. Благодаря названным ориентирам субъект в ходе поездки размеряет путь и время (пройденное или оставшееся).

На основании данных, полученных благодаря проективной методике, мы заключаем, что отличие от реальной карты города выражено в изображении, как самих границ города, так и определенных мест - несоответствие расположению их на карте. Поэтому, нами были выделены три типа форм изображения, на которые можно разбить все схемы Новокузнецка:

1. Овал или круг;
2. Карта с районами;
3. Карты без границ, с определенным расположением точек.

Различия в рисунках достаточно явные: присутствовали изображения путей/дорог, соединяющих ключевые места субъектов в городе, определенная упорядоченность объектов, а также расположение рисунка в конкретной части листа. В качестве предположения можно утверждать, что такие изображения могут быть характерны: а) для тех, кто не имеет представления о структуре города и его очертаниях «сверху», поэтому изображение не упорядочено, границы отсутствуют или определены неверно; б) для тех, кто иногда обращается к карте города, соответственно визуально фиксирует строение города.

Таким образом, в ходе проведенного исследования нам удалось выяснить, как влияют ежедневные длительные перемещения на восприятие пространства и времени студентов, на основании чего происходит ориентация на местности и «размерение» пространственно-временных промежутков. С помощью проективной методики мы увидели, как визуально у мигрантов представлено пространство «сверху», и насколько оно соответствует изображению реальной местности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Де Серто М.* По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Том 7. № 2. С. 24–38.
2. *Лефевр А.* Производство пространства // Социологическое обозрение. 2008. Том 2. № 3. С. 27–29.

ПРАКТИКИ САМООРГАНИЗАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

А.Е. Еркина

Научный руководитель: к.с.н. В.В.Кашпур

Томский государственный университет

Необходимость и значимость самоорганизации обусловлены спецификой развития цифрового общества. Технологии уже длительное время становятся неотъемлемой частью социальной реальности. Благодаря их влиянию многие социальные процессы и феномены изменили свою структуру. Это происходит и самоорганизацией, как компетенцией, предполагающей определенные навыки и умения, в частности рациональное распределение и планирование своего времени.

Умение планировать и распределять свое время является ключевым в процессе постановки целей и их достижения. От использования этих практик зависит не только личностный рост отдельно взятого индивида, но и развитие социальных групп населения, а значит и страны в целом. Компетенция самоорганизации в цифровую эпоху необходима каждому индивиду, так как при ее отсутствии он не сможет эффективно существовать в рамках данной социальной действительности. Отсутствие этой компетенции приводит к тому, что индивид не может рационально и правильно распределить свое время, самостоятельно найти ту сферу, в которую он мог бы приложить свои силы и найти единомышленников. Это сказывается негативно как на эффективности деятельности индивида, так и на его социальной среде и приводит к негативным последствиям.

Современное общество пронизано большими потоками и объемами информации. Из-за постоянной изменчивости становится трудно держать мысли и планы в голове. Поэтому на помощь приходит самоорганизация, как способ планирования своего времени, которая помогает структурировать мысли и построить более рациональную и эффективную стратегию деятельности. Цифровая эпоха приносит в жизнь человека множество изменений, а главным образом – технологии. В каждом смартфоне есть ряд приложений, которые значительно упрощают нашу жизнь. Это же касается самоорганизации, как способа планирования своего времени. Существуют программы, которые могут многое делать за нас (PublBox, Evernote и т.д.)

Данная работа основана на трудах таких ученых как Э. Дюркгейм, К. Маркс, Л. Дятченко, Т. Морозова, П. Сорокин, Ч. Кули, М. Вебера с использованием таких общенаучных методов как, литературный анализ, опросный метод (анкетирование и интервьюирование) и статистического анализа.

Необходимость и значимость самоорганизации обусловлены спецификой развития цифрового общества. Цифровая эпоха или же цифровое общество – совершенно новый тип устройства общества, в котором преобладают технологии и большие объемы информации. XXI век – век новых технологий и совершенно нового этапа развития человечества. Поэтому в новом типе общества человеку необходимо владеть современными информационными технологиями, легко обращаться с компьютером и средствами современных технологических достижений.

Цифровое общество также характеризуется рядом особенностей:

Информация стала храниться в цифровом (электронном) виде, происходит уход от использования бумажных носителей;

Персонализация наибольшего количества окружающих индивида вещей и их совокупностей (персональные компьютеры, цифровая техника, средства передвижения и связи, бытовая электроника, электронные документы и т.д.);

Снижение физической активности из-за большого количества времени, проводимого за компьютером;

Появление новых форм представления информации [3].

Под самоорганизацией, как компетенцией понимаются различные приемы и техники, позволяющие выстроить эффективную и структурированную стратегию деятельности для достижения максимального результата, основанную на инициативе индивида. Процесс самоорганизации присущ каждому индивиду с рождения, но на разных этапах жизни он выражается по-разному: с момента рождения ритмом жизни человека начинают управлять его так называемые «биологические часы», благодаря которым он может ориентироваться в элементарных жизненных циклах; затем к этому добавляется способность структурировать свои мысли. Строить планы, задавать цели и т.д.

Существует множество практик самоорганизации, которые отличаются техникой и материалами, необходимыми для их осуществления:

- Ведение дневника;
- Использование ежедневника, еженедельника или планинга;
- Использование календаря для планирования;
- Составление To do листов;
- Система Bullet Journal;
- Электронные приложения и интернет-ресурсы;

Таким образом, практики самоорганизации напрямую зависят от того типа общества, который сложился на данный момент. Без самоорганизации индивид не сможет существовать в цифровую эпоху, так как он может потеряться среди большого потока и объема информации. Для рационального распределения своего времени необходимы такие качества как: критическое мышление, ответственность, умение планировать (распределять задачи), целеполагание. Это обусловлено тем, что практики самоорганизации в цифровую эпоху предполагают анализ начальной ситуации, постановку целей, их достижение, анализ результатов и рефлексия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брилев Д.В.* Социальная самоорганизация учащихся общеобразовательных школ как фактор развития гражданского общества: дис. ... канд. социол. Наук. Хабаровск, 2010. 191 с.
2. *Дюркгейм Э.* правила социологического метода. М.: Наука, 1991. 574 с.
3. *Информационная эра или цифровая эпоха.* [Электронный ресурс]. URL: <http://fbuz01.rospotrebnadzor.ru/konsultatcionnyicentr/nashi-meropriiatiia/145973/> (дата обращения: 18.12.2018).
4. *Кочарян Б.Г.* Концепт самоорганизации в современной социологической теории: на примере социологических исследований предпринимательства : дис. ... канд. социол. наук. М, 2010. 160 с.

5. *Лецинская С.Б.* Смысловая сфера личности студента как фактор самоорганизации деятельности и результативности единого государственного экзамена // Когнитивные штудии: когнитивная парадигма в междисциплинарных исследованиях: материалы VI международной междисциплинарной конференции, 6–7 февраля 2015. Минск, 2015. Вып. 6. С. 91–97.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: Академический проспект, 2010. 775 с.
7. *Методы* планирования времени. [Электронный ресурс]. URL: <https://5sfer.com/21429-metody-planirovaniya-vremeni.html> (дата обращения: 15.10.2018).
8. *Пехова Н.Ю.* Социология компетентности // Вестник экономики, права и социологии. 2011. №2. С. 231–233.
9. *Уварова В.И.* Самоорганизация студенческой молодежи: уровень, формы, проблемы // Ученые записки Орловского государственного ун-та. 2015. С. 299–305.
10. *Чернышов А.Г.* Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 319–328.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СМИ

А.В. Добросоцкая, П.И. Ефименко, В.Р. Замалдинова, А.А. Михайлова
Научный руководитель: ст. преп. М.О. Абрамова, к. ф. н. Р.А. Быков
Томский государственный университет

В настоящее время одной из самых обсуждаемых и наиболее распространенных проблем современного российского общества является коррупция. Существует огромное количество разных обоснований возникновения данного феномена и его продолжительного существования, но при этом конкретного решения данной проблемы принято не было.

Основным источником освещения коррупции являются средства массовой информации, которые разными способами транслируют факты и события, относящиеся к коррупционным преступлениям. Изучение разнообразных мнений относительно феномена коррупции в СМИ позволит нам сопоставить представления людей и то, каким они видят влияние коррупции на общественную жизнь и то, как именно следует противодействовать этому. В то же время СМИ выступают как один из важнейших механизмов формирования общественного мнения [1]. Под общественным мнением следует понимать некоторую совокупность суждений относительно каких-либо актуальных, значимых вопросов, которые производятся людьми, живущими в одной стране в одно время [9]. Одной из особенностей общественного мнения, как социального феномена, является то, что оно затрагивает лишь значимые для общества процессы, которые непосредственно связаны с интересами граждан. Именно поэтому возникает необходимость изучения того, какие именно суждения относительно феномена коррупции в нашей стране транслируются разными группами СМИ в массы. Таким образом, проблема данной работы состоит в том, каковы различия в представлении и освещении коррупционных действий в средствах массовой информации? В этой связи, цель данной работы – выявить различия в способах освещения феномена коррупции у различных СМИ. Изучение разнообразных мнений относительно феномена коррупции позволит нам сопоставить представления людей и то, каким они видят влияние коррупции на общественную жизнь и то, как именно следует противодействовать этому.

Гипотезы:

1. В оппозиционных газетах коррупция освещается чаще, чем в государственных.
2. В государственных газетах, в целом, больше говорят об антикоррупционных мероприятиях и действиях.

Коррупция - это масштабное социальное явление, которое нельзя рассматривать только с одной точки зрения [5]. Оно требует всестороннего изучения как с экономической, политической и юридической, так и с социальной. В формировании коррупции как массового явления задействованы не только административные органы, но и сами люди, а именно их ценности, ориентации, готовность к незаконным действиям [8].

В настоящее время исследование коррупции с точки зрения системного явления, отражающего состояние нормативно-ценностной и институциональной подсистем переходного российского общества, отсутствует [4]. В связи с этим

возникает необходимость введения научного направления социологии коррупции, как настаивает Г.А. Сатаров. Данный феномен был рассмотрен с точки зрения классического, модернистского, неоклассического и функционального подходов.

В данном проекте метод контент-анализа используется для подсчета и фиксации единиц содержания с их последующей обработкой для определения понятия коррупции и классификации ее видов. Таким образом, применение контент-анализа позволит эмпирическим путем проверить наличие или отсутствие различий в понимании феномена коррупции среди разных социальных групп.

Использованные материалы, взятые из источников за 2016–2018 года, которые мы поделили на две группы: государственные газеты и оппозиционные. Отбор источников происходил случайным образом, а количество взято из расчета всех статей, выпущенных той или иной газетой за данный промежуток времени. Всего было проанализировано 106 источников, при этом, 27 из которых из газеты «Коммерсант» [6], 26 – из «Российской газеты» [3], 25 – из журнала «The New Times» [2] и 29 – из «Новой Газеты»[7].

В некоторых аспектах представления коррупции в СМИ государственного и оппозиционного типа различаются: в оппозиционных источниках чаще упоминается сам факт или наличие коррупции, а в государственных – антикоррупционные мероприятия, но при этом среднее количество упоминаний, которые приходится на все изученные нами источники больше, в оппозиционных источниках. Самым популярным способом борьбы с коррупцией, который упоминается в государственных источниках, является именно ее наказание в соответствии с уголовным и административным кодексами, в то время как в оппозиционных источниках говорится о системном подходе борьбы с коррупцией, который включает в себя политический аспект. Также следует отметить, что в оппозиционных газетах одной из основных мер по борьбе с коррупцией являются мероприятия, связанные с деятельностью Фонда борьбы с коррупцией, который возглавляет Алексей Навальный. В государственных источниках ни одного упоминания об этой организации не было.

Еще одной выявленной и довольно очевидной тенденцией является зависимость количества упоминаний коррупционных преступлений и количества упоминаний о наказании этих самых преступлений. Наиболее актуальными для изданий являются темы взяточничества и хищения бюджетных денежных средств.

Что касается сфер, в которых наиболее распространен данный феномен, то в ходе исследования были выявлены следующие сферы: государственное управление, силовые структуры, медицина, бизнес, ЖКХ. Наиболее часто упоминаемой стала сфера государственного управления, которая подразумевает коррупционные дела, связанные с чиновниками, государственными служащими, высшими должностными лицами.

Наиболее значительным и наглядным является не столько количество упоминания той или иной категории анализа в статьях двух типов источников, а именно способ их представления. В оппозиционных изданиях все коррупционные дела описываются под рубрикой «расследования», также и способы наказания носят более красочный описательный характер, в то время как государственные источники для описания наказания коррупционных преступлений используют

лишь определенные статьи из того или иного кодекса, который регулирует данную сферу.

Таким образом, следует сказать, что в настоящее время феномен коррупции является достаточно обсуждаемой и значимой для общества проблемой. В источниках оппозиционного типа об этом говорят больше и более открыто, в то время как государственные источники сосредоточены на том, чтобы в обществе складывалось мнение о значительной работе государства над данной проблемой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельская Ю.П. Средства массовой информации и медиа-среда как факторы формирования общественного мнения // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 4. С. 52–57
2. *Еженедельный* общественно-политический журнал The New Times. [Электронный ресурс] // URL: <https://newtimes.ru> (дата обращения: 2.12.2018).
3. *Издание Правительства Российской Федерации «Российская газета»*. [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 10.12.2018).
4. Качкина Т.Б., Качкин А.В. Коррупция и основные элементы стратегии противодействия: учебное пособие. Ульяновск: печатный двор, 2010. 200 с.
5. Макарова М.Н., Вахрушев Р.В. Коррупция как предмет социологического анализа. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/korruptsiya-kak-predmet-sotsiologicheskogo-analiza> (дата обращения: 26.11.2018).
6. *Российская ежедневная* общественно-политическая газета «Коммерсант». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 10.12.2018).
7. *Российское* общественно-политическое издание Новая Газета. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.novayagazeta.ru> (дата обращения: 02.12.2018).
8. Суворин Э.В. Коррупция в постсоциалистических странах: сущность, особенности, стратегии противодействия (политологический анализ): дис. канд. полит. наук. М., 2008. 30 с.
9. Тард Г. Общественное мнение и толпа. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 208 с.

САДОВЫЕ И ОГОРОДНЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ: ТИПОЛОГИЯ, ПРИЧИНЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ, УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

В.Р. Замалдинова

Научный руководитель: к.и.н. А.А. Быков

Томский государственный университет

Процесс субурбанизации всегда имел место в истории, но в то же время приобретал разную форму и смысл для людей. Места загородного пребывания различаются своим устройством, функциями и смыслом. Попытка государства проводить унифицированную политику (Закон) сталкивается с разнообразием видов загородных территорий, что может приводить к неприятию, а значит, и пассивному сопротивлению владельцев, поскольку их интересы не выражены в законе. Для эффективного регулирования социокультурных процессов – в данном случае субурбанизации – необходимо их изучать как со стороны объективной причинности (факторов), так и со стороны смысла, который вкладывают люди в свои практики на загородных территориях.

Мы имеем дело с множеством гетерогенных явлений, поэтому объяснение одного типа загородной территории может не соответствовать другому типу. В силу множественной причинности существования загородных участков существует необходимость не просто задать типологию земельных территорий по функциям, но и эксплицировать смыслы их владельцев. В реальном поведении людей на пригородных участках мы имеем смешанные, а порой и противоречивые практики. Данная ситуация также отражена на социолингвистическом уровне. Понятие «дача» в русском языке было упразднено в рамках законодательной базы, но используется традиционно на неформальном уровне как действительность, обыденность. Оно укоренилось в нашем сознании и стало привычным настолько, что не требует интерпретации.

Задачи:

1. Эксплицировать смыслы ведения загородных участков для городского населения в условиях современности;
2. Классифицировать типы садово-огородных участков и выделить функции земельных территорий на основе интенций их владельцев;
3. Сконструировать идеальные типы (Вебер) субурбий;
4. Дать прогноз тенденций развития загородных участков.

Образ садово-огородной территории в современном мире детерминирован рядом факторов: политическая ситуация в стране на различных этапах ее развития, которая обуславливают значение земельных территорий для граждан в конкретных условиях времени; ментальные факторы обусловлены личностным отношением к многообразию видов и ценностно-смысловых значений субурбий; исторический фактор предполагает сам ход исторических событий, в результате которых сложились определенные представления о значении и образе участков; территориальная локация неким образом предопределяет значение земельного участка и наличие определенных построек на нем; культурные факторы, связанные с информативностью и просвещением о различных типах дачных участков.

Важным обстоятельством для определения функций субурбий и последующей их классификации являются их ценностно – смысловые значения и интен-

ции их владельцев, которые были эксплицированы на основе проведенных интервью: рекреационная, производственная, экзистенциальная, коммуникативная, ностальгическая, жизнеустройство, прагматическая, прогностическая, демонстративная.

Таким образом, мы составили типологию садово-огородных земельных территорий и выделили их основные функции:

1. Место для отдыха (рекреационная функция);
2. Место производства продуктов питания (производственная функция);
3. Способ самовыражения (конструирование личного пространства);
4. Место взаимодействия на неформальном уровне или способ ограничения межличностных контактов (функция коммуникации);
5. Способ сохранения семейных и национальных традиций (консервативная функция);
6. Второе или единственное место жительства (функция жизнеустройства);
7. Способ обогащения (экономическая функция);
8. Показатель статуса (демонстративная функция).

На основе интервью и теории М. Вебера [1] нами были выделенные следующие идеальные типы земельных территорий: первый тип – участок, предназначенный исключительно для посадок овощей, ягод и других продуктов; основной функцией для участков второго типа является производственная функция, для участков третьего типа – рекреационная; четвертый тип – участок является непосредственным местом для отдыха и проведения досуга.

Достаточно актуальным и возрастающим значением является востребованность загородных участков на фоне экологических и социально-психологических проблем, что может привести к процессу глобальной субурбанизации, которая имеет как положительные, так и отрицательные последствия.

К негативным аспектам данного феномена относятся: ухудшение состояния экономики в центральных районах из-за переезда в субурбии наиболее обеспеченного населения, и снижение производительности на предприятиях из-за нехватки трудовой силы, вызванной переездами малообеспеченных граждан; рост пользования личными автомобилями, что приводит к загрязнению окружающей среды, увеличению заторов, нарушению работы общественного транспорта; ужесточение законов на основе разнообразия типов субурбий; разрушение социального пространства, так как его элементы находятся на большом расстоянии друг от друга, что детерминирует социальное расслоение.

Говоря о положительных моментах, серьезнейшим плюсом в нашей стране станет реструктуризация строительной базы и малоэтажного строительства; развитие транспортной инфраструктуры; экономия территории: все объекты недвижимости (квартира, садово-огородный участок, гараж и т.п.) могут располагаться в одном месте; появление новых форм образа жизни и социальной организации; расширение форм деятельности индивидов на собственной территории, в частности творческих и интеллектуальных.

Таким образом, дом на земельной территории – это не просто садово-огородный участок, а новая форма социальной жизни, самоорганизующаяся система, которая приобретает все более масштабный характер. Большое значение в дальнейшем развитии субурбий играет социальное расслоение общества, следовательно, перспективы их развития самые различные. Но однозначно можно

сказать о том, что основное значение загородных земельных территорий будет складываться из конгломерата производственной и рекреационной функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. О некоторых категориях «понимающей социологии» // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2014. С. 401–402.
2. Нефедова Т.Г. Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений // Известия РАН. Сер. Географическая. 2014. №4. С. 39–49.
3. Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера. СопСо Москва, 2008. С. 98–120.
4. Пирогов С.В. Социальное прогнозирование и проектирование: учебное пособие. М.: Проспект, 2016. 376 с.

ФУНКЦИИ ПУБЛИКАЦИЙ КОРПОРАТИВНЫХ СМИ

А.М. Каткова

Научный руководитель: к.с.н. Н.В. Демчук

Новокузнецкий институт (филиал)

Кемеровского государственного университета

Для современных средств массовой информации России характерна системная трансформация, которая порождена преобразованиями, происходящими в медиасреде. Следствием такой трансформации является бурное развитие корпоративных изданий. Исследователи находятся в процессе активных исследований трансформаций функций корпоративных СМИ на фоне изменений всей системы медиа. Усиливающееся влияние потребностей в специализированных массовых коммуникациях детерминирует тенденцию специализации (сегментации) информационных потоков, читательских аудиторий, что, в свою очередь, меняет конфигурацию всей системы СМИ [2]. Каждое корпоративное издание имеет свои цели, которые, в свою очередь, определяют их функции. Однако в научной литературе функциональная модель таких изданий до сих пор представлена, преимущественно, с теоретической точки зрения. Несмотря на это, многие исследователи основывают эмпирическую классификацию корпоративных СМИ именно на их функциональной характеристике.

Исследователь российской прессы Рыжикова Л.Н. выделяет идеологическую, информационную, коммерческую, имиджевую, просветительскую и развлекательную функции корпоративных изданий [1].

Григорьев Е.В. вслед за информационной функцией, выделяет коммуникативную, которая служит для трансляции опыта постановки и достижения целей других подразделений корпорации, а также для воспитания духа состязательности; образовательную, для повышения уровня профессионализма сотрудников; эмоциональную, отвечающую за формирования у персонала чувства гордости за организацию; репутационную, разъясняющую сотрудникам поставленный перед корпорацией стратегические цели и задачи; мотивационную, направленную на повышение уровня личной заинтересованности каждого сотрудника в успехе компании [1].

Наиболее конкретизированное описание функций корпоративной прессы дает Горчева А.Ю., которая делает акцент на том, что главное предназначение корпоративных изданий состоит в их влиянии на деятельность компании, повышение ее прибыльности, а также улучшений коммуникаций между управляющим персоналом и рядовыми служащими. Отсюда следуют следующие функции корпоративного издания:

1. Информирование сотрудников о работе корпорации, о планах и стратегических задачах развития.
2. Стимулирование к созданию инновационных продуктов.
3. Укрепление мотивированности труда, поддержание корпоративного патриотизма.
4. Трансляция опыта.
5. Получение обратной связи.
6. Информирование сотрудников о корпоративной ответственности организации.

7. Помощь в социализации персонала.
8. Создание благоприятной среды для эффективного взаимодействия субъектов PR-деятельности [1].

Для изучения эмпирической функциональной модели корпоративных СМИ с помощью контент-анализа было проанализировано 100 публикаций корпоративного издания «Новости ЕВРАЗа» за 2017 – 2018 год. Данная газета является одним из крупнейших корпоративных изданий промышленных предприятий страны и самым крупным в Кузбассе.

Объект исследования – публикации корпоративных СМИ. Предмет – функции корпоративных СМИ. Цель исследования – изучить функции корпоративных СМИ (на примере газеты «Новости ЕВРАЗа», Кемеровская область).

Анализ показал, что изучаемое издание выполняет 4 основные функции: информационную, регулирующую, коммуникативную и образовательную. Значит, миссия этого СМИ заключается в информировании всех сотрудников или отдельных структур и подразделений, по вопросам, связанным с развитием и функционированием организации, и в освещении событий, происходящих внутри компании и за ее пределами. Основная цель такого издания – консолидация сотрудников предприятия. Также оно служит для реализации стратегических задач компании и является инструментом выработки и трансляции управленческих решений.

Для выявления специфики функций изучаемого корпоративного издания были изучены категории формы публикаций (жанр, рубрика, характер сообщений, тип заголовка, автор, фотографии, авторская оценка, изобразительные средства) и содержания материалов (тема сообщений, информационный повод, проблема сообщения, локальность события, участники событий, действия участников и функции сообщений).

На основе результатов анализа можно с уверенностью говорить о некоторых функциональных особенностях корпоративного издания. Так, информационная функция характеризуется связью с таким изобразительным средством, как эмоционально окрашенные слова. Эта же функция связана с темами «Производство» и «Новая техника/технология», что свидетельствует о том, что основной поток информации, поступающей через корпоративные СМИ касается непосредственно производственного процесса и его составляющих.

В свою очередь, регулирующая функция сообщений имеет связь с отрицательной авторской оценкой, т.е. автор зачастую выставляет определенные события в негативном свете, показывая тем самым «плохой пример», с целью утверждения противоположного образа, ценностей или образа действий. Между этой же функцией и наличием в публикации более одной фотографии также обнаружена статистическая связь. Фотографии могут служить средством усиления эффекта воздействия, формируя визуальный образ, способствующий лучшему восприятию и усвоению информации.

Для интеграционной функции характерна связь с категорией использования эмоционально окрашенных слов. Такое соотношение объясняется общей для этих переменных нацеленностью на эмоциональный аспект восприятия аудитории. Интеграционная функция связана с темой «Достижения предприятия/сотрудника», что демонстрирует стремление руководства к консолидации персонала через побуждение к таким чувствам как гордость, солидарность и т.д.

Образовательная функция непосредственно связана с темой «Обучение». Также она связана с таким информационным поводом, как внедрение высоких технологий. Для роста и развития современного предприятия необходимо постоянное совершенствование технологий, за темпами роста которых сотрудники не всегда успевают. Поэтому СМИ частично берут на себя эту функцию, расширяя круг знаний аудитории в определенной области.

Таким образом, эмпирическая функциональная модель корпоративной газеты «Новости ЕВРАЗ» содержит 4 основные функции: информационную, регулируемую, коммуникативную и образовательную. Специфика информационной функции состоит в использовании эмоционально-окрашенных слов и содержания в сообщении информации, касающейся производственного процесса и его составляющих. Для регулирующей функций характерно использование отрицательной авторской оценки фотографий. Специфика интеграционной функции заключается в нацеленности на консолидацию персонала через эмоциональный аспект восприятия аудитории. Образовательная функция проявляется в трансляции аудитории знаний, касающихся специфики деятельности предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Играев Б.А.* Корпоративные издания: типологические и профильные особенности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. №3–1. С. 192–202.
2. *Штена В.И.* Трансформация корпоративных средств массовой информации в отраслевую периодику // Вестник ЧГУ. 2008. №4. С. 1–6.

СПОСОБЫ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА ТРЦ ЧЕРЕЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

Е.А. Китайчик

Научный руководитель: ст. преп. А.А. Маляр

Новокузнецкий институт-филиал

Кемеровского государственного университета

Новые типы городского пространства, такие как торговые комплексы, торгово-развлекательные центры, моллы и супермаркеты появились в российских городах сравнительно недавно (на рубеже XIX – XX веков), при этом они сразу стали важными объектами городской среды. Торгово-развлекательные центры активно осваиваются горожанами, имеющими различные социальные статусы и характеристики.

Цель нашей работы – рассмотрение эпистемологических концептуальных метафор торгово-развлекательных центров и изучение их отражения в практиках горожан. Концептуальная метафора – определенный способ познания, систематизация и объяснение окружающего мира. Концептуальная метафора воспроизводит и в большей части формирует общественный опыт. Именно эта ее характеристика объясняет интерес изучения через метафоры восприятия определенных предметов социального мира, дает нам право рассмотреть через призму концептуальных метафор повседневные практики горожан.

Существует достаточно большое разнообразие метафор, с помощью которых описываются ТРЦ. Наиболее популярная – ТРЦ как утопический город. Дж. Госс пишет, что в торговых центрах намеренно имитируется публичное пространство города для привлечения посетителей, так как пространство, «где можно посмотреть других и показать себя, приятно людям само по себе»[6]. Другие зарубежные исследователи (Т. Банерджи, Дж. Боднар) пишут, что ТРЦ – это современный аналог главной улицы города, здесь присутствуют все виды активностей, которые есть в публичных местах.

Российские исследователи С. М. Витяев, А. А. Родионова сравнивают ТРЦ с городом по нескольким позициям. Во-первых, как и у города, у ТРЦ всегда есть образ, формируемый, в том числе посредством названия. Часто оно имеет семантику мобильности (например, новокузнецкие «Парус», «Полет») или отражает нечто величественное, масштабное (новокузнецкие «Планета», «Континент»). Во-вторых, как и в городе, в ТРЦ есть посетители и обслуживающий персонал (уборщики, консультанты, промоутеры вместо дворников, других городских служб). В-третьих, в ТРЦ, как и в городе, функционируют собственные СМИ, локальные средства массовых коммуникаций: рекламные листовки, радиотрансляторы и телемониторы. В-четвертых, в ТРЦ есть социальная дифференциация (магазины с разными ценовыми диапазонами).

Здания ТРЦ напоминают городскую архитектуру. Бывают четырех видов: молл-улица, молл-площадь, молл-квартал и молл-башня. ТРЦ – достаточно автономное место, где посетители могут находиться от открытия до закрытия, так как есть почти все условия для жизни человека: гардероб, зона фудкорта, туалеты, лавочки, места для подзарядки электронных устройств, места развлечений. Горожане зачастую назначают местом встречи ТРЦ, зная, что там они смогут найти себе любой вид досуга. Они могут не строить планы времяпрепровождения.

ния заранее, а на месте определить цель прихода или же следовать маршруту, который закладывается проектировкой пространства торгово-развлекательного комплекса. Аналогия с городом делает пространство ТРЦ знакомым и комфортным для посетителей. Очищенное от маргинальных элементов, симулятивно-городская среда ТРЦ становится еще более привлекательной. ТРЦ имеют отчетливую гендерную ориентацию – город «для женщин». Женщины в стереотипном представлении любят ходить по магазинам. В патриархальных гендерных ролях заложено, что женщина обязана следить за своим внешним видом. Поэтому большая часть магазинов в ТРЦ ориентирована на женскую аудиторию. Женщины здесь могут освободиться от своих повседневных обязанностей, отдав детей в игровые комнаты.

Вторая метафора, ТРЦ – музей (исследователя А. Желниной). Можно провести параллель, сравнивая витрины магазинов с манекенами с ценными экспонатами музеев, находящимися за защитным стеклом. Прогуливаясь по ТРЦ, посетители могут одновременно получать информацию о грядущих модных тенденциях и эстетическое удовольствие, как в музеях. Вещи, находящиеся за витринами, имеют статус арт-объектов в восприятии посетителей из-за их физической и экономической недоступности. Данная метафора говорит о том, что люди склонны дистанцироваться от пространства ТРЦ, не до конца его присваивать.

Третья метафора – это ТРЦ как сцены, где происходит показ социальных различий: посредством выбора ТРЦ города и мест в нем, выбор способов вести себя и определенных марок. Например, человек, который выбирает обувь в «The sneaker», будет иметь иные характеристики, чем покупатель в «Ralf» и иные, чем у покупателей «Kagi».

Четвертая метафора – это физиологическая метафора ТРЦ как высокоразвитого живого организма. Он выступает субъектом, у которого есть свои цели и особенности. Посетители вступают с ними в разного рода отношения: соглашались с заложенными правилами поведения или вступают в конфронтацию (например, передвигают диваны, бесцельно катаются на лифте, фланируют). Посетители не видят непосредственного владельца и воспринимают ТРЦ как самоорганизующуюся систему.

Экономисты (в том числе Д. Б. Орехов) применяют по отношению к ТРЦ вегетативную метафору, живого организма: растения, примитивного живого организма. Они выделяют жизненные циклы данных объектов (проектирование, внедрение, рост, зрелость и спад). На практике мы видим, как некоторые ТРЦ теряют свою популярность (новокузнецкие ТРЦ «Глобус», «Сити Молл»), а другие становятся популярными (ТРЦ «Планета»), как у посетителей, так и у владельцев бизнесов.

Следующая метафора ТРЦ – традиционное ярмарочное пространство (адаптированное к современным условиям пространством торгового центра). Здесь, как и на ярмарке, представлено множество торговых представителей. В ТРЦ всегда царит атмосфера праздника. Есть декорации, которые могут быть приурочены к какому-либо празднику или отражать стилевой концепт конкретного ТРЦ (например, морская тематика новокузнецкого ТРЦ «Планета»). Посетители приходят сюда накануне и во время праздников, чтобы почувствовать «праздничное» настроение. Горожане фотографируются около нарядных елок ТРЦ, приводят детей по-

смотреть на Деда Мороза и Снегурочку. В ТРЦ всегда играет громкая музыка, часто проводятся какие-либо развлекательные мероприятия.

Таким образом, мы выявили несколько концептуальных метафор ТРЦ: утопический город, музей, сцена, субъект, примитивный живой организм, ярмарка. Разнообразие метафор, используемых при характеристике пространства ТРЦ, говорит о большом количестве вариаций его использования посетителями и способов научного осмысления; также это свидетельство того, что ТРЦ является относительно новым явлением в организации социальной жизни горожан и вызывает большой интерес у исследователей-урбанистов. Основная наша гипотеза: от того, как воспринимается пространство ТРЦ посетителями и персоналом зависит их поведенческая модель. Четкого понимания прав и обязанностей у посетителей ТРЦ нет, поэтому их практики в ТРЦ складываются на основе внутренних интенций, представлений, наблюдений за опытом других горожан.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витяев С.М., Родионова А.А.* Торговый центр как реализация концепции идеального города // Вестник МГУКИ. 2018. № 2. С. 142–150.
2. *Желнина А.А.* «Здесь как музей». Торговый центр, как общественное пространство // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 201. № 2. С. 48–69.
3. *Капп П.В., Генералова Е.М.* Архитектура, типологические особенности и объемно-пространственные модели молла – многофункционального торгово-развлекательного комплекса общественно-коммуникационного пространства города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. №3 (60). С. 42–46.
4. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал. 2004. 256 с.
5. *Орехов Д.Б.* Управление жизненным циклом торговых объектов: экономическое обоснование решения о реконцепции и реконструкции торгового центра // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2015. №1. С. 162–169.
6. *Goss J.* Once-upon-a-Time in the Commodity World: An Unofficial Guide to Mall of America. *Annals of the Association of American Geographers*. 1999. 89 p.

СЕТЕВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ

А.Ю. Красноперова

Научный руководитель: к.с.н. Е.В. Головацкий

Кемеровский государственный университет

Проблема сетевых отношений в последнее время занимает важное место в российской социологической науке, а также представляет интерес для исследователей в области политической наук, медиакоммуникации и современной журналистики. Это связано, несомненно, с естественным бурным развитием средств и технологий виртуальной коммуникации, активизацией пользовательского интереса, к тому же новые формы социальных взаимодействий формируют принципиально отличные характеристики политической коммуникации. И уже не трудно заметить, как сетевые факторы стремительно изменяют и процессы. Особенно это касается политической мобилизации. В результате распространения сетевых коммуникационных систем, которые открывают доступ к огромным информационным ресурсам и технологиям, качественным образом изменились форма и содержание международного и национального политического процесса. Что уже сейчас и в ближайшем будущем приведет к значительным изменениям политико-правовой природы государства.

Особенно заметным распространение виртуальных коммуникаций можно обнаружить в среде молодежи. Сегодня молодые люди активно осваивают, а в ряде направлений можно сказать «живут» (блогосфера, игровой сервис, виртуальные тематические сообщества, сетевые СМИ и пр.) в интернет-пространстве, которое уже занимает значительное место в их жизни и коммуникации. Так по данным ВЦИОМ от 20. 09. 2018 года доля интернет-пользователей в России, которые используют Интернет ежедневно, в возрасте от 18 до 24 лет составляет 97%, а в возрасте от 25 до 34 лет составляет 86% [2].

Влияние новых виртуальных способов политической коммуникации на молодежь особенно становится заметна сегодня в период повсеместного распространения Интернета. Обозначим преимущества сетевой политической коммуникации. Молодежь предпочитает узнавать информацию через виртуальные информационные ресурсы, освещать различные события и обсуждать их в интернете, давать обратную связь не через письменные обращения, а через различные официальные сайты, обращаться с вопросами и предложениями на официальные страницы ведомств или политических деятелей. Данные практики объясняются относительной доступностью и массовой распространенностью интернета в молодежной среде. В рамках социализации молодые люди в значительно большем объеме осваивают и усваивают возможности виртуальной среды коммуникации.

Интернет сегодня является актуальным и эффективным инструментом политической мобилизации, а в качестве основной площадки для мобилизации, могут выступать социальные сети. Социальные сети крайне популярны среди молодежи, здесь происходит непрерывный процесс обмен информацией, которая касается всех сфер общественной жизни. Участие исследователей в социальных сетях требует применения новых оригинальных исследовательских процедур и приемов. Например, методы виртуальных фокус-групп, методы анализа интернет-аудиторий, опросы и диагностика в сети с использованием услуг виртуаль-

ных площадок (например, оболочка «Google Формы») или платформы самостоятельного формата.

По данным ВЦИОМ от 12. 02. 2018 г. в исследовании о пользовании социальными сетями среди интернет-пользователей показал, что большая часть молодежи ежедневно посещает свои пользовательские страницы в различных сетях. Так наиболее популярной социальной сетью среди интернет-пользователей стал сайт «ВКонтакте». Ежедневно данную социальную сеть посещают около 91% молодежи среди 18–24 летних и 69% среди 25–34 летних. Всего же на соответствующие ресурсы заходят ежедневно более 45% опрошенных интернет-пользователей. Это показывает влияние социальных сетей на молодежь. Наиболее популярными социальными сетями среди молодежи являются ресурсы «ВКонтакте» и «Instagram». Аудитория этих сообществ на 70–75% состоит из молодежи в возрасте от 18 до 34 лет [1].

Что касается политического взаимодействия в социальных сетях среди молодежи, оно имеет тенденцию к росту. По данным проведенного нами опроса среди молодежи в возраст от 18 до 35 лет, в котором приняло участие 151 человек, на вопрос «Используете ли Вы социальные сети для получения информации о политической обстановке в стране?» более 70% молодых людей ответили «да» и только около 20% ответили «нет». Несомненно, данные показывают активное использование социальных сетей не только для повседневного общения, но и для информирования о политическом процессе. Кроме того, в специализированных сообществах политической направленности состоит около 28%, при этом данный показатель среди мужчин достигает 35%, в то время как у женщин только 22%. За официальными страницами политических деятелей следит менее 20%, но при этом существует значительная разница между ответами мужчин и женщин. Так среди мужчин ответ «да» выбрало практически 30%, а среди женщин менее 15%.

Политическую активность молодежи в виртуальном пространстве можно обнаружить, наблюдая обращения в администрацию представителей власти различных уровней (подавляющее большинство уровней власти представлено соответствующими ресурсами на официальных сайтах государственных и муниципальных учреждений, например, Официальный сайт администрации города Кемерово https://www.kemerovo.ru/administration/rabota_s_naseleniem.html). Сегодня существуют официальные сайты, через которые можно направить запрос или обращение, используя специальную форму, и в определенные сроки получить ответ. Среди опрошенной нами молодежи около 12% направляли обращение через официальные сайты с интересующими их вопросами. Хотя это не высокий показатель, но он показывает использование молодыми людьми возможностей виртуального пространства для политической коммуникации. И если обращение на прямую к власти в виртуальном пространстве еще не получило распространение, то акции поддержки общественно-политических идей набирают свою популярность среди молодежи. Результаты нашего опроса показали, что около 36% молодых людей хотя бы раз участвовали в акциях поддержки каких-либо общественно-политических идей через Интернет.

Довольно открытое пространство социальных сетей для позволяет без особого труда выявить потенциальных сторонников, а также оценить степень недовольных тем или иным событием политической жизни. Применяя различные

манипулятивные технологии, например, индоктринацию, заинтересованное лицо в социальных сетях получает превосходную возможность использовать данный канал коммуникации для процесса политической мобилизации, ориентированной в основном на молодежь. Методы политической мобилизации в последних достаточно разнообразны, а ее формы могут вырабатываться в процессе групповой коммуникации [3. С. 101].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в связи с активным распространением сети Интернет возникает новый особенный вид политической мобилизации – сетевой, значительное влияние которого оказывается на молодежь. Интернет осуществляет мобилизационную функцию в ходе политической социализации молодежи. Основной площадкой данного процесса выступают социальные сети, которые ежедневно используют более 90% молодых людей. При дальнейшем изучении необходимо особо уделять внимание условиям, позитивным и негативным факторам и последствиям, которая политическая мобилизация в виртуальном пространстве может принести участникам социально-политического взаимодействия, т. к. в открытом и свободном пространстве Интернета ее нельзя полностью контролировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каждому возрасту – свои сети.* // Сайт ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата обращения: 03.04.2019).
2. *Просторы интернета: для работы или развлечений?* // Сайт ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322> (дата обращения: 03.04.2019).
3. *Шерстобитов А.С.* «Сетевая публичность» как новый фактор политической мобилизации в современной России: попытка сетевого анализа // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2013. № 3. С. 99–105.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ

Е.А. Кузнецова

Научный руководитель: И. Н. Емельянова.

Новокузнецкий институт (филиал)

Кемеровский государственный университет

При межличностной коммуникации люди с нарушениями зрения имеют устойчивый физиологический (визуальный) барьер, который может спровоцировать неверное понимание слов или действий окружающих. Для того чтобы добиться взаимопонимания с собеседником и устранения этого барьера, люди с нарушениями зрения могут вести себя иначе, чем большинство здоровых людей. В связи с этим, у незрячих появляется свой особый стиль общения, который может быть по-разному воспринят окружающими. Важно изучить, как и с помощью чего они демонстрируют свое уникальное лицо в процессе межличностной коммуникации. Так, объектом нашего исследования стала межличностная коммуникация людей с нарушениями зрения. Предмет исследования - коммуникативные особенности людей с нарушениями зрения. Цель – выявить коммуникативные особенности людей с нарушениями зрения.

Исследовательские предположения по данной теме: люди с нарушениями зрения составляют только вербальный портрет собеседника, не имея возможности оценить его невербальное поведение; визуальный барьер является единственной помехой при общении с собеседником; для преодоления коммуникативных барьеров, люди с нарушениями зрения по большей части используют тактильный контакт; наиболее предпочтительными каналами передачи информации для людей с ослабленным зрением выступают вербальные каналы, предусматривающие говорение и слушание (личное общение, разговор по телефону, голосовые сообщения); люди с нарушениями зрения склонны скрывать от окружающих свой недуг – создавать образ здорового человека.

В ходе изучения межличностной коммуникации были проанализированы различные теоретические подходы и эмпирические исследования. Первые из них объясняют влияние межличностных отношений на личность участника коммуникации (Дж. Мид) [3; С.130–144], процесс взаимодействия лицом-к-лицу и его закономерности (И. Гофман) [2; С.46–102]. Взаимодействие лицом-к-лицу – это важный повседневный ритуал, выполняемый каждым человеком. Индивид, начиная общение с другими, формирует образ себя в их глазах, который и называется лицом. В ходе общения индивид предпринимает различные действия по сохранению своего лица и лица окружающих. Перечень этих действий состоит из мелких, но значимых жестов, проявляемых во время беседы, с целью поддержания ритуального равновесия. Вторые же обобщают накопленные ранее знания о межличностной коммуникации, и, путем применения методов интервью, анкетного опроса, социометрии и др., выявляют основные сходства и отличительные черты межличностного общения различных социальных групп, помехи, возникающие в процессе общения, а также способы их преодоления и налаживания межличностных контактов [1], [4]. Современные эмпирические исследования, направленные на изучение аспектов межличностной коммуникации индивидов, в том числе и с нарушениями зрения, довольно обширны, однако вклад

социологии в данную область исследований довольно мал. В основном, межличностные отношения слепых и слабовидящих изучают социальные психологи, в то время как рассмотрение теоретических проблем изучения самой коммуникации и выявление актуальных социальных проблем инвалидов по зрению, которые могут отразиться на межличностных отношениях этих людей с окружающими, представляет собой предметное поле социологов.

В качестве информантов в нашем исследовании выступили люди с ограниченными возможностями здоровья (I, II, III группа инвалидности по зрению) в возрасте от 18 до 50 лет, активно вовлеченные в коммуникации с «внешним миром». В результате сбора данных получено 15 транскриптов полуструктурированного интервью.

В результате проведенного исследования было выяснено следующее. Люди, имеющие нарушения зрения не всегда готовы рассказать о них. Основная часть информантов визуально воспринимает окружающих, как нечеткие цветные фигуры или силуэты. Информанты компенсируют отсутствие возможности увидеть невербальные действия собеседника при помощи слуха, тактильного контакта, запахов и так называемой «интуиции». Визуальные барьеры в общении с окружающими имеют место быть, но они решаемы. При наличии обоюдного желания понять друг друга можно объяснить ситуацию или задать вопрос. Так же, касательно барьеров в общении, чем выше зрение информанта, тем меньше таковых барьеров, ибо такие люди способны разглядеть действия других. Так же нас интересовало, каким образом ранжируются способы коммуникации самими информантами по степени удобства для них. Самый приемлемый способ коммуникации – это личная встреча. Далее идет телефонный разговор. Переписки не признавали предпочтительным способом общения, однако, и негативно о них не высказывались, называя такой способ общения неудобным. Для удобства дистанционного общения широко распространена практика увеличения текста на устройствах и установка озвучивающих программ. Что касается отношения к собственным диагнозам, то к демонстрации диагнозов информанты относятся спокойно, принимая это как неизбежную часть своей жизни. Отношение к самому диагнозу может варьироваться. Использование различных материальных обозначений нарушений зрения (трости, очки и пр.) практически не вызывает неудобств. Опрошенные положительно относятся к помощи со стороны окружающих при условии, что она не будет мешать их саморазвитию в бытовом плане. Для получения наиболее точной картины в совокупности с методом опроса было решено использовать метод наблюдения. Наблюдение за поведением информантов во время общения показало, что для участников опроса характерной чертой оказалась статичность поз. Запас жестов у информантов довольно скуден. Из имеющихся можно выделить хаотичные движения кистями рук при затруднении с ответом и зажимание пальцев одной руки в другой. Исключением будут люди со слабыми нарушениями зрения. Их жестикуляция более разнообразна и не выглядит скованной. С мимикой ситуация примерно такая же. Люди, способные ее увидеть, могут правильно и органично ее использовать. Взгляд информантов далеко не всегда был направлен на интервьюера, он мог быть направлен вверх или немного в сторону, но корпус (верхняя половина тела) информанта всегда находились в направлении интервьюера.

Большинство из поставленных исследовательских предположений подтвердилось. Однако, предположения о том, что для преодоления коммуникативных барьеров, люди с нарушениями зрения по большей части используют тактильный контакт, и о том, что люди с нарушениями зрения склонны скрывать от окружающих свой недуг, создавать образ здорового человека – подтверждения не получили так как в первом случае, люди с нарушениями зрения в первую очередь опираются на слух, тактильный контакт важен не всем, даже слепым людям. Второе предположение было опровергнуто отсутствием желания у инвалидов по зрению скрывать свои диагнозы от окружающих так как эти диагнозы либо слишком заметны, либо от сокрытия диагноза могут появиться непредвиденные трудности.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие особенности межличностной коммуникации людей с нарушениями зрения: 1. Уникальность визуального восприятия других; 2. Опора на слуховое или тактильное восприятие окружающих; 3. Вербализация невербальной стороны общения; 4. Отсутствие контроля над собственным невербальным поведением; 5. Умение адаптироваться в новой ситуации; 6. Зависимость от окружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов А.П.* Современные концепции межличностной коммуникации // Вестник ТГУ. 2011. №8 (100). С.222–228.
2. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М. Канон-Пресс-Ц Кучково поле, 2000. 304 с.
3. *Мид Дж. Г.* Избранное: сб. М., 2009. 290 с.
4. *Никулина Т.А.* Характеристика межличностных отношений подростков в процессе интегрированного обучения // Специальное образование. 2006. № 7. С. 29–34.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТСМЕНОВ

А.А. Михайлова

Научный руководитель: к.ф.н. В.С. Иванова
Томский Государственный Университет

Формирование спорта как отдельной профессии начинается еще в Античные времена. В процессе исторического развития спорта как профессиональной деятельности происходили изменения выполняемых им функций, что сейчас выражается в некотором наборе специфических черт. Особенности спорта как профессии оказывают значительное влияние на его функционирование как социального института. Наиболее выраженным является то, как профессиональные особенности спорта влияют на содержание профессиональной этики спортсмена. Именно профессиональная этика спортсмена задает направление его карьеры, поэтому возникает необходимость изучения, того как именно профессиональные особенности спорта и профессиональная этика влияют на карьерные устремления спортсменов-профессионалов.

Целью данной работы является выявление влияния профессиональных особенностей спорта и этических норм на карьерные устремления спортсмена.

Объектом изучения выступают профессиональные спортсмены. Исходя из этого, предметом изучения в рамках данной работы будут особенности спорта, профессиональная спортивная этика и карьерные устремления самих спортсменов.

Для того, чтобы выявить особенности спорта как профессии были проанализированы основные подходы к изучению профессии, которые существуют в рамках такой отрасли как социология профессий, также выявлены их основные различия между собой. Изучением профессии занимались еще такие классики социологии как Герберт Спенсер [9], Эмиль Дюркгейм [3] и Макс Вебер [2]. Если говорить о российской традиции социологии профессий, то были рассмотрены подходы А.А. Московской [4], Г.С. Батыгина [1], а также В.Г. Подмаркова, И.Н. Сиземской [7], В.А. Ядова [11] и П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой [8]. В настоящее время в российской социологии профессий существует множество различных подходов, каждый из которых затрагивает какую-то свою область исследований. В сравнении с советским периодом развития данной дисциплины, следует отметить, что фокус исследователей сместился в сторону рыночных отношений, как главной особенности профессиональной деятельности современности. Большинство ныне существующих подходов сочетают в себе идеи упомянутых выше классиков социологии, а также понимание и анализ ныне сложившейся экономической ситуации и рынка труда. В рамках данной работы наиболее актуальным является определение профессии, разработанное Вебером [2], так как оно учитывает, помимо экономического и социального аспекта профессиональной деятельности он выделяет еще и личностный, который напрямую связан с ценностными установками самого человека, которые соотносятся с профессиональной этикой поведения спортсмена. В определении понимания профессии Макс Вебер делает акцент на некоторых основных характеристиках, которые свойственны профессиям и профессиональным группам как

таковым [2]. Например, к таким чертам относится широкое понимание профессии, которое включает в себя любую деятельность, которая способна приносить человеку хоть какой-то заработок. Поэтому, в данное определение включены и те виды деятельности, которые не требуют высокого уровня образования.

Для того, чтобы выявить основные особенности спорта как профессиональной деятельности был проведен генетический [6] и функциональный [4] анализ. Первая заключается в сочетании духовного и физических компонентов. В рамках спортивной деятельности ключевым является развитие как физических навыков спортсмена, связанных с изменениями именно физической, телесной формы, а также так и развитие духовных качеств спортсмена, связанных с его эмоционально-психическим состоянием и ценностно-моральным ориентацией. Данная особенность не позволяет объяснить вследствие какого фактора возникает профессия спортсмена. Следующая особенность связана с делением на группы, в зависимости от уровня профессионализма: профессионалы и любители. Такое деление характерно не для всех профессий. Третья особенность связана с социальной ответственностью спортсмена. Давление, которое испытывают спортсмены, представляя свою страну, регион или город на соревнованиях. Еще одна особенность связана с несоизмеримостью получаемой экономической выгоды и ущерба, который несет спортсмен, вкладывая огромное количество ресурсов в собственные тренировки.

Все вышеперечисленные особенности находят свое проявление в профессиональной этике, которая регулирует поведение спортсменов в отношении друг друга и с другими социальными группами. Под спортивной профессиональной этикой понимается совокупность норм, правил и ценностных установок, которые необходимы для регулирования поведения людей, задействованных в спортивной сфере [10]. Данная необходимость вызвана отмеченными выше особенностями спорта как профессии. Спортивная этика, в совокупности с особенностями профессии спортсмена порождает ряд противоречий, которые в значительной степени оказывают влияние на развитие карьеры спортсмена.

Таким образом, профессиональная деятельность спортсменов – неоднозначный феномен, который имеет массу особенностей, которые связаны с его историческим развитием, функциональным набором, а также этикой, регулирующей поведение в данной отрасли. Выявленные особенности и профессиональная этика в совокупности производят некоторые противоречия. В этой связи, возникает необходимость изучения того, как все эти особенности выражаются в карьере спортсмена и как именно влияют на нее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батыгин Г.С.* Профессионалы в расколдованном мире. Этика успеха. Тюмень. М.: Наука, 1994. 87 с.
2. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 653–657.
3. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. С. 349–354.
4. *Лубышева Л.И.* Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 272 с.

5. *Московская А.А.* Проблемы становления модели профессии: российский опыт в западном исследовательском контексте // Мир России. 2010. № 3. С. 90–114.
6. *Пельменев В.К., Конеева Е.В.* История физической культуры: Учебное пособие. Калининград: Изд-во КГУ, 2000. 186 с.
7. *Подмарков В.Г., Сиземская И.Н.* О профессиональной структуре советского общества. М.: Знание, 1969.
8. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. 236 с.
9. *Спенсер Г.* Синтетическая философия: пер. с англ. Киев: Ника-Центр, 1997. С. 375–390.
10. *Ягодин В.В.* Основы спортивной этики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 49–59.
11. *Ядов В.А.* Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций. М.: Мысль, 1977.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РАБОТНИКОВ МАЛОГО БИЗНЕСА

Х.А. Назарова

Научный руководитель: к.с.н. С.В. Негруль

Томский государственный университет

В настоящее время в России предприятия малого бизнеса зачастую находятся в условиях нестабильной внешней среды. Находясь в таких условиях, предприятия, как правило, характеризуются еще «слабой» (низкой) организационной культурой [1]. Отсюда вытекает неполное осознание целей организации, небрежность к использованию такого ресурса, как человеческие отношения. Исходя из этого, работники предприятий могут находиться под неким давлением, поэтому изучение их неформальных практик особенно важно для понимания сущности сложившейся структуры социально-трудовых отношений [2].

Неформальные практики – это негласные действия, которые работники принимают в разных условиях, чтобы достигнуть устойчивости и комфорта на рабочем месте. Такие практики могут быть по отношению к коллективу, к руководителю, к работе в целом и иметь разные характеристики. Отсюда вытекает вопрос: какие же неформальные практики выстраивают работники?

В качестве методологических ориентиров использованы постулаты активистского подхода, рассматриваемого В.А. Ядовым, Э. Гидденсом, П. Бурдьё, где ключевое понятие – субъект (актор) – всегда действующий индивид. Социальные практики, которые он выстраивает, могут быть, как целесообразные действия, которые направлены на изменение окружающих условий, так и повседневные действия, привычные поступки. Негласные действия, которые принимают акторы в разных условиях, исходя из того, какими социальными ресурсами они обладают, стоит назвать неформальными практиками. Социальные ресурсы позволяют индивидам получать социальные преимущества. Позиция любого индивида, группы или института в социальном пространстве может быть охарактеризована с помощью двух координат: это общий объем ресурсов и соотношения их разных видов. Но также стоит отметить, что активистский подход не отрицает воздействия социальной структуры, то есть с одной стороны на субъект влияют объективные социально-экономические закономерности, а с другой стороны сам субъект строит социальную действительность.

В исследовании участвовали сотрудники малого предприятия ИП Кириленко в городе Томске. Это предприятие специализируется на розничной торговле (флористика). Розничная торговля в малом бизнесе – это самый распространенный вид деятельности в числе малых предприятий. Более 30% организаций малого бизнеса в России имеют такую специфику [3]. Данное предприятие является типичным для своего сегмента деятельности, характеризуется многофункциональностью руководителя, неправовыми практиками управления, низкой организационной культурой из-за недостаточно определенных формальных норм в организации, конкретных обязанностей сотрудников и прочего. С помощью неформализованного интервью было опрошено 8 сотрудников. Информанты были выбраны с помощью отбора типичных случаев.

В ходе анализа, мы выделили множество неформальных практик. С одной стороны, они все разные и не похожие друг на друга, но с другой стороны, среди

них можно выделить определенные типы, которые могут иметь общую характеристику. А также мы можем их объединить исходя из причин их формирования.

Во-первых, можно выделить такие неформальные практики, как имитационные. Эти практики присутствуют в условиях, когда сотрудник предприятия не отличается высокой ответственностью к работе. С помощью таких практик, сотрудники играют роль хороших работников, делают видимость того, что выполняют задачи, но на самом деле их деятельность никак не отражается на результатах.

Но, тем не менее, благодаря своей демонстрации, работник получает такой ресурс, как положительное отношение со стороны руководства. Пользуясь этим, он начинает выстраивать практики по отношению к руководству, которые были бы ему максимально полезны. Такие практики можно назвать договорными, например, просьбы об отгулах, отпуске в определенное время и тому подобные.

Отдельно от договорных практик стоит выделить патерналистские. Отличие заключается в том, что если в первом случае, по факту работник ничего не дает своему руководителю, но при этом получает выгоду от него, вводя в заблуждение, то во втором случае работник действительно выкладывается в работе по максимуму, тем самым, получая заработную плату выше, например, чем у других сотрудников, и не наталкивается на санкции. Такая практика складывается не только из качественно проделанной работы, но и из других неформальных практик, например, разоблаченческих.

Практика разоблачения наблюдается со стороны работников, которые очень ответственно подходят к обязанностям. Наблюдая, как другие не выполняют поручений начальства, сотрудник, взаимодействуя с руководителем, может жаловаться на коллектив, тем самым «сдавать» своих коллег. Данная практика характеризуется как нетипичная, но является взаимовыгодной для руководителя и сотрудника. Можно предположить, что этот редкий случай может возникать из-за отсутствия такого ресурса, как поддержка со стороны коллектива.

Затрагивая коллектив, стоит отметить, что на предприятиях малого бизнеса типичным явлением представляется такая неформальная практика, как солидаристская. Это практика, которая возникает между сотрудниками исходя из взаимовыручки, взаимоподдержки в работе. Данная практика носит в себе коллективистский характер. Она проявляется независимо от того, удовлетворен сотрудник работой или нет.

Зачастую, сотрудники не имеют ресурсов, которые бы способствовали их независимости от работы, то есть они устроены из необходимости обеспечить себя. При этом они могут быть не удовлетворены условиями труда. Из-за этого могут формироваться уклоненческие практики, то есть такие практики, при которых сотрудники намеренно избегают работы. Данные практики характеризуются растягиванием времени или же простым увиливанием от работы.

Еще нужно затронуть практику, которая может приводить к уменьшению прибыли организации – это, так называемая, присвоенческая. Она возникает из-за того, что сотрудник испытывает чувство несправедливости по отношению к себе (нарушаются его права, применяются штрафные санкции). А обладая таким ресурсом как «свобода действия», сотрудник имеет выбор: «отомстить» руководителю за санкции по отношению к себе или нет (например, забрать рабочий инвентарь домой).

В завершение нужно сказать, что с помощью описания и анализа данных были выявлены смыслы, обосновывающие выбор неформальных практик работниками. Сотрудники строят определенные неформальные практики исходя из того, в каких условиях они работают и из того, как они эти условия воспринимают. Также неформальные практики выстраиваются исходя из того, какими ресурсами обладает работник, то есть эти ресурсы могут быть, как материальными, так и нематериальными. И, нужно отметить, что одни неформальные практики могут способствовать приобретению неких ресурсов, которые провоцируют другие неформальные практики.

В ходе анализа неформальные практики были разделены по типам, которые имели общие характеристики: имитационные практики, договорные, патерналистские, разоблаченческие; солидаристские; уклоненческие; присвоенческие. Следует отметить, что партнерских практик с руководителем не было обнаружено, а патерналистские оказались несколько видоизмененными. Было подтверждено, что неформальные практики работников можно разделять: практики по отношению к руководителю, по отношению к коллективу, а также по отношению к работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ганулич М.А.* Организационная культура предприятий малого бизнеса в условиях изменяющейся внутренней и внешней среды: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. 164 с.
2. *Запорожец О.* Игра в рынок: диспозиция сил (формальные и неформальные практики адаптации индивидов к новой экономической среде). 2003. Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования. С. 128–134.
3. *Россия в цифрах.* 2017: крат. стат. сб. Росстат. М., 2017. 511 с.

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ

Д.В. Петухова

Научный руководитель: к.с.н. С.В. Негруль

Томский государственный университет

Интернет-мемы как феномен коммуникации возникли не так давно и являются порождением интернет-коммуникации, как принципиально новой формы социального взаимодействия. Существующие трактовки мема ощутимо разнятся в зависимости от подходов, которые используются при его определении. «Оригинальным» принято считать определение, данное мему в рамках своей парадигмы Ричардом Докинзом. Он использовал это слово для обозначения социокультурного аналога гена, некой информационной единицы, способной к репликации, то есть к размножению посредством самопроизводства. Другими словами, в широком понимании под мемом в этой трактовке может определяться любая информация, передаваемая от человека к человеку через ее копирование [5]. Медиа-мем является мелкой и подвижной единицей, которую удобно определять в качестве основного структурного элемента современного медиапространства. В теории массовой коммуникации широко распространена идея «нелинейности, мозаичности, хаотичности, неупорядоченности, ризоматичности, ацентризма, в зависимости от фокуса исследования провозглашаемая базовым принципом современной культуры или – шире – современным типом рациональности», и для медиапространства, характеризующегося такими параметрами, наиболее соответствующим становится именно мем. А. Квят описывает его как смысловую, мобильную и валентную единицу, которая легко запоминается, быстрее распространяется и проще встраивается в разнообразные контексты и взаимодействует с другими мемами, образуя семантические сети [2].

Данное исследование нацелено на изучение мема в качестве когнитивной модели. Другими словами, фокус внимания направлен на анализ того, каким образом мем посредством его использования участниками коммуникации репрезентирует жизненный мир членов рассматриваемой группы людей.

Проблемный вопрос исследования: Какой субъективной значимостью мемы обладают для интернет-пользователей? Какую роль они играют в конструировании жизненного мира?

Цель: рассмотреть интернет-мем как когнитивную модель реальности – шаблон, отражающий какой-то раздел жизненного мира его типичного абонента, пользователя сети Интернет.

В рамках данной работы автор ставит перед собой следующие задачи:

- Определить понятие и подходы к изучению интернет-мемов, раскрыть понятие когнитивной модели;
- Рассмотреть, какое функциональное значение имеют мемы в интернет-коммуникации;
- Определить когнитивные единицы, приписываемые мему как составляющей интернет-коммуникации.
- Выяснить, какие существуют типы репрезентации жизненного мира.

Объект: пользователи сети Интернет молодого возраста (14–35 лет), типологически разделенные на «производителей» и «пользователей».

Предмет: интернет-мемы как элемент жизненного мира.

Основными характеристиками интернет-мема являются информационная наполненность, способность к быстрому распространению от человека к человеку, устойчивая форма при неустойчивом значении, связь с определенной аудиторией, для которой он служит способом выражения эмоций [5].

Для получения информации о том, как мемы репрезентируют жизненный мир, необходимо выстроить систему элементов, приписываемых мему как когнитивной модели его абонентами. Поскольку любая когнитивная модель основывается на упорядоченном множестве знаний об объекте, принимаемых в качестве действительных и необходимых для универсального описания, в ходе исследования будет необходимо выяснить, какие именно когнитивные единицы приписываются мему как составляющей интернет-коммуникации. Для этого в интервьюировании будут использоваться вопросы различных блоков, освещающих проблему с разных сторон: определение и принципы использования мемов, расшифровка смысловой составляющей, значение мемов в контексте коммуникации и проч. Для формирования типологии интернет-пользователей предлагается использовать следующие критерии, имеющие отражение в блоках вопросов гайда интервью:

- персональное определение мема
- предпочитаемая тематика
- цели использования мемов
- основные функции мема*
- ценностная и смысловая значимость мемов (самих по себе)
- оценка значения (и допустимости использования) мемов как средства коммуникации

* В рамках работы рассматриваются следующие функции интернет-мемов. Хотя бы одна из представленных функций присуща каждому мему: информирования; репрезентации; трансляции [идеологии]; интеграции; эмоциональная; фатическая [5].

Определение того, какие из перечисленных функций, по мнению респондентов, играют наибольшую роль в процессе коммуникации, является одной из ключевых задач исследования. В соответствии с тем, какие функции в первую очередь выделяются респондентами, а также с индивидуальным мнением относительно каждого из представленных критериев типизации, нами была разработана типология производителей и пользователей интернет-мемов. Выводы о том, принадлежность к каким из выделенных типов является наиболее характерной для интернет-пользователей, представлены ниже.

Метод: в качестве метода исследования явления интернет-мема как когнитивной модели было использовано полуформализованное интервью.

На основании исследования были получены следующие выводы. Среди «производителей» мемов встречается персонаж-«Мастер», определяемый такими качествами, как: высокий уровень рефлексии относительно темы мемов, что может объясняться профессиональной занятостью в этой сфере; выделение информационной составляющей мема как его основной черты; указание эмоциональной – юмористической – функции мема в качестве ключевой при определении его качества; использование интернет-мемов в коммуникации в качестве инструмента ее поддержания, упрощения («подходящий» мем). В свою очередь, для «пользователей» характерны такие типы, как «Скоморох»: определяет мем в

первую очередь как шутку юмора, «прикол»; использует мемы в основном в качестве шуток, и чтобы разрядить обстановку; и «Созерцатель»: в первую очередь видит в мемах некие «знаки», оценивает их с точки зрения информационного и смыслового наполнения; пользуется мемами как средством связи в коммуникации или выражает с их помощью свое мнение. Интересно также отметить, что среди «пользователей», в отличие от «производителей», практически не было единомыслия в вопросе того, какие необходимо применять критерии для определения «качества» мема – так, указывались такие разнообразные варианты, как совпадение юмора мема со своим собственным, уровень искренности, «жизненность», смысловое наполнение, визуальное качество исполнения и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахитова Р.Х.* Основы когнитивного моделирования в социологии. Редакционно-издательский центр Башкирского университета. 109 с.
2. *Квят А.Г.* Медиамем как инструмент политического PR: когнитивный подход. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1254> (дата обращения: 26.02.2019).
3. *Кронгаус М.* Мемы в интернете: опыт деконструкции [Электронный ресурс] // «Наука и жизнь». 2012. №11. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431893/Memy_v_internete_opyt_dekonstruktsii (дата обращения: 26.02.2019).
4. *Лакофф Дж.* Когнитивное моделирование. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 416 с.
5. *Лысенко Е.Н.* Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Вып. 4. С. 410–424.

КАК ТРЭВЕЛ-ПЕРЕДАЧИ КОНСТРУИРУЮТ ПРОСТРАНСТВО СИБИРИ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

А.Е. Пискунова

Научный руководитель: ст.преп. А.А. Маляр

Новокузнецкий институт (филиал)

Кемеровского государственного университета

Сибирь в социокультурном пространстве России мыслится не столько как реальная территория, а, скорее, как устойчивый социальный конструкт, часть воображаемой географии, которой соответствует восприятие пространства, порожденное определенными текстами, изображениями и дискурсами [4]. Поскольку в современном мире производство пространства [2] связано с грандиозным развитием путешествий и туризма, то сфокусируем свое внимание на том, как телевизионные трэвел-передачи [3] участвуют в медийном производстве сибирского региона. Утверждая, что трэвел-передачи как воспроизводят существующие способы говорения о пространстве, перемещении в нем, имеющиеся каноны предъявления сибирского, так и инициируют создание новых представлений, образов и практик, то актуальной исследовательской стратегией видится критический дискурс-анализ.

Эмпирическую базу исследования составили 15 выпусков телевизионных трэвел-программ о Сибири, которые транслировались в 2010–2018 гг. Обобщая результаты исследования, можно сказать, что пространство Сибири, конструируемое трэвел-передачами, структурировано вокруг следующих аспектов. Сибирь как географическое пространство формируют высказывания географического дискурса, отражающие физико-географическую информацию. К характерным дискурсивным формулам можно отнести количественные характеристики географических объектов (площадь, длина, глубина, объем), географические описания местности (климатические пояса, характеристики географических ландшафтов), географические карты (используются не столько для показа самого географического пространства, сколько для демонстрации туристического маршрута). Введение подобной информации в ткань трэвел-передач на содержательном уровне воспроизводит сибирский миф о «необъятных просторах», а также презентует Сибирь как богатейшую и малоосвоенную территорию, российскую кладовую.

Сибирь как пространство памяти, то есть пространство, отмеченное следами великой коллективной истории, а также миллионами индивидуальных историй. Исторический дискурс через датировку исторических событий, архивные фотографии, а также множественные материальные свидетельства (памятники, документы, строения) предъявляет регион как важное место в развитии страны, связанное с цивилизаторскими усилиями по героическому покорению «диких мест» (строительство Транссибирской магистрали, Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, Чуйского тракта).

Сибирь как пространство других людей. На территории Сибири сформированы достаточно устойчивые сообщества, сохраняющие свой повседневный уклад жизни и самобытную культуру на протяжении столетий, к которым относятся коренные народы (буряты, алтайцы), сообщества, объединенные особым сакральным, мистическим опытом (буддисты, язычники), особым укладом жизни

(старообрядцы, кочевники), особыми телесными практиками («моржи», столбисты). Данные сведения реализованы через этнографический дискурс, который в трэвел-передачах представлен показом каждодневной коллективной практики обозначенных сообществ с точки зрения их культуры (норм, традиций, ценностей, языка), отличающихся по стилю и образцам поведения от основной массы населения страны.

Миф о сибиряках как особом типе людей до сих пор актуален для массового сознания, поэтому в трэвел-программах Сибирь конструируется как пространство других телесных практик. В связи с этим в кадр попадают не боящиеся холода «моржи» – люди, практикующие зимнее плавание, и столбисты – люди, влюбленные в Красноярские Столбы (скалы), проповедующие свободное лазание по ним без страховки и без специального снаряжения. Практика другой заботы о теле актуализирует дискурс нетрадиционной медицины, локализованный на территории Алтая и Бурятии, с применением характерной терминологии и соответствующей визуальной эстетики – на полках деревянного шкафа стеклянные баночки с травами и гранулами. С ним в конфронтацию вступает дискурс официальной медицины, семиотически атрибутированный весьма разработанной и обширной медицинской терминологией, и квалифицированными специалистами в белых халатах. Столкновение данных дискурсов выдает недоверие туриста-жителя крупного города к нетрадиционной медицине, которая кажется ненастоящей, недействительной, не гарантирующей результат.

Медийное изобретение Сибири как пространства другой культуры осуществляется через фольклорный дискурс – особый тип коллективной речевой деятельности, компонентом которой является эстетически обработанный традиционный текст, отвечающий общественным запросам и отражающий коллективное знание, которое стабилизирует социум [5]. Телепередачи о Сибири наполнены легендами и сказаниями, а также дополнены обрядами с соответствующей эстетикой (шаман с бубном, национальные костюмы бурятов). Однако в отношении распространенности и объяснительной силы данных текстов авторы передач снисходительно-ироничны и расценивают их как варварский пережиток прошлого.

Сибирь как пространство другого языка актуализирована посредством научного лингвистического дискурса, который обслуживает сферу поиска, исследования и доказательства истинности тех или иных лингвистических феноменов. Так, в трэвел-передачах появляются лингвистическая справка о коренных языках (бурятском, алтайском и различных диалектах) и этимологические цитаты о «непривычных» для слуха большинства россиян слов, названий, топонимов.

Поскольку миф о Сибири как месте духовного совершенствования, месте некой мистической силы не теряет свои позиции в общественном сознании, то регион конструируется как пространство другого религиозного опыта, связанного с буддистской и языческой практиками. Необходимость в репрезентации возвышенных объектов и «сакрального опыта» активизирует религиозный дискурс [1], который осуществляется через использование сакральных имен, высказываний, текстов и показ ярких и красочных буддийских храмов, и колоритных монахов, а также ритуальных культов загадочных шаманов Алтая и Байкала. При этом клишированная (этнографическая) формула «"просвещенный" турист поражен "наивностью" местных (набожностью буддистов и непоколебимой верой

шаманов)» отражает «расколдование» современного городского жителя, для которого стала непроницаема глубокая и искренняя вера и трансцендентный опыт.

Отметим, что в телепроизводстве Сибири участвует и экономический дискурс, содержательные аспекты которого актуализируются такими базовыми понятиями как «товар», «деньги», «прибыль», «рынок». В экономических реалиях различные места и объекты сибирского пространства вступают в конкурентные отношения и мыслятся в форме уникальных торговых предложений как маркетингового инструмента для повышения продаж.

Таким образом, Сибирь в трэвел-передачах предстает как «инопространство», где особый интерес вызывают путешествия, природа и местные жители (дикари). Регион выступает не просто местом другого языка, традиций и опытов, а местом Другого, «чужим» местом. Поэтому и взаимоотношения с ним у цивилизованного туриста-жителя крупного города выстраиваются на основе имперской идеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кожемякин Е.А.* Лингвистические стратегии институциональных дискурсов // Современный дискурс-анализ: электронный журнал. 2011. № 3. С. 62–69.
2. *Лефевр А.* Производство пространства. Москва: Streike Press. 2015. 432 с.
3. *Показаньева И.В.* Генезис отечественного научно-популярного телевидения географической тематики: возникновение телевизионной трэвел-журналистики // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 5. С. 74–82.
4. *Чуркин М.К.* Сибирь в «воображаемой географии»: к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 2 (2). С. 81–85.
5. *Эмер Ю.А.* Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2 (27). С. 50–60.

МОТИВЫ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ СТУДЕНТОВ

К.А. Погорилая

Научный руководитель: к.ф.н Р.А. Быков

Томский государственный университет

В современном мире проблема профессионального самоопределения актуальна для каждого старшеклассника на момент окончания школы. Выпускник старается выбрать ту профессию и специальность, с помощью которой он будет строить свою карьеру.

В наше время список профессий очень велик. Он включает в себя множество разных специальностей. Поэтому выбор профессии - это сложный мотивационный процесс, ведь профессиональная деятельность в жизни человека является основной в самоутверждении и самореализации. Достойная работа предоставляет человеку значительные возможности: от самореализации до удовлетворенности жизнью. Таким образом, правильный выбор своей будущей профессии - один из важных факторов успешности в будущем.

Многие старшеклассники испытывают разного рода трудности при выборе профессии, из-за незнания своих ценностей и реальных потребностей, из-за неумения выстраивать свой жизненный и профессиональный путь в современных условиях. Следовательно, достоверное выявление профессиональных мотивов, склонностей и интересов человека, является важным фактором удовлетворенности профессией в будущем. Таким образом, мотив при выборе профессии играет большую роль, так как от него зависит успешность выбора профессии, а сам процесс обучения на специальности приобретает особое значение.

В связи с тем, что сейчас довольно быстро распространяется изучение мотивов выбора профессии выпускников школ, появляется масса работ, посвященных данной теме. В границах социологической науки профессиональное самоопределение исследуется известными социологами: Д.Л. Константиновским, Ю.Р. Вишневским, М.К. Горшковой, Е.С. Баразговой, Г.Е. Зборовским, В.Н. Шубкиной, Л.Н. Коганым, М.Н. Руткевичем, Ф.Р. Филипповой, В.Т. Лисовским, Л.Я. Рубиной, М.Х. Титмой, Ф.Э. Шереги, В.Т. Шапко. Существующая литература по данной теме позволяет сделать выводы о том, что тема выбора профессий актуальна и изучается многими исследователями. С точки зрения социологии, рассматривается влияние ситуаций разного рода, внешних и внутренних мотивов, которые составляют, целую систему влияния на выбор той или иной профессии, то есть социология рассматривает выбор профессии как некое взаимодействие между личностью, ее интересами, склонностями, потребностями и обществом, которое включает в себя требования, ценности, социальные потребности [3].

Выбор профессии с одной стороны может быть определен ее личной и общественной престижностью, возможностью общения, удовлетворением потребностей в труде, руководством над другими людьми, либо может быть связан с высоким заработком, боязнью осуждения, желанием родителей, стремлением к престижу, продвижению по карьерной лестнице и т.д.

Но с другой стороны выбор профессии может не основываться на внешних и внутренних мотивах, а быть лишь стремлением поступить в не зависимости от

рода профессии на бюджетное место в высшее учебное заведение по набранному баллу ЕГЭ.

С переходом индустриального общества в постиндустриальное возросла потребность в специалистах разного рода. В современном обществе человек способен не только выразить свою индивидуальность, но также самостоятельно, исходя из своего жизненного опыта, решать возникающие перед ним проблемы. Исходя из этого, следует вывод, что самоопределение является некой основой жизни современного человека. За последнее время в России произошли существенные изменения в области экономики и системы образования, которые оказали значительное влияние на ценностную ориентацию и сделали сложнее выбор профессии для молодежи.

На выбор профессии обязательно происходит влияние внутренних, либо внешних мотивов. В методике Р.В.Овчаровой осуществляется деление внутренних и внешних мотивов на виды [2].

Внутренние индивидуально значимые мотивы: общение с разными людьми, соответствие личным способностям, умственное и физическое развитие, профессия является привлекательной, имеет творческий характер.

Внутренние социально значимые мотивы: высокое чувство ответственности, возможность приносить пользу людям, высокий заработок, возможность для роста профессиональных качеств, реализация способностей к руководящей должности, хороший результат труда для общества или социальных групп.

Внешние положительные мотивы: переезд на новое место жительства, близко от места жительства, близка к любимому школьному предмету, использование профессиональных умений вне работы.

Внешние отрицательные мотивы: нравится родителям, позволяет ограничиться имеющимся оборудованием, является престижной, единственно возможная в сложившихся обстоятельствах, избрана друзьями, рекомендована учителями.

В современном мире большее влияние оказывает внешняя среда существования человека, развитие и изменение, в особенности экономической и образовательной сфере оказывают значительное влияние на выбор профессии учащимися. В современном мире из множества вариантов профессий, из-за незнания их характеристик сложно выбрать именно ту, которая будет соответствовать личным способностям и потребностям общества. Но несмотря на это юноши и девушки все же стараются избирать профессию исходя из внутренних мотивов, что доказывается исследованием И.В. Абаевой и А.Чеховой. По данному исследованию видно, что больше половины опрошенных отметили влияние на их выбор именно внутренних индивидуально значимых и внутренних социально значимых мотивов. Это демонстрирует то, что выбор будущей профессии молодых людей основан на личных потребностях, и, следовательно, осваивать выбранную профессию они будут скорее с удовольствием, без внешнего давления общества. Также для опрошенных юношей и девушек важно материальное стимулирование, возможность продвижения по службе и тому подобное, то есть немаловажную роль играет именно социально-значимый мотив. В целом внутренний мотив преобладает над внешним. А виды внутреннего мотива не уступают друг другу, они находятся в равном соотношении при выборе профессии,

то есть молодежь выбирая профессию в первый раз желает удовлетворить личные потребности, получая заработную плату и уважение в обществе [1].

Таким образом, при не осознанном выборе профессии, а именно руководствуясь такими мотивами как «все равно куда поступать, главное бюджетное место», «поступал в зависимости от баллов ЕГЭ», «ориентировался на советы друзей, родителей», «получаю образование ради диплома», процесс обучения на специальности, а также планы после окончания Вуза значительно ухудшаются, например, число тех, кто не готов работать по специальности увеличивается в разы. Студенты, которые ориентировались на собственные способности, поступали в зависимости от собственных желаний, то есть сделали процесс выбора профессии более осознанным не сталкиваются с большими проблемами во время обучения, их не постигают мысли об уходе с данной специальности и не понимания «кем будут в будущем» и это значительно улучшает процесс обучения, а также самоопределения после окончания ВУЗА.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаева И.В.* Связь профессиональной идентичности молодежи с мотивами выбора профессии / И. В. Абаева, А. Чехоева // Современные технологии в образовании. 2014. № 14–1. С.3–10.
2. *Врублевская М.М.* Профориентационная работа в школе: метод. рекомендации / М.М. Врублевская, О.В. Зыкова. Магнитогорск: МаГУ, 2004. 80 с.
3. *Онипко А.А.* Самоопределение старшеклассников при выборе профессии: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социологических наук. Екатеринбург., 2011. 165 с.

ПОРТРЕТ УЧАСТНИКА СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ТГУ

А.А. Портнягина

Научный руководитель: ст. преп. Д.О. Афанасьева

Томский государственный университет

Актуализированная, в настоящее время, тема студенческих организаций затрагивалась еще в 20-х годах прошлого столетия. История студенческой активности начиналась в землячествах, которые отстаивали права студентов и помогали в адаптации к новой среде. Со сменой власти, на место землячеств пришли профсоюзные организации, что позволило студентам сплотить свой коллектив и действовать более организованно. История нашего университета показывает, что формирование студенческого самоуправления и различных студенческих организаций исходило из желания активных студентов улучшить свою жизнь, высказать свою мировоззренческую позицию, сформировать в ВУЗе систему, в которой они смогут занимать руководящие позиции.

История становления студенческих организаций в ТГУ повлияла на форму существования студенческих организаций в наши дни. Устраненные в то время землячества повлияли на складывание университетской базы поддержки студентов, которая в наши дни осуществляется профкомом и выражается в материальной поддержке и укреплении юридических прав студентов. Факультетские комитеты, которые сейчас могут выражаться в составе актива факультета с проффоргом во главе, привнесли в сферу студенческого управления официальную закреплённость на университетском уровне и возможность студентов участвовать в процессе управления университетом [7].

В связи с актуальностью темы студенчества, в российской социологии проводились исследования студенческого самоуправления и студенческих организаций такими исследователями Малошенок Н.Г., Петрова Т.Э., Попова Г.И., Иванов А.А. К более глубокому, качественному анализу такой социальной группы, как активного студенчества, относят теории построения образа и его составляющих Раймона Арона и Густава Ратценхофера, и интенциональный анализ текстов, основанный на семиосоциопсихологической теории Т.М. Дридзе [1].

В настоящее время в России система образования делает особый акцент на сфере дополнительной деятельности студентов в стенах университета. Такая дополнительная деятельность позволяет студентам не только оказывать поддержку в функционировании механизмов университета, но и ведет к формированию неопределимо важных компетенций, к становлению личности. Именно с этой целью в учебных заведениях создаются студенческие организации.

Данная тема уже долгие годы имеет широкую огласку в различных видах СМИ, что говорит о ее актуальности для государства. Данные проведенного мною исследования говорят, что 85% студентов ТГУ информированы о студенческих организациях, а 18% студентов непосредственно участвуют в деятельности организаций (Исследование, проведенное в 2018 году, объем выборки – 148 студентов ТГУ). Исходя из этого можно сказать, что существует особая социальная группа участников студенческих организаций, которая и будет рассмотрена в работе.

Таким образом, определенная среда студенческой организации, несомненно, влияет на ее участника, в процессе чего может формироваться уникальная соци-

альная группа, обладающая специфическими чертами. Так, участники студенческих организаций могут обладать схожими характеристиками, моделями поведения и социологическим портретом, за счет влияния среды организации. Тогда важным остается вопрос, существует ли у студентов, вовлеченных в студенческие организации, схожий социальный портрет?

Гипотезы:

- Основной интенцией, которой руководствуется студент при вступлении в студенческую организацию является желание быть частью целого коллектива;
- Студенты опираются на терминальные ценности в отношении участия в студенческой организации;
- Составляющие образа студента потерпели изменения после вступления в студенческую организацию ТГУ.

В ходе исследования, объектом которого являются участники студенческих организаций ТГУ, был проведен ряд полуструктурированных интервью участников таких студенческих организаций как Институт Кураторов и студенческий отряд «Голубая стрела», поскольку данные комиссии являются самыми многочисленными по данным Первичной Профсоюзной организации ТГУ. Так же был решен ряд задач:

- Выделить границы и составляющие социального портрета участника студенческих организаций;
- Рассмотреть специфические особенности участника студенческих организаций;
- Нахождение направленности и ценностных ориентаций участников студенческих организаций;
- Раскрыть социологический портрет участника студенческих организаций.

Проводя дискурс-анализ и интенциональный анализ интервью, можно сделать ряд выводов.

Рационалистская интерпретация интереса, которая позволяет говорить, что интерес соотносится с зоной повседневности и выступает как регулятор социального взаимодействия, проявляется в данном исследовании в интересе участников студенческих организаций быть в коллективе, в котором им комфортно находится. Такой интерес выступает способом реализации их интенций.

Участники студенческих организаций ТГУ имеют определенные традиции и ритуалы, чувство ответственности за свою деятельность в организации, чувство преемственности и заботы о будущем организации.

В действиях и решениях студента по отношению к участию в студенческой организации преобладают терминальные ценности, представляющие из себя не нуждающиеся в обосновании жизненные ориентиры личности.

Участники студенческих организаций обладают определенным стилем жизни, построенном на планировании и техниках тайм-менеджмента, который сформировался у студентов после вступления в студенческую организацию под влиянием деятельности в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дридзе Т.М. Организация и методы лингвопсихосоциологического исследования массовой коммуникации. М., 1979. 281 с.

2. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 223 с.
3. *Карпухин О.И.* Самооценка молодежи как индикатор ее социокультурной идентификации // Социология молодежи. 2008. №5. С. 29.
4. *Ковалева Т.В.* Российское студенчество в условиях переходного периода // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 9–11.
5. *Малошенок Н.Г.* Студенческая вовлеченность в учебный процесс: методология исследования и процедура измерения // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 141– 147.
6. *Попов М.Ю., Гусова С. А.* Социология молодежи // Учебник для ВУЗов по направлению подготовки «Социология». М.: Гардарики, 2005. 335 с.
7. *Фоминых С.Ф.* Становление органов студенческого самоуправления в 1920-е гг. (на материалах Томского государственного университета) / С. Ф. Фоминых, Д. Е. Шандала // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2. С. 50– 58.
8. *DiMaggio P.* Social Stratification, Life-Style, and Social Cognition // Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Boulder: Westview Press, 1994. pp. 458-65

ТЕЛО И СЕКС В ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭРЕ

А.А. Почуев

Научный руководитель: Е.К. Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет

Известный французский философ 20 века Жан Бодрийяр в 1970 году написал масштабный труд, критикующий современные социальные порядки «Общество потребления». В «Части 3: СМИ, секс, досуг» в главе «Тело – самый прекрасный объект потребления» философ говорит о коммерциализации и стандартизации человеческого тела, его сексуальности и эротичности. Бодрийяр, подтверждая свою позицию в этом вопросе, упоминает известного немецкого искусствоведа Юлиуса Хельда, цитируя его: «Нет ни миллиметра эрогенной зоны, которая осталась бы нетронутой».

1960-е–1970-е года – эпоха сексуального раскрепощения. Секс, как сфера интересов, перестав быть табуированным, был закован в коммерциализацию, а следственно, погоню за идеальным товаром, максимально универсальным и продаваемым.

Тело, став повсеместным, приобретя свободу, в то же время перестает быть свободным, ибо на него, как и на другие товары массового потребления есть мода, что делает его узником вкуса большинства, на которое опираются производители и маркетологи.

С одной стороны, пропадают зажимы, препятствовавшие получению как эстетического, так и физического удовольствия от тела, а с другой – их становится еще больше, из-за его стандартизации: критериев красоты, эротичности, сексуальности.

Из-за оглашаемой «нормальности» тела, секс, как действие, превращается в роскошь, доступную, в первую очередь, тем, кто проходит по критериям, как красивые. Из-за обретения вида роскоши и уничтожения сдерживающих страсть барьеров происходит социальная дифференциация на основе сексуальных отношений. На раннем этапе секс из-за его освобождения и становится одним из ценнейших продуктов, а его обладатели сексуально богаты. Если есть богатые, то неизбежно есть бедные, которые становятся сексуальными изгоями. Но. Если вы материально обеспечен, то из-за коммерциализации секса, вы можете его купить.

В XXI же веке, веке ценности человеческой личности, секс, на мой взгляд, оставаясь товаром, перестает быть роскошью, а становится общедоступной и распространенной вещью. С появлением интернета, изобилие эротики, порнографии, форумов и сайтов о сексе и теле, с лишением тела критериев красоты и сексуальности, начинает исчезать сексуальная дифференциация населения. Секс теперь доступен всем.

В наши дни пропадает однообразие внешнего вида, по сравнению с серединой XX века. Если сейчас мы можем наблюдать за огромным количеством разных людей на телеэкранах, признаваемых «красивыми», то в то время, множество женщин хотели быть похожими на Мэрилин Монро, например. К сожалению, сейчас это проверить невозможно, но если посмотреть фильмы той эпохи, то можно увидеть явное сходство с популярными тогда актрисами. Либо актерами, если речь идет о мужчинах.

Исчезновение идеала изменило отношение к инвалидам. Тренды снимают с инвалидности ярлык уродства. Инвалидность сейчас – это не уродство, а положение, при котором к людям требуется больше внимания, но такого же восприятия, как и к анатомически здоровым индивидуумам. Стариковское тело, которое не воспринималось «красивым», теперь не обходят известные фотографы. Так же современные тренды уничтожения культурных рамок тела коснулись и детского тела, которое многие современные художники считают идеальным и чистым.

Индивидуализация сознания ведет мир по пути, где в обществе нормальность и ненормальность в отношении тела исчезнет. Будет признаваться только особенность: каждый индивидуален, у каждого есть свои достоинства и недостатки, но всецело назвать человека уродом или некрасивым тренды просто не позволят. Тело, освобожденное от оков в сексуальную революцию, все больше будет становиться объектом потребления и культурного насыщения, пока не найдется новый сдерживающий страсть и желание насытиться телом барьер, подобный религии. Тело – прекрасный объект культурного потребления.

В рамках работы над этим текстом и социологического исследования нами было запланировано провести ряд опросов на тему отношения людей к внешности людей с ограниченными возможностями здоровья, творческим снимкам детского тела и детскому телу в целом, отношения к телу стариков, а также к человеческому телу и стандартам красоты в целом. Критерием для интервьюируемых является возраст – от 14 до 30 лет. Количество опрашиваемых людей должно составить около 100–200 человек.

Помимо этого, запланировано найти подходящую визуальную иллюстрацию фактам о XX веке в виде фильмов и снимков с популярных журналов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464> (дата обращения: 15.02.2019)

ЭСКАПИЗМ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ АДДИКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.А. Разин

Научный руководитель: к.ф.н. Р.А. Быков
Томский государственный университет

Предметами данной работы являются два феномена современного мира – эскапизм и аддикция. Данные явления по своей сущности очень близки друг к другу и при определенных условиях эскапизм может перерасти в аддикцию, которая ведет к разрыву отношений и выходу человека из системы социальных связей. Данные статьи построены на основании анализа, посвященных аддикции и эскапизму работ Э. Кляйненберга, О.В. Давыдова, Баевой Л.В., Алексеевой И.Ю. и И. Маркса. А также опираясь на эмпирическое исследование, проведенное методом анкетирования среди студентов ТГУ в начале апреля 2019 года. Была использована случайная гнездовая выборка. Целью исследования было определить отношение студентов к аддикции и проверить две гипотезы: студенты плохо осведомлены о современных поведенческих аддикциях, отношение студентов к поведенческим аддикциям преимущественно нейтральное.

Эскапизм чаще всего трактуется в литературе как побег от реальности. Он проявляется в погружении сознания в мир фантазий и иллюзий и выступает как средство релаксации. Являясь мало изученным феноменом, отношение к нему различных исследователей разнится. Но превалируют две точки зрения. Некоторые исследователи определяют его как добровольное одиночество и отказ от участия в социальной жизни. Изучая эскапизм с данной точки зрения, виртуальная реальность является основным фактором, искажающим отношение человека к действительности, так как она начинает подменять собой реальный мир. Из-за доступности и легкости виртуальной коммуникации интерес и желание поддерживать качественную интеракцию в реальном мире падает и ведет к добровольной изоляции. Такой подход к эскапизму актуален для сегодняшнего состояния России. По мнению Давыдова О.Б. крайний социальный эскапизм на сегодняшний день не имеет массового характера, однако под влиянием глобализации и широкого проникновения информационных технологий он имеет тенденцию к росту. Такие характерные для современной России социальные факторы, как катастрофическое разрушение социальных взаимосвязей, моральный релятивизм, крайняя индивидуализация и атомизация общества, унификация потребностей в обществе потребления, коммерциализация практически всех сфер жизни могут способствовать распространению этой тенденции в российском обществе [2]. Другие исследователи, считают, что эскапизм позволяет человеку реализовать себя. Например Баева Л.В. и Алексеева И.Ю. говорят, что крайний эскапизм как уход в микросоциум своего «Я» благодаря виртуальному миру превращается в открытую макросоциальную глобальную систему, где «все связано со всеми». И эти связи становятся доминирующими в сознании индивида. Они организуют его пространство и время, формируют систему ценностей, управляют и манипулируют его миром, а, следовательно, создают условия для самораскрытия и самопознания [1].

Современность привнесла в нашу жизнь абсолютно новые способы ухода от реальности. У людей еще не выработалось четкое отношение к ним, и от-

личить их от нормального поведения иногда тоже является большой проблемой. Гаджет-зависимость, ургентная зависимость, игровая зависимость, шопоголизм, вещизм, интернет-зависимость и это не полный список аддикций, которые в последнее время становятся все более распространенными. Отметим, что все вышеназванные зависимости поведенческие и нехимические. За рубежом поведенческие аддикции активно изучаются и в частности I. Marks [5] предложил следующие критерии, позволяющие выделить поведенческую аддикцию:

- побуждение к контрпродуктивной поведенческой деятельности;
- нарастающее напряжение, пока деятельность не будет завершена;
- завершение данной деятельности немедленно, но ненадолго снимает напряжение;
- повторная тяга и напряжение через часы, дни или недели;
- внешние проявления уникальны для данного синдрома аддикции;
- последующее существование определяется внешними и внутренними проявлениями (дисфория, тоска);
- гедонистический оттенок на ранних стадиях аддикции.

Для аддиктивного поведения, как и для эскапизма, характерен уход от реальности в виде своеобразного «бегства», однако, он проявляется в виде сосредоточенности на узконаправленной сфере деятельности при игнорировании остальных [3].

Также важно отметить, что отличие аддикции от эскапизма в том, что она не поддается контролю. Сбежать в фантазию, чтобы не «сорвать нервы» это одно, но испытывать постоянное чувство неудовлетворенности и не контролировать свои действия это одна из черт аддиктивного поведения. Аддиктивное поведение не появляется внезапно. Постоянные стрессы, сложные жизненные ситуации, отсутствие взаимопонимания вызывают желание отстраниться от общества, что является первым шагом на пути к приобретению аддикции. Постепенно данное отстранение становится типичным реакцией на внешнее воздействие. У аддикта нарушаются межличностные отношения, и человек начинает отчуждаться от общества. Данное отчуждение не проявляется только в конкретном фиксированном действии. Его причины начинают уходить глубже, так как при фиксации на деятельности у человека меняется мотивация, происходит изменение установок и целей. В итоге аддикция полностью начинает определять поведение человека [4].

В ходе эмпирического исследования было выявлено, что студенты плохо осведомлены о современных поведенческих аддикциях. Однако они негативно относятся к таким поведенческим аддикциям, которые уже давно присутствуют в обществе, например, трудоголизму и шопоголизму и не имеют четкого мнения в отношении других менее распространенных. Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема поведенческих аддикций практически не освещается в студенческой среде, хотя они приобретают все новые формы и все более широкое распространение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Л. В., Алексеева И. Ю. E-homo sapiens: виртуальный микрокосм и глобальная среда обитания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberlen>

- inka.ru/article/n/e-homo-sapiens-virtualnyy-mikrokosm-i-globalnaya-sreda-obitaniya (дата обращения: 31.03.2019).
2. Давыдов О.Б. Философский аспект социального эскапизма в эпоху виртуальности // Вестник СВФУ. 2015. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-aspekt-sotsialnogo-eskapizma-v-epohu-virtualnosti> (дата обращения: 31.03.2019).
3. Егоров А.Ю., Голенков А.В. Поведенческие аддикции // Вестник ЧГУ. 2005. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedencheskie-addiktsii> (дата обращения: 31.03.2019).
4. Проказина Н.В., Каткова Л. Социальная сущность аддиктивного поведения молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-suschnost-addiktivnogo-povedeniya-molodezhi> (дата обращения: 31.03.2019).
5. Marks I. Behavioural (non-chemical) addictions // British J. Addict. 1990. V. 85. P. 1389–1394.

СЕМЬЯ И КАРЬЕРА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Д.В. Таюкина

Научный руководитель: к.ф.н Р.А. Быков

Томский государственный университет

Деловые женщины – одновременно явление новое и привычное для современного российского общества. Принято считать, что женщина - хранительница семейного очага, но сейчас женщины объединяют в себе роль не только хранительницы, но и человека, создающего общественный продукт. По данным «Российской академии бизнеса и предпринимательства» (РАБИП) Россия занимает лидирующее место в мире в процентном соотношении женщин-руководителей бизнеса. При этом женский бизнес развивается в 1,7 раза стремительнее мужского [2].

Объектом работы являются женщины в современном обществе, а предметная часть заключается в понимании значения семьи и карьеры в жизни современной женщины.

Проблемная ситуация заключается в том, что с одной стороны женщины имели одинаковую важность во все времена, так как, прежде всего это проявляется в воспроизводстве и воспитании поколения, что является важной составляющей социальной деятельности мужчин и женщин. А с другой стороны роль женщины в обществе не равна роли мужчины. Подчиненное положение женщин отображено во многих религиозных учениях. Также, взгляд на женщину, как на неполноценное существо имеет место быть в трудах древних философов. Так и в современном обществе: лучшие и руководящие должности, высшие чины, как правило, занимают именно мужчины. Однако, в современном обществе идет также борьба и за права мужчин. Маскулисты добиваются устранения дискриминации мужчин и уравнивание в правах с женщинами. Также бинарная гендерная система имеет сильное воздействие. Женщины в своем выборе имеют двойственные ощущения - они хотят и семьи, и карьеры, при этом система ждет рождения детей, рынок труда открыт, при этом существуют стеклянные стены и потолки для женщин.

Изменения в институте семьи и различные экономические ситуации определяют жизненную стратегию женщин. Меняются стандарты, интересы, которые определяют уровень социального успеха человека в обществе, что приводит к конструированию личного пути, где перед современной женщиной встает выбор: карьерный рост и деловая активность, независимость или создание семьи, внимание быту и воспитанию детей. Соответственно проблемой исследования является то, какие стратегии используют современные женщины для совмещения семейной и профессиональной траектории?

Вопрос о совмещении карьеры и семьи современной женщиной рассматривался ранее Щербич Л.И., Елизаровым А.Н., Грошевым И.В. Занятие профессиональной деятельностью является одной из сфер социализации личности. В этой сфере человеку предоставляется возможность раскрыть и проявить свои способности, свои личные и профессиональные качества. По мнению Щербич Л.И. карьера имеет стимулирующее значение для человека в его профессиональной деятельности. Также, стоит отметить, что в России женщины составляют приблизительно 55% всего числа работников и, как правило, чувствуют себя дискон-

фортно из-за значительной конкуренции с мужчинами в профессиональной сфере [5].

В настоящее время происходит активная трансформация института семьи и рост агрессивной конкуренции между мужчинами, и женщина за право находиться во властных структурах. В связи с этим современные женщины вынуждены выбирать либо между карьерным ростом и личной жизнью с широким кругом общения, либо создание семьи, рождение и воспитание детей и создание быта. Вследствие такого выбора многие женщины в приоритет ставят карьеру, рождение детей и создание семьи откладывается до более позднего возрастного периода. На женщину, которая предпочла карьеру семье, часто смотрят с осуждением, причем не только мужчины, но и женщины.

В исследовании, проведенном Л.Ю. Бондаренко, 2/3 мужчин и 50% женщин согласились с «естественным женским предназначением». То есть определяют женщину как домохозяйку и хранительницу очага. 51% мужчин и 37% женщин считают, что работа женщины негативно сказывается на воспитании детей. 50% мужчин и 25% женщин осуждают женщину, работающую только ради собственной карьеры [1. С.186].

В данной работе, для выявления стратегий по совмещению карьеры и семьи, мы ориентируемся на концепцию Рождественской Е.Ю. Существуют различные стратегии по достижению баланса в семье и карьере. Например, «механизация быта», когда женщина выполняет значительную часть работы по дому при помощи техники. Также, совмещение карьеры и семьи достигается при равномерном распределении времени. Постараться отодвинуть чувство вины на второй план. Многие женщины испытывают вину за то, что уделяют своей семье меньше времени, чем могли бы, за то, что свои домашние хлопоты переносят на технику или на наемных работников. Важно запомнить, что важно не количество проведенного времени вместе с семьей, а качество проведенного времени. Также и с домашними обязанностями.

На сегодняшний день женщина не может ограничиться одной социальной ролью. Жизнь гораздо шире и многограннее, чем детские проблемы или построение карьеры. Современная женщина стремится сочетать и реализовывать те социальные роли, которые для нее важны прежде всего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко Л.Ю. Мир, в котором мы живем. Ролевые сходств и различия между российскими и американскими женщинами// Общественные науки и современность. 1997. №3. С. 184–188.
2. Весельницкая Е. Балабанова Е.С. Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 17–25.
3. Елизаров А.Н. Семья и карьера женщины // Карьера, семья и материнство в жизни современной женщины / Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Женщина и карьера». М., 2004. С.81.
4. Феминизм и российская культура. СПб., 1995. 64 с.
5. Щербич Л. И. Значение карьеры в жизни женщины // Гендерные исследования в России проблемы взаимодействия и перспективы развития. Материалы конференции. 24–25 января 1996 г. / МЦГИ. М., 1996. С. 108–113.

«КИЧ» КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

И.А. Третьяков

Научный руководитель: Е.К. Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет

Благодаря событиям девяностых годов двадцатого столетия в русском разговорном языке и юмористическом фольклоре закрепилось слово «понты». Выражение «хороший понт дороже денег» отсылает нас к показушному поведению субъекта, несоответствию аксессуаров, составляющих его облик и образ, финансовому состоянию субъекта. Удивительно, но еще за двадцать лет до этого в научном контексте популярность обрело родственный понтам термин – кич. Впервые это понятие ввел французский социолог Жан Бодрийар. Он определяет его как нечто, что люди воспринимают, как обозначение статуса, хотя на самом деле, это нечто не представляет из себя ничего особенного. По моему мнению, в эпоху «быстрой моды», когда модные веянья меняются так стремительно, что за ними почти невозможно следить, кич является как очень объяснимой, так и совершенно бесполезной величиной в быту человека.

В контексте обозначенных выше фактов возникла задача определить значение кича в структуре повседневности современного человека.

Разумеется, общество совершенно не однородно, даже поклонники популярной культуры, «гик» культуры, как ее принято называть сейчас, совсем не единодушны в предметах «культурных икон». В зависимости от увлечения, предмет кича будет разный и совершенно точно, он не будет говорить о ее обладателе, человеку в этом не разбирающемуся. Например, для фаната комиксов из России, выпуск на английском языке будет главенствовать в коллекции, для фанатов видеоигр игра Хидео Кадзимы [на японском языке, в запакованной коробке будет стоять на самом видном месте. Но для простого обывателя, это даже не причуда, это можно назвать легким сумасшествием. В современном мире, такие «редкие» экземпляры выпускаются многотысячными экземплярами, конечно, настоящие ценители только посмеются над тем, что человек гордиться обладанием такой вещи, но человек будет искренне верить в то, что он особенный, что вещь, которая на самом деле, ценна исключительно для него, особенная.

Немного иная ситуация сейчас происходит в сфере одежды, на том, что-бы считать себя особенным из-за дорогой одежды, основывается целая субкультура HypeBeast'ов, их поведение трудно назвать следствием кича, потому что они охотятся все-таки за редкими вещами, их количество исчисляется, зачастую десятками и сотнями, а желающих их получить сотнями тысяч. Противоположная ситуация с людьми, видящими только то, что хайпбисты не признают не брендовые вещи, и останавливающимися только на этом аспекте, выбирая между брендовыми и обычными ботинками, без раздумий выбирая бренд. Качество этих вещей, далеко не всегда лучше, редкость сводится к минимуму, но возможность почувствовать гордость, преобладает над ними. Выйдя на улицу, и посмотрев на обувь молодых людей, можно сделать вывод, что большинство выбирает недорогие кроссовки, но обязательно известного бренда.

Например, цена на кроссовки известного бренда «Adidas» считающиеся самыми доступными и массовыми среди молодежи, на официальном сайте бренда начинается с 5999 рублей. А у малоизвестной компании «Сплав», которая спе-

циализируется на специальной одежде, для туризма, с 2560, хотя можно предположить, что они, нацеленные на суровые условия носки, будут гораздо долговечнее

Сегодня, буквально, у каждого человека есть смартфон, ученик начальных классов на нем смотрит видео в интернете, а бабушка смотрит, когда придет ее автобус. Выбирая этот, несомненно полезный гаджет, человек всегда стоит перед огромным выбором, особенно выбирая в интернет магазинах. И хотя, сегодня, за достаточно небольшие деньги, можно купить телефон, который скорее всего будет удовлетворять всем потребностям человека, люди все равно тратят невероятно завышенную цену за обладание брендом. В Европе и США Apple с своими смартфонами занимает лидирующие позиции, обгоняя своих конкурентов, хотя смартфоны этих компаний чаще всего гораздо дешевле.

Таблица 1

Статистика продаж на рынке смартфонов в Европе 2018 г.

Компания	Продано штук (млн)	Доля рынка (%)
Samsung	15.2	33.1
Apple	10.2	22.2
Huawei	7.4	16.1

Таблица 2

Статистика продаж на рынке смартфонов в США 2018 г.

Компания	Доля рынка (%)
Apple	40
Samsung	25
LG	16

В Европе Apple не занимает первого места, но стоит учитывать, что самый дешевый смартфон Samsung на официальном сайте стоит 149.99 долларов, а самый доступный iPhone на их официальном сайте стоит 449 долларов.

Именно возможность чувствовать свое превосходство заставляет людей делать выбор в сторону «яблочного» гиганта, хотя и, разумеется, огромных, возможностей этих смартфонов, большей части покупателей и не необходимо, все что им нужно, это показать с их помощью свой предполагаемый статус.

Но как же эти проявления кича влияют на поведение людей сегодня? В первую очередь, если говорить об одежде известных и модных брендов, это появление субкультур, считающих одежду высшим показателем «достойности» человека, и, следовательно, «недостойности» тех, кто носит мализвестные или неактуальные сегодня бренды, и тем более, тех, кто носит подделки под них. Такие люди, очень часто становятся жертвами агрессии со стороны представителей этих субкультур или групп людей.

Также, с повсеместным распространением интернета, и возможностью спокойно общаться с людьми из любой точки планеты, человеческие споры перешли на совершенно новый уровень. И одним из «вечных вопросов» стал спор «ios или android» между пользователями соответствующих мобильных операционных систем. Многие люди, кичась той или иной вещью, встречаются на просторах социальных сетей людей, кичащихся другой и проводят вечера за спором, чей кич состоятельней.

Также, под действием кича, люди начинают заниматься практически патологическим собирательством, не допуская даже мысли избавиться от вещи, дающей им столько гордости и ощущения собственной исключительности. Это относится и к фанатам видеоигр и к людям, одержимым одеждой и бабушкам, советские сервизы которых давно перестали быть сложнодоступной вещью. Ощущение, что эта вещь важна пересиливает здравый смысл, люди становятся буквально заложниками кича.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.
2. *Самые продаваемые смартфоны 2018: мировые бестселлеры!* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/url?q=https://5nch.com/samye-prodavaemye-smartfony-2018-mirovye-bestsellery/&sa=D&ust=1554242075388000&usg=AFQjCNFC2N2Bj8RJnZmmz1lo8-xXmHtVAQ> (дата обращения: 27.01.2019).

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ В ВОСПИТАНИИ ЭМПАТИИ У ДЕТЕЙ

Чжан Цзясюань, Ву Тхи Хонг Нунг, Нгуен Тхи Минь Нгок,

Нгуен Тхи Тхань Ван

Научный руководитель: к.ф.н. Р.А. Быков

Томский государственный университет

Эмпатия является важным механизмом, своего рода социальной эмоцией, и в самом общем виде определяется как способность индивида понимать субъективное восприятие другого человека, проникать в его внутренний мир, понимать его переживания, мысли и чувства, умение вставать на его позицию. Развитие личности, способной к сочувствию, сопереживанию, восприятию эмоциональных проявлений других людей, обеспечивает духовно-нравственное развитие и успешную адаптацию в современном социокультурном и поликультурном пространстве. Соответственно, обучение детей эмпатии очень важно, особенно в век современных технологий. По словам Rusul Alrubail – генерального директора инновационного центра «Parkdale» (Торонто, Канада) и также общественного активиста: «Я понял, что применение технологий, любимых молодыми людьми, очень помогает воспитанию у детей эмпатии» [2]. В этой работе мы хотим разобраться в важных аспектах эмпатии, значимости развития ее у детей, и приведем несколько примеров применения технологий по развитию эмпатии у детей. Результаты исследования показывают, что слабое выражение детей в семье, участие в ее жизни, является основой для безразличия и бесчувственности. Поэтому обучение детей эмпатии имеет важное значение. Это также процесс, когда родители сопровождают своих детей в жизни, например, вдохновляют разговаривать со своими детьми, не находиться в одностороннем режиме, заставляя их следовать слову родителей.

Эмпатия выполняет ряд функций, помогает детям узнавать и применять: признать чувства и взгляды родителей и друзей по поводу важных события в жизни; знать, как активно делиться своими мыслями, разделяя свои взгляды на основе выявления и оценки мнений других людей. Уметь делиться игрушками, едой, временем с друзьями; выявлять и контролировать эмоции перед значимыми событиями; легко интегрироваться в группы сверстников, создавать устойчивые и здоровые дружеские отношения. Эмпатия – это умение, а не некоторое врожденное свойство. Таким образом, детей необходимо обучать этим навыкам, формировать у детей позитивные отношения, умение жить ответственно по отношению к своим близким. Можно сказать, что обучение эмпатии детей – это создание предпосылок для того, чтобы они стали хорошими людьми в обществе. Сегодня технологии формируют нашу жизнь. Дети быстро осваивают Интернет, социальные сети, различные чат-форумы и игровые форматы. Одновременно с развитием новых технологий возрастает их способность осваивания этой области в геометрической прогрессии. С раннего возраста дети и молодежь отданы в распоряжение безграничному миру. В этом есть свои положительные моменты, но также существует определенный риск, где особо востребованы близость и контроль родителей над детьми.

Как сказал Папа Бенедикт: «эти технологии, если их использовать разумно, могут внести вклад в удовлетворении потребности в правде, истине и единстве, что является наиболее глубокими чаяниями каждого человека. Нам нужно держать их под контролем, чтобы их польза помогала нам расти в добродетели и проследить, чтобы дети использовали их надлежащим образом». Нам нужно иметь позитивный подход к «цифровому поколению». Один из таких подходов – применение технологии в обучении эмпатии у детей. В настоящее время педагогические коллективы ДОУ интенсивно внедряют в работу инновационные технологии. Мы приведем несколько примеров применения технологии в развитии эмпатии у детей.

Специалист по глобальным проблемам: серия (Global problem solvers: the series) – образовательная инициатива Cisco по корпоративной социальной ответственности. Это анимационная серия, в котором персонажи – группа 6 школьников из разных стран вме-

сте находит решение для глобальных проблем. В первом сезоне персонажи дают деревне в Малави доступ к чистой воде, а во втором они выясняют, как дети могут продолжать учиться, когда школы закрываются после урагана, обрушившегося на побережье Мексиканского залива США. После просмотра серии, школьникам предлагается найти решения для многих ситуаций в реальности. Миссия этой серии состоит в том, чтобы вдохновить школьников стать решателями глобальных проблем - гражданами мира, готовыми к процветанию во все более взаимосвязанном и цифровом будущем, думая, как предприниматели, внедряя инновации как технологи и действуя в качестве агентов социальных изменений. Эта серия помогает преподавателям познакомить школьников с важными навыками: критическим мышлением, творческим подходом, управлением людьми и координацией действий, при этом особое внимание уделяется социальному сознанию, сочувствию, предпринимательству [2]. Для подростков онлайн-каналы образования так же могут быть эффективным способом для обмена уроками об эмпатии и социальной осведомленности.

PBS Learning Медиа – образовательный канал, помогающий школьникам лучше понять мир, основные проблемы, такие как изменение климата, исчезающие виды и пр. Этот канал предоставляет множество интерактивных материалов, изображений, видео, аудиофайлов и многое другое с планами уроков, базовыми эссе и вопросами для обсуждения. Они помогают школьникам создавать собственные изобретения, которые помогают изменить мир, защитить исчезающие виды, предотвратить изменение климата, помогают ими регистрировать патенты, продвигать изобретения инвесторам. Можно сказать, что использование приложений и игр - эффективный способ для детей играть и изучать эмпатию самым естественным образом. На сайте <https://www.commonsense.org> приведен список из 13 лучших интерактивных игр для обучения детей эмпатии. Эти игры очень просты в использовании, содержат полезные истории и уроки, помогают повысить осведомленность детей об эмпатии, терпимости, помогают им решать конфликты и т. д. [1]. Пока мировое сообщество спорит, как научить морали искусственный интеллект, виртуальная реальность дает уроки эмпатии. В 2016 году была разработана программа «Мы – Альфред». Альфред – это пожилой мужчина, у которого ухудшается зрение, он теряет слух и испытывает когнитивные проблемы. На его месте в виртуальной реальности оказывается студент-медик, чтобы ощутить беспомощность пожилого человека – обобщенного образа будущего пациента. Еще одна программа учит студентов тактично сообщать о тяжелом диагнозе.

В этом истинная сила виртуальной реальности, считает CEO американской компании Within, специализирующейся на AR/VR технологиях, Крис Милк. «С ее помощью можно менять восприятие людей друг о друге. Я считаю, что именно поэтому у виртуальной реальности есть возможность действительно изменить мир» – уверен он. Таким образом, четвертая промышленная революция с ее достижениями: искусственный интеллект, роботы, нанотехнологии, универсальный интернет, автомобили с автоматическим управлением, 3D-печать внедрила технологии во все сферы жизни: экономика, банковское дело, строительство, сельское хозяйство, транспорт, развлечения, бытовая техника, информационные и коммуникационные технологии и т. д. И, конечно, образование как социальный лидер, не может находиться за пределами тенденций эпохи. Технологические образовательные продукты помогают детям учиться и развиваться. В частности, развитие эмпатии и осознания общественных проблем является необходимым навыком.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Common Sense Education* // 13 Top Games That Teach Empathy. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.commonsense.org/education/articles/13-top-games-that-teach-empathy> (дата обращения: 8.04.2019).
2. *Global Problem Solvers: The Series* is an animated series from Cisco that explores entrepreneurship, life skills, & the power of technology for social good. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gpsthseries.com/en-us/> (дата обращения: 10. 04.2019).

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

З.В. Гилева

Научный руководитель: к.и.н. А.А. Быков
Томский государственный университет

Постепенное развитие общества выдвинуло в разряд актуальных проблему адаптации и интеграции людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в общество. Для того чтобы определить перспективы развития инклюзивного образования в России, необходимо изучить существующие проблемы и проанализировать их.

Одной из основных проблем инклюзивного образования в России является проблема интеграции. Образование является труднодоступным для людей с инвалидностью и ОВЗ. В 1960-ых годах были проведены социологические исследования, которые показали, что российское образование больше склонно отражать существующее неравенство, нежели способствовать его устранению [4]. Российские социологи подтвердили, что образовательная система принимает и транслирует социально-классовые различия, которые существуют вне ее [6]. Однако данные исследования проводились в советский период и на данный момент ситуация изменилась. Если раньше существовало сильное неравенство между людьми с ОВЗ, инвалидностью и другими людьми, то сейчас эта ситуация несколько сгладилась. Сейчас практически полностью отсутствует неприязнь или ненависть, однако эти чувства заменило непонимание и низкая информированность о людях с ОВЗ и инвалидностью. Для того чтобы выявить основные проблемы, возникающие при включении детей с ОВЗ и инвалидностью в школы, было проведено исследование среди школьников 9–11 классов на базах Вершинотейской СОШ и Абаканской СОШ. Из проведенного анкетирования школьников старших классов (9–11) о людях с ОВЗ и инвалидностью, были сделаны следующие выводы:

На вопрос: «Как Вы относитесь к людям с ОВЗ?». Большинство опрошенных учеников из сельской школы (55%) доброжелательно относятся к людям с ОВЗ. 29% определили свое отношение как сочувствующее. В то же время, среди учеников городской школы, преобладал ответ «безразлично» (38%), и 30% учеников относятся с сочувствием.

Были выявлены некоторые факторы, влияющие на отношение школьников к людям с ОВЗ:

- Личное знакомство с людьми с ОВЗ
- Частота встреч с ними

- Отношение родственников к людям с ОВЗ
- Влияние телевидения и СМИ
- Наличие опыта общения с людьми с ОВЗ
- Наличие знакомых или родственников с ОВЗ

Главным фактором, стал факт личного знакомства и общения с людьми с ОВЗ. В сельской школе, обучались дети с ОВЗ, в городской школе, дети практически не встречали таких людей. Отсюда следует вывод о том, что более толерантное отношение формируется при личном контакте.

Определено, что отношение родных так же влияет на отношение учеников. В сельской школе 71,4% учеников относятся положительно к людям с ОВЗ, если их родственники относятся к ним положительно. То же наблюдается и при ответе «с жалостью». В городской школе присутствует та же тенденция. Там процент составляет 83,3. Однако в обеих школах при варианте «не знаю», что думают члены семьи о людях с ОВЗ, ученики, как правило, выбирают вариант «безразлично». Стоит отметить, что в городской школе, дети либо не знали отношения своих родителей, либо определяли его как сочувствующее.

Ученики сельской школы отметили, что родители являются основным источником получения информации о людях с ОВЗ. Ученики городской школы, главным фактором получения информации, выделили учителей.

Ученики обеих школ определили, что телевидение и СМИ, практически никак не влияет на их отношение к людям с ОВЗ (62 и 74%).

Так, было важно выявить уровень информированности школьников о людях с ОВЗ.

Большая часть учеников двух школ имеет некоторое представление о том, кто такие люди с ОВЗ. Однако они не знают никаких нормативных документов, защищающих права людей с ОВЗ, не знают учреждений для помощи людям с ОВЗ. Следует отметить, что ученики сельской школы лучше осведомлены о специальных учреждениях.

Таким образом, ученики имеют некоторое представление о людях с ОВЗ. Однако их толерантное отношение формируется через опыт общения с ними. То есть совместное обучение является фактором формирования доброжелательного отношения к людям с ОВЗ.

Исходя из приведенной выше информации, можно сделать вывод, что отрицательное отношение к людям с ОВЗ и инвалидностью сменилось положительным или безразличным. Это свидетельствует о некоторых положительных изменениях, происходящих в обществе, однако не решает проблему включения людей с ОВЗ и инвалидностью в общество.

В настоящее время, государство поддерживает получение инвалидами образования и гарантирует создание инвалидам необходимых условий для его получения.

Поддержка общего образования, профессионального образования и обучения инвалидов направлена на:

- 1) осуществление ими прав и свобод человека наравне с другими гражданами;
- 2) развитие личности, индивидуальных способностей и возможностей;
- 3) интеграцию в общество [2].

На сайте государственной статистики четко представлено количество людей, получивших статус инвалидности. Обозначено количество людей по группам инвалидности, категория ребенок-инвалид. Однако вся статистика строится на количестве выплачиваемых пенсий. Так как не все проходят экспертизу для получения статуса инвалида, большая часть населения остается не зафиксированной, что создает проблемы для подсчетов. В соответствии с Постановлением Правительства РФ «О порядке и условиях признания лица инвалидом» [1] и приказом Минздрава социального развития РФ «Об утверждении классификаций и критериев, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы» граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы для установления группы инвалидности необходимо иметь «нарушение здоровья со стойким выраженным расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению одной из категорий жизнедеятельности или их сочетанию и вызывающее необходимость его социальной защиты» [3]. Если человек не имеет ограничений, которые приводят его к необходимости социальной защиты, то инвалидность не может быть определена. Однако проблема остается, такие люди не могут себя содержать, а значит, необходимо создание системы по профилактике роста инвалидности в России.

Точная диагностика любого ребенка, является важным условием, которое может обеспечить успешную инклюзию. Диагностика может быть осуществлена с помощью квалифицированной диагностической службы. Данная служба должна не только установить диагноз, но и дать заключение для общеобразовательного учреждения, куда направляют ребенка в соответствии с диагнозом, содержащим рекомендации к плану обучения.

Рассогласованность диагностических изучений, которые проводятся специалистами разного профиля, является большой проблемой. В числе таких специалистов: медицинские работники, психологами и педагоги. Комплексность работы сталкивается с неготовностью данных специалистов к диалогу. Другой важной проблемой образования, считается развитие системы сопровождения. Более важным вопросом является диагностика факторов, позволяющих найти решение всех поставленных проблем. Однако современные методы, которые используются специалистами, ориентированы не на поиск выхода из проблемы, а на ее констатацию.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в современном инклюзивном образовании существуют такие проблемы как:

Проблема принятия школьников людей с ОВЗ и инвалидностью

Низкая информированность окружающих людей о людях с ОВЗ и инвалидностью

Отсутствие закреплённой практики индивидуальных программ в общеобразовательных учреждениях

Нехватка специалистов, неподготовленность кадров, специфика методик

Проблема получения статуса ребенка с инвалидностью

Низкая доступность в использовании окружающей среды для людей с инвалидностью

Внутренние проблемы ребенка и семьи, психоэмоциональная составляющая, страх быть отвергнутыми обществом [5].

Все обозначенные факторы в значительной степени препятствуют развитию эффективной системы инклюзивного образования. Для изменения ситуации возникает потребность в принятии федеральных целевых программ и проектов, направленных на разработку специальных образовательных программ, организацию специализированной подготовки преподавателей образовательных учреждений, на переоборудование образовательных учреждений, а также на работу со здоровыми детьми и их родителями для устранения различных стереотипов о детях-инвалидах.

ЛИТЕРАТУРА

1. «О порядке и условиях признания лица инвалидом» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 N 95 (ред. От 22.03.2019) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
2. «О социальной защите инвалидов» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
3. «Об утверждении классификаций и критериев, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» [Электронный ресурс]: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 23.12.2009 N 1013н // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
4. Аитов Н.А. Социальные аспекты получения образования в СССР // Социальные исследования. М.: Наука, 1968. Вып. 2. С. 187–196.
5. Кантор В. З. Инклюзивное образование как новая парадигма государственной политики. Материалы заседания Ученого совета университета 27 мая 2010 года // Вестник Герценовского университета. № 9 (83), 2 сентября 2010 г. С. 7–8
6. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999. 341 с.

ОБРАЗ ОТЦА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОДРОСТКОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В Г. ТОМСКЕ И Г. ЕСИКЕ)

Н.Р. Жанабаева

Научный руководитель: ст. преп. Т.Д. Подкладова

Томский государственный университет

Исследования феномена родительства в условиях трансформации института семьи становятся все более актуальными, требуя интеграции данных исследований, проводимых в различных науках. Однако при большом интересе ученых к феномену семьи и семейных отношений, внимание к такому явлению как отцовство уделяется существенно меньше, чем материнству и, в целом, недостаточно.

В рамках социологического подхода отцовство определяется как «поведенческий образец», «подсистема родительства». Отцовство включает в себя реализацию мужчиной воспитательной, социально-статусной, хозяйственно-бытовой, экономической, досуговой, коммуникативной функций и функции социального контроля по отношению к своим детям [2]. Такие исследователи, как Карельская Л.П. [3], Авдеева В. [1], и Хитрук Е.Б. [4], рассматривают трансформацию отцовской роли и функций, подчеркивая вариативность реализации отцовских функций в зависимости от социокультурных особенностей общества. На сегодняшний день существуют разного рода социальные практики, которые подразумевают активное участие мужчины в различных аспектах общественной и семейной жизни. Например, в Томске в марте 2019 состоялась первая папа – школа, а в большинстве регионов России созданы советы отцов, которые, как правило, работают при Уполномоченных по правам детей.

Автором данной работы в 2018–2019гг. было проведено исследование в форме анкетирования старших школьников России (г. Томск) и Казахстана (г. Есик) с целью выявления факторов, влияющих на формирование образа отца у современных школьников России и Казахстана. В исследовании приняли участие 295 школьников, из них 100 – Казахстан, 195 – Россия. Возраст школьников – 14–18 включительно. В числе ключевых факторов, на наш взгляд, влияющих на образ отца, выступают возраст ребенка, возраст отца, тип семьи, социальный статус отца, религиозное воспитание. Данные факторы взаимосвязаны и взаимозависимы.

Социальный статус отца предположительно зависит от профессиональной занятости родителя – был задан вопрос «Кем работает Ваш отец?» – 36% – Квалифицированные работники, и «Является ли он для Вас авторитетом?» – 40% «Да, является» и 30% «Скорее да, чем нет».

Религиозное воспитание один из факторов составляющий «Авторитарный образ отца». В ходе исследования была поставлена гипотеза, «Отцы авторитарного типа в большей степени участвуют в религиозном воспитании респондентов» И на вопрос «Дает ли Вам отец/отчим советы касаясь религии?» 71% респондентов указал, что «да, дает». Что подтверждает гипотезу автора, и говорит о том, что отцы авторитарного типа участвуют в религиозном воспитании респондентов. Тогда, как на этот же вопрос школьники из России дали такие результаты: 21% «да, дает» 78% «нет, не дает», что показывает колоссальную раз-

ницу (50%) на разное отношение к религиозному воспитанию детей в данных странах.

Чтобы понять, что в приоритете у школьника был задан вопрос «Что вы больше всего любите делать?» Вопрос направлен на приоритетность времяпровождения с отцом наряду с другими интересами ребенка. Наибольшее количество респондентов выбрали вариант «Гулять с друзьями» – 71%; 50% – РК; 19% респондентов выбрали вариант «проводить время с папой» – РФ; 35% – РК. При рассмотрении данных результатов учитываем возраст опрашиваемых, закономерно, что у респондентов данной возрастной категории в приоритете увлечения и друзья, но это не означает, что отец не важную роль играет в жизни ребенка.

Далее был задан вопрос, касающийся эмоциональной близости родителя и респондента: «Если у Вас, возникнет трудная ситуация, то к кому Вы в первую очередь обратитесь?» (выявление степени доверия ребенка к отцу в условиях трудной ситуации, готовности обратиться за помощью). Ответы были следующие: «к маме» – 73%, «К друзьям» – 66%, «К отцу/отчиму» – 35% респондентов. Вариант «к отцу/отчиму» можно отнести к невысокой степени доверия ребенка к родителю. Но в иерархии ответов занимает 3-ю позицию, что тоже является показателем.

Данный вопрос направлен на выявление у респондентов авторитетности отца: «Мнение папы/отчима является для Вас авторитетным?» 40% респондентов выбрали вариант «да», 32% – «скорее да, чем нет», 10% – «скорее нет, чем да», 10% – «нет, не является», 8% – «затрудняюсь ответить»; Можно сделать вывод, что степень авторитетности отца у респондентов выше среднего.

Основные духовные ценности, в том числе и религиозные, формируются в семье, поэтому был задан ряд вопросов, касающихся религиозного воспитания. 87% респондентов отметили, что не ходят вместе с отцом в церковь/мечеть, а 13% указали, что посещают с родителем указанное место, что является показателем того, что отцы практически не участвуют в религиозном воспитании детей или данный аспект воспитания, отсутствует в семье.

Вопрос направлен на выявление представлений детей об основных (главных) функциях отца в семье. Так как опрашиваемые школьники подросткового возраста, следовательно, уже имеют представление об основных функциях отца в семье. Так, 81% респондентов отметили вариант – «обеспечивать семью материально», 64% – «принимать активное участие в воспитании детей», 47% – «вместе с женой решать все семейные и домашние вопросы», 28% – «помогать в работе по дому». Ответы, с разницей в 1–3%. 16% – «отвечать за дисциплину в семье», 14% – «организовывать семейный досуг», 14% – «принимать важные общесемейные решения».

Школьники умело расставили приоритеты среди ответов, подчеркивая важную для них семейную ценность. Возможно, подчеркнули для своей будущей семьи ценности, которые они хотели бы иметь.

По окончании исследования были проведены корреляции, на основании которых можно сделать следующий вывод, что в современной России доминирует Авторитарный образ отца «Отец – глава семьи», он прослежен у 40% респондентов, на втором месте «Отец – друг, товарищ» – 30%, Отсутствующий отец – 20% и Приходящий отец – 10%.

Так, в России в процентном соотношении получилось выстроить следующие образы отцов: «Отец – глава семьи» – 40% респондентов, «Отец – друг, товарищ» – 30%; «Отсутствующий отец» – 20%; «Приходящий отец» – 10%. Респонденты почти в одинаковом количестве отметили следующие образы – «Отец-глава семьи» и «Отец-друг, товарищ»; Это говорит о том, что образ отца в Томске на данный момент включает в себя оба данных образа, т.е. идет соединение этих двух образов. Отцы стараются быть ребенку не только авторитетным родителем, но и построить доверительные, дружеские отношения.

Чего нельзя написать о казахстанских отцах. Так как исследование проводилось при помощи одного и того же инструментария, вероятно, итоги будут схожими.

В Казахстане был и остается образ – «Отец - глава семьи». Так как между родителем и ребенком выстроены отношения на основе культурных и традиционных правил. Таким образом, в Казахстане были выстроены следующие образы: «Отец – глава семьи» – 55% респондентов, «Отец – друг, товарищ» – 25%, «Отсутствующий отец» – 15%, «Приходящий отец» – 5%. Анализируя оба исследования, можно сделать вывод, что образ отца в данных странах отличается в первую очередь культурой, которую в основном определяет вероисповедание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеева В.* «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми// Социологические исследования. 2012. № 11. С.95–104.
2. *Алмассуд Халед.* Отцовство как междисциплинарный феномен// Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2017. С. 8–10.
3. *Карельская Л. П.* Тенденции развития современного института отцовства // «Наука и образование: современные тренды». Чебоксары. 2015. С. 30.
4. *Хитрук Е. Б.* Философские предпосылки формирования феномена «отсутствующий отец» в современной культуре //Вестник Томского государственного университета. 2013.№ 368. С. 54–59.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕНЩИН, ПЕРЕНЕСШИХ РАК МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ

Д.В. Котова

Научный руководитель: ст. преп. Т.Д. Подкладова
Томский государственный университет

Злокачественная опухоль или же, как говорят в повседневной жизни рак – это медико-социальная проблема современного общества. Исходя из статистических данных представленных Федеральной службой статистика здравоохранения, можно говорить о том, что с каждым годом заболеваемость населения различными злокачественными опухолями увеличится, таким образом, количество людей, столкнувшихся с данной формой болезни, в период с 2005 по 2016 год увеличилось с 469,2 до 599,3 на 100000 человек. С увеличением заболеваемости количество реабилитируемых пациентов также увеличивается. Следовательно, возникает множество вопросов, связанных с реабилитацией, один из которых – это социальная реабилитация, ее методы и практики.

Данные статистики говорят о том, что онкологические заболевания становятся все распространенное, затрагивая все больше людей. В своей работе я бы хотела уделить больше внимания отдельному виду онкологического заболевания, а именно раку молочной железы.

Каждый год количество женщин, столкнувшихся с раком молочной железы, растет. По статистическим данным, рак груди входит в «ТОП-10 самых распространенных диагнозов раковых заболеваний в мире» и занимает там вторую позицию, что свидетельствует о его достаточно большой распространенности среди женщин, следовательно, говорит и о достаточном количестве реабилитируемых пациенток.

Проблема реабилитации женщин, перенесших рак молочной железы (РМЖ), на данный момент является актуальной, так как количество женщин, болеющих данной формой онкологического заболевания, с каждым годом все выше. По данным Федеральной службы государственной статистики здравоохранения в период с 2005 по 2016 год количество заболевших женщин выросло с 40,5 до 68,5 тысяч. Согласно этим данным, вопросы профилактики и лечения РМЖ с каждым годом затрагивают все больше и больше женщин, а это значит, что, проблема реабилитации становится все актуальней.

Вместе с данной медицинской проблемой возникает немало социальных проблем. Одной из наиболее важных является проблема реабилитации и адаптации женщин, перенесших РМЖ. Медицинской реабилитации и адаптации уделяется гораздо больше внимания, так как предотвращение рецидива болезни и сохранение здоровья женщины является главной задачей в послеоперационный период. Зачастую, рак приносит множество сопутствующих проблем, одной из которых является табуирование данной темы, социальное отторжение обществом людей, больных онкологическими заболеваниями или их социальная самоизоляция.

Зачастую, онкобольные испытывают как внутреннее, так и внешнее угнетение. Внутреннее угнетение связано с психологической неготовностью к данному заболеванию, чаще всего женщины становятся эмоционально нестабильными в ходе болезни, что приводит к различным психологическим расстройствам. Внешнее угнетение выражается в недопонимании здоровыми людьми нынешне-

го физического и психологического состояния женщин, столкнувшихся с РМЖ. Также женщина встречается с множеством проблем, связанных с общением и коммуникацией, как с незнакомыми людьми, так и с близкими, иногда, даже, с членами семьи. Исходя из статистических данных, можно сказать, что многие семьи сталкиваются с рядом проблем, а некоторые браки не выдерживают такого жизненного испытания, как рак и распадаются. Также женщинам необходимо профессиональное восстановление, то есть восстановление профессиональных навыков или же освоение новой профессии. Так как некоторые женщины, перенесшие данное заболевание, не могут вернуться к прежней работе, чаще всего это относится к профессиям, связанным с физическим трудом, но иногда это может относиться и к совершенно иным профессиям по ряду причин. Именно поэтому, комплексная реабилитация и адаптация онкобольных является одной из важнейших задач здорового общества.

ПРАВОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ Г. ТОМСКА

К.Р. Манакова

Научный руководитель: к.ф.н. К.М. Южанинов

Томский государственный университет

Дети – один из наименее защищенных слоев населения в силу их «физической и умственной незрелости» [3]. В России проблемам детства стали уделять особое внимание с 1990 года, с момента ратификации Конвенции о правах ребенка, в соответствии с которой за детьми закрепился набор прав, и они стали полноценным субъектом права.

Родители выступают в роли основного защитника прав ребенка [2]. Поэтому они должны обладать правовой компетентностью, а именно знаниями о правах и обязанностях своих детей, умениями их защищать. Это позволит решать проблемы в семье, проблемы детей в школе, а также воспитывать детей в правовом поле [4]. Но существует проблема недостаточности таковых знаний [1]. С целью анализа отношения родителей старших школьников г. Томска к правам и обязанностям ребенка, их правовой компетентности в декабре 2018 было проведено исследование в форме анкетирования. В нем приняло участие 136 родителей из лицея №1 им. А.С. Пушкина, школы № 28 и школы № 42.

Чтобы понять, как родители оценивают наличие у детей прав, респондентам был задан вопрос: «Как вы считаете, есть ли у ребенка права?». Итак, 38% опрошенных считают, что ребенок обладает такими же правами, как и взрослые, и почти столько же ответили, что у детей права особые – 39%. 20%, указали, что у ребенка меньше прав, чем у взрослых, 5% – что у детей больше прав, чем у взрослых, 1,5% уклонились от ответа и столько же считают, что у детей нет прав. Вырисовывается положительная картина. Родители осознают, что у детей есть особые права, а доля тех, кто считает, что у детей нет прав, очень мала.

Права ребенка прописаны в законах четко, чего нельзя сказать об обязанностях. Что думают родители по поводу обязанностей детей было выяснено с помощью вопроса: «Как вы считаете, есть ли у ребенка обязанности?». Половина родителей (54%) выбрали ответ «да, они прописаны в законе и существуют на бытовом уровне (домашние обязанности). Пятая часть (23%) респондентов полагают, что обязанности у детей есть только домашние и 19%, что существуют только прописанные в законе обязанности. Только 2% ответили, что у детей нет обязанностей (2%), и столько же затруднились ответить. Таким образом, большинство родителей согласились с тем, что у ребенка есть обязанности, но по поводу того, какие они, мнения разошлись. Это говорит об отсутствии четких представлений родителей о том, что обязаны выполнять их дети.

Правовая грамотность детей важна для их правовой безопасности и в период детства, и во взрослой жизни. Но согласны ли родители с данным утверждением? Чтобы это выяснить, респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, должны ли Ваши дети (ребенок) знать о своих правах?». Большинство (90%) считают необходимым получения детьми знаний о правах, многие из них отметили, что эти знания нужны ребенку для защиты своих прав. Немногие (2%) выбрали вариант: «знание прав приводит к шантажу учителей или родителей»

С целью определения уровня правовой грамотности родителей, респондентам была предложена таблица, где необходимо было отметить, на что дети имеют право, а на что нет. Были предоставлены еще варианты ответов «скорее да, чем нет», «скорее нет, чем да», которые отражают сомнения родителей. Эти варианты выбирали 40% респондентов. Представления родителей расходились по поводу следующих прав ребенка. 1) Проводить в школе собрания по защите своих прав [Ст.15 Конвенции] – 60% выразили сомнение, но достаточно много, кто ответил «да» – 32%. 2) Спорить с учителем [Ст.13 Конвенции] – 54% сомневались, однозначно ответили «нет» – 23%. 3) Право скрывать свою личную переписку от родителей [Ст.16 Конвенции] – 60% выразили сомнение, а 21% считают, что дети не имеют такого права. Данные результаты могут свидетельствовать о не высокой компетентности родителей в данных вопросах и присутствии в сознании некоторых установок, сохранившихся со времен Советского Союза.

Практически не было сомнений по поводу следующих прав ребенка. 1) Общаться с обоими родителями [ст.9, п. 3 Конвенции] – абсолютное большинство (94%) отметили верный вариант ответа. 2) Право знать о своих правах [ст. 42 Конвенции] – 85% ответили положительно. 3) Выражать свое мнение при решении в семье какого-либо вопроса, затрагивающего его интересы [ст. 12 Конвенции] – 82% респондентов ответили верно. 4) Обратиться в органы опеки или иные службы для защиты [ст. 56, п.2 СК РФ] – около половины респондентов (46%) ответили верно, и столько же (45%) сомневались в выборе ответа.

Следующими были «вопросы-ловушки», с которыми большая часть родителей справились. В них были указаны те права, которых нет у детей. 1) Принимать участие в политических выборах. Правильно указало около половины респондентов (46%); 2) Самостоятельно изменить ФИО. Справились столько же родителей (45%).

Для понимания жизненной позиции родителей в отношении защиты прав детей, респондентам был задан вопрос: «Представьте ситуацию, если Вы замечаете или знаете, что ваши соседи применяют физическую силу к ребенку или вы слышите постоянные крики ребенка, каковы будут ваши действия?». Преобладает вариант ответа «Поговорю лично с соседом и объясню, что такое поведение недопустимо» – 49%. На втором месте оказался вариант «Сообщу в органы опеки или полицию» – 37%. Радует, что описанную в вопросе ситуацию считают нормальной только 2%, столько же ничего не сделают, 4% не обратят внимания, так как не хотят лезть в чужую семью. Итак, большинство родителей не останутся равнодушными и предпримут какие-либо меры.

Важно, чтобы родители обладали не только знаниями прав, но и навыками защиты прав своих детей. Чтобы выявить, какой стратегии поведения родители придерживаются, когда их ребенок вступает в конфликты, им было задано два вопроса: «Если Ваш ребенок скажет Вам, что его оскорбляют, унижают, угнетают в школе 1. ученики/2. учителя, каковы будут Ваши действия?», в которых респондентам можно было выбрать три варианта ответа. На первый вопрос чаще всего отвечали, что обратятся в администрацию школы (57%); что будут общаться с родителями ребенка-обидчика (56%); что обратятся к школьному психологу/социальному педагогу/классному руководителю (33%); что поговорят непосредственно с учеником, который «обижал» их ребенка (23%). Во втором вопросе оказалось два лидирующих варианта ответа – это разговор родителей

лично или по телефону с самим учителем (70%), обращение в администрацию школы (60%). На третьем месте – обращение к социальному педагогу/психологу/классному руководителю – 17%. Немногие посоветовали бы решить ситуацию самостоятельно (12% в ситуации со сверстниками и 8% с учителями), и еще меньше – не обращать внимания (6% в ситуации со сверстниками и 6% с учителями). Наблюдается закономерность, что на конфликты с учителями родители обращают большее внимание. Данные результаты говорят о неравнодушии большинства родителей к конфликтам детей.

Таким образом, подавляющее большинство родителей знают, что ребенок обладает правами и обязанностями и осознают важность информирования об этом детей. Уровень правовой грамотности родителей находится на низком уровне, наблюдается отсутствие уверенности в своих знаниях и несогласие с теми правами ребенка, которые обеспечивают личную автономность ребенка. Когда дети находятся в конфликте с учителями или учениками, родители чаще всего предпочитают личные беседы с «обидчиками» и обращение в администрацию школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калабихина И. Е.*, Зверева Н. В., Архангельский В. Н. и др. Знание школьниками Москвы собственных прав и способов их защиты. Москва. 2009. С. 156.
2. *Кон И С.* Детство как социальный феномен/ журнал исследований социальной политики. Москва. 2003. №2. С. 151–174.
3. *Конвенция* о правах ребенка [Электронный ресурс]: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990.
4. *Репринцева Г.И.* Социально-педагогическая парадигма повышения родительской компетентности средствами дополнительного сетевого образования// Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. №8. С. 114–119.

ОТНОШЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ К ЛЮДЯМ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ШКОЛЕ

Ю.Д. Синева

Научный руководитель: ст. преп. Е.А. Аверина
Томский государственный университет

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 1 января 2019 года в России насчитывается 11750000 людей с инвалидностью, из которых 655000 человек – это дети-инвалиды [3]. По данным на 2016 год 72,2% детей с инвалидностью в возрасте от 9 до 15 лет посещают общеобразовательную организацию, 18% – обучаются на дому с прикреплением к конкретной общеобразовательной организации, 8% респондентов не подлежат обучению по состоянию здоровья, а 1,8% опрошенных не посещают общеобразовательной организации по иным причинам [2]. Это означает, что большинство родителей, которые имеют ребенка с инвалидностью, заинтересованы в получении их ребенком среднего общего образования. Но какой процент детей с инвалидностью, посещающих общеобразовательную организацию, обучается в обычной, а не специализированной школе? Если представить, что окружающая среда будет полностью адаптирована под нужды людей с инвалидностью, сможет ли это добиться им полного равенства, признания со стороны общества?

Однозначного ответа здесь получить нельзя, но все же если предположить, что данная практика реальна, она не получит должного развития без существования в ее основе идеи формирования инклюзивной культуры.

Инклюзивная культура – это, с одной стороны, система взглядов, в основе которой лежит признание существования у любого человека различных физических или психологических ограничений, с другой стороны, это совокупность знаний, навыков и правил поведения в обществе по отношению к людям с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья [1].

Без существования инклюзивной культуры невозможно полноценное включение людей с ограничениями здоровья в общественную жизнь. Наличие доступной среды, новейших технологий и высококвалифицированных специалистов не может позволить таким людям достичь признания со стороны общества.

Также, стоит отметить, что формирование инклюзивной культуры должно осуществляться именно в образовательной среде, так как образование является одним из самых главных источников формирования культуры человека в целом, и поэтому оно является отличной платформой для трансляции идей инклюзивной культуры в общество.

С целью определения того, как наличие инклюзивной культуры влияет на взаимоотношения общества и людей с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья, проводится исследование, состоящее из 3 этапов. Данное исследование проводится на базе МАОУ СОШ № 47 г. Томска среди учеников 8–11 классов.

Первый этап представляет собой анкетирование, направленное на выявление отношения школьников к детям с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья. Данный тип отношений является одним из основных факторов, способствующих развитию инклюзивной культуры в образовательной сре-

де, наряду с такими факторами, как семья, личный опыт (наличие бытовых и социальных навыков), место жительства, система образования, отношение родителей к наличию инвалидности у ребенка, внешние мотивирующие факторы (примеры людей, сумевших преодолеть себя).

Анкета состоит из 3 блоков, такие как теоретические знания в области инклюзии, отношение окружения школьников к детям с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья и их личное отношение к таким детям. В нем приняли участие 111 человек, среди которых 51,4% – это девушки и 48,6% – юноши.

Если рассматривать теоретические знания респондентов в области инклюзии, то согласно полученным результатам, большинство из них (74,8%) считают, что люди с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья – это люди, имеющие нарушения в физическом или психическом здоровье. Однако вопрос: «Какие типы инвалидности Вы знаете?» вызвал у школьников массу затруднений. Были названы такие типы инвалидности, как нарушение опорно-двигательного аппарата, люди с нарушением зрения, слуха, речи (30,6%). Но, в основном, ответы сходились к типам здоровья «физические и психические» (24%), конкретным заболеваниям «синдром Дауна, аутизм, ДЦП, диабет» (22%), причем были ответы, которые показывали явную некомпетентность в данном вопросе «даунизм, инвалиды с нарушением опорно-двигательной системы», а некоторые, так и не смогли дать ответа (23,4%). Также школьникам был задан вопрос: «Как Вы считаете, сталкиваются ли люди с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья с трудностями?», половина (50%) из них считают, что основная трудность для таких людей заключается в передвижении и самообслуживании, город не адаптирован под нужды людей с ограничениями «некоторым людям неудобно ездить на коляске по городу, так как сделано очень мало оборудования для инвалидов», «они нуждаются в постоянном уходе. Государство не развито в плане ухода за инвалидами, потому им еще сложнее». 46% респондентов считают, что основная трудность заключается в принятии обществом «у них могут быть такие же проблемы, как и у обычных людей, мало кто захочет общаться с человеком, который отличается от них. Думаю, таких людей унижают и даже не относятся к ним, как к обычным людям», «осуждение со стороны недоразвитого общества людей, оскорбления, подшучивания и многие другие противные вещи со стороны тугодумов», «жизнь полна трудностей, особенно для людей с ограниченными возможностями, но не думаю, что они замечают это, то, что для нас выглядит жалко, неприятно, для них совершенно нормально, они как обычные люди делают свои повседневные дела, работают, учатся, единственное, что я могу отметить, так это другое отношение к ним общества, я считаю, что их надо воспринимать, как обычных людей. Некоторые их боятся, некоторые смеются. Постоянная жалость и сострадание тоже плохо, когда люди проявляют к ним чрезмерное внимание, они могут чувствовать себя неловко». Стоит отметить, что только 4,5% школьников посчитали, что у людей с подобными нарушениями не возникает никаких проблем.

Таким образом, можно сказать, что большая часть респондентов правильно понимает, кто такой человек с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья, но мало кто знает (47,4%), какие они бывают и как их отличить друг от друга. Однако практически все (87,3%) отмечают, что у таких людей

существуют проблемы с доступностью среды и взаимоотношением с обществом, которые, как правило, приводят к непониманию, оскорблениям, жалости, чувству страха и т.д.

Чтобы определить отношение окружения школьников к детям с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья, респондентам были заданы вопросы относительно членов их семьи и друзей. Полученные результаты говорят о том, что большинство из них (члены семьи – 43,2%, друзья – 27%) относятся к людям с данными видами ограничений доброжелательно, чуть меньше (члены семьи – 33,3%, друзья – 25,2%) относятся к ним с сочувствием. И только в ответе «безразлично» появились наиболее явные расхождения, если у членов семьи данный ответ составляет всего 6,3%, то у друзей он составляет 18%, что очень близко к показателям основных ответов.

Таким образом, большинство респондентов считают, что члены их семьи (76,5%) и друзья (32,2%), в основном, относятся к людям с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья доброжелательно или с проявлением сочувствия, однако, по мнению школьников, среди их друзей имеется и доля тех, кто относится к таким людям с безразличием (18%) или вовсе с неприязнью или отращением (2,7%).

При рассмотрении личного отношения подростков к людям с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья, большая ставка ставилась на тех респондентов, которые уже учатся с таким человеком (13,5%). Большинство из них (57,7%) относятся к ребенку с подобными нарушениями положительно и считают, что он точно также, наравне со всеми может участвовать в активной деятельности класса, 23,1% школьников выразили безразличие, а 19,2% – относятся нейтрально и считают, что он точно такая же часть класса, как и все остальные.

Отвечая на вопрос: «Изменилось ли Ваше отношение к человеку с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья после общения с ним (ней)?», большинство (44%) отметило, что их отношение никак не поменялось, 36% – не заметили и вовсе разницы в общении с обычными людьми, а 20% – признали, что их отношение к таким людям изменилось в лучшую сторону (20%). А отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, может ли такой ребенок обучаться в обычном образовательном классе?», большая часть респондентов (23,4%) считает, что ребенок с данными ограничениями может обучаться в общеобразовательном классе, но если для него будут созданы все условия «конечно, если школа будет готова и обустроена так, чтобы ему было максимально комфортно», также были и те, кто противился этому (18%) «я думаю, что лучше всего создавать специальные школы для детей с инвалидностью», «нет, так как ему будет тяжело что-то делать среди нормальных учеников», «нет, для детей с ограниченными возможностями здоровья обучение проходит в домашних условиях».

Таким образом, все респонденты, как правило, выражают доброжелательное или нейтральное отношение к ребенку с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья, стоит отметить, что не было высказано ни одной отрицательной позиции, школьники готовы идти на контакт, взаимодействовать, но, с другой стороны, ясно понимая всю картину окружающей действительности.

сти, они признают некоторую невозможность данных явлений без создания специальных условий для передвижения и социального взаимодействия.

Инклюзивная культура не может существовать без специально созданных условий, но она и не может существовать без квалифицированных специалистов, помогающих налаживать контакт взаимодействия между детьми, без мероприятий, направленных на понимание всей важности взаимопомощи, ценности жизни каждого отдельного человека, которые и будут являться основой 2 этапа исследования. На 3 этапе предполагается осуществить выходное анкетирование, позволяющее проследить динамику изменения отношения детей без инвалидности к детям, имеющим подобные нарушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бут Т., Эйнскоу М. Показатели инклюзии: практическое пособие. М.: Центр исследований в обл. инклюзивного образования (CSIE), 2013. С.9–10.
2. *Посещение общеобразовательных организаций детьми в возрасте от 9-ти до 15 лет* [Электронный ресурс] // URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/8-16-2016.doc (дата обращения: 03.04.2019);
3. *Численность инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации* [Электронный ресурс] // URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/1-2.doc (дата обращения: 03.04.2019).

СОЦИАЛИЗАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В МОСКВЕ

Фан Мэнлинь

Научный руководитель: к.п.н. Р.Р. Гасанова

канд.психол. н., ст. препод.,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Студенческую социализацию следует рассматривать как важнейший вид социального взаимодействия в вузе, в ходе которого совершается формирование и становление студента как будущего профессионала в своей деятельности. Этот процесс можно концептуализировать как интернализацию социальных норм, где студент ощущает внутреннюю потребность в приспособлении к окружающей его профессиональной среде вуза, и как сущностный элемент социального взаимодействия. Социализация вбирает противоречивое многообразие взаимоотношений, включая происхождение и обычаи, нормы поведения, ценностей самой личности, фокусирующейся на себе. Все оно является продуктом культуры и природы поведения посредством его научения т.е. социализации.

Профессиональное образование в значимых областях жизнедеятельности выступает как средство самореализации, самовыражения и самоутверждения личности, а также как средство устойчивости, социальной самозащиты и адаптации индивида, поэтому нами решено было обратить внимание на культурно-просветительскую и досуговую деятельности студентов-первокурсников, которая могла бы способствовать их освоению (адаптации) в среде вуза [1].

В связи с этим в качестве объекта исследования была выделена социальная и профессиональная адаптация китайских студентов, а предметом исследования – педагогические условия формирования социальной и профессиональной адаптации китайских студентов в Москве.

Для скорейшей социальной адаптации иностранцев-первокурсников была разработана адаптационная программа к новым существующим обстоятельствам и препятствиям, таких как:

- преодоление языковых барьеров;
- освоение инокультурных ценностей и традиций;
- знакомство с российской социокультурной средой;
- установление доверительных коммуникаций и отношений.

Целью исследования стало построение и разработка модели в качестве инструментальной технологии социальной и профессиональной адаптации китайских студентов, приезжающих учиться в Москву посредством организации их культурно-просветительской и досуговой деятельности.

Для достижения поставленной цели выдвинуты следующие задачи:

1. Определить специфику культурно-просветительской и досуговой деятельности в процессе социальной и профессиональной адаптации китайских студентов в Москве.
2. Построить организационно-педагогическую модель социальной и профессиональной адаптации китайских студентов в Москве средствами культурно-просветительской и досуговой деятельности.
3. Разработать и экспериментально апробировать технологию социальной и профессиональной адаптации китайских студентов в Москве средствами культурно-просветительской и досуговой деятельности.

4. Предложить практические рекомендации по социальной и профессиональной адаптации китайских студентов в Москве средствами культурно-просветительской и досуговой деятельности [1; 2].

Проводимое исследование включило разработку поэтапной программы поддержки в адаптации иностранцев «Москва глазами китайских студентов». Программа была рассчитана на 10 месяцев и разбита на несколько этапов:

- ознакомительный (сентябрь–октябрь);
- творческий (ноябрь–декабрь);
- ответственный (январь–февраль);
- результативный (март–апрель);
- перспективный (май–июнь).

Каждый этап содержит в себе несколько циклов встреч (8-9), различные цели и формы работы, ролевые игры, тренинги, тесты, кейсы и диагностики, походы в музеи, галереи, театры и т.п.

Исходя из гипотезы, что, оказывая поддержку и сопровождение иностранцам-первокурсникам, раскрывая им многообразие духовной и культурной жизни россиян, то возможно преодоление языковых барьеров, снятие тревожных зажимов перед незнакомым для них миром, вследствие чего осуществлять более успешное обучение, профессиональное формирование и становление студентов в вузе как будущих специалистов. Поэтому на первых встречах-занятиях были предоставлены телефоны кураторов, в качестве «горячих-экстренных кнопок» на все случаи жизнедеятельности в городе, проведены беседы по ожиданиям ближайших перспектив и проблемам организации быта, связанные с питанием, проживанием в общежитии и проезда. В то же самое время подготовлен организационно-педагогический план с четким алгоритмом действий, применением личностно-развивающих психолого-педагогических методов, который придаст: безболезненное и безстрессовое пребывание студентов в академической среде; повысит уровень их познавательной активности, успеваемости и самооценки; разовьет личностные потребности и ценностные ориентации, а также гармоничные межличностные отношения.

Условием качественной подготовки будущих профессионалов своего дела является формирование адаптивных свойств и качеств личности, поэтому создание плана реализации с четким алгоритмом действий, применением личностно-развивающих психолого-педагогических методов и технологий, приведет:

- к безболезненному и безстрессовому пребыванию студентов в академической среде;
- повысится уровень их познавательной активности, успеваемости и самооценки;
- разовьются личностные потребности и ценностные ориентации;
- установятся гармоничные межличностные отношения, позитивное отношение к себе и окружающим.

Итак, обучение, профессиональное формирование и становление студентов в вузе как будущих специалистов будут успешно осуществляться, если они почувствуют поддержку и заботу о них. В связи с этим мы разработали программу по культурно-просветительской и досуговой деятельности иностранных студентов т.к. считаем ее важнейшим педагогическим инструментом социальной и профессиональной адаптации иностранцев-первокурсников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фан М., Гасанова Р.Р.* Социальная адаптация китайских студентов посредством культурно-досуговой деятельности // Перспективы науки. 2018. № 11 (110). С. 170–174.
2. *Fang M., Gasanova R.R.* 中国学生在莫斯科的社会化 Socialization of Chinese students in Moscow. // 国际会议“研究转移”参与者的英文报告 International Conference «Research transfer», Participants' reports in English. 2018. Vol. 2, pp. 13–19.

ТАЙНА УСЫНОВЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

Е.А. Шавшина

Научный руководитель: ст.преп. Т.Д. Подкладова
Томский государственный университет

Сохранение тайны усыновления является одним из наиболее обсуждаемых вопросов в среде специалистов социальной работы, а также ученых и психологов. При этом данный вопрос находится на стыке нескольких наук – юриспруденции, социологии и психологии. «Хранить нельзя открыть» – где в этом случае поставить запятую?

Каждый усыновитель решает сам, сохранять тайну усыновления или не скрывать от ребенка правду и оставить усыновление открытым. Это социально-психологическая и правовая проблема современного общества, в которой необходимо разобраться.

Анализируя основные этапы развития усыновления в России, мы можем понять, как время и своеобразие определенного этапа истории развития Государства Российского сказались на развитии усыновления и семейных отношений. Мы видим, как понятие усыновления менялось на протяжении многих столетий. Зарождение усыновления еще в древней Руси, характеризующееся простой помощью детям со стороны церкви и монастырей, перешло в регулируемый законодательством социальный институт. Зарождение тайны усыновления в России произошло более 1 века назад и сохраняется по настоящее время. Насколько сильно устарело такое понятие и стоит ли его сохранять в наше время, необходимо разобраться. В большинстве современных государств Евросоюза принимается концепция полного усыновления, которая предполагает не только полную интеграцию усыновленного ребенка в новую семью, но и прекращение правовых связей с семьей биологических родителей. На данный момент, одним из спорных вопросов в сфере усыновления является сохранение тайны усыновления. Проблема тайны усыновления касается тех стран, в которых законодательно предусмотрено наказание за ее разглашение. Почти во всех странах СНГ тайна усыновления ребенка охраняется законом. Стоит разобраться, как в разных странах решается данная проблема. Анализируя законодательные нормы зарубежных стран, можно выделить некоторые особенности. Для начала стоит рассмотреть процедуру сохранения тайны усыновления в России. Тайна усыновления регулируется и охраняется законом, а конкретно 139 статьей Семейного кодекса РФ. Судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка. Следует отметить, что лица, разгласившие тайну усыновления ребенка против воли его усыновителей, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке. Но самым спорным вопросом является регулирование тайны усыновления уголовным кодексом РФ (ст. 155 УК РФ). Разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом из корыстных или иных низменных побуждений. Можно проанализировать законодательство и практики

других стран, в которых так же соблюдается тайна усыновления. Статьями УК Испании предусмотрено наказание за раскрытие третьему лицу тайны ребенка о его происхождении. В УК Голландии (ст. 272) и УК Швейцарии (ст. 321) должностных лиц предусматривается уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления. Также соблюдает тайна усыновления на законодательном уровне Республика Молдова, Украина, Республика Казахстан, Беларусь.

Если рассматривать преимущества и недостатки тайны усыновления, из преимуществ можно отнести, например, возможность ребенка ощущать себя полноценным членом семьи, а также незнание ребенком причин, по которым его отдали в центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Что же касается минусов, то тут выделяют ограничение прав ребенка на получение информации о родителях, уголовное преследование третьих лиц за разглашение тайны и психологический стресс для ребенка в случае отмены усыновления. Человек, даже после смерти своих усыновителей, не сможет получить никакой информации о том, кто был его родителями (в случае, если человеку нужно будет узнать его предрасположенность к генетическим заболеваниям, эта информация будет закрыта). Специалисты отмечают, что открытие тайны может затруднить процесса воспитания ребенка: у ребенка нередко развивается агрессия по отношению к родным и к приемным родителям. Подростки могут уходить из дома, чувствовать себя исключенными. Такая реакция заставляет переосмыслить взаимоотношения в семье, изменить правила и характер коммуникаций. Такая динамика может приводить к трудностям становления идентичности ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гагина Е.А. Сравнительно-правовой анализ норм зарубежного уголовного законодательства // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. №1 С. 6.
2. Гайсина Г.И. Семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: российский и зарубежный опыт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134693008> (дата обращения: 24.01.2019).
3. Селезнева С.Г. Проблемы уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №11 (302) С.105.
4. Ходырева Е.Б. Развития института усыновления в России и за рубежом // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013, №4 (32), С.105–112.

«SCHOLARLY WRITING AND PRESENTATION»

VARYING DOMAIN FIRST-ORDER MODAL LOGIC

A.R. Gavrikov

Academic advisors: DSc.(Philos.) E.V.Borisov, E.V.Vychuzhanina

Tomsk State University

How do we think? That is one of the most significant questions of philosophy. Our thinking is expressed in our language. In logic, we abstract from the content of our thoughts in an attempt to grasp their structure. Logic is a formal theory using which we can formalize statements of natural or artificial languages. Different logics can be used to formalize different types of statements. The purpose of the presentation is to present Varying Domain First-Order Modal Logic and its advantages. For this purpose, I will explicate the concept of a varying domain first-order modal model in comparison with the concept of extensional first-order model.

First of all, we should consider modal formal languages and their properties. There are some differences between languages of varying domain first-order modal logic and ones of classical first-order logic. The differences are due to using modals in varying domain first-order modal logic. That is why the vocabulary of modal logic extends that of classical first-order logic by using two new unary operators, $\Box$ (necessarily) and $\Diamond$ (possibly). Using modal operators, we can formalize such statements as «It is necessary that P» and «It is possible that P». Let me give you a few examples of formalizing statements of this type:

1. It is possible that Pushkin is bald. $\Diamond Bp$
2. It is possible that there is life on Mars. $\Diamond \exists x(Lx \& Mx)$
3. It is possible that there is a five-legged cat. $\Diamond \exists x(Cx \& Fx)$
4. It is necessary that the God is all good. $\Box Ag$
5. It is necessary that Providence exists. $\Box \exists x(x=p)$
6. It is necessary that the God is all good and that Providence exists. $\Box (Ag \& \exists x(x=p))$

As a result, the syntax of formal modal languages is extended by a new clause in definition of formulas. This rule is «If X is a formula, so are $\Box X$ and $\Diamond X$ ».

Now we can give the definition of the varying domain first-order modal model. A modal model (model for short) is an ordered quadruple (G, R, D, I) , where: a) G is a non-empty set whose members are called possible worlds. Possible worlds are alternative conceivable states of the actual world, and we take them into account when using

modalities. We will use Greek letters to refer to them b) R is a binary relation on G , called accessibility relation, which is the way in which possible worlds are connected to each other. If worlds B and Ω are in relation R , we write $BR\Omega$. In natural language this means that Ω is accessible from B , in other words, Ω is an alternative world to B ; c) D – is a function mapping members of G to non-empty sets, also called domain function. In other words, this function assigns to every possible world the set of objects existing in it. This means that in a varying domain first-order modal logic it makes sense to talk about the existence or non-existence of objects in possible worlds. Also this means that using this formal language we can formalize statements about objects that do not exist in actual world indicating the fact of their non-existence. An example is «Socrates is wiser than anyone alive». d) Interpretation is a function that assigns to each n -place relation symbol R , and to each possible world $\Gamma \in G$, some n -place relation on the union of all domains of possible worlds of the model. Now we can compare extensional models used in classical first-order logic and modal models. As we can see, a modal model is more complicated than extensional model represented just by domain, which is simply a set of objects and by an interpretation, i.e. by a function that assigns to each n -place predicate an n -place relation on the set of objects.

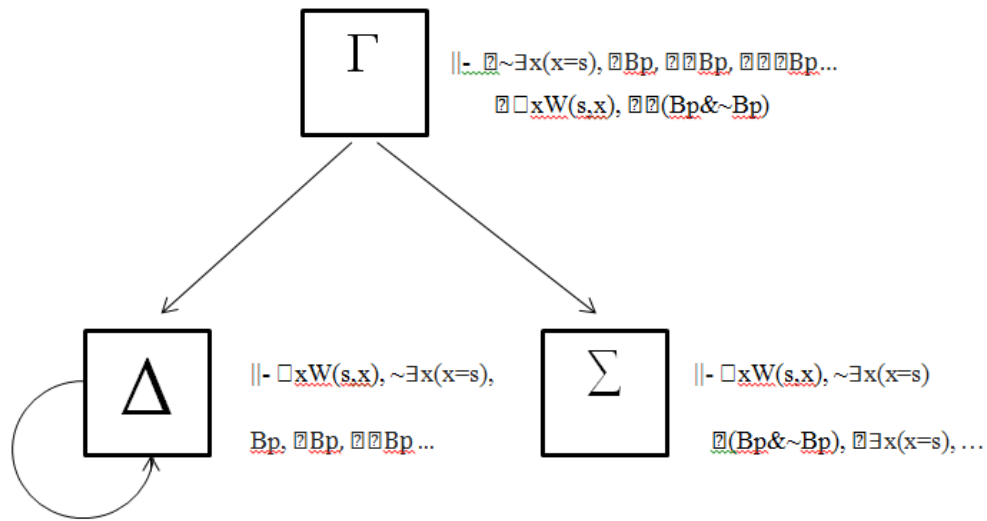
Thus, in the varying domain first-order modal logic the truth value of a formula depends on the possible worlds. Formula X can be true at one world and false at another. There is a definition of truth in a model:

[Truth in a Model] Let $M = (G, R, D, I)$ be a varying domain first-order modal model. For each $\Gamma \in G$, and each valuation v in $D(M)$:

1. If R is an n -place relation symbol, $M, \Gamma \Vdash_v R(x_1, \dots, x_n)$ provided $(v(x_1), \dots, v(x_n)) \in I(R, \Gamma)$.
2. $M, \Gamma \Vdash_v \sim X \leftrightarrow M, \Gamma \nVdash_v X$.
3. $M, \Gamma \Vdash_v (X \& Y) \leftrightarrow M, \Gamma \Vdash_v X$ and $M, \Gamma \Vdash_v Y$.
4. $M, \Gamma \Vdash_v \Box X \leftrightarrow$ for every $\Delta \in G$, if $\Gamma R \Delta$ then $M, \Delta \Vdash_v X$.
5. $M, \Gamma \Vdash_v \Diamond X \leftrightarrow$ for some $\Delta \in G$, $\Gamma R \Delta$ and $M, \Delta \Vdash_v X$.
6. $M, \Gamma \Vdash_v (\forall x) \Phi \leftrightarrow$ for every x -variant w of v at Γ , $M, \Gamma \Vdash_w \Phi$.
7. $M, \Gamma \Vdash_v (\exists x) \Phi \leftrightarrow$ for some x -variant w of v at Γ , $M, \Gamma \Vdash_w \Phi$.

Let me give an example. On the picture 1 in the form of a graph we will depict the model M for a language L . Language L contains two predicate symbols (B means *bold*, and W means a two-place relation *wiser then*), and two constant symbols (s means Socrates, p means Pushkin) The set G contains possible worlds Γ , Δ and Σ . Accessibility relation between worlds is shown in the graph using arrows. Let $D(\Gamma) = \{a, \text{Socrates}\}$, $D(\Delta) = \{a, \text{Pushkin}\}$, and $D(\Sigma) = \{b, \text{Pushkin}\}$. Let $I(B, \Gamma)$ be the empty set, $I(B, \Delta) = \{a, \text{Pushkin}\}$, and $I(B, \Sigma) = \{a, b\}$. Let $I(W, \Gamma) = \{(\text{Socrates}, a)\}$, $I(W, \Delta) = \{(\text{Socrates}, \text{Pushkin}), (\text{Socrates}, a), (\text{Pushkin}, a)\}$, and $I(W, \Sigma) = \{(\text{Socrates}, \text{Pushkin}), (\text{Socrates}, b), (b, \text{Pushkin})\}$. We can see that the statement $\forall x W(s, x)$ is true at Δ and Σ , but Socrates exists at the world Γ . The formula $\Box \forall x W(s, x)$ is true at Γ because at every world accessible from Γ , the formula $\forall x W(s, x)$ is true, according to the clause 4 of our definition. The formula $\sim \exists x (x = s)$ is false at Γ , but $\Box \sim \exists x (x = s)$ is true at Γ because at every world accessible from Γ , the formula $\sim \exists x (x = s)$ is true. The formula $\Diamond Bp$ will be true at Γ , because in some worlds accessible from Γ , in our example in Δ , the formula Bp is true, according to the clause 5 of our definition. As the world Δ is an alternative world of itself and there is no other world accessible from it, formulas $\Box Bp$, $\Box \Box Bp$, $\Box \Box \Box Bp$ and so on are true at Δ . Consequently, at the world Γ formulas $\Diamond \Box Bp$,

$\Diamond\Box\Box Bp$ and so on are true. The world Σ hasn't any accessible world. We will call such a world a dead end. Following the definition, every formula, for example $\Box(Bp \& \sim Bp)$, will be necessarily true at such worlds, but no one will be possible. Consequently, formulas like $\Diamond\Box(Bp \& \sim Bp)$, will be true at Γ .

Picture 1

BIBLIOGRAPHY

1. *Fitting M*, Mendelsohn R. First-Order Modal Logic. Springer Science+Business Media, Vol.277, 1998. 292 p.

VIRAL CHALLENGES AS A NEW PHENOMENON OF FUNDRAISING CAMPAIGN

A.A.Giganova

Academic advisor: E.A.Melnikova

Tomsk State University

Nowadays we live in an age of data sharing. The World Wide Web and in particular social media have broken down communication barriers between people. Almost anyone can access news services, social networks and other information across the globe via the Internet. Due to the Internet it doesn't need much time in order to internet trends and challenges can be propagated and become viral. As long as people keep hitting a refresh button on their social media page, so will the popularity of viral challenges continue to grow and spread exponentially. But viral challenges can come in many types and serve different purposes.

In order to have a clear understanding, we consulted Cambridge dictionary about the general meaning of the word «challenge». «A challenge is an invitation to compete or take part, especially in a game or argument» [1]. But this is not an only definition. Cambridge dictionary gives us one more which best describes the challenge we are taking about. «A challenge is an invitation to do something difficult, funny, or embarrassing, especially on social media, often as a way of raising money for a good cause» [1]. And this is the key point.

Ice Bucket Challenge is considered to be one the well-known. It went viral in summer 2014, using social media as a platform to reach a worldwide audience. The Ice Bucket Challenge involved more than 17 million people, who uploaded videos that were watched more than 10 billion times by about 440 million people around the world. High-profile participants included philanthropist Bill Gates, former president George W. Bush, talk-show host Oprah Winfrey, actors Robert Downey Jr, Vin Diesel and even cartoon character Homer Simpson filmed as a bucket of water and ice is dumped over the individual's head. Samsung published a video in which the Galaxy S5 smartphone is poured with water as part of the Ice Bucket Challenge campaign. Within the campaign a record was set in Australia – more than 700 people gathered for drenching cold water from a bucket in Melbourne.

But funny videos in YouTube are only tip of the iceberg. The viral Ice Bucket Challenge, with people filmed themselves being doused with icy water build not only much hype, but raised over \$115 million for the ALS Association. A chart from the ALS Association shows that \$77 million, or 67%, of the funds were designated to research and another \$23 million, or 20%, were given to patient and community services. According to the rule, after dumping icy water on their heads and daring a minimum of three people to do the same thing, having only a 24-hour time frame to complete the challenge, participants make a 10\$ donation to the Amyotrophic Lateral Sclerosis Association.

The origin of the campaign has been attributed to Pete Frates, a Boston College alumnus who was diagnosed with ALS in March 2012.

Amyotrophic lateral sclerosis is a progressive neurodegenerative disease that affects nerve cells in the brain and the spinal cord. ALS is characterized by progressive weakness of the skeletal muscles as the motor neurons in the motor cortex of the brain and the anterior horns of the spinal column wither and die. The tongue is affected

causing issues with speech and swallowing. Eventually the muscles of the diaphragm are affected and the patients die from respiratory failure. Stephen Hawking is the most popular one who suffered from this disease. The cause of this disease is unknown, but in some cases genetics may be involved. A cure for ALS has not been discovered yet.

Reality exceeded expectations. «115\$ million donated through the ALS Ice Bucket Challenge during an 8-week period in 2014. More than 84\$ million dedicated to research to advance the search for treatments and a cure. 15 000 patients per year helped with community-based services through their local ALS Association chapter. Five new genes discovered since the ALS ICB, which will spur new therapies. Nain global research collaborations that have already resulted in 2 new antisense drugs targeting SOD1 and C9orf72, going into clinical trial in patients» [3].

The Ice Bucket Challenge is not just local windowing on the camera in social media. It is «a brilliant marketing campaign», due to it millions of people have known of ALS and helped to promote scientific works. It is amazing how an idea can become contagious and which consequences can have.

BIBLIOGRAPHY

1. *Cambridge* Dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 25.02.2019).
2. *Dolbear L.* The Cold Hard Truth about the ALS Ice Bucket Challenge. [Electronic resource]. URL: <https://www.mower.com/insights/the-cold-hard-truth-about-the-als-ice-bucket-challenge/> (accessed: 25.02.2019).
3. *Ice Bucket* Challenge progress. [Electronic resource]. URL: <http://www.alsa.org/fight-als/edau/ibc-progress-infographic.html> (accessed: 25.02.2019).
4. *Sohn E.* Fundraising: The Ice Bucket Challenge delivers. [Electronic resource]. URL: <https://www.nature.com/articles/550S113a> (accessed: 25.02.2019).
5. *Trejos A.* (2017, July, 3) Ice Bucket challenge: 5 things you should know. [Electronic resource]. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/2017/07/03/ice-bucket-challenge-5-things-you-should-know/448006001/> (accessed: 25.02.2019).

EXPLAINING THE NATURE OF PROCRASTINATION

A.A. Kiselyova

Academic advisor: E.A. Melnikova

Tomsk State University

Everyone puts things off sometimes, but procrastinators avoid difficult tasks and look for distractions. Procrastination (from latin: procrastinare, pro-, «forward», with «crastinus», «till next day» from cras, «tomorrow») – the act of delaying something that must be done, often because it is unpleasant or boring [1]. It's a trap that many of us fall into. According to researcher and speaker Piers Steel, 95 percent of us procrastinate to some degree. Do you to remember the evening before an exam? Was it calm or full of panic? Many researchers have been trying to sort out this issue, and to understand what happens in the mind of a procrastinator. Procrastination is variously described as harmful innocuous, or even beneficial (at the example of various types of students):

- early in the term: procrastinators have lower stress and less illness than nonprocrastinators. And they receive lower grades on many subjects.
- at the end of the term: they have a higher stress and more illness, and overall, they were sicker.

«Procrastination is action of ruining own life for no apparent reason with short-term benefits and long-term costs. The causes of procrastination can be mental and physical. In other words, psychological or physiological» [2]. Research has shown that procrastination is significantly correlated with: poor study habits; depression; anxiety; lycanthropy; low self-esteem. May we have made one of those up, but the fact remains that procrastination is a damaging habit to be in.

But why do we procrastinate? The human brain is often as irrational and indecisive as it is powerful. The rational part of our brain (the prefrontal cortex) is locked in a constant battle with the more emotional, instinctive side (the amygdala). Primarily procrastination is an issue of emotional regulation. It is a bad habit, close to drug addiction.

What is the biology of Procrastination? A research team in Germany did fMRI brain scans on 264 adults [3], and they found a link between difficulties in acting on tasks (procrastination) and a greater amounts of gray matter volume in the amygdala, which is the brain's «fight or flight» center.

«As the amygdala shrinks the prefrontal cortex associated with higher-order brain functions such as awareness concentration and decision-making become thicker» [3].

They found a link between difficulties in initiating action on tasks and a greater volume of gray matter in the amygdala which is the brains “fight or flight” center (the results merely show an association rather than claiming a direct causal link). And this connection is individually different.

But how does this really happen? For example, how are you planning to do all the work on time? The graph shows you how normal students think to do all their work. Do you do all the work gradually or on the last day? Can't you start doing work on time? And two months turned into one month, which turned into two weeks and one day you woke up with three days until deadline. And when, by some miracle, work is made, you think, that someone will say: «It's the best work we have ever seen!» But, no, that is not happening, it is awful work.

Now we will describe the hypothesis of what differs the brain of a procrastinator and other people. Compare the internal structure of procrastinator's brain and brain of a proven non-procrastinator. Imagine that some «Rational Decision-Maker» [4] in the procrastinator's brain is coexisting with a «pet» – the «Instant Gratification Monkey». This would be fine – cute, even – if the Rational Decision-Maker knew the first thing about how to own a monkey. And now you are already watching a video on YouTube and study the structure of the slime and analyze Genghis Khan's bloodline. It's a mess. But there is one thing that greatly frightens the Monkey. It's a «Panic Monster», he wakes up as soon as the deadline comes or there is a danger of public censure, career collapse or other terrible consequences. Procrastinators are not to blame for sometimes giving in to temptation. They fall prey to the feeling that encourages fun tasks over productive, sensible ones.

But how can we stop Procrastinating? Chronic procrastination can literally change the brain structure. But don't worry – our brains are extremely adaptable. The right habits can rewire our brains for the better. In fact, a productive first step to better habits is forgiving yourself for the past procrastination you've done. Your perfectionism is the enemy of productivity and the friend of procrastination. In Dr. Steel's book, «The Procrastination Equation», he presents an equation that explains your current level of motivation to accomplish something:

$$\frac{\text{Expectancy} \cdot \text{Value}}{\text{Impulsiveness} \cdot \text{Delay}}$$

- Expectancy: How confident you are that you can get this thing done
- Value: How much this task means to you.
- Impulsiveness: How easily you give into temptations
- Delay: How long you have to wait before you received the expected rewards of completing the task

«The point is that complex human behaviors are not best understood by simple equations or formula although the theories that these formulae represent can be useful in our discussion of behavior» [5].

If you need to stop procrastinating, evaluate your situation based on these four variables and identify your strong and weak points. And you'll gain a better sense of self-awareness. And what are the next steps? [6] [7].

1. If distractions fuel your procrastination, the first step you'll need to take is to find the optimal study space;
2. Remove distractions. If you return to the same space over and over, your mind can channel its energy into work instead of wondering why you're moving from place to place;
3. The next solution? Become a robot. Break down your to-do list into small, manageable chunks and check them off one at a time;
4. Use the Pomodoro Technique;
5. Make yourself a challenge or start a challenge with a friend;
6. Avoid Toxic People and Situations. Does your environment inspire you to do work or put it off?
7. Close Your Browser and Get to Work;

8. You must to controlling the situation;
9. And in the end, accept the Part of You That Wants to Be Lazy.

BIBLIOGRAPHY

1. *Cambridge Dictionary*. [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 25.03.2019).
2. *Psychological Bulletin* Copyright 2007 by the American Psychological Association 2007, Vol. 133, No. 1, 65–94.
3. *Steel P.* The Procrastination Equation: How to Stop Putting Things Off and Start Getting Stuff Done Paperback. Harper Perennial; Reprint edition, 2012. 352 p.
4. *Taren A., Creswell D. J., Gianaros P. J.* Dispositional Mindfulness Co-Varies with Smaller Amygdala and Caudate Volumes in Community Adults Adrienne. [Electronic resource]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/23717632> (accessed: 25.03.2019).
5. *Urban T.* Why Procrastinators Procrastinate. Retrieved November 20, 2000. [Electronic resource]. URL: <https://waitbutwhy.com/2013/10/why-procrastinators-procrastinate.html> (accessed: 25.03.2019).
6. *Vaiana D.* How to Stop Procrastinating: The Only Guide You'll Ever Need. Retrieved March 25, 2019. [Electronic resource]. URL: <https://collegeinfo geek.com/how-to-stop-procrastinating/> (accessed: 25.03.2019).
7. *What* is procrastination and how to stop it. [Electronic resource]. URL: <https://hubpages.com/health/What-is-procrastination-and-how-to-stop-it> (accessed: 25.03.2019).

FEMICIDE IN COLOMBIA: THE CASE THAT CHANGED THE LAW

Maria Camila Gomez Ruiz

Academic advisor: E.V. Vychuzhanina

Tomsk State University

This paper aims to give an answer to the question how the Colombian law recognized femicide in order to protect women from violence and murder, showing and explaining the case that happened in the year 2012.

Colombia is the country used to violence and sexism, due to the influence of catholic religion, as well as the history of inner war that has been going on since the 50s, some political interests and the insecurity that has been changing with the pass of the years. It is common for Colombian population to deal with gender inequalities, taking into account the difference of education opportunities, the job field and the salary received by men and women, as well as the insecurity in the streets and sexual harassment in different environments. A clear example of this is the percentage of women participation in politics, less than 20%. A social problem is the fact that women have to be careful of not being sexual harassed in public transport, in universities, in their jobs or even on the street, since the guilt relays on the woman and not in the harasser, as well as the depth of the consequences that may follow the fact of complaining about it. Bigger issues come up, when the harassment becomes violence and that violence becomes murder in the worst of the cases.

On May 24th 2012, a woman named Rosa Elvira Cely was attacked in one of the most important parks of the capital. She was raped, stabbed, strangled and impaled. She did not die, but her condition was critical, five days later the woman died in hospital because of an infection caused by the internal injuries from the impaling. A classmate named Javier Velasco, who had records for murdering and rape, attacked her. Her family, suited the government, because of the delay of the emergency services to arrive, and the lack of proper and fast care at the hospital they took her to. The lawsuit indicates that the law itself disregarded Javier Velasco's criminal record and that, prior to the attack, he had staged a series of events that, had they been dealt with diligently, might have prevented the fatal outcome. They recalled that in August 2008, Velasco violated a sex worker and, despite being denounced, the Prosecutor's Office «did not advance any action, facts that at the date of the crime of Rosa Elvira "were still in investigation"» [Asuntos legales, 2015]. The answer from the government Secretariat blamed Rosa Elvira Cely of her death, saying that despite the fact that she knew her murderer had strange behaviors, she decided to go with him to take a beer.

In that way, the groups of women who had been studying the issue of femicide, took the pulse of the situation and understood that the death of Rosa Elvira Cely had to mean much more than a moment of collective indignation. They realized that Colombia was one of the Latin-American countries that had not recognized femicide as a crime itself in its national law, since it had already been done by such countries as Mexico, Costa Rica, Guatemala, El Salvador, Chile, Peru and Nicaragua.

Those organizations, led by the Center for Research in Justice and Critical Studies of Law (Cisjusticia), decided to bring up a debate that had not occurred in the country: to recognize that gender violence was a much bigger problem of what had been admitted.

Isabel Agatón, Blanca Gonzalez, Nidia Olaya and some other women from Cisjusticia, managed to structure the law project that was delivered in the Congress on July 20, 2012, two months after the death of Rosa Elvira Cely, which recognized the murders of women, under certain conditions, such as gender violence. Different women who belonged to the Congress supported the project, but not all of the Congress members approved it the first time. The project had to be modified and presented once more to be approved, that is how, on July 6 of 2015 the law «by which the criminal type of femicide is created» was born, better known as the Rosa Elvira Cely Law. The country and the different organizations defending women saw it as a step forward.

The law 217 of 2014, or the Rosa Elvira Cely law, states:

«Article 1° – Purpose of the Law - The purpose of this law is to classify femicide as a crime autonomous, to guarantee the right of women to a life free of Violence established by Law 1257 of 2008» [5. P.1].

«Article 2° – Femicide – It is the extreme form of gender violence against women, either in a public or private sphere, conformed by a set of behaviors that lead to the violent death of women» [5. P.1].

«Article 103A. – Femicide – The crime of femicide will cause the violent death to a woman, because of her status as a woman, either in the public or private sphere in any of the following circumstances:

Have or have had a family relationship, intimate or coexistence with the victim, friendship, companionship or work and be perpetrating a cycle of physical, sexual, psychological violence;

Decide over the body and life of women, sexual use and actions of ownership and control over their life decisions and sexuality;

Committing crime in order to take advantage of power relations taken over women, expressed in personal, economic, sexual, military, political and/or socio-cultural power.

Committing the crime after a sexual assault, carrying out rituals, acts of mutilation genital or any other type of aggression or physical or psychological suffering» [5. P.1].

«Paragraph 1– For those who commit the crime of femicide:

There will always be an assurance measure consisting of detention in a prison establishment and non-custodial measures.

They will not be granted the benefit of substitution of preventive detention in a prison establishment provided for in article 314 of Law 906 of 2004;

Criminal surrogates or substitute mechanisms for the custodial sentence or the conditional suspension of the execution of the sentence nor the conditional freedom, foreseen in Articles 63 and 64 of Law 599 of 2000;

Penalties will not be reduced based on pre-agreements and negotiations between the Office of the Prosecutor and the imputed or accused, provided for in articles 348 to 352 of Law 906 of 2004;

«Article 7 – National Chair of Gender to prevent violence against women. – From the enactment of this law, will be incorporated compulsory in the curriculum of establishments education at all levels and modalities, the National Gender Chair, as a strategy for social awareness to prevent violence against women» [5. P.4].

To conclude, it is sad that a big amount of tragic murders had to occur for the law to be changed, this one famous for its severity, but is also a relief that the approval of

this law changed the entire panorama for women's legal protection in Colombia, in the next aspects:

The fact of recognizing femicide as a crime itself gives the country the possibility to identify and implement gender equality in different fields.

Women have more rights and protection from something that has been happening during a long time, but was not recognized as a crime in the past.

From the creation of the law, criminals will not have impunity and the penalties will be stronger than before, helping to reduce the incidence and creating a social consciousness in the country.

The creation of a general subject that will be given in schools and universities will create awareness among population helping to identify and stop more cases like this to happen.

The recognition of femicide will help the country to keep a more detailed track of the incidence and penalties applied in these cases.

BIBLIOGRAPHY

1. *Asuntos legales* «Demanda a la Nación por caso de Rosa Elvira Cely» [Electronic resource]. URL: <https://www.asuntoslegales.com.co/actualidad/demanda-a-la-nacion-por-caso-de-rosa-elvira-cely-2316601> (accessed: 22.03.2019).
2. *Duran N.* La importancia de la Ley Rosa Elvira Cely. [Electronic resource]. URL: <https://www.elspectador.com/noticias/judicial/la-importancia-de-la-ley-rosa-elvira-cely-articulo-745519> (accessed: 22.03.2019).
3. *ONU mujeres* «Las mujeres en Colombia». [Electronic resource]. URL: <http://colombia.unwomen.org/es/onu-mujeres-en-colombia/las-mujeres-en-colombia>. (accessed: 22.03.2019).
4. *Penago, J.* Caso Rosa Elvira Cely, ¿hay más responsables? [Electronic resource]. URL: <https://www.elspectador.com/noticias/bogota/caso-rosa-elvira-cely-hay-mas-responsables-articulo-808211> (accessed: 22.03.2019).
5. *Ramirez G.* Law project Rosa Elvira Cely N°. 107 of 2013, «By which the criminal type of feminicide is created as an autonomous crime and other provisions are dictated». [Electronic resource]. URL: http://perso.unifr.ch/derechopenal/assets/files/legislacion/l_20150608_01.pdf (accessed: 22.03.2019).
6. *Revista semana online.* «La muerte de Rosa Elvira Cely, un crimen abominable», [Electronic resource]. URL: <https://www.semana.com/nacion/articulo/la-muerte-rosa-elvira-cely-crimen-abominable/258867-3> (accessed: 22.03.2019).

THE SOCIAL WELFARE SYSTEM IN VIETNAM: TODAY AND TOMORROW

M.T. Nguyen

Scientific advisor: E.V. Vychuzhanina

Tomsk State University

Social welfare is an important part of each country's socio-economic development strategy. Social welfare is to realize the fundamental right of people, to realize equality and social justice, to contribute to building harmonious, consensus, without exception and sustainable development.

The International Labor Organization (ILO) has issued a number of conventions and recommendations on the development of social welfare networks in member states, recommends further improvement and development of social welfare networks of these countries. There was a lot of research on the social welfare system, but the concept and perception of social welfare vary greatly. The social welfare system in Vietnam is not yet complete, although the government has promulgated many strategies to support people in society.

1. The social welfare system in Vietnam

The social welfare of Vietnam is regarded as the highest feature of socialism, as provided for in the first Constitution of the country in 1946. The Constitution recognizes the right to social insurance of civil servants and workers, as well as care for decent people, the elderly and the disabled, and orphans. The tradition of compassion and sharing «The good leaves protect the worn-out leaves» has been emphasized in various social events. Social security - social protection has received great attention since the days of the centralized regime of a planned economy. This was one of the most important pillars in the country's social policy system, which the party and the state were very keen to create. The social welfare model is designed to help redistribute social assets and free up resources among the population.

The current system of social welfare in Vietnam consists of 4 basic groups:

Group of employment policies to ensure minimum income and poverty reduction: support people to proactively prevent risks through participation in the labor market to get good jobs, minimum incomes and reductions sustainable poverty;

Group of social insurance policies: support people to reduce risks of illness, labor accidents, old age etc. through participating in social insurance to proactively compensate for reduced or lost income. lost due to the above risks;

Social assistance policy group, including regular subsidy policies and extraordinary subsidies.

Basic social service policy group, helping people access basic services on education, health, housing, clean water and communication.

2. Restrictions of the social welfare system in Vietnam

The Vietnamese social welfare system still reveals numerous shortcomings: the coverage and amount of benefits remain limited and are not adjusted in a timely manner, especially during periods of price fluctuations and high inflation. The creation of jobs and the provision of adequate, sustainable employment for specific groups, especially rural youth and workers, remain a big challenge. The level of participation in social insurance is low, mainly due to formal labor groups. Most older people live off their savings, other family members, and monthly government benefits. The goal of

achieving universal health insurance remains unchanged, since the quality of medical services is still low. The level of recipients of regular social assistance is only 2% of the population, which is much lower than in other countries of the region. Ambulance can only compensate for about 10% of losses incurred by households. The system of social services is still inadequate in scope and quality and, as a rule, excludes disadvantaged groups.

3. Orientation of developing social welfare system in Vietnam

Develop and implement a multi-tiered, flexible and supportive social welfare system, including active labor market, social insurance, health insurance and social assistance; ensure basic rights and obligations of the people; aiming to cover the entire population and ensure minimum living standards for everyone, no one is marginalized.

Development of focused social welfare system, with special attention given to poor children, poor people, ethnic minorities, disadvantaged social groups, migrant workers, and population sections loss of livelihood due to changing land use purposes, people affected by institutional reform policies and by crisis, economic decline etc; enhance the effectiveness of support to improve self-safety for everyone.

Developing a social welfare system is the responsibility of both the political system and the people. In particular, the government plays a key role in organizing the implementation of social welfare, while expanding the participation of social partners through incentive mechanisms, attracting the participation of foreign partners statues of providing social welfare services.

Developing social welfare system with international integration content, approach and standards.

4. Comparison of the social welfare system between Vietnam and the Russian Federation

Welfare system in Russia includes such social programs as:

- State – funded pensions;

- Compulsory medical insurance;

- Compulsory labor insurance and provision of unemployment benefits;

- Social services (e.g.: services provided by nursing homes, boarding schools, night stay homes, etc.);

- Social security programs (e.g.: assistance and payments for low - income people, elderly, disabled people, etc.);

- Protection of the family and children (monetary and in – kind support of families with children, young families, families with disabled children, etc.);

- Other programs (financial and in – kind support of certain categories of people)

The social welfare system of Vietnam and Russia is basically the same, focusing on the main areas: labor, the elderly and insurance. However, Vietnam has not developed social welfare in the area of family support, especially the development of children.

Conclusion

Vietnam has liberalized its economy since the 1980s, and shifted from a communist system to a market-system. As a result, the government is no longer able to pay for social welfare funds, people need to take care of themselves. This is a typical characteristic of the communist nation during the development period. However, Vietnam is in the period of expanding international relations and developing economic integration, which opens up great prospects for economic development. And a strong economy can improve the lives of people as well as their social welfare.

BIBLIOGRAPHY

1. *Konkov A.* Welfare System in Contemporary Russia and its Implication for Sakhalin Region // Journal of Policy Science, 2017. Vol. 11., pp.37–45.
2. *Du Anqi Angela.* (Welfare system in Vietnam-Final Paper. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/10642797/FINAL_PAPER_SOCIAL_WELFARE_IN_VIETNAM (accessed: 22.01.2019).
3. *Nguyen Dang Anh.* Social Welfare in Vietnam: 30 Years in Reform on and Outlook until 2030 // Vietnam Social Sciences Review. №3. 2016. P.173.
4. *Nguyen Huu Dung.* The system of Vietnamese social security policies: The current state and development directions. Journal of Science VNU // Economics and Business. № 26. 2010. pp. 118–128.

PROBLEMS OF PARLIAMENTARISM AND PENSION REFORM 2018 IN RUSSIA

D.I. Gurevich

Scientific director: Doctor of Political Sciences A. I. Shcherbinin
Tomsk state University

According to P. S. Sharayev and A. I. Shcherbinin, «the place and role of the parliament in the system of state power, its character of representation, professionalism and, ultimately, the responsibility of parliamentarians to the electorates largely depend on those who choose» [4. pp. 196–205].

At the moment the State Duma of the Russian Federation consists of 448 deputies elected by the population of the country in 2016. Despite the fact that the State Duma was elected by the citizens of Russia, its level of credibility is not high. The realization of the voters' interests depends on the credibility of the state and national deputies. In 2017 trust in the State Duma was 33%, in 2018 – 23% [See: 2]. This indicator indicates low confidence of citizens in legislative bodies - one of the problems of parliamentarism in modern Russia.

The indicators for the effectiveness of parliamentary activities [3. pp. 268–269] are:

- Interests of citizens, the dominant position among which is occupied by the interests of the largest group of the population - the working people - the source of power and prosperity of the state;
- Economic opportunities to meet interests: economic support of social sphere, culture;
- Legal guarantees and implementation sanctions: provision of requirements guaranteed by regulatory acts; administrative responsibility of state employees for non-performance of duties;
- The historical experience of the struggle of workers for their own interests: the more often the authorities raise one or another acute issue, the more outraged the citizens are, as there is an opinion that their position is not taken into account;
- The unity of society in the struggle for their interests: the values that unite people, the prevention of alien moral principles and norms.

S. Magnusson identifies the following performance criteria [1. pp. 67–74] of the law:

- published not only in official publications, but also in the most widely read by ordinary citizens;
- written so that citizens can read and understand without difficulty;
- does not contradict social standards, that is, must be accepted by society.

In addition to the above criteria for the effectiveness of parliamentary activities, the following will be used: informing about the consideration of the draft law, personalization of the draft law.

The research methodology is based on a comparative approach, which was used to conduct a comparative analysis of laws for the reasons for public criticism. The study was conducted using the method of greatest differences.

To identify universal causes and indicate ways to solve the problem of citizens' distrust of authorities, the following laws were considered: the anti-terrorist «Ya-

rovaya's package» (2016) and the law on raising the retirement age (2018) as the most criticized.

On the basis of the research, it was concluded that the «Yarovaya's package» and the law on raising the retirement age coincide on a number of signs that cause public criticism:

1. Economic opportunities for the realization of interests: as a result of the adoption of both laws, citizens saw the loss of their own funds, contrary to personal interests;
2. The presence of legal guarantees and sanctions for implementation in legislation, or rather, their absence;
3. Publication in the most widely read publications, clarity of the text of the law. This gives citizens the opportunity to understand the conditions and mechanisms for the implementation of laws;
4. The unity of the people in the struggle for their interests: against both laws, mass protests were held, bringing together citizens;
5. Contradiction of law to social standards: both laws, in the opinion of Russian citizens, infringe upon their rights, they see a threat to their own interests.
6. Personalization: the considered laws are associated with specific personalities, which makes it possible to suggest a further strongest criticism of the bills of the same initiators.

Thus, it is the combination of the above factors that can lead to public dissatisfaction with the laws adopted by parliamentarians and, as a result, dissatisfaction with government bodies.

BIBLIOGRAPHY

1. *Evaluation of laws and the effectiveness of their adoption: materials of the international seminar* (Ryazan, December 16–17, 2002). M.: Publication of the State Duma, 2003. 152 p.
2. *Levada Center* [Electronic resource]. URL: <http://www.levada.ru> (accessed: 10.12.2018).
3. *Romanov R.M.* Russian parliamentarism. History and modernity. M., 2000. 331 p.
4. *Sharaev P.S., Scherbinin A.I.* Some problems of parliamentarism in modern Russia // *Parliamentarism in Russia: a course of lectures*. Tomsk, 2007. pp. 196–205.

MYTHOLOGICAL DIMENSION IN CINEMA

A.S. Klimova

Scientific advisors: Ph.D. (Philos.) Yu.S. Osachenko,
E.V. Vychuzhanina
Tomsk State University

The problem of mythological dimension in cinema seems to be relevant. Firstly, cinema today is a common art form that affects both the mass consciousness and individual performances. Secondly, in modern society there are active processes of remythologization: mythological subjects resume and apply to the entire culture. Thirdly, mythological and cinematography are closely interrelated. Cinema becomes magic, because it opens the veil of the sacred, refers to eternal samples and archetypes.

There are different interpretations of both myth and cinema, but within the framework of this paper myth will be considered as a poetic dimension of consciousness (self-building flow), the experience of the image, as a special system or mood of imagination, and cinema is feelings, experiences and emotions that a person feels plunging into another reality.

In ordinary consciousness, «myth» means fiction, illusion. However, we turn to the theoretical concept. Myth is an irrational force that affects a person. Through the mythological representation of the individual, he understands and explains the reality around him. In the context of the disclosure of our topic, we turn to well-known philosophers. Mircea Eliade considered the myth as a really happened, sacred event [2. P.19]. He called it «living», meaning that myth offers people examples to follow, shows them the importance of life. Eleazar Moiseevich Meletinsky said that mythological thinking is the oldest form of expression and a symbolic «language» by which a person models and interprets both the world and himself [4. P.137]. The french philosopher and literary critic Roland Barthes argued that myth is a «word», a message that is transmitted through advertising, photography and, of course, cinema [1. P.265–266]. In the research process, it is necessary to dwell on the psychoanalytic understanding of the myth. This is due primarily to the works of Carl Jung and his term «personal myth» of man. To begin with, let us recall the statement of Alexander Moiseyevich Pyatigorsky, who in his work «Mythological reflections» wrote that the myth is me, my behavior, my speech and my thought [5. P.17]. Jung believed that consciousness affects the unconscious, which in turn affects the person. He wondered: «... what is your myth-myth in which you live? » [3. P.93]. Myth embodies the deep-inner and expresses it through symbols. Thus, a personal myth is a metamodel of the world, an unconscious sample that a person follows during the periods of his life, most often without thinking about it. We can say that a personal myth is a film in which a person plays his main role.

The connection between cinema and mythological is that the understanding of myth and cinema is a personal view of the individual on the surrounding things and events. One of the main features of the mythological is the identification of fantasy and reality and its emotional richness: myth is perceived as a reality that immerses a person in the experience of events. Another characteristic feature of the myth is the visual-figurative nature: the world is explained through images and sensual associations. Movies, too, can be understood in different ways. You can define cinema through narrative, editing, and moving images. However, we will be interested in an-

other interpretation: how experiences and feelings are lived by the audience and have an impact on them. The features of cinema are very closely intertwined with the features of the myth: these are the images that explain what is happening, and the interweaving of creative imagination with reality, and a certain language, and emotional saturation. Thus, cinema art is not only based on myths, it also creates myths itself, creates a mythological dimension into which each individual person is immersed.

BIBLIOGRAPHY

1. *Bart R.* Mythology. M., 2014. 174 p
2. *Eliade M.* Aspects of the myth. M., 2014. 235 p.
3. *Jung C. G.* Memories, dreams, reflections. Kiev. 1995. 174 p.
4. *Meletiskii E.M.* The Poetics of myth. M., 2012. 331 p.
5. *Pyatigorsky A M.* Mythological thinking. Lectures on the phenomenology of myth. M., 1996. 279 p.

ARISTOTLE ON THEORY OF COMEDY: THE PROBLEM OF SOURCES

Y.V. Nosikova

Academic advisors: Ph.D. (Philos.) Yu.N. Kirilenko,

E.V. Vychuzhanina

Tomsk State University

The bulk of Aristotle's extant works date back to his late period. Most of the early writings are of great importance, but, unfortunately, got lost, including the second book «Poetics» devoted to the analysis of comedy and the definition of the concept of funny. Thus, before the researchers of the Aristotle's comedy the first question arises – What sources can we rely on revealing the views of Aristotle on the nature of the comic?

For example, the disputable situation concerns the followers of the philosophical school of Aristotle – the peripatetics: are their ideas on comedy from Aristotle and his «Poetics» or are they their own works, having no foundation of their concepts of the teacher? Z. A. Barzakh investigated this question in detail in her dissertation [1]. For instance, she gives the following arguments: «so, in the exoteric works of Aristotle at least elements of the literary theory known to us from the «Poetics» are contained. The fact that exoteric works were widely known in the era of Hellenism is undeniable. Consequently, this theory could be known in the era of Hellenism, and thus we can talk about the continuity of tradition» [1. P.40]. Theophrastus, one of the disciples of Aristotle, understands comedy as an imitation of life, this idea was taken over from the teacher, but some differences in the wording of judgments still take place. «The epic is the content of divine and human deeds. Comedy is the content of human Affairs, not associated with danger. Mim is an imitation of life, containing both permissible and impermissible» [1. P.70] – this definition of the concepts of Theophrastus is very different from the Aristotelian definitions. Therefore, imitation still remains the basis of any epic, tragedy and comedy, the difference between these genres lies in the area. Theophrastus' comedy is safe or not directly related to danger, i.e. it does not contain suffering, whereas in Aristotle's «Poetics» there is not even the word «security» or «danger». However, according to Z. A. Barzakh, this deformation is caused either by his mediator between Diomedes and Theophrastus, or by Diomedes himself, because it was he who preserved fragments of the works of Theophrastus, who at one time possessed the library of Aristotle [1]. To sum up, the understanding of comedy as an imitation of life has become a tradition transmitted from Aristotle to Aristophanes of Byzantium through Theophrastus, and then directly to Cicero. As a result, we can conclude that although the views of the followers of the philosophical school of Aristotle in some places are far from Aristotle himself, however, the basis for the study of the works of peripatetists, referring us to Aristotle, still takes place.

Another important point regarding the source of knowledge of comedy that needs clarifying, concerns the influence of Aristotle and the peripatetics on Cicero. «Comedy as the imitation of life, the mirror of custom, the image of truth» [2. P.22] – on the one hand, the parallel with the Aristotelian theory of comedy is quite obvious, but on the other hand, these connections are rather doubtful, since Cicero had a habit of rewriting the views of Aristotle depending on the conditions of the context in the course of argument. The area of the comic is estimated by him as some defect or, as it was by Aristotle, a mistake. And further, like Aristotle, Cicero limits this area is a sphere of

«safe». Theophrastus, for example, though uses the term «error» to define the ridiculous, but omits the concept of defect. This discrepancy is caused by the fact that the ancient Greek terms are often ambiguous and vague, which is also noted by Z. A. Barzakh in her work: «thus, ἀμάρτημα in the field of comic can be implied not only errors and delusions, but also flaws of character, and even speech irregularities» [1. P.7]. The similarity between Aristotle and Cicero regarding the types of humor should also be explicated. Initially, Aristotle, even in the first part of «Poetics», divided humor into two types: «high» and «low» or noble, based on irony and slave, clownish, using abuse. The same concept we can see in Cicero's treatise «De Oratore»: «There are two sorts of jokes, one of which is excited by things, the other by words. By things, whenever any matter is told in the way of a story... Another kind is that which consists in a slight change in a word, which, when produced by the alteration of a letter, the Greeks call paronomasia» [3. pp.239–256]. Also, to clarify the essence of the phenomenon of comic, they have something in common – the theme of «unexpected» laughter, i.e. the one that contains irony, which subsequently turns into a remark. For comparison, passages from Aristotle and Cicero: «Irony better befits a gentleman than buffoonery; the ironical man jokes to amuse himself, the buffoon to amuse other people» [4. P.15]; «Such jests are insipid, or witty only when another answer is expected; for our surprise (as I before observed) naturally amuses us; and thus, when we are deceived, as it were, in our expectation, we laugh» [3. P.260].

All in all, the problem of establishing links between the teachings of Aristotle and his followers, which serve as a source in determining the nature of the comic, allows completing the teachings of Aristotle, despite the loss of the second book «Poetics». In conclusion, let us point out the characteristics of the comic in Aristotle, which are common to him and his disciples: firstly, imitation or reproduction of the action; secondly, the element of the ugly – perverted and funny at the same time, like a mask; thirdly, the presence of errors – makes a moral defect in the character of comedy; finally, security as the absence of suffering.

BIBLIOGRAPHY

1. Barzakh Z. the Theory of Comedy from Aristotle and the peripatetics. SPb., 2005. 157 p.
2. Cicero M. T., De re publica. In libraria orphanotropei., 1824. 275 p.
3. Cicero M. T. Three treatise on oratory, ed. by M. L. Gasparov. M., 1972. 470 p.
4. The rhetoric of Aristotle. SPb., 2004. 346 p.

ADAPTATION IN THE CONTEX OF ANTHROPOLOGY OF EDUCATION: DIFFERENT APPROACHES

E.D. Onischenko

Academic advisors: Ph.D. (Philos.) Yu.S. Osachenko,

E.V.Vychuzhanina

Tomsk State University

The main feature of modern society is the information, whose volume the speed of renewal and the scale of influence on consciousness are growing rapidly. Modernization of society in the informational entails new requirements for the education system. The quality of education in the modern world is directly related to its transition to online platforms, distance learning and active use of Internet resources. In this situation, it is necessary to define new models and formats of education aimed at the formation of those abilities of the student that will help him to better adapt to changes, based on his human nature and ways of existence in society.

Officially, education is understood as a single purposeful process of education and training, as well as a set of acquired knowledge, skills, values, experience and competence. This definition can be found in the second article, the first Chapter of the Federal law «On education in the Russian Federation» [6. P.3]. In philosophy, the process of education is understood a little differently. Education is spiritual appearance who develops under the influence of moral and spiritual values that make up the property of his cultural circle. However, we can say that education is not only a combination of skills and knowledge, but also above all, the life of the individual with his features, laws, principles and norms of behavior.

Speaking about the present, we can say that now, education is in a state of an adaptation crisis. This conclusion follows from the fact that so far for the possession of knowledge teachers put high scores and medals are awarded to the best graduates. Experts began to speak about the ability to apply this knowledge only at the end of the XX century. It was then can clearly see the difference between «know» and «be able to». Then it became clear, that simply «know» and «be able», too, not enough, of course, if we do not speak about the learning based on models and reproduction of other individl's and reproduction actions.

«Life will require creative experience, which can be mastered only in the conditions of creative education. This explains the stagnation in the system, a clear lag in education from life, which is more dynamic than pedagogy and education» [1. P.2]. This article can be considered relevant in the realities of modern education, as at the moment there are no new studies in this area, and, therefore, it is difficult to say that education has undergone radical positive changes and come out of stagnation.

The concept of adaptation was originally used in the biological sphere to refer to the process of adaptation of the structure and functions of populations or species to certain conditions of the world, which are formed throughout the process of development of a living organism. Nowadays, the concept of adaptation has gone beyond biology and has been used in the technical, natural sciences and humanities sciences. One way or another we can say that adaptation is a specific form of reflection of various systems of relations between the external and internal environment, which is to establish a dynamic balance between them. Thanks to the balance, we can get a harmonious relationship and the development of the system [5. P.1]. Unfortunately, this

definition of adaptation does not fully reflect the importance we need to fully understand the process. It is therefore necessary to consider the various examples of adaptation and approaches to understand what is «adaptation». Speaking about human nature and its ways of existence, we come to three directions in the history of philosophy, based on the anthropological approach to understanding the issue of adaptation, namely: behaviorism, pragmatism, existentialism.

From the point of view of existentialism, man creates himself. He was not created initially he creates himself and being, while choosing morality as the criterion basis of his own existence. Sartre supposed that man is a being whose existence precedes the essence, that he is a free being who can, under various circumstances, only desire his freedom [2. P.398]. Only the people and circumstances with which he met condition what a person will become. To refute this point of view, we can turn to the school of behaviorists who believe that the cause that governs human behavior and existence in General, is in the world. However, we can say that there are three different ways of the impact of the same environment on humans [3. P.12]. Firstly, it is the influence of the external environment in the process of evolution. Secondly, it is the influence from the outside, which preserves and forms a new repertoire of behavior, forming a biological individual into a human personality. Thirdly, it is the impact of nature, causing certain reactions, forming behavior, because behavior falls under the influence of different stimuli in different conditions [4. P.192].

The direction that takes the middle position in the context of this idea is pragmatism. Based on this concept, people begin their lives, endowed only with impulses as a driving force of activity of the individual. Impulses include appetite, instinct and reflexes. Dewey says that instincts do not push the passive being (person) to action, but actively use him (person) in different circumstances for different purposes. As in the case of, any instinct depends on contextual factors, which may include both biological and sociolinguistic reactions.

In this article, the author has demonstrated three main approaches to understanding the process of adaptation, such as existentialism, behaviorism and pragmatism. These anthropological approaches are quite contradictory in relation to each other. This proves only that the theories are not quite complete and for a holistic understanding of what is the adaptation process, you need to try to combine these approaches into a single whole. Based on this, the author of this article gives his own definition of adaptation in the educational process – a one-way change that are specific only to a particular person in special conditions, when learning process, materials, tasks or products of education are changing in such a way as to help the student achieve the expected results from learning.

BIBLIOGRAPHY

1. Дудина М.Н. Новая образовательная парадигма: проблемы качества образования // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 5. С.32–34.
2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки Богов. М.: Политиздат, 1990. С.319–345.
3. Скиннер Б.Ф. Почему я не когнитивный психолог. [Электронный ресурс]. URL: <https://codenlp.ru/knigi/b-f-skinner-pochemu-ya-ne-kognitivnyiy-psiholog.html> (дата обращения: 22.01.2019).

4. *Скиннер Б.Ф.* По ту сторону свободы и достоинства. М.: Изд-во «Оперант», 2015. 192 с.
5. *Степин В.С., Юдин Б.Г., Филатов В.П., Симонов А.Н., Голдберг Ф.И.* Наука. Гуманитарная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6860> (дата обращения 17.11.2018)
6. *Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».*

FREGE'S ANALYSIS OF SENTENCES OF THE FORM $A=B$

I.V. Sonich

Academic Advisor: DSc. (Philos.) E.V. Borisov

Tomsk State University

Do sentences of the form $a=b$ always have the same epistemological character? Are they always informative or always trivial? At first sight, it may seem that such sentences have a fixed epistemic character. But is it true?

What is a , b , and $=$? Frege introduced special symbols to denote names, descriptions and their relation [1. P. 26–43]. These symbols look like algebra's symbols but they are not connected with it, they have other meanings. The symbols a and b stand for names or definite descriptions. The symbol $=$ stands for identity of the objects referred to by a and b (if a and b refer to different objects, $a=b$ is false) or identity of the object referred to by both a and b (if they corefer) with itself.

We should define some terms to analyze sentences of the $a=b$ form. A name is a phrase referring an object; a definite description is an expression which gives a notion about an object (it reflects a specific feature or characteristic of the object) – further: just a description; reference is something a name or description designates; the sense of a name is a characteristic of its referent we have in mind when using the name or the description.

One more key definition is a referential identity or coreference. Coreference (or referential identity) is a phenomenon characterized by the same reference of the two different expressions.

For example, we can take two names – name 1 and name 2 – and two senses with the same reference – sense 1 and sense 2 respectively. So, we can call one object in two ways: using the name 1 or name 2. What is more, these names have distinct senses though they refer to the same object. So, we have only one object but two descriptions and senses.

Consider a sentence of the form $a=a$. It contains only one name or description and so such sentences are always a priori and trivial (this equality accords from the law of identity). For example, it may be the sentence an apple is an apple. This sentence cannot give any new information, it is evidently.

As for sentences of the $a=b$ form, they may be either trivial (a priori) or informative (a posteriori). We can see some examples of trivial sentences:

– uncle=parent's brother – this sentence is trivial because the sense of the parent's brother is expressed by the name uncle, the senses of the name and the description are synonymous;

– Shakespeare's mother=mère de Shakespeare – these are two phrases in different languages which express absolutely the same sense.

Here are also some examples of informative sentences of the form $a=b$:

– Pushkin = the sun of Russian poetry – the description shows Pushkin's influence on Russian poetry but the name «Pushkin» as it is does not mean this;

– $30=20+16$ – this algebraic identity designates the possibility of decomposing the number 30 into numbers 20 and 16; the number 30 does not mean the sum of 20 and 16 and there is not senses of 20 and 16 in the reference of 30.

The first type sentences of the form $a=b$ are trivial but the second type sentences are informative. It is not enough to have two different names in the second type sen-

tences to be informative. What does the epistemic character depend on? It depends on the quantity of names or descriptions with different senses in the sentence [2. PP.1–18]. The presence of two senses of names or descriptions produces the potential informativeness in the second type sentences. As a result, senses combine with each other and may potentially give us new knowledge about the object. On the other hand, there is only one sense of synonymous names or description in the first type sentences. Obviously, such sentence cannot be informative like sentences of the form $a=a$ containing only one name and its sense.

Introduction of terms like sense and reference allows G. Frege to analyze sentences and their specifications. The terms help to explain the distinction in epistemic character between sentences of the form $a=a$ and sentences of the form $a=b$.

BIBLIOGRAPHY

1. *Фреге Г.* Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги. 1997. 159 с.
2. *McGinn C.* Philosophy of Language: The Classics Explained. MIT Press, 2015. 240 p.

UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF THE UNCONSCIOUS IN THE PHILOSOPHY OF PLATO

I. V. Sonich

Academic Advisor: DSc. (Philos.) E.V. Borisov,

E.V. Vychuzhanina

Tomsk State University

The interest in the phenomenon of the unconscious revealed itself in early time: understanding of the phenomenon in the west began in Ancient Greece and first was manifested itself in the philosophy of Plato.

The entire visible world is not real in the concept of Plato; it is only a projection of the world of ideas [2. pp.135–191]. In this world there are the ideas of all that we can perceive in the physical world. For example, any cat is a projection of some ideal cat from the special world. It turns out that for true knowledge it is necessary to appeal to this world. But how to do that?

According to the philosophy of Plato [3. pp.259–260], souls are immortal and live on stars (one star – one soul), in space near to the world of ideas. Each soul can be represented as a chariot with a charioteer who controls two winged horses. The charioteer embodies the mind or the consciousness, and the horses are parts of the soul. For gods, both horses are good, but for non-gods – only one horse is right, the second one is evil and restless. The evil horse pulls to the lower physical world, the good one seeks to the world of ideas, to knowledge. When the chariots of non-gods are not sufficiently filled with ideal knowledge from the world of ideas, they lose their lightness, the wings of horses break, and the souls descend to the ground – incarnate in a physical body. But even descended souls that are in the sensual world are not equal to each other. Each soul was able to perceive the ideas in different degrees and therefore is predisposed to knowledge in different degrees too. According to Plato, those who are more familiar with the world of ideas find themselves in earthly life as philosophers or rulers, and those who are less – tyrants or sophists (Plato does not like them). Thus, the closeness to the world of ideas in the true, metaphysical world determines the position of a person in society and his ability to think.

One more of issue of Plato is justifying metempsychosis. He claims that the gods created a limited number of souls and they are reborn time to time [3. pp. 259–260]. If the soul is trying to know the world of ideas during the last incarnation, the next time it will be easier to comprehend the truth for it. Ultimately, the souls who diligently perceived the knowledge would complete their earthly life sooner and return to the stars, closer to the world of ideas. One more detail of the philosophy of Plato is that the true knowledge is comprehension of the world of ideas, but not empirical knowledge obtained through the senses – only the projection of the ideal space.

In the dialogue «Republic» [1. pp.268–275], the soul is divided into parts without metaphors. Socrates says that the soul consists of three parts. The first part of the soul is the knower. It consists of matter, similar to that from which the soul of the cosmos was created, and so it is the part of the soul that is obliged to strive for true knowledge. The second part of the soul is the middle; it is also defined as the wrathful part. This part of the soul can be compared with the conscience – it scolds the soul as it is for committing inappropriate actions emanating from the third part of it. The third part is all sorts of lust, that comes from the human body and its earthly life. The activities of

the third type of soul include many things: from physical needs (for example, thirst) to sensual inclinations (for example, social bonding). The third part of the soul can be partly controlled by the second part – the conscience.

The theme of the phenomenon of the unconscious is comprehended in the dialogue «Menon» too. The dialogue is about the conversation of Socrates with a boy who does not have knowledge in geometry but thanks to suggestive questions, he finally solves the geometric problem correctly. Since no one taught the boy geometry but he was able to come to the right decision. Socrates concludes that he already had this knowledge, but he did not remember it. Socrates believes that the boy had this and other knowledge from birth. They were kept in his soul before the incarnation in the body. The boy needed only to remember the data what he had already known; Socrates helped him to do this. In sum, the main method of cognition is anamnesis. The attempts of soul to recall what it had already seen in a more perfect, ideal world is true knowledge. The objects of the earthly world provoke the memories of the soul and help us.

Thus, in the teachings of Plato there are motives of the unconscious. Firstly, it is a part of the soul that expresses the needs of the body, repressed by the conscientious part of the soul (the needs that have social animals). Secondly, it is a method of knowledge by bottoming in the depths of the soul. Plato tried to find the origins of human actions and knowledge, which, in his opinion, were not acquired in this life.

BIBLIOGRAPHY

1. *Платон. Государство // Диалоги. Книга вторая. М.: Эксмо. 2008. С. 89–454.*
2. *Платон. Федр // Собрание сочинений в 4 т.: т. 2. М.: Мысль. 1990. С. 135–191.*
3. *Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981. 260 с.*

**ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА:
ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИНФОРМАТИЗАЦИИ**

ИНТЕРНЕТ-ИНДУСТРИЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ XXI ВЕКА

Д.Н. Бирюкова

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Н. Савельева.

Томский Государственный Университет

С каждым днем нас все больше охватывают социальные сети. Уже существуют тысячи социальных сетей, которые направлены на различные интересы человека и позволяют пользователям в одно касание узнать главные новости в мире. Автор статьи обращается к проблеме замещения развлекательной сферы жизни человека различными формами виртуального досуга в интернет пространстве.

Актуальность данной темы связана с тем, что сегодня интернет, в том числе социальные сети, стал основным средством социальной коммуникации и информатизации общества. В последнее время прослеживается тенденция к активному развитию развлекательных площадок на различных интернет-сервисах. Цель данной статьи – исследовать социокультурные причины, обусловившие формирование интернет – пространства в качестве основной развлекательной площадки.

Социальная сеть определяется как платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенный для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в Интернете [2]. Это неотъемлемая часть средств массовой информации, возникшая именно в интернете и с первого появления имеющая стихийный характер. Массовость социальные сети приобретают постепенно, но активно удерживают аудиторию на протяжении последних двадцати лет.

Действительно, современные технологии подарили нам не только возможности для коммуникаций и развлечений, они позволили нам переноситься в другое пространство. Об этом в своей работе пишет Барина Д.С., исследующая виртуальное пространство Интернета. Интернет – это не что иное, как новое измерение или даже новые измерения человеческого существования [2].

Социальные сети, действительно, могут похвастаться разнообразием предоставляемого контента пользователю благодаря новым технологиям, площадкам и развитию искусственного интеллекта. Весь актуальный материал помещается у человека на ладони, в его мобильном устройстве. С каждым годом компании индустрии развлечений, постепенно переходят к медиа передачи контента. Уже сегодня при разработке проектов, в первую очередь учитывается, как новый цифровой материал будет отображаться в мобильном устройстве, а не на традиционном экране компьютера [3]. Все чаще человек начинает воспринимать виртуальный мир как альтернативу настоящему. В своей работе Д.С. Барина

утверждает что, в двадцать первом веке, виртуальность одновременно действительна и нереальна [2].

Сфера развлечений – одна из важнейших сфер современной жизни человека. Развлечения можно смело поставить на один уровень первичных потребностей человека. Именно они являются поставщиком эмоций, впечатлений и удовольствий. Можно сказать, что удовольствие является комплексом пережитых эмоций, которые рождаются именно в развлекательный момент, в независимости от его формы восприятия. Индустрия развлечений – это эмоции, получаемые посредством потребления того же контента, товаров или услуг. Следовательно, человек нуждается в развлечениях, с помощью которых он будет получать впечатления и удовольствия, они же, в свою очередь, будут формировать его эмоциональный фон. Однако ради получения эмоций и удовольствия человеку уже не нужно совершать множество действий, достаточно включить мобильное устройство и сказать «– Ok, Google».

Средства массовой информации чрезвычайно разнообразны, чем, несомненно, стараются удовлетворить потребности человека. Но не всегда именно они ставятся на первое место. С социальными сетями все наоборот. Они смогли трансформироваться под современного пользователя и стать частью индустрии развлечений. Разнообразие в индустрии развлечений – это достоинство, но в то же время, главный фактор конкуренции и борьбы за уникальное внимание пользователя.

Споры в индустрии развлечений и средствах массовой информации были сосредоточены вокруг того, как завоевать и не отпугнуть внимание и доверие человека. Однако все изменилось, когда цифровые технологии стали стремительно развиваться, а вслед за ними изменилось поведение пользователей. Постепенно, на смену поколению «демографического взрыва» приходит поколение «меллениалов» и поколение «Z». Теперь они диктуют тенденции современного информационного и мультимедийного пространства. Они выросли в другом информационном мире, в котором нет препятствий для их требований. По первому запросу они слушают музыку, читают книги, смотрят фильмы и сериалы, тем самым заставляя средства массовой информации и индустрию развлечений работать в совершенно других условиях. Все работает на пользователя, потому что он мобилен и обладает высокой требовательностью к содержанию. Он готов тратить свои ресурсы (денежные и временные) на получение качественного контента и оказания услуг.

Теперь чтобы почувствовать новые ощущения, эмоции, отдохнуть и отстраниться от реальности достаточно воспользоваться интернетом. Раньше посещение театров, концертов, лекций по саморазвитию было необходимым для развития личностного роста. Сегодня достаточно проснуться, открыть глаза и открыть свой микроблог в популярной социальной сети. Человеку интересно наблюдать за жизнью чужих людей, отвлекаться от насущных проблем, с помощью просмотра различных телевизионных шоу. Ведется постоянный поиск другой реальности, в которую можно перенестись и забыть обо всем. Благодаря социальным сетям мы можем проецировать чужой жизненный опыт на себя, не выходя из квартиры. Испытывать огромную палитру эмоций сидя на собственном диване.

Сегодня как никогда ценится именно персонализированный контент. Персоналити – (от англ. «personality») в переводе имеет несколько значений: личность, индивидуальность, личные свойства человека [1]. Личность человека выходит на первый план и легко может конкурировать с устоявшимся мнением зарекомендовавших себя компаний или авторитетными мнениями. В 2019 году можно с уверенностью сказать, если человека нет в социальных сетях – его не существует. Нарастающая визуализация цифрового пространства только подстегивает человека все больше и больше проводить время в виртуальном мире, благодаря чему человек постепенно утрачивает восприятие истинного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой* англо-русский и русско-английский словарь. [Электронный ресурс] // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/665334/personality (дата обращения: 29.03.2019).
2. *Верченков Л. Н.* Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. М.: ИНИОН РАН, 2013. 360 с.
3. *Всемирный* обзор индустрии развлечений и СМИ: прогноз на 2017–2021 годы. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pwc.ru/ru/assets/media-outlook-2017-rus>. (дата обращения: 29.03.2019).

ПРОГРАММНО-АППАРАТНЫЙ КОМПЛЕКС ДЛЯ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

З.А. Гасымов, А.А. Немчанинов, Е.Г. Лобода, Ю.О. Лобода

Научный руководитель: к.п.н. Ю.О. Лобода

Сибирский государственный медицинский университет

Томский государственный университет

*Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники*

Актуальность. Расстройства аутистического спектра (РАС) в России имеют высокую распространенность: около 1% детей (письмо Министерства здравоохранения РФ №15-3/10/1-2140 от 8 мая 2013 года), всего в России 31 715 000 детей (по данным Росстата на начало 2016 г.), а значит, примерно 317 150 (1%) из них живут с РАС. В других странах эта проблема также актуальна, по данным медицинской статистики США (CDC) и Великобритании (NHS) более 1% детей имеют РАС. Расстройства аутистического спектра встречается в 4 раза чаще у мальчиков, чем у девочек. Проблемой является также и то, что родители не имеют полной информации о рисках РАС, не видят тревожных симптомов, не обращаются к педиатрам. Педиатры мало информированы об аутизме и не владеют методами для раннего выявления рисков. Психиатры руководствуются собственными представлениями о РАС, а не диагностическими критериями, и не всегда знакомы с современными тест-системами. Как следствие в России сегодня диагностировано менее 10% (порядка 10 000) детей с РАС. Еще одной проблемой является социальная адаптация, дети с РАС, как правило, не вписываются в условия детского сада и школы, потому что их основные проблемы – поведенческие. Проблемы с обучением также существуют, поскольку даже имея сохранный интеллект детям с РАС сложно выполнять правила и условия, которые диктует система образования.

Особенно актуальны следующие проблемы:

- синдром РАС индивидуален;
- не хватает верифицированных данных;
- более 90% детей с аутизмом в России не получают квалифицированной помощи врачей и педагогов;
- нужно 30 часов занятий в неделю, стоимость одного занятия от 1500 рублей;
- острая нехватка квалифицированных специалистов;
- необходимость постоянного присутствия взрослого.

Цель. Создание программно-аппаратного комплекса (ПАК) для детей с РАС, их родителей и педагогов, ПАК позволит проводить дополнительный мониторинг психофизиологического состояния ребенка, выстраивать индивидуальную образовательную траекторию и, таким образом, реализовывать эффективную инклюзию.

Материал и методы. Robotic ASD Satellite (RAS) – робототехнический аппаратно-программный комплекс, который помогает в организации самостоятельных занятий ребенка с расстройствами аутистического спектра (РАС). Комплекс предназначен для использования в центрах, специализирующихся на помощи детям с РАС. RAS востребован среди родителей, педагогов, осуществляющих

инклюзию. Комплекс может своевременно подавать сигнал взрослому о нежелательном состоянии ребенка. Комплекс: датчики, фиксирующие в динамике биометрические параметры ребенка; робот-помощник, компьютер с настроенной обучающей системой, система оповещения родителей и педагогов. Робот с программным обеспечением реализован на Wiring (Arduino IDE) + Python, ЭЭГ (Нейроинтерфейс) осуществляется в MuseDirect. Камера позволяет реализовать возможность распознавания выражения лица (keras, openCV). Датчики – Wiring (Arduino IDE) + Python.

Принцип модульности позволяет разработать адаптивное решение для каждого конкретного ребенка. Комплекс автоматизирует процесс фиксации реакций ребенка путем использования RAS. Комплекс ведет постоянный мониторинг во время занятий, за счет этого достигается экономия до 50% времени работы специалистов, снижение трудозатрат. Ребенок сможет работать самостоятельно по повторам и закреплению. Важно меню поощрений с выбором.

Результаты. Для родителей реализована система с обратной связью для контроля состояния ребенка. Для педагогов – организация эффективного инклюзивного образования.

Выводы. Реализация программно-аппаратного комплекса будет полезна детям с РАС, их родителям и педагогам. И, по мнению специалистов, позволит обеспечить более высокую сохранность семей, воспитывающих детей с РАС. (см. табл.1).

Таблица 1

Результаты SWOT-анализа

<i>Strengths (сильные стороны)</i>	<i>Weaknesses (слабые стороны)</i>
1. Техническая составляющая/ ML/Нейро; 2. Апробация в специализированных центрах; 3. Формирование датасетов; 4. Возможность ранней диагностики аутизма; 5. Объединение сообщества на единой платформе, возможность создания пользовательского контента.	1. Маркетинг и продажи; 2. Мало российских производителей комплектующих.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Как проявляются симптомы расстройств аутистического спектра (РАС) у детей раннего возраста. Пособие для родителей, семьи и друзей.* Москва. Фонд «Выход», 2014. 36с.
2. *Расстройства аутистического спектра. Вводный курс. Учебное пособие для студентов.* М.: Практика, 2018. 280 с.

КОНЦЕПЦИЯ ИГРОВОГО МОБИЛЬНОГО ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Л.П. Елеси́на

Научный руководитель: к.и.н. Ж.А.Рожнева

Томский государственный университет

Современные родители уделяют очень много внимания развитию ребенка. Различные секции, кружки, так называемые «развивашки» предлагают всевозможные курсы для детей с 6-месячного возраста. Все это пользуется необычайным спросом. Однако сегодня многие психологи (Шиманская В.А. [10], Быкова А.А. [3], Готтман Д. и Деклер Д. [4] и др.), утверждают, что одного интеллектуального развития недостаточно: необходимо также развивать эмоциональный интеллект.

Термин «эмоциональный интеллект» получил широкое распространение после 1995 г., когда журналист Д. Гоулман выпустил в свет одноименную книгу [12]. В 2016 г. эксперты Всемирного экономического форума отметили, что в 2020 г. эмоциональный интеллект войдет в топ-10 наиболее важных навыков [5]. При этом до сих пор не сложилось единого подхода к трактовке данного понятия. Чаще всего эмоциональный интеллект рассматривается как собирательное понятие, под которым подразумевают такие способности, как различение собственных эмоций, эмоций окружающих людей, а также осознание, принятие, контроль, адекватное выражение и способность управлять эмоциями и настроением в целях решения практических задач [2; 9; 11].

Сегодня развитие эмоционального интеллекта становится все более актуальным, поскольку с появлением различных устройств, таких как компьютеры, смартфоны и планшеты, непосредственное общение детей с взрослыми и сверстниками резко сокращается, их любимыми занятиями становятся просмотр мультфильмов и различные мобильные и компьютерные игры. Согласно исследованию Института, современных медиа, 60% взрослых говорят, что их ребенок начал играть в мобильные игры (на смартфоне, планшете) в возрасте до 5 лет [5]. По данным издательства «Интерактивный мульт», дошкольный сегмент потребления мобильных игр составляет 9% установок и 1,5% доходов, но является самым быстрорастущим в магазинах мобильных приложений [6]. Из общей массы мобильных приложений родители, как правило, выбирают те, которые позволяют учить ребенка азбуке, цифрам, цветам и т.п. в игровой форме, поскольку раннее интеллектуальное развитие является довольно популярным в родительской среде.

Интерес к эмоциональному интеллекту, возросший в последние годы, привел к появлению на рынке разнообразных продуктов и услуг, которые способствуют его развитию. Однако мобильные приложения для развития эмоционального интеллекта пока еще немногочисленны. Их функционал ограничивается демонстрацией картинок с различными выражениями лица и подписями (или озвучкой), что это за эмоция, а также тестами на тему «Угадай эмоцию».

С учетом стремительного роста актуальности эмоционального интеллекта, малочисленности и неразвитости мобильных приложений для его развития у меня возникла идея разработать собственное приложение, отличающееся от

имеющихся наличием сюжетной линии, разнообразием заданий и более развернутыми сведениями об эмоциях.

Подобная концепция предполагает создание литературно-художественной основы, которая сочетала бы интересный сюжет и профессиональный психологический подход к развитию эмоционального интеллекта. Поэтому было принято решение обратиться к имеющимся книгам по развитию эмоционального интеллекта у детей, чтобы найти подходящий для адаптации к игре сюжет. После анализа различных книг, была выбрана одна из них – «Киса Алиса и мир эмоций», написанная практикующим психологом Юлией Дреминой [7]. Среди других она выделялась красочными иллюстрациями и небольшими сказочными историями, которые ориентированы на детей дошкольного возраста. С автором книги был заключен лицензионный договор о предоставлении права использования и переработки текста и иллюстраций произведения на безвозмездной основе в рамках магистерской диссертации.

Мобильная игра будет создана для детей среднего дошкольного возраста (4–5 лет), поскольку в данном возрастном периоде осуществляется активное формирование эмоциональной сферы ребенка [8].

Поскольку приложение рассчитано на детей дошкольного возраста, не все из которых умеют читать, то инструкции и действия планируется озвучить. Экран главного меню будет содержать кнопки: Играть и Настройки, Достижения.

Игра будет состоять из мини-игр. После нажатия на кнопку «Играть» ребенку предлагается посмотреть короткий ролик-предысторию, после чего он попадает на карту мини-игр. Сначала доступна одна мини-игра. После ее прохождения открывается следующая. Всего предполагается 5 мини-игр по каждой эмоции, описанной в книге: радость, печаль, злость, страх, удивление.

В каждой мини-игре ребенку предлагается выполнить некоторые задания. После выполнения очередного задания в награду ребенку вручается кусочек пазла с изображенной эмоцией. Когда ребенок выполнит все задания, происходит встреча главного персонажа с Эмоцией, которая рассказывает в коротком ролике о себе. Затем ребенку предлагается собрать все кусочки пазла. Готовый пазл отправляется на экран Достижения. Там же будет кнопка для повторного прослушивания информации об этой эмоции. В последующих мини-квестах предполагаются задания на различение уже пройденных эмоций и, если ребенок выполнит задание неправильно, то ему будет предложено вернуться и прослушать информацию о эмоциях в разделе Достижения.

Раздел Настройки будет содержать такие функции, как регулировка громкости звука и музыки, ссылка на блог психолога - автора книги, и будет доступен только для взрослых. Предварительная информационная архитектура приложения представлена на рис 1.

Предполагается, что в результате прохождения игры ребенок сможет различать базовые эмоции по выражению лица (мимике) и по жестикуляции (реакции тела); воспроизводить «заданную» эмоцию (мимикой и жестами); рассказать, зачем нужны эмоции.

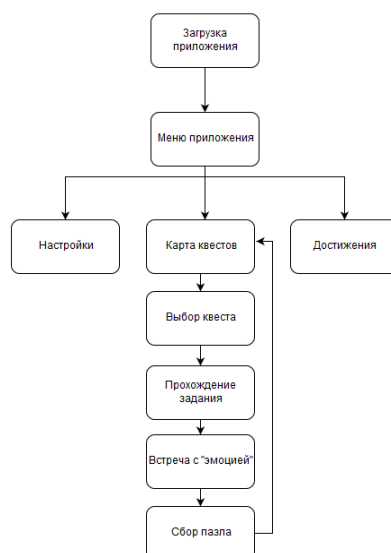

Рисунок 1. Информационная архитектура приложения

ЛИТЕРАТУРА

1. Алетдинова А. А. От развития когнитивных способностей работников к формированию сетевых компетенций в цифровой экономике // Тенденции развития экономики и промышленности в условиях цифровизации. 2017. С. 230–246.
2. Андреева И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта // Социально-психологические проблемы ментальности. 2004. Т. 6. С. 22–26.
3. Быкова А. Как подружить детей с эмоциями. Советы «ленивой мамы». М.: Издательство «Э», 2018. 128 с.
4. Готтман Д. Эмоциональный интеллект ребенка. Практическое руководство для родителей. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 288 с.
5. Дети. Медиапотребление. 2017. Отчет об изучении особенностей и тенденций медиапотребления детей в России [Электронный ресурс] // URL: http://momri.org/wp-content/uploads/2018/08/momri.-deti_mediapotreblenie_2017.pdf (дата обращения: 01.04.2019).
6. Детское медиапотребление. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sdelano-dlya-detstva.ru/detskoe-mediapotreblenie/> (дата обращения: 01.04.2019).
7. Дремина Ю.В. Киса Алиса и мир эмоций. М.: АРКТИ, 2017. 40 с.
8. Изотова Е. И. Динамика эмоционального развития современных дошкольников // Мир психологии. 2015. №. 1. С. 65.
9. Пастернак А. Эмоциональный эрудит. Развитие эмпатии у детей дошкольного возраста // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2013. №. 1 (33). С. 70–73.
10. Шиманская В.А. Развитие эмоционального интеллекта у детей младшего возраста // Восп. и обучение детей младшего возраста. 2017. №. 6. С. 91–92.
11. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1. №. 4. С. 3–26.
12. Goleman D. Emotional intelligence: Issues in paradigm building // The emotionally intelligent workplace. 2001. Т. 13. С. 26.

РАСШИРЕННЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕТАФИЗИКА РАЗУМА

В.И. Игнатов

Научный руководитель: д.ф.н. В.А.Ладов
Томский государственный университет

Расширенные когнитивные процессы – «extended cognition» – термин, который сложно трактовать однозначно при переводе на русский язык, так как для «cognition» традиционно используется «познание». Однако из содержания идеи «extended cognition», представленной, например, в классической статье Дэвида Чалмерса и Энди Кларка [1], становится ясно, что «cognition» по смыслу шире, чем «познание» и охватывает совокупность когнитивных процессов.

Концепция расширенных когнитивных процессов описывает отношение между мозгом и его окружением, а также задает рамки для описания собственно когнитивных процессов. Чтобы яснее видеть ее смысл концепции, посмотрим на четыре основных типа отношений между мозгом и окружением:

1 – расширенные когнитивные процессы (Extended cognition) распространяются за пределы мозга.

2 – «помещенные в тело» когнитивные процессы (Embodied cognition) выходят за пределы мозга, но остаются в границах тела.

3 – «встроенные» когнитивные процессы (Embedded cognition) как таковые возникают в процессе взаимодействия между мозгом, телом и окружением, то есть выходит за границы тела.

4 – «исполняемые» когнитивные процессы (Enacted cognition) непосредственно связаны с действиями организма в окружении.

Как видно из классификации, все четыре типа связаны между собой, но имеют различия. Так, только во втором (2) случае явно обозначена граница когнитивных процессов. В вариантах 3 и 4 описаны иные процессы, тесно связанные или напрямую порождающие когнитивные процессы (взаимодействие мозг-тело-окружение и активные действия организма соответственно). Стоит отметить, что каждый из четырех вариантов связан с отдельными концепциями, которые подробно изложены философами.

Уже упомянутая работа Чалмерса и Кларка содержит тезис о РКП и подтверждающие его аргументы. Всего их два: 1) мысленный эксперимент «ментальное вращение», подкрепленный реальными эмпирическими данными, 2) мысленный эксперимент «записная книжка Отто».

«Ментальное вращение» – это мысленный эксперимент, включающий в себя три ситуации с похожими условиями [1. С.7]. Представим себе участника, который сидит перед компьютером, на экране которого изображены различные двухмерные фигуры и «выемки» в плоскостях. Участнику задают вопросы характера «подходит ли фигура А к выемке С? Подходит ли фигура Б к выемке Д?», при том, что фигуры можно разворачивать. Теперь мы подходим к трем различным сценариям:

1) Участник мысленно вращает фигуры, чтобы определить их соответствие выемкам.

2) Перед участником находится кнопка, нажатием которой он может вращать фигуру на экране, однако он волен этого не делать, ограничиваясь мысленным вращением.

3) «Где-то в будущем» такой же участник сидит перед монитором, однако на этот раз в его мозг встроен имплант, позволяющий ему усилием воли вращать фигуру на экране. Иными словами, кнопка из сценария (2) теперь «нажимается» напрямую мозгом, без участия рук и пальцев.

По утверждению авторов, все три сценария одинаковы в плане использования когнитивных процессов. Сценарий (3) напрямую связан с первым (1). Сценарий (2) отражает ту же вычислительную структуру, что и (3) с той лишь разницей, что в (2) эта структура распределена между агентом (участником) и компьютером, а в (3) она полностью интернализована в агенте (физическое нажатие кнопки заменено ментальным, или когнитивным процессом в мозге). «Если вращение в (3) – это когнитивный процесс, есть ли у нас основания считать, что в сценарии (2) это совсем не так? Мы не можем просто сослаться на границы тела, обосновывая отсутствие «когнитивного» в нажатии на кнопку (и в самой кнопке)».

Более того, реальность ментального вращения была показана в серии экспериментов над игроками в «Тетрис» (игру, основанную на том же принципе соответствия фигур выемкам и их вращению). Дэвид Кирш и Пол Маглио вычислили, что для физического вращения фигуры на 90 градусов человеку требуется около 100 миллисекунд и еще около 200 миллисекунд на нажатие кнопки (один раз). Чтобы проделать то же самое мысленно, нужно около 1000 миллисекунд. Кирш и Маглио пошли дальше, и показали, что физическое вращение при помощи кнопок используется не только для того, чтобы повернуть фигуру и поместить ее в нужное место (что требует игра), но также и для того, чтобы помочь игроку определить, подходит ли данная фигура к данной выемке. Они назвали это «эпистемическим действием». Мы используем такой тип действий, изменяя окружающую обстановку, чтобы помочь самим себе в распознавании и поиске. «Прагматические действия», в свою очередь, выполняются нами для достижения поставленных целей, для приведения окружающей действительности в желаемый вид.

Исследователи быстро увидели связь между функционализмом и концепцией РКП. Функционализм – это один из основных подходов к проблеме соотношения ментальных процессов и тела (в некоторых случаях речь идет об отношении между разумом и мозгом (*mind and brain*)). Как писал Хилари Патнэм: «... боль – это не состояние мозга, в смысле физико-химических реакций нервной системы, а совершенно иной вид состояния. Я выдвигаю следующую гипотезу: боль, или состояние ощущения боли – это функциональное состояние всего организма. [3. С. 433] В традиции функционализма сформулирован тезис о том, что разум (*mind*) – это набор функциональных состояний.

Если элементы окружающего мира (как та кнопка из второго сценария) считаются элементами нашей расширенной когнитивной системы – то они играют функциональную роль тех или иных частей мозга (тех, что используются для мысленного вращения), что позволяет сделать вывод о том, что функционализм включает в себя гипотезу РКП.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Clark A.*, Chalmers D. The Extended Mind. *Analysis*, Vol. 58, No. 1 (Jan., 1998), pp. 7–19.
2. *Drayson Z.* Extended Cognition and Metaphysics of Mind, Department of Philosophy, University of Bristol, UK (May 2010), pp. 367–377.
3. *Putnam H.* The nature of mental states, Cambridge University Press, *Philosophical papers*, Vol. 2 (1975), pp. 429–440.

СПЕЦИФИКА ГИПЕРКАЗУАЛЬНЫХ ИГР И ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИХ РАЗРАБОТКУ

В.Д. Коваленко

Научный руководитель: к.и.н. Ж.А. Рожнева

Томский государственный университет

На сегодняшний день рынок мобильных игр является наиболее перспективным и быстро развивающимся в игровой индустрии. Согласно отчету аналитической компании, Newzoo о мировом рынке игр за 2018 г., мобильные игры являются бесспорным лидером, охватывая около 41% рынка и получая более 56 миллиардов долларов прибыли в год. К 2021 г. прогнозируется рост их доли на рынке до 49% [3]. Доминирующим жанром в сегменте мобильных игр являются гиперказуальные игры. Цель данной работы, основываясь на собственном практическом опыте и других источниках, – показать специфику жанра и охарактеризовать базовые факторы, которые необходимо принимать во внимание в процесс разработки гиперказуальных игр.

С конца 1990-х годов, когда появились первые мобильные телефоны со встроенными играми, и до сегодняшнего дня мобильные игры прошли большой путь с точки зрения развития технологий, жанрового разнообразия и увеличения популярности у пользователей. Исходя из степени увлеченности игровым процессом, выделяются три основные категории игроков и соответствующие им игровые жанры, доминирующие в мобильных играх, – казуальные, мидкорные и хардкорные игры [4].

Явным трендом последних лет на рынке мобильных приложений стало появление и развитие гиперказуальных игр, которые отличаются короткими и простыми игровыми сессиями. В них могут играть люди всех возрастов, тратя на это столько времени, сколько хотят, а не пока закончится игровой цикл. Вирусный характер гиперказуальных игр является прямым следствием их элегантной простоты. По мнению Джоша Бернса (Josh Burns), консультанта по вопросам развития бизнеса в сфере мобильных игр и основателя компании «Digitaldevconnect», именно «простой игровой процесс делает их мгновенно воспроизводимыми и бесконечно повторяемыми» [1].

Можно сказать, что прошедший 2018 год стал годом гиперказуальных игр, набирающих обороты развития и популярности. Так, по данным Йоханнеса Хайнце (Johannes Heinze), одного из авторов блога компании Applovin, специализирующейся на продвижении мобильных игр, в августе 2018 г. четыре гиперказуальные игры (Hello Stars, Ultra Sharp, Tomb of the Mask и Bumper.io) занимали первое, второе, третье и четвертое места в таблице бесплатных приложений App Store. В целом, из десяти лучших бесплатных игр восемь относились к жанру гиперказуальных [2].

В России сегодня также активно создаются компании, занимающиеся разработкой гиперказуальных игр, многие начинающие разработчики и геймдизайнеры торопятся выпустить свой продукт на рынок. В этой связи хотелось бы на основе собственного практического опыта обратить внимание на ряд ключевых факторов, которые, по моему мнению, следует учитывать, чтобы разрабатываемое приложение получило шанс завоевать популярность пользователей:

1) Ниша массового рынка. При создании гиперказуальной игры, первое, что нужно учитывать, это их целевую аудиторию. Лучшие игры в этой нише хороши именно из-за того, что имеют широкую целевую аудиторию, так что необходимо сосредоточиться на массах, а не на единицах.

Также стоит серьезно подойти к выбору главной темы, которая будет узнаваема для большей части пользователей. Например, стоит в первую очередь рассматривать такие темы, как: животные, спорт, повседневные ситуации – такие как работа, жизнь. Работа с темами и идеями, которые понятны всем возрастам и культурам, ведет к большей привлекательности и потенциально большему охвату возможной аудитории.

2) Сразу в игровой процесс. Как было описано выше в гиперказуальных играх игровые сессии очень короткие это связано с тем, что в них играют в основном, когда нужно на непродолжительное время чем-то занять себя. Поэтому, если пользователю приходится тратить время на что-то, кроме игрового процесса, это плохо сказывается на популярности игры. Когда игрок запускает игру, ваша задача, как можно скорее запустить игрока в свой первый игровой цикл. Каждую лишнюю секунду, которая требуется с момента открытия игры до того, когда игрок начинает играть, вы теряете внимание и, как следствие, интерес игроков.

Лучше всего давать не более 5 секунд на ограничение игрового процесса. Если игрок не может открыть вашу гиперказуальную игру, и в течение 5 секунд не может начать игру, значит, ваша игра слишком медленная.

3) Простота. Гиперказуальные игры ориентированы на простоту. Простая игра очевидна с самого начала и почти не прогрессирует по функциям, форме или элементам управления, когда вы играете дольше. Достижение баланса между игрой, которая проста в освоении, но трудна в прохождении, – это умение создавать сверхскоростные игровые циклы. Если будет слишком сложно или слишком просто, то игроки удалят ваше приложение после пары игровых циклов.

Трудность обычно достигается путем быстрого наращивания сложности игры со временем, или по мере развития игрового цикла. Старайтесь менять только одну игровую механику за раз, например, если вам нужно увеличить скорость игры, увеличение количества врагов может дать вам большой прирост к динамике игры и увеличит сложность.

4) Интенсивный фокус. Одним из ключевых аспектов для многих гиперказуальных игр является уровень фокусировки, который необходим во время игрового цикла. В таких играх внимание игрока сосредоточено на экране все время. Часто это происходит потому, что отсутствие внимания может привести к проигрышу.

Важно убедиться, что игровой дизайн способствует концентрации внимания игрока, тогда игра становится намного более притягательной. Это также приводит к положительному игровому опыту и расслаблению в конце каждого игрового цикла.

5) Короткие игровые циклы. В мобильных играх разных жанров время, затрачиваемое на игровой процесс, может сильно варьироваться. В случае гиперказуальных игр необходимо рассчитывать на гораздо более короткий игровой цикл, нежели тот, который можно ожидать от других игровых жанров.

Чем короче игровой цикл, тем больше у игрока шансов несколько раз повторить его. Гиперказуальные игровые циклы могут со временем расти, но чем они длиннее, тем меньше у игрока возможностей выйти из приложения без потерь.

6) Игровая механика. Гиперказуальные игры очень сильно ориентированы на механику, они часто фокусируются на одной или двух основных и строят остальную часть игры на них. Существует множество различных игровых механик, которые стали популярными по всему миру. Их стоит использовать как основу для собственного творчества. Главное здесь – уделить должное внимание выбору этих нескольких механик и их усложнению. Если вы добавите слишком много механик, то это может привести к рассредоточению внимания игрока, что ведет к путанице и излишней сложности, когда залогом хорошей гиперказуальной игры является простота.

7) Таблица рекордов. Гиперказуальные игры часто включают в себя механику рекордов. Это такой простой атрибут игры, который всегда дает большую отдачу. Причина этого в том, что вы всегда соревнуетесь с самим собой, вы всегда стараетесь быть лучше, чем в прошлый раз. Игрок, побив свой рекорд даже на несколько очков, получает заряд эмоций и силы на новые свершения, а это повышает лояльность игроков и привлекательность приложения.

8) Дизайн. Для гиперказуальных игр одна из самых важных особенностей – то, как выглядит игра. Никто не хочет проводить время за игрой, которая не выглядит красиво. Простота также применима здесь, следует сохранять простую цветную палитру, с чистыми краями и равномерным пространством между игровыми окнами.

Это основные факторы, на которые следует обратить внимание при разработке гиперказуальной игры на широкую аудиторию. Для более глубокого понимания такой быстро меняющейся области как гиперказуальные игры лучше всего играть в них самим и следить за потребностями пользователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Информационный ресурс*, посвященный разработке игр Gamasutra. [Электронный ресурс] // URL: https://www.gamasutra.com/blogs/JoshBurns/20180122/313351/The_Chinese_market_and_the_emerging_opportunity_for_hypercasual_games.php (дата обращения 15.02.2018).
2. *Мобильная маркетинговая платформа Applovin*. [Электронный ресурс] // URL: <https://blog.applovin.com/hyper-casual-mobile-gamings-newest-genre/> (дата обращения 01.03.2018).
3. *Портал крупнейшего поставщика игровой и киберспортивной аналитики Newzoo*. [Электронный ресурс] // URL: <https://newzoo.com/solutions/standard/market-forecasts/global-mobile-market-report/> (дата обращения 01.02.2018).
4. *Pocket gamer* - блог, посвященный популярным играм. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pocketgamer.biz/comment-and-opinion/65256/the-ascendence-of-hypercasual/> (дата обращения 05.03.2018).

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ НА СТЫКЕ ПАРАДИГМАЛЬНОГО И ДОПАРАДИГМАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Я.Ю. Малькова

Научный руководитель: к.т.н. А.П. Соколов

Томский политехнический университет

Для современного информационного общества характерны следующие тенденции его развития: избыток неструктурированной информации, распространение заведомо недостоверной информации, а также недостаточная компетентность современного человека в вопросах оценки получаемой информации на достоверность, вследствие чего зачастую происходит подлог истинного знания и дальнейшее транслирование искаженного понимания того или иного явления или процесса, что равносильно неумышленному введению в заблуждение широкого круга людей [5]. Таким образом, современному человеку необходимо развивать навыки работы с информацией, а именно определять основные оценочные критерии, методологию реализации данных критериев, а также в результате ряда оценочных суждений однозначно устанавливать истинность какого-либо знания или же его подложность. Остановимся более подробно на критериях оценки информации.

Процесс работы с информацией рационально начинать с установления ее релевантности в конкретных условиях рассматриваемой задачи. Релевантность подразумевает связь информации с изучаемым вопросом и ее способность вносить вклад в решение существующей проблемы, приводить к пониманию сути исследуемого явления или процесса. Данный анализ предполагает однозначный ответ на вопрос о применимости информации, являющейся объектом исследования, сейчас или в ближайшем будущем. При положительном разрешении поставленного вопроса переходим к рассмотрению следующего оценочного критерия.

Достоверность есть не что иное, как соответствие представления об исследуемом объекте его действительным характеристикам. Результат анализа с точки зрения достоверности определяется следующими возможными вариантами. Во-первых, принятие информации – в том случае, если информация согласовывается с вашим мировосприятием, и вы можете гарантировать абсолютную достоверность данного знания, что наблюдается, как правило, при углублении познаний в ранее исследованной вами области. Во-вторых, принятие информации с последующим уточнением – информация согласовывается с вашим мировосприятием, однако данная область знания для вас нова, разные источники предлагают противоречивую информацию, и вы не можете установить истинное и подложное суждение. Данный вариант предполагает проведение дополнительного исследования достоверности источников информации, по результатам которого определяется верное знание. В случае же, если суждение не накладывается на ваше мировоззрение, и достоверность источника вызывает у вас определенные сомнения уже на этой стадии оценивания, уместно отложить рассмотрение данной информации.

Также возможно выделение таких критериев, как объективность, полнота, актуальность и понятность, однако данный анализ рационально проводить только

при положительном однозначном утверждении релевантности и достоверности информации.

Процесс структурирования знаний об устройстве и законах существования окружающего нас мира определяется необходимостью разграничения содержательной части соответствующих информационных потоков по тому или иному признаку. Среди существующих концепций можно выделить разделение научного знания Т. Куна на парадигмальное и допарадигмальное, первое из которых предполагает преимущественно однозначное трактование каких-либо положений всеми представителями одной предметной области. Однако в настоящее время данное разделение не является исчерпывающим, так как с каждым днем возникает все больше научных направлений, находящихся на стыке нескольких фундаментальных наук. Например, эстетика определяется как консенсус парадигмального знания – физики, и допарадигмального – психологии, в связи с чем эстетике и, в частности, эстетическому восприятию характерны специфические методы оценивания информации [4].

При выборе в качестве объекта исследования эстетического восприятия какого-либо предмета, явления или процесса ключевым параметром является адекватность, то есть идентичное соотношение представления об объекте его действительным характеристикам. Определим основной инструментарий для проведения адекватной оценки эстетического восприятия.

Регистратор временной задержки – это техническое устройство, позволяющее фиксировать временной промежуток, необходимый человеку для принятия решения о предпочтении того или иного из представленных для сравнения исследуемых объектов. Предполагаемый результат таков, что на сравнение близких по своим визуальным характеристикам объектов тратится на порядок больше времени, чем в случае с кардинально противоположными по содержанию или имеющими элементы раздражения [1]. Однако в настоящее время данный метод не получил масштабного распространения в виду недостаточной проработки технического оснащения практической реализации.

Социологический опрос – это универсальный метод оценивания общественного мнения относительно широкого круга объектов, явлений или процессов, так или иначе встречающихся в нашей повседневной жизни. Данный метод, несомненно, имеет множество положительных черт, такие как, значительный единовременный охват аудитории, простота реализации и обработки собранного материала, так как он уже заранее структурирован и направлен на выявление тех или иных требуемых вам особенностей объекта исследования и оценку восприятия обществом этих особенностей [2]. В то же время на качество материала в определенной степени может повлиять существующий регламент процедуры анкетирования, предполагающий наличие вводного слова организаторов опроса и раскрытие целей и ожиданий относительно собранных результатов.

Анализ трансформации объекта исследования в течение определенного промежутка времени, в свою очередь, также можно отнести к инструментарии проведения адекватного оценивания эстетического восприятия, ведь выделенные стадии как нельзя лучше отражают предпочтение людей в каждый конкретный момент времени, таким образом объединяя в себе результаты приведенных выше методов в историческом контексте (см. рис. 1).

В то же время не только метод, но и сам исследуемый объект предполагает наличие ряда требований, выполнение которых способствует обеспечению достоверности результатов, собранных тем или иным инструментарием. Во-первых, объект должен определяться однозначным ассоциативным рядом у широкого круга людей различной возрастной или гендерной принадлежности [3]. Во-вторых, его содержание должно быть понятно, и, наконец, для большей полноты картины выбранный объект должен содержать в себе не столько уникальные, сколько характерные черты для некоторой группы объектов, аналогичных исследуемому.

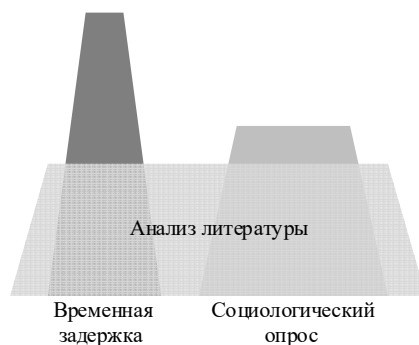

Рисунок 1. Пиковая характеристика восприятия

В заключение можно отметить, что методология работы с информационным потоком определяется не только выделением основных оценочных критериев, таких как релевантность в условиях рассматриваемой задачи и достоверность в соответствии с мировосприятием конкретного человека, но и принадлежностью данной информации в рамках выбранной структурной классификации тому или иному предмету различения, в частности, парадигмальному или допарадигмальному знанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова М.Л.* Оценка эстетической привлекательности малых архитектурных форм, выполненных с использованием принципов бионики // Вестник ландшафтной архитектуры. 2016. № 8. С. 41–49.
2. *Кухта М.С.* Смысловая емкость вещи в дизайне // Труды Академии технической эстетики и дизайна. 2013. № 1. С. 31–33.
3. *Кухта М.С.* Философия процесса визуального восприятия объектов дизайна // Вестник ВЭГУ. 2013. № 3 (65). С. 101–107.
4. *Кухта М.С., Соколов А.П.* Особенности создания и восприятия изделий арт-дизайна // Дизайн. Теория и практика. 2013. № 13. С. 82–89.
5. *Пую Ю.В.* Влияние информационно-психологической безопасности на конструктивное развитие России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 104. С. 57–66.

РАЗРАБОТКА UX/UI ДИЗАЙНА ДЛЯ ВЕБ-СЕРВИСА МУТОРРЕТ

И.Ю. Михайлушкин

Научный руководитель: ст.преп. В.С. Заседатель

Томский государственный университет

Введение. Как известно, первый и самый главный шаг при работе с людьми с психическими заболеваниями – выстраивание доверия между пациентом и терапевтом. У терапевта может уйти на это не один месяц. Однако, при участии в терапии животного, настроить диалог с пациентом можно буквально за пару недель. Участие животного в терапии называется анималотерапия.

Существует два подхода в анималотерапии: контролируемый, как метод лечения, а также неконтролируемый, когда общение с животным само по себе несет терапевтический эффект. Однако, в таком случае животное должно быть подобрано правильно. Таким образом, появилась идея о том, как бездомные животные и люди могут помочь друг другу с помощью анималотерапии. Однако, возникает вопрос, как и где можно реализовать решение этой социальной проблемы [1].

Существует сектор бизнеса, направленный на решение социальных проблем – социальное предпринимательство. Данный вариант подходит для решения вышеописанной проблемы. С первого взгляда кажется, что нет ничего трудного в том, чтобы выбрать себе животное. Однако, согласно данным Росстата, примерно 50% бездомных животных оказываются на улицах из-за людей, которые взяли их из приютов. Как так получается, что в конечном итоге они вынуждены отдать, выкинуть или даже усыпить «лучшего друга»? Во-первых, выбор подходящего животного сложен. Потому, что для большинства людей собственная психология известна не полностью, не говоря уже о психологии животного и его развития. Во-вторых, большое разнообразие – существует более 70 официальных пород только кошек. Для того, чтобы изучить эту информацию уйдут месяцы. К тому же возникает вопрос актуальности данной информации.

Исходя из этого становится актуальным вопрос о создании специального сервиса, который бы упростил процесс выбора питомца, учитывая, при этом, все описанные проблемы. Кроме этого, сервис должен быть удобным и понятным в использовании, обладать привлекательным дизайном. Для этого необходимо рассмотреть все аспекты взаимодействия пользователя и сервиса.

Данную задачу лучше всего решает UX/UI Дизайнер. Следовательно, целью данной работы является разработка UX/UI дизайна для веб-сервиса MyTopPet.

Для достижения поставленной цели в работе определены следующие задачи:

1. UX-исследование пользователей;
2. Разработка UX/UI дизайна;
3. Тестирование дизайна.

Объектом исследования в данной работе является дизайн веб-сервиса по подбору домашнего питомца.

Предметом исследования является влияние дизайна на взаимодействие пользователей с веб-сервисом.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных исследователей (Д. Леви, Д.А. Норман, Р. Унгер, А. Лебедев).

Актуальность же темы исследовательской работы связана с ее необходимостью. В связи с развитием индустрии, появляется все больше и больше инструментов для создания сайтов, что позволяет практически любому человеку легко воплотить свою идею в сети Интернет. Также целое поколение людей выросло, пользуясь различными устройствами с самого детства. А это потенциальные пользователи, которым важен не только красивый внешний вид, но и удобный, понятный и функциональный интерфейс продукта. Поэтому UX/UI дизайн направлен на то, чтобы сделать опыт работы с продуктом максимально привлекательным для удержания и привлечения большого количества пользователей.

Описание проекта. Преимущество веб-сервиса заключается в автоматизации подбора, а разработка персональных профилей человека и животного основана на достоверных научных методах. На рисунке 1 представлен MVP проекта [3].

Рисунок 1. MVP проекта

В результате 15-минутного онлайн тестирования, пользователь получает свой персональный профиль, составленный на основе его демографических и психологических данных, стиля жизни, и медицинских противопоказаний.

На следующем шаге пользователь знакомится с профилями подобранных животных, а также с информацией о возможном их нахождении в приютах. Если пользователь приобрел потенциального питомца из приюта, он получает статус «Защитника животных» и может опубликовать его в социальных сетях. Независимо от того, взял пользователь питомца из приюта или у заводчика, ему предоставляются рекомендации о том, как счастливо жить с новым лучшим другом. И даже если пользователь решит, что сейчас не лучший момент, чтобы завести животное, он еженедельно будет получать фото- и видео-отчеты от новоиспеченных владельцев, а также ежемесячные отчеты от приютов, как улучшилась их деятельность за время работы в проекте.

Описание задачи. Главной задачей UX/UI Дизайнера является продумывание взаимодействия пользователя с системой, а также удобство восприятия интерфейса в целом.

Рассмотрим UX дизайн. Эта аббревиатура от словосочетания User Experience, которое означает «опыт пользователя». UX это то, как хорошо продуман дизайн, как пользователь взаимодействует с интерфейсом, выполняя поставленные задачи.

Аббревиатура UI происходит от словосочетания User Interface, которое означает «интерфейс пользователя». Данная визуальная составляющая включает типографику, инфографику, расположение и размеры элементов [2].

Процесс разработки дизайна – это систематический метод проектирования пользовательского интерфейса. Существуют ключевые элементы разработки дизайна:

- Привлечение пользователей в каждый этап процесса проектирования. Таким образом, такой дизайн будет действительно ориентирован на пользователя и будет зависеть от его потребностей;
- Проектирование должно быть итеративным. Гораздо проще сделать первый шаг к решению проблемы, а потом пробовать улучшать этот шаг, чем пытаться добиться совершенства с первого раза.
- Процесс проектирования состоит из 3 этапов:
- Исследование пользователей (User Research), для понимания их проблем и потребностей [4].
- Идеи для решения поставленных проблем и их прототипирование (Design and Prototyping).

Проверка идей и решений с пользователями. На этом этапе необходимо выяснить, что идет не по плану. Затем нужно вернуться на первый этап, чтобы опять попробовать понять проблемы и найти пути их решения. Как уже упоминалось выше, весь этот процесс итеративный. Необходимо проходить эти шаги снова и снова.

Ход работы. В ходе выполнения работы был разработан динамичный прототип будущего веб-сервиса на основе UX-исследования пользователей. На рисунке 2 представлен один из экранов веб-сервиса.

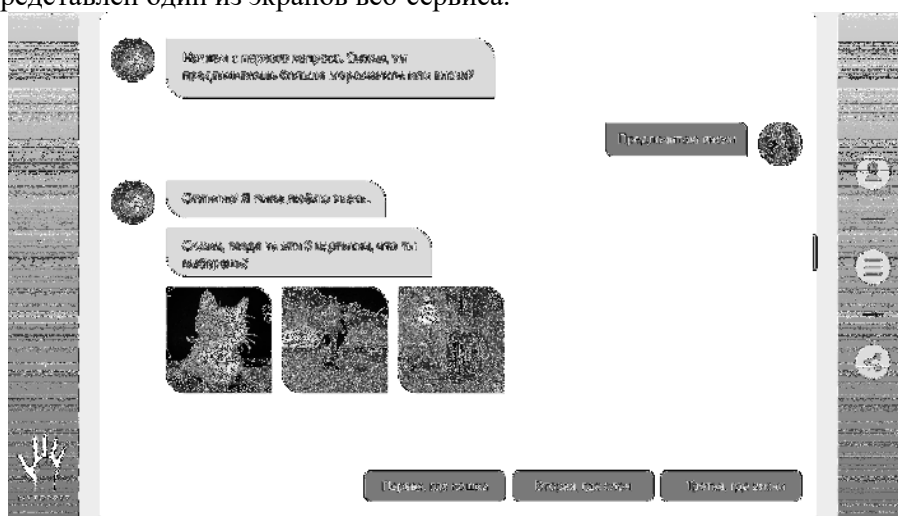

Рисунок 2. Прототип веб-сервиса

Пользователь проходит тестирование посредством отправки сообщений в чат. Бот задает вопросы и предоставляет варианты ответов в виде кнопок с текстом, изображений, либо поля ввода для собственного ответа.

В качестве инструментов разработки были выбраны следующие – Adobe Photoshop, Adobe Illustrator и Figma.

Заключение

В результате выполнения исследовательской работы были выполнены следующие виды задач:

1. UX-исследование пользователей;
2. Разработка UX/UI дизайна;
3. Тестирование дизайна.

В дополнение к ним, был разработан логотип проекта, а также общий стиль для оформления постов в социальных сетях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анималотерапия*. [Электронный ресурс] // URL: <https://alternative-medicina.ru/animaloterapiya/> (дата обращения: 26.03.2019).
2. *Руководство по UX дизайну*. [Электронный ресурс] // URL: <https://sdvv.ru/articles/testovyy-razdel/rukovodstvo-po-ux-dizaynu-protsess-razrabotki-i-trebovaniya-k-ux-dizayneru/> (дата обращения: 26.03.2019).
3. *MVP проекта*. [Электронный ресурс] // URL: <https://gruzdevv.ru/chto-takoe-mvp/> (дата обращения: 26.03.2019).
4. *User Research*. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mockplus.com/blog/post/user-experience-researcher> (дата обращения: 26.03.2019).

UX-ИССЛЕДОВАНИЕ: ВИДЕОСТРИМИНГОВЫЕ СЕРВИСЫ И ПОЧЕМУ ВСЕ НЕ ТАК ПРОСТО

И.Ю. Седокова

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман

Томский государственный университет

В течение долгого времени YouTube был единственным серьезным потоковым видеостриминговым сервисом. Сегодня конкуренция в данной отрасли столь высока, что видеостриминговые сервисы должны предоставить пользователю помимо качественного контента еще наилучший пользовательский опыт, который становится ключевым компонентом в этой гонке. Компании вынуждены искать новые решения для своих интерфейсов для того, чтобы максимально улучшить пользовательский опыт и завоевать аудиторию.

Рассмотрим работу одного из самых популярных видеостриминговых сервисов на примере Netflix (<https://www.netflix.com>) по элементам интерфейса: поиск, вид карточки фильма или сериала, главная страница, фильтры. Данные критерии были выбраны ввиду их значимости в пользовательском интерфейсе.

- Удобство функции поиска, а также фильтрация и возможность сортировки играют важную роль для пользователя в ориентации среди большого разнообразия фильмов и сериалов, дают возможность добиться успеха в поиске видеоконтента без обладания полными данными о нем; подобрать подходящий фильм по определенным критериям самому пользователю, если он пренебрегает функциями автоматических рекомендаций сервиса и хочет подобрать фильм или сериал самостоятельно.

- Карточка – основной инструмент привлечения внимания пользователя, а также способ донести до него необходимую информацию.

- Главная страница сервиса способствует первому положительному впечатлению о сервисе, дает возможность сразу же направить пользователя по необходимым сценариям, а также погрузить его глубже в сервис.

На главной странице располагается постер нового на данный момент фильма или сериала, при наведении на постер начинается воспроизведение трейлера со звуком, кнопка отключения звука появляется в правом верхнем углу. Данная фишка (особенность, характерная черта), а также включение звука в видео может смущать пользователей, которые не ожидали воспроизведения видео на месте статичного постера.

Под главным постером располагаются ряды карточек со слайдером, сгруппированные по жанрам и категориям. При прокрутке вниз подгружаются новые ряды карточек, скролл практически бесконечен, что также нельзя назвать достоинством главной страницы, т.к. затрудняет поиск контента.

В разделах фильмов и сериалов есть фильтр по жанрам в виде выпадающего списка, а также сортировка по алфавитному порядку, году выпуска и степени рекомендации для пользователя.

Иконка поиска в правой части верхнего меню при нажатии сдвигается влево и появляется строка ввода, однако, можно заметить, что сама строка поиска достаточно маленького размера и не акцентирует на себя внимание.

Карточка является главной фишкой сервиса: при наведении карточка увеличивается, при этом соседние карточки раздвигаются в стороны. В неактивном со-

стоянии карточка представляет собой горизонтальный постер фильма или сериала с названием. При увеличении на карточке из нулевой прозрачности появляется текст: название фильма или сериала, степень рекомендации пользователю, длительность, возрастной рейтинг и ключевые слова, описывающие данный фильм или сериал. На карточке автоматически начинается воспроизведение трейлера. Также появляется кнопка начала воспроизведения самого фильма или сериала, отдельно в один столбец располагаются кнопки добавления в избранное, кнопки собственного рейтинга - понравилось или не понравилось, включение или отключение звука трейлера. Внизу расположена большая стрелка, указывающая вниз, при ее нажатии открывается полноэкранная карточка фильма или сериала, на которой сохранены все функции, присутствующие на карточке в состоянии ховер, добавлено описание фильма или сериала, указаны актеры и жанры. Внизу располагаются табы: обзор (именно на этой вкладке и находится пользователь при открытии полноэкранной карточки), похожие, детали. У сериалов также есть вкладка с эпизодами и трейлерами. В разделе похожего располагается слайдер с фильмами или сериалами, максимально схожими с данным. Во вкладке деталей список актеров, жанров, режиссер и сценарист.

Таким образом, главной фичей данного сервиса является то, что отдельной страницы фильма не существует, не нужно делать дополнительный переход к другой странице при желании изучить детали, карточки открывается на той же странице без дополнительных переходов. Однако, данная фича может сыграть и отрицательную роль: пользователей может раздражать автоматическое воспроизведение видео со звуком на карточках в ховер-состояниях и на полноэкранных карточках.

Каким же образом можно улучшить пользовательский опыт стримингового сервиса? За день человек делает огромное количество выборов: от незначительных решений, какую одежду надеть утром, до значительных решений, которые могут повлиять на жизнь человека. Психологические исследования показывают, что слишком много вариантов могут привести к стрессу и беспокойству [3]. Многие люди сталкиваются с трудностями, когда пытаются выбрать фильм или сериал для просмотра, некоторые хотят от видеостриминговых сервисов более персонализированного интерфейса, пользователи хотят видеть то, что смотрят друзья, а также доверяют их рекомендациям [2]. Удивительный парадокс заключается в том, что пользователь не будет удовлетворен, если дать ему максимальную свободу выбора, его нужно направить и предложить наиболее подходящий вариант, именно такой сценарий приведет к удовольствию пользователя от интерфейса.

Как можно порекомендовать что-то, что пользователь хочет увидеть, прежде чем даже он сам осознает свое желание? Необходимо выяснить, какой контент является наиболее релевантным для конкретного пользователя, каждый раз, когда он входит в систему.

На некоторых видеостриминговых сервисах развиты механизмы рекомендаций по контенту, когда речь идет о помощи пользователям в поиске и просмотре контента, но пользователи не доверяют этим технологическим решениям. Скорее, они предпочтут рекомендации друзей и родственников, им нравится иметь высокий уровень контроля над контентом, который им представлен [2]. Важно отметить, что поиск и просмотр контента - это в большей степени просмотр

фильмов и сериалов, о которых пользователь уже знает, это делает такие функции «Поиск», «Продолжить просмотр» и «Избранное» более важными, чем рекомендации.

Чтобы проверить гипотезу о необходимости рекомендации контента, было проведено глубинное интервью с 8 пользователями. Были получены следующие результаты. Довольно часто пользователь не ищет новый контент. Скорее цель состоит в том, чтобы продолжать смотреть то, что он уже знает. Такие функции, как «Продолжить просмотр», «Поиск» и «Избранное», очень ценны для пользователей. Это функции, которые дают пользователям простой способ выбрать, где они остановились, а также позволяют легко менять устройство, например, с телевизора на смартфон или на планшет. Также пользователи указывают, что им будет некомфортно, если подобные функции будут удалены или не реализованы. Люди не чувствуют, что алгоритмы знают, кто они и чего хотят на самом деле.

Часто пользователи предпочитают самостоятельно руководить процессом выбора фильма и не доверяют технологиям, которые делают выбор за них, так как для них отсутствует прозрачность подобных механизмов. Что касается прозрачности: если пользователь не может понять, почему ему рекомендуют один сериал, если он посмотрел другой, то у него мало стимулов идти и смотреть именно его среди огромного океана контента. Пользователи хотят понимать, почему что-то происходит, и могут расстроиться, если считают, что рекомендации не имеют смысла.

Пользователи хотят иметь возможность просматривать жанры и поджанры, чтобы найти именно ту нишу, которая им интересна. Например, пользователи могут заинтересоваться аниме, но при этом, оно не должно быть с монстрами или научной фантастикой, и только комедии.

Итак, можно сделать вывод, что основной проблемой является навигация по потоковому видео, запоминание вещей и повторный поиск вещей. Для сериалов «боль» в поиске, оценке и выборе контента меньше, чем в фильмах, потому что это происходит только один раз, в начале процесса просмотра, тогда как это происходит каждый раз, если пользователь хочет посмотреть новый фильм. С помощью оптимизации инструмента поиска, применения продуманной системы фильтрации и сортировки, а также продуманных алгоритмов рекомендаций можно значительно улучшить пользовательский опыт использования видеостриминговых сервисов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Купер А.*, Рейман Р., Кронин Д. Алан Купер об интерфейсе. 2009. 687с.
2. *Леви Д.* UX-стратегия. Чего хотят пользователи и как им это дать. Спб.: Издательский дом «Питер», 2017. 304 с.
3. *Леонтьев Д. А.* Психология выбора. Часть I. За пределами рациональности //Психологический журнал. 2014. Т. 35. №. 5. С. 5–18.

ЗАЧЕМ УЧЕНЫМ И ХУДОЖНИКАМ СОТРУДНИЧАТЬ?

И.А. Спирина

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман.

Томский государственный университет

Развитие современного общества сегодня невозможно представить без прогресса в области науки и технологий. Мы погружены в среду чрезвычайно бурных изменений и открытий в самых различных отраслях научного знания: генной инженерии, синтетической биологии, бионики, цифровых технологий, робототехники, искусственного интеллекта и т.д. Это, несомненно, накладывает отпечаток на мировоззренческие установки современного индивида и способствует формированию иного взгляда на культуру, философию и искусство сквозь призму научно-технического прогресса.

Стремление к междисциплинарности в исследованиях послужило тому, что сегодня мы можем наблюдать интересные коллаборации отдаленных друг от друга, на первый взгляд, сфер. Одной из таких является Science Art – направление актуального искусства, в котором с помощью современных технологий, материалов и выразительных средств, основанных на научных методах и разработках, создается художественный образ [4. С.156]. Конечно, взаимосвязь науки и искусства по своей сути не современная тенденция. Наука на протяжении всего существования человека была импульсом для творческой деятельности. Тем не менее, именно сейчас в эпоху компьютерных технологий и серьезнейших научных открытий, Science Art оформляется в отдельное художественное направление, которое осмысляет эстетику науки посредством художественных образов. Под определение Science Art сегодня подходит несколько направлений, специфика каждого из которых определяется инструментами, т.е. технологией, используемой для художественных проектов. Наиболее популярными и актуальными на сегодняшний день являются такие арт-направления, как искусство новых медиа, био-арт, электронное, генеративное, интерактивное, кинетическое и сетевое искусства.

Взаимосвязь науки и искусства кажется сегодня очевидной в соответствии с вызовами современного общества – информационный взрыв, стремительное технологическое развитие, серьезные научные открытия (генная инженерия, синтетическая биология, бионика и т.д.). И если художник и ранее мог воплощать в себе качества ученого/исследователя и, собственно, художника, его интерес к современным исследованиям становится понятным и логичным. Но какая заинтересованность научного сообщества в проектах арт-сферы? Какие преимущества возникают при таком сотрудничестве у каждой из сторон? Также возникают вопросы о роли каждого из участников такого процесса: художник работает на ученого, чтобы посредством художественного осмысления транслировать результаты его экспериментов, или ученый на художника, т.к. последний представляет более широкий социальный контекст «общественного блага» и, соответственно, общественное мнение? Или все-таки оба субъекта обладают равными правами?

Ответом на эти вопросы могут служить мнения самих участников художественно-научного проекта, которые испытали опыт совместной работы и пришли к определенным выводам о необходимости и целях такого сотрудничества.

А. Гамбис – биолог, режиссер документального кино и куратор Imagine Science Films, работая в сфере Science Art, пришел к выводу о том, что совместная работа ученых и художников – это очень легко, так как они очень похожи в том, что первопричина их деятельности не денежное вознаграждение, а страсть [2].

К. Стивенс, доцент кафедры физики океана, совместно с фотографом Г. О'Коннор исследовали образования тромбоцитарного льда вокруг антарктического континента. Целью их взаимодействия было приобщить ученых к созданию арт-продукта, с одной стороны, и с другой – попросить Г.О'Коннор провести собственные научные измерения [6. С.4]. К. Стивенс пришел к выводу о том, сам факт совместной работы напомнил ему о важности открытых исследований. Он отметил, что сила любопытства от представителя ненаучной сферы может быть стимулом к решению многих задач, о которых иногда забывают исследователи.

Роль художника в совместном проекте заключается не просто в том, чтобы проиллюстрировать научное исследование. Он выступает критиком и должен ставить перед ученым философские, онтологические, этические вопросы по отношению к его исследованию [7]. А у научного сообщества, за счет выхода в сферу искусства, в которой рамки дозволенного более размыты, есть возможность рассмотрения более широкого круга вопросов, которые не могут решаться публично в рамках исключительно лабораторного исследования.

М. Соколовская рассуждает о деятельности художника био-арта и целях его взаимодействия с научным миром и приходит к выводу о том, что они как «арбитры» в своих художественных поисках позволяют обществу и миру науки быть услышанными друг другом [5].

Д. Пархоменко, куратор и основатель «LABORATORIA Art&Science Space» считает, что проект обладает большим потенциалом, когда он реализуется в коллективе. В сотрудничестве ученых и художников она видит выход за рамки узких специализаций, который сегодня необходим. Science Art – некий универсальный язык, который позволяет людям разных профессий взаимодействовать друг с другом [1].

Есть и другой немаловажный аспект совместной деятельности ученых и художников для последних: финансирование. В то время, как государственное финансирование художественных проектов отходит на второй план по сравнению с вложениями в научную сферу, представители сферы искусства имеют возможность воплотить в жизнь свои идеи в сотрудничестве с научными лабораториями [7]. Сторонние организации и благотворительные фонды, поддерживающие сферу искусства, сегодня также нацелены на продвижение новаторских, инновационных проектов, которые могут быть актуальными.

Таким образом, коллаборация ученых-художник – перспективный способ сотрудничества для обеих сторон. Проанализировав мнения представителей каждой области, можно прийти к выводу о том, что это продуктивная деятельность, которая нацелена не только на измеримый результат, но и на обмен знаниями и опытом, которые так ценны в наше время. За счет влияния арт-сферы на научную, происходит расширение границ для исследования, формирования новых смыслов по отношению к уже полученным результатам (не только практических). Художник же, в свою очередь, имеет как прагматическую выгоду от такого сотрудничества, так и возможность быть посредником между обществом и

сложным миром научного знания. Поэтому Science Art, в рамках которого становится возможным слияние двух видов опыта, сегодня является необходимой практикой для развития как науки, так и искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Интервью с Дарьей Пархоменко о science-art* [Электронный ресурс] // URL: <https://artelectronics.ru/posts/darya-parkhomenko-science-art-formiruetsya-zdes-i-sejchas> (дата обращения: 30.03.2019).
2. *Интервью с создателем Imagine Science Films о синтезе кино и лаборатории.* [Электронный ресурс] // URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8270-imagin-es-science> (дата обращения: 30.03.2019)
3. *Кибернетическое, цифровое и гибридное искусство.* [Электронный ресурс] // URL: <http://news.ifmo.ru/ru/news/7835/> (дата обращения: 18.01.2019)
4. *Левченко О. Е.* Science-Art: проблемы терминологии // Вестник РГГУ, №14 (36). Москва, 2014. С. 155–162.
5. *Соколовская М.* Искусство для общества: создание ситуаций этического определения. [Электронный ресурс] // URL: <http://xz.gif.ru/numbers/57/sokolovskaya/> (дата обращения: 18.01.2019)
6. *Stevens C., O'Connor G.* Teleconnections in STEAM: Antarctic Field-Camp Art // The STEAM Journal. Vol. 2: Iss. 2, Article 20. 2016. [Электронный ресурс] // URL: <http://scholarship.claremont.edu/steam/vol2/iss2/20>
7. *Why are Artists and Scientists Collaborating.* [Электронный ресурс] // URL: <https://frieze.com/article/experiments-field-why-are-artists-and-scientists-collaborating> (дата обращения: 30.03.2019).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Н.В.Тихомиров

Научный руководитель: д.ф.н. И.С. Ларионова

МГАВМиБ – МВА им. К.И.Скрябина

Современное глобальное общество существует в условиях интенсивного процесса цифровизации. Его масштабы нашли отражение в декларациях национального и международного уровня. Так, в принятой главами государств и правительств «Группы восьми» Хартии глобального информационного общества провозглашается тезис об информационно-коммуникационных технологиях как одном из важнейших факторов, влияющих на формирование общества XXI века [4].

В Российской Федерации принята Стратегия развития информационного общества на 2017-2030 годы. Она закрепляет такие понятия, как: информационное общество, общество знаний, цифровая экономика, экосистема цифровой экономики. В целях реализации данной стратегии принята Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В числе своих целей она провозглашает «создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан» [5].

Цифровая экспансия порождает сложный комплекс явлений. Внедрение информационно-коммуникационных технологий происходит неотвратно, в силу закономерности научно-технического прогресса, устремляющего современное общество к состоянию шестого технологического уклада. Изменения, которые несут высокие технологии, не останутся бесследными для человека. Трансформации в области производственных отношений и управления, где «цифра» особенно интенсивно завоевывает позиции, с необходимостью отразятся в культурной матрице общества. Вторжение ИТ в поле человеческой экзистенции вызовет ментальные потрясения тектонического масштаба. Признаки глубинного переформатирования интеллектуальных и нравственных доминант общественного и личностного сознания уже проявляют себя в культуре наступившего тысячелетия.

Перед философией сегодня стоит онтологическая проблема, проистекающая из необходимости осмысления и концептуализации взаимоотношений человека с цифровой действительностью. Ключевым предметом анализа становится сам человек, понимание того, что он есть и каково его место в мире. В фокусе рассмотрения оказываются его разум, воля, сознание, духовно-нравственные ценности. В отличие от эпохи Нового времени, современность склонна видеть перспективы гуманитарного развития в лучшем случае в скептическом преломлении. Оптимизм классической науки, присущий XIX столетию [1. С.120], не проявляется столь же ярко в общественном сознании XXI века. И конечно, нынешнее цифровое общество в эмоциональном отношении никак не перекликается с романтическим пафосом *belle époque*.

Технологические преобразования в базисе общественных отношений вызывают к жизни соответствующие надстроечные изменения, рефлексия над которыми побуждает современную философию к ревизии ключевых категорий фундаментального дискурса о человеке. XX век был ознаменован становлением информационного общества [3]. Сегодня это проявляется в росте объема доступной информации, скорости ее распространения, в появлении новых способов ее производства и обработки. Технологические возможности компьютерных сетей повышают плотность межличностных и межгрупповых коммуникаций, видоизменяют их характер и содержание.

Цифровизация ведет к утверждению нового типа личности, который складывается из особого отношения к себе, обществу, миру; выступает носителем новых представлений об истине, нравах и ценностях; руководствуется иными целями, нежели поколения модерна и второй научной революции. Содержание такой личности определяется приобщением к реальности, формируемой цифровыми технологиями и стремящейся к состоянию глобальности. Экономико-политический и социально-культурный субстрат, порожденный эпохой расцвета национальных государств, преобразуется в наши дни надстройкой, которая есть плоть от плоти очередного (пятого) технологического уклада [2], приведшего в исходе прошлого столетия к изменению не только форм базисных отношений, но и системы фундаментальных культурно-нравственных смыслов. Поколение миллениалов - людей, родившихся на стыке тысячелетий [6], изначально является носителем ценностей цифровой эпохи: их социализация неразрывно сопряжена с активным использованием новых технологий получения, производства и обмена информации. Социально-культурная повестка исследования во многом определяется сегодня именно «цифровыми аборигенами» [7] поколения «z».

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет стала неотъемлемой частью жизни современного человека, выступая важным агентом социализации, формирует в существенной мере социальную ситуацию социализации. Происходит процесс глубинного встраивания принципов сетевого взаимодействия в повседневность. Так, одно из актуальных направлений маркетинговой деятельности выражается в продвижении smart-технологий, воплощенных в «умных» продуктах массового потребления.

Создание виртуальной проекции индивида происходит на многих уровнях, начиная от алгоритмов контекстной рекламы и заканчивая инструментарием конструирования образа в социальных сетях. Отражение личности в ширящейся системе «Интернета вещей» (IoT) все более обретает качества нового онтологического измерения человека, комплементарного его биологическим и психосоциальным характеристикам. Иначе говоря, цифровая эпоха «достраивает» человека дополнительными характеристиками и комплексно преобразует систему базовых представлений о нем. Новая реальность еще нуждается во вдумчивом философском осмыслении. Однако уже на данном этапе ее научно-аналитической рецепции очевидно, что такого рода трансформации не могут не отразиться на способах мировосприятия и миропонимания личности, на мировоззрении в целом.

Развитие технологий машинного обучения и работы по созданию искусственного интеллекта побуждают переосмыслить существующие представления о мышлении и сознании. Появление суперкомпьютеров, способных осуществ-

лять вычисления со скоростью свыше 122 петафлопс [8], утвердило превосходство машинных возможностей над человеческими в части обработки массивов информации. В будущем объем операций, совершаемых компьютерами, будет экспоненциально возрастать, вытесняя человека из многих областей деятельности, связанных с планированием, контролем и принятием решений.

Законы диалектического развития подсказывают, что всякая новая форма существования есть лишь преходящее состояние. Необходимо содержащиеся в нем начала противоречия будут возбуждать последующее движение и переход к иным формам бытования. А согласно концепции синергетического развития, движение может быть обращено как к усложнению структуры, так и к ее редукции, или деградации. Развитие общества и человека - заведомо не программируемый процесс, однако предполагающий возможность учета и анализа действующих факторов с целью прогнозных построений на ближайшую перспективу.

Это побуждает к постановке некоторых фундаментальных вопросы. Как меняется природа человека в условиях цифровой революции? Какие вызовы рождают сегодня ИКТ и ИТ в целом? Каково их влияние на ценностно-нравственную конституцию личности? Какие потенциальные угрозы обществу несет в себе новая реальность? Эти вопросы задают диспозицию для построения философского фундамента, призванного обеспечить адекватное понимание человека в контексте меняющейся действительности с тем, чтобы определить характер диалектических противоречий и способы эффективного воздействия на эволюцию социальных отношений с целью недопущения деструктивных последствий цифровой революции и производимых ею общественных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев Н.Ю.* Механицизм» в новоевропейской культуре. СПб.: Издательство СПб университета, 2007. 260 с.
2. *Глазьев С.Ю.* Новый технологический уклад в современной мировой экономике // *Международная экономика*. 2010, №5. С.527
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. *Окинавская хартия глобального информационного общества.* [Электронный ресурс] // URL: <http://federalbook.ru/files/SVAYZ/saderzhanie/Tom%206/I/hartia.pdf> (дата обращения: 10.03.2019).
5. *Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»* [Электронный ресурс] // URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата: обращения 10.03.2019).
6. *Howe N., Strauss. W.* The next 20 years: how customer and workforce attitudes will evolve // *Harvard Business Review*. July-August 2007, pp.41–52.
7. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants // *On the Horizon*. 2001. Vol. 9. No. 5 (October). pp. 1–6
8. *Top 500.* The list. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.top500.org/statistics/details/osfam/1> (дата: обращения 10.03.2019).

ГЕЙМИФИКАЦИЯ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЕБ-ПРИЛОЖЕНИЕ ПО КРИПТОГРАФИИ ДЛЯ 7–8 КЛАССОВ

С.С. Федорович

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман

Томский государственный университет

Современное поколение Z обладает своей спецификой: дети хотят быть независимыми, инициативными, начинают строить карьеру уже с 13 лет. Они не боятся публичных выступлений и верят в свободу слова, имеют активную жизненную позицию и всеми силами стремятся изменить мир [1]. Они активно используют смартфоны для поиска информации и ориентирования на местности, но большее внимание они отводят видеоиграм. 66% детей в возрасте 6-11 лет и 51% подростков указывают игры как основной источник развлечений [3]. Поколение Z предъявляет новые требования к образовательной среде, а также к формируемым навыкам и компетенциям. К 2020 году востребованный специалист на рынке труда, должен владеть следующими компетенциями [2]:

1. Системный, целостный подход к решению проблемы
2. Критическое мышление
3. Креативность
4. Формирование собственного мнения и принятие решений

Эти вызовы уже сейчас должны принять и учителя, поскольку они являются координаторами приобретения знаний ребенка. По моему опыту, реализовать подобную задачу в рамках школы с применением традиционных методик проблематично. Одной из технологий, способной помочь в этом, является геймификация – применение игровых элементов и приемов в неигровой деятельности. Элементы игры создают постоянную обратную связь, что, в свою очередь, позволяет корректировать поведение «игрока», помогает оптимизировать усвоение материала, повышает вовлеченность и позволяет адаптировать игру под уровень знаний ученика, постепенно усложняя задания. Игра помогает повысить мотивацию, а высокая мотивация помогает «не спасовать» перед сложным материалом. В целом, элементы геймификации помогают создать благоприятные условия для активизации познавательной деятельности учащихся.

В данном докладе предлагается проект «Геймификация во внеурочной деятельности по математике и информатике для 7-8 классов», цель которого – создать продукт, способствующий эффективному усвоению знаний учащихся. В настоящий момент существует достаточно много приложений по математике и информатике, но в основном они подходят для категории 0-12 лет. Причем, большинство приложений учат стандартным умениям, например, производить арифметические действия (MathMaster) или строить графики функций (Geogebra Classic). Также стоит отметить, что далеко не все приложения применяют геймификацию, или в принципе являются образовательными, некоторые из них скорее похожи на справочник, или учебник, или вовсе автоматизируют процесс решения задач, которые ребенок не может решить сам (Photomath).

Разработана игра для внеурочной деятельности. Рассчитана на группы из 3-х человек. Продолжительность игры – 2 академических часа. Игра представлена в виде веб-приложения типа «графический квест». С помощью игры дети изучат азы такой науки, как криптография: познакомятся с терминологией,

принципами работы алгоритмов шифрования. Помимо этого, научатся применять известные алгоритмы, шифруя и дешифруя сообщения самостоятельно. Теоретический материал базируется на курсе «Информационная безопасность» и напрямую связан с информационными технологиями, интерес к которым очень высок. Тематика игры связана с космосом, повествование начинается с борта космического корабля, выполняющего путь до экзопланеты с целью колонизации. Позже, члены экипажа получают зашифрованный сигнал о помощи и начинают расшифровать его, перемещаясь по планетам. Конечная цель – найти источник сигнала, и игроки достигнут этой цели посредством перемещения по планетам и выполнения заданий – это основной геймплей. Ниже перечислены игровые механики:

- Перемещаться по планетам: «нажимать на кнопку», «вводить координаты», «вводить название планеты»;
- Разгадывать загадки;
- Брать предметы;
- Брать подсказки;
- Зарабатывать рейтинг;
- Видеть рейтинг игроков своего юнита.

На данный момент приложение готовится для апробации, далее планируется получить такие результаты, как повышение уровня вовлеченности в образовательный процесс, положительная динамика в усвоении знаний. В долгосрочной перспективе, систематическое использование таких игр должно помочь в развитии компетенций будущих профессий [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арцимович И.В.* Современное поколение: вызов обществу или времени? [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennoe-pokolenie-vyzovu-obschestvu-ili-vremeni> (дата обращения: 01.03.2019).
2. *Работа будущего: 10 навыков, которые будут востребованы в 2020 году* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sncmedia.ru/career/rabota-budushchego-10-navykov/> (дата обращения: 04.04.2019).
3. *Чем дети, родившиеся после 1995-го, лучше вас* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/interweb/205189-generation-z> (дата обращения: 04.04.2019).

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВНИМАНИЯ ОДАРЕННЫХ АБИТУРИЕНТОВ
К ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УСЛУГАМ ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА С ПОМОЩЬЮ
ИНСТРУМЕНТОВ ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»**

А.А. Шаронова

Научный руководитель: к.п.н. В.В. Мацуга

Томский государственный университет

Все высшие учебные заведения стремятся привлечь наиболее умных, мотивированных, целеустремленных, активных и творческих абитуриентов. И неспроста, ведь по большому счету результаты студентов дают очень многое ВУЗам, например, подкрепляется имидж университета, проекты привлекают внимание общественности, осуществляется активное участие в научной жизни, результаты влияют на мировые и отечественные рейтинги и многое другое. В связи с этим, привлечение одаренных абитуриентов является важной задачей для ВУЗов. Однако прежде чем привлечь данных абитуриентов, необходимо найти подход к ним, грамотно коммуницировать с ними, выявить их ожидания и представления, и в целом осознать, способен ли ВУЗ уже в период студенческой жизни в действительности раскрыть потенциал, поступивших одаренных абитуриентов за счет предлагаемых образовательных, культурно-развлекательных и научных программ.

В рамках данного исследования была поставлена задача создать такую платформу, которая будет первыми шагами в построении грамотной коммуникации с одаренными абитуриентами. Платформа должна помогать им в поисках нужной информации, как относительно поступления в ВУЗ и построения индивидуальной траектории обучения в университете, так и относительно личностного саморазвития, как профессионального и научного, так и культурного. Большинство платформ для абитуриентов создается для помощи в подготовке к единому государственному экзамену и в определении профессионального предназначения, но в нашем случае эти задачи отодвигаются на второй план, поскольку была выдвинута гипотеза, что одаренный абитуриент знает, к чему стремится, обладает определенными целями и определился в своей профессиональной траектории.

Далее для реализации было выбрано пространство Интернета, который только наращивает свои обороты, что подтверждают данные Омнибус ГФК-Русь, исходя из которых проникновение Интернета в России составляет 75% на 2018 год. В свою очередь, для создания такой платформы была выбрана социальная сеть «ВКонтакте», которая является одной из самых популярных социальных сетей в России по данным Rusability. Платформа была реализована в виде сообщества во «ВКонтакте» и названа «Нетипичный абитуриент».

Стоит отметить, что данное сообщество является частью крупного проекта и ранее уже была проделана большая работа, связанная с выявлением признаков одаренности, созданием математического алгоритма, выявляющего сообществ в социальной сети «ВКонтакте», на которые подписаны потенциально одаренные старшеклассники. Выявленные признаки основывались на трудах зарубежных и отечественных ученых, о которых будет упомянуто далее, и плюс ко всему было разработано и проведено социологическое исследование. Таким образом, было

выявлено, что одаренность можно определить по четырем признакам: интеллект, креативность, мотивация, личность. Эта гипотеза была основана на трудах отечественных и зарубежных ученых: концепции одаренности Ю. Д. Бабаевой, Д. Б. Богоявленской, А. М. Матюшкина, Н. С. Лейтеса, Дж. Рензулли. В соответствии с этим, было принято считать, что одаренность, это взаимодействие четырех признаков, а именно креативности, интеллекта и мотивационно-личностных особенностей. Поэтому одаренными мы определяем ту аудиторию, которая обладает высоким уровнем развития этих качеств или способна их развивать и использовать в своей деятельности.

Определив феномен одаренности и представив краткую предысторию проекта вернемся к созданию сообщества «Нетипичный абитуриент». При построении коммуникативной стратегии мы делали ставку на индивидуальность образования, саморазвитие, поскольку предполагали, что одаренные старшеклассники, как уже упоминалось ранее, имеют представление о своем профессиональном развитии, и, как следствие заинтересованы в разработке индивидуальной образовательной траектории, поэтому на данных соображениях основывалась идея группы. «Нетипичный абитуриент» – это группа предназначена координировать креативных старшеклассников и абитуриентов в формировании индивидуального образования, а так же делиться полезными ресурсами, развивающими мышление, креативность и мотивацию. Целевая аудитория представляет собой старшеклассников женского и мужского пола с высокой личностной мотивацией и креативностью в возрасте 16–18 лет, поступающие в университет, после сдачи Единого Государственного Экзамена. Старт сообщества был определен на начало приемной кампании Томского Государственного Университета в 2018 году.

Для разработки контент-плана был сформулирован список тем для публикаций, а также основные и дополнительные ключевые слова, которые внедрялись в текст публикаций. Помимо этого, был создан образ сообщества. Потенциальных подписчиков в шапке сообщества приветствует космонавт на фоне космоса. Данный дизайн был выбран как отсылка к новаторству, покорению новых вершин, бескрайним возможностям и реализации идей. А специально созданные боты осуществляли рассылку личных сообщений с приглашением посетить и вступить в группу «Нетипичный абитуриент». Для приглашений было создано 15 текстов инвайтинга, и из них было выбрано 5 текстов, которые рассылались потенциально одаренным пользователям. К тому же, стояла задача каждую неделю осуществлять обратную связь с пользователями, которые в личных сообщениях шли на контакт, это осуществлялось для выявления тональности обратной связи, а также для координации, в случае дополнительных вопросов, и формирования положительного имиджа. На конец приемной кампании 2018 мы смогли собрать некоторые статистические данные работы сообщества.

Первые итоги, которые необходимо представить, это тональность реакций пользователей на приглашение в группу. Всего было проанализировано 202 ответа. Обратная связь преимущественно положительная (56%), что говорит о том, что сообщество располагает к себе, а контент является интересным. Среди нейтральной реакции (32%), преимущественно ответы студентов, которые не попадают в целевую аудиторию. Негативная реакция составила 12%. Помимо этого, были проанализированы статистические данные внутри сообщества, которые показали охват аудитории, прирост участников, половозрастную структу-

ру и реакцию на публикации. Самый высокий прирост участников составил 484 подписчика, самый высокий охват – 2571 человек. Возраст по половозрастной структуре соответствует целевой аудитории (16-18 лет). По результатам анализа контента и реакции на него, наиболее интересные темы для подписчиков были связаны с построением индивидуального образовательного маршрута в университете, дополнительным онлайн образованием, развитием креативного мышления, общественной деятельностью. На основе полученных данных было разработано социологическое исследование, которое поможет дальнейшему развитию группы. На данный момент опрос запущен и находится на стадии сбора информации.

Таким образом, было создано сообщество, коммуникативная стратегия, проанализированы промежуточные результаты, создано и запущено социологическое исследование, которое поспособствует улучшению коммуникативной стратегии с одаренными абитуриентами, дальнейшему развитию сообщества, улучшению качества контента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матюшкин А.М. Мышление, обучение, творчество. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. 720 с.
2. Пользователи социальных сетей в России: статистика и портреты. [Электронный ресурс] // URL: <https://rusability.ru/internet-marketing/polzovateli-sotssetej-v-rossii-statistika-i-portrety-auditorii/> (дата обращения 25.03.2019)
3. Проникновение интернета в России: итоги 2018 года. [Электронный ресурс] // URL: <https://dnative.ru/pronikновение-interneta-v-rossii-itogi-2018-goda/> (дата обращения 25.03.2019)
4. Психология одаренности детей и подростков .М: Издательский центр «Академия», 1996. 416 с.
5. Рабочая концепция одаренности. М.: Мин-во образования РФ, 2003. 95 с.
6. Рензулли Дж. Модель обогащающего школьного обучения // Основные современные концепции творчества и одаренности. М., 1997. С. 214–242.
7. Хеллер К.А. Диагностика и развитие одаренных детей и подростков // Основные современные концепции творчества и одаренности. М., 1997. С. 243–264.
8. Чумиков А.Н. PR в Интернете: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0. М. : Изд-во Альпина Паблишер, 2010. 134 с.
9. Чумиков А.Н. Медиарилейшнз. М. : Изд-во Аспект Пресс, 2014. 184 с.
10. Щебланова Е. Одаренность как психологическая система: структура и динамика в школьном возрасте [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/doc47205397_460541261?hash=5db8b72de0e1948821&dl=db942dfd35cf934541 (дата обращения: 21.04.2018)

АВТОМАТИЧЕСКОЕ РЕФЕРИРОВАНИЕ ТЕКСТА ПРИ ПОМОЩИ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ГЕНЕРАЦИИ НОВОСТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Шевчук А.А.

Научный руководитель: д.ф.н. З.И. Резанова

Томский государственный университет

В последнее время для задач компьютерной лингвистики и анализа естественного языка все чаще применяются методы машинного обучения. Одними из наиболее распространенных алгоритмов машинного обучения являются искусственные нейронные сети. Подобные технологии позволяют осуществить тематическое моделирование, анализ тональности, определение авторства и гендерной принадлежности, а также автоматическое реферирование текста [1]. Одним из частных случаев реферирования текста является генерация новостных заголовков, так как одной из функций заголовка является краткое сообщение тематики и смысла новости.

Генерация текста является специфичным процессом, так как текст представляет собой последовательность взаимосвязанных единиц языка. Среди моделей нейронных сетей, применяемых для задач генерации последовательностей, активно применяются рекуррентные нейронные сети и их разновидность - LSTM (long short term memory/долгая краткосрочная память). Данная архитектура способна генерировать текст фиксированной длины, что является недостатком при ее использовании для задачи автоматического реферирования [2].

Для решения данной проблемы учеными была предложена новая архитектура - encoder-decoder. На сегодняшний день, подобная нейросеть широко применяется для задач, связанных с преобразованием одной последовательности текста в другую последовательность произвольной длины. К таким задачам можно отнести машинный перевод, распознавание и генерацию речи, автоматическое реферирования текста.

Характерной особенностью encoder-decoder является то, что она представляет собой две LSTM - нейросети. Первая нейросеть осуществляет преобразование исходного текста в его векторное представление. Вторая нейросеть является языковой моделью, которая генерирует текст, используя векторное представление смысла исходного текста [3].

Несмотря на то, что данная модель активно применяется для различных языков, применимость encoder-decoder для анализа материала на русском языке на сегодняшний день остается малоисследованной.

В нашей работе представлен обзор реализаций encoder-decoder, а также процесс создания собственных моделей на основе рассмотренных архитектур. Созданные модели нацелены на работу с данными на русском языке. Нами была разработана нейросеть, основанная на буквенном представлении текста, а также нейросеть, работающая на уровне слов.

В качестве материала для обучения нейронных сетей нами была использована выборка новостей и их заголовки. Перед нейросетью стояла задача автоматической генерации заголовков для исходных новостей. В ходе данной работы был обработан новостной русскоязычный корпус Lenta.ru. Обучающая выборка включала 660746 новостей с заголовками.

В данном исследовании приводится процесс обучение и тестирование моделей. Особое внимание уделяется подбору оптимальных параметров для обучения. Нами также был проведен анализ полученных результатов и ряд факторов, которые влияют на качество генерации новостных заголовков.

После нескольких попыток тренировки моделей нами были установлены оптимальные параметры обучения. Полученные результаты показали, модель encoder-decoder, работающая на уровне слов, оказалась наиболее подходящей для поставленной задачи. Модель, работающая на буквенном уровне, больше подходит для автоматического перевода, чем для реферирования текста. Было также установлено, что качество модели зависит от количества тренировочных данных.

В будущем планируется продолжить работу над данными архитектурами нейронных сетей, а также расширить обучающую выборку. Кроме того, мы также работаем над созданием тестовой выборки для оценки моделей на основе метрик качества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gavrilov D.*, Kalaidin P., Malykh V. Self-Attentive Model for Headline Generation [Электронный ресурс] // URL: <https://arxiv.org/abs/1901.07786> (Дата обращения: 02.04.2019).
2. *Lopyrev K.* Generating News Headlines with Recurrent Neural Networks // [Электронный ресурс] // URL: <https://arxiv.org/abs/1512.01712> (Дата обращения: 02.04.2019).
3. *Sutskever I.*, Vinyals O., Le Q. V. Sequence to sequence learning with neural networks [Электронный ресурс] // URL: <https://arxiv.org/abs/1409.3215> (Дата обращения: 02.04.2019).

Актуальные проблемы социальных наук

(26–27 апреля 2019 г.)

Материалы XXI Международной конференции молодых ученых

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано к использованию 29.01.2020.

Объем Мбайт. Электрон. текстовые данные. Заказ 058.